

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НОМОТНЕТІКА: ФІЛОСОФІЯ. СОЦІОЛОГІЯ. ПРАВО

SCIENTIFIC JOURNAL

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

2024. Том 49, № 2

НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право 2024. Том 49, № 2

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Нифонтова О.И., кандидат философских наук, старший преподаватель (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философских наук, профессор (Белградский университет, Сербия)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Савчук В.В., доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Шнопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Высшая школа экономики)

Ярычев Н.У., доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, член СП России (Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; roscheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 22,5. Дата выхода 30.06.2024. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 203 Поломошнов А.Ф., Лыкова А.В., Лугуценко Т.В. Современная российская интеллигенция: поиск идентичности

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 212 Воденко К.В., Сальникова И.И. К проблеме профессиональной культуры современного ученого

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 222 Горбатов Д.С., Горбатова Е.А. Представления студентов о нормах этики и правилах этикета при обмене интернет-мемами
233 Кремнёв Е.В. Концепции управления в китайской социологии в первой половине XX века
242 Щанина Е.В., Шокурова Л.М. Профессиональная ориентация молодежи как социальный процесс: структурная и факторная составляющие

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- 254 Горбунов М.Д. Современный англо-американский правовой позитивизм: хронология и актуальные темы научного дискурса
263 Пенской А.В. Проблемы формирования раннемодерных государств (сер. XV – сер. XVII вв.): современный взгляд
273 Чигринский Н.С. Понятие правовой системы переходного периода
280 Ерохина Ю.В. Научные подходы к определению понятия «церковное право»

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- 290 Лукьянова М.Г. Конституционно-правовые основы духовно-нравственного воспитания в России: история и современность
300 Новопавловская Е.Е. Первый опыт регламентации полномочий конституционных советов республик в составе Российской Федерации
308 Оганесян Т.Д. Пределы эволютивного толкования Европейского Суда по правам человека: суверенитет, легитимность и эффективность
319 Эйриян Г.Н. Земельный вопрос в советских Конституциях

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. НРАВСТВЕННОСТЬ

- 329 Золотухина-Аболина Е.В., Тюрин К.А. Супружеские отношения в современной культуре: ценностный и правовой аспекты
339 Лопин Р.А., Почепцов С.С. Год семьи – 2024 г. (к истории вопроса моделирования идеала семьи от теологии к философии права)
348 Моница Н.П. Зарождение ориенталистского дискурса русофобии
357 Платонова С.И. Идентичность в цифровом обществе: генезис понятия и основные характеристики
367 Филатьева Т.В. Интертекстуальность как техника смыслообразования в текстах культуры

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 374 Липич Т.И., Маслакова А.В. Концепт служения: евангельские смыслы и актуальные контексты
383 Музафарова Н.Р., Багаева К.А. Особенности трансформации буддийских сообществ России

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 393 Логинова Н.В., Черепанина Н.Н. Позиции славянофилов и западников в вопросе об антропологических смыслах семейного воспитания
398 Соловьёв Д.А. Проблема интеграции теории метамодернизма в сферу академических гуманитарно-философских исследований современности

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ

- 408 Кузнецов А.В., Римский В.П. Л. Витгенштейн и антропологический опыт в картине мира

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law 2024. Volume 49, No. 2

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor
(Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Nifontova O.I., Candidate of Philosophical Sciences, Senior lecturer (NRU "BelSU")

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor
(Belgrade University, Serbia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Savchuk V.V., Doctor of Philosophy, Professor (St. Petersburg State University)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpopier, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (Higher School of Economics)

Yarychev N.U., Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, member of the Joint Venture of Russia (Kadyrov Chechen State University)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ77-77840 от 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 22.5. Date of publishing 30.06.2024. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobody St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 203 Polomoshnov A.F., Lykova A.V., Lugutsenko T.V. Modern Russian Intelligentsia: Search for Identity

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 212 Vodenko K.V., Salnikova I.I. On the Problem of Professional Culture of a Modern Scientist

SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

- 222 Gorbatov D.S., Gorbatova E.A. Students' Ideas About the Norms of Ethics and Rules of Etiquette in the Exchange of Internet Memes
233 Kremnyov E.V. Management Concepts in Chinese Sociology in the First Half of the 20th Century
242 Shchanina E.V., Shokurova L.M. Vocational Guidance of Youth As a Social Process: Structural and Factor Components

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- 254 Gorbunov M.D. Contemporary Anglo-American Legal Positivism: Chronology and Topical Themes of Scientific Discourse
263 Pensky A.V. Problems of the Formation of Early Modern States (Mid-XV – Mid-XVII Centuries): Modern View
273 Chigrinskii N.S. The Concept of a Transitional Legal System
280 Erokhina Yu.V. Scientific Approaches to Defining the Concept of Church Law

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- 290 Lukyanova M.G. Constitutional and Legal Foundations of Spiritual and Moral Education in Russia: History and Modernity
300 Novopavlovskaya E.E. Powers of the Constitutional Councils of the Republics Within the Russian Federation
308 Oganessian T.D. The Limits of the Evolutive Interpretation of the European Court of Human Rights: Sovereignty, Legitimacy and Effectiveness
319 Eyrian G.N. Land Issue in the Soviet Constitutions

HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

- 329 Zolotukhina-Abolina E.V., Tyurin K.A. Marital Relations in Modern Culture: Value and Legal Aspects
339 Lopin R.A., Pocheptsov S.S. Year of the Family 2024 (To the History of the Question of Modelling the Ideal of the Family from Theology to the Philosophy of Law)
348 Monina N.P. The Origin of the Orientalist Discourse of Russophobia
357 Platonova S.I. Identity in the Digital Society: The Genesis of the Concept and Its Main Characteristics
367 Filatieva T.V. Intertextuality As a Technique of Meaning Formation in Cultural Texts

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- 374 Lipich T.I., Maslakova A.V. The Concept of Ministry: Evangelical Meanings and Current Contexts
383 Muzafarova N.R., Bagaeva K.A. Features of the Transformation of Buddhist Communities in Russia

THESIS

- 393 Loginova N.V., Cherepanina N.N. The Positions of Slavophiles and Westerners on the Question of the Anthropological Meanings of Family Education
398 Soloviev D.A. Problem of Integrating Metamodernist Theory into the Field of Contemporary Academic Humanitarian and Philosophical Researches

ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

- 408 Kuznetsov A.V., Rimsky V.P. Ludwig Wittgenstein and the Anthropological Experience in the Picture of the World

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 304.2.

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-203-211

Современная российская интеллигенция: поиск идентичности

¹ Поломошнов А.Ф. , ¹ Лыкова А.В. , ² Лугуценко Т.В.

¹ Донской государственный аграрный университет,
Россия, 346493, Ростовская область, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, д. 24.

² Луганский государственный педагогический университет,
Россия, 2291011, Луганск, ул. Оборонная, д. 2.

paf1@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в определении места интеллигенции в современном российском обществе в контексте диапазона позитивных и негативных оценок, сложившихся среди современных исследователей. Представлен анализ проблемы онтологического статуса российской интеллигенции. Рассмотрено соотношение понятий «интеллигенция» и «интеллектуалы», «духовно-нравственная элита». Обосновано, что термин «интеллигенция» характеризует социокультурную специфику российского интеллектуального сословия. Определены критерии и параметры социокультурной идентичности российской интеллигенции. Сопоставлены исторические типы российских интеллигентов. Особое внимание уделено социокультурным трансформациям советской интеллигенции в условиях либерально-рыночных реформ на рубеже тысячелетий. Представлен критический анализ основных типов социокультурного портрета российской интеллигенции, описанных в современном отечественном дискурсе. Сделан вывод о том, что, несмотря на неоднозначность трансформаций интеллигенции в современном российском обществе, социальная роль интеллигенции существенно возросла.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, духовная элита, идентичность, российская интеллигенция, советская интеллигенция, специалист, социокультурный статус

Для цитирования: Поломошнов А.Ф., Лыкова А.В., Лугуценко Т.В. 2024. Современная российская интеллигенция: поиск идентичности. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(2): 203–211. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-203-211

Modern Russian Intelligentsia: Search for Identity

Andrey F. Polomoshnov , Anna V. Lykova , Tatiana V. Lugutsenko

¹ Don State Agrarian University,
24 Krivoshlykova St, Persianovsky vill., Rostov region 345493, Russian Federation

² Lugansk State Pedagogical University,
2 Oboronnaya St, Lugansk 2291011, Russian Federation

paf1@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to determine the place of the intelligentsia in modern Russian society in the context of the range of positive and negative assessments that have developed among modern researchers. An analysis of the problem of the ontological status of the Russian intelligentsia is presented. The relationship between the concepts of "intelligentsia" and "intellectuals", "spiritual and moral elite" is considered. It is substantiated that the term "intelligentsia" characterizes the sociocultural

specifics of the Russian intellectual class. The criteria and parameters of the sociocultural identity of the Russian intelligentsia are determined. The historical types of Russian intellectuals are compared. Particular attention is paid to the sociocultural transformations of the Soviet intelligentsia in the conditions of liberal market reforms at the turn of the millennium. A critical analysis of the main types of sociocultural portrait of the Russian intelligentsia described in modern Russian discourse is presented. It is concluded that, despite the ambiguity of the transformations of the intelligentsia in modern Russian society, the social role of the intelligentsia has increased significantly.

Keywords: intelligentsia, intellectuals, spiritual elite, identity, Russian intelligentsia, Soviet intelligentsia, specialist, sociocultural status

For citation: Polomoshnov A.F., Lykova A.V., Lugutsenko T.V. 2024. Modern Russian Intelligentsia: Search for Identity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 203–211 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-203-211

Введение

Россия сегодня стоит перед критическими внешними и внутренними вызовами. Внутренние вызовы связаны с необходимостью преодоления, исправления негативных последствий шоковых либерально-рыночных реформ для совершения мощного модернизационного рывка российской цивилизации, без которого у России нет будущего. В поиске адекватных решений этих внешних и внутренних проблем современной России нельзя переоценить роль современной российской интеллектуальной элиты. Тезис о ключевом значении интеллектуалов, занятых в сфере производства информационных продуктов и технологий в современном обществе, не нуждается в специальных доказательствах, но насколько востребован и реализован потенциал российской интеллигенции в российском обществе?

Сомнениям в современном отечественном дискурсе подвергается традиционная роль лидерства российской интеллектуальной элиты в жизни современного российского общества. В.И. Абросимов связывает утрату лидирующих позиций российской интеллигенции с деструктивными последствиями либерально-рыночных реформ [Абросимов, 2007] Эту же позицию поддерживает и О.В. Китайцева, которая утверждает: «Во время российских реформ конца XX в. интеллигенция потеряла свою историческую роль и не смогла выполнить функции по формированию нового общественного сознания» [Китайцева, 2016, с. 28].

Крайние критики роли интеллигенции доходят до радикальных заявлений о том, что интеллигенция современному российскому обществу не нужна. «Нужен новый слой. Слой органических интеллектуалов, уважающих национальные ценности, принципы социальной справедливости и нравственные нормы, включая православную этику»¹.

Насколько обоснованы все эти противоречивые и часто скептические оценки современной роли российской интеллигенции?

Чтобы определить место интеллигенции в современном российском обществе, очевидно, необходимо разобраться с ее идентичностью. Что же такое российская интеллектуальная элита сегодня? Применима ли к ней традиционная для отечественного дискурса категория интеллигенции? Каков сегодня социокультурный статус российской интеллигенции? Какие ей присущи черты? В наиболее острой форме проблема социокультурной идентичности современной российской интеллигенции принимает форму вопроса: сохранилась ли сегодня вообще в России интеллигенция как особая социальная группа?

¹ Щипков А. 2012. Интеллигенция: свидетельство о смерти. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/11/29/intelligenciya_svidetelstvo_o_s_merti (дата обращения: 13 февраля 2024).

Онтологический статус интеллигенции

Прежде чем рассматривать вопрос о судьбе интеллигенции в современной России, необходимо определиться с онтологическим статусом самого этого термина. Имеет ли он право на существование? По этой проблеме в отечественном дискурсе идет дискуссия. Сложилось две основные позиции. Первая позиция считает необоснованным применение к российским представителям умственного труда специального термина «интеллигенция», подчеркивая, что более уместно использовать другой термин, заимствованный на Западе: интеллектуалы. В смягченной форме эта позиция ссылается на тот аргумент, что российская интеллигенция как особая социальная группа была, но сегодня практически исчезла в результате либерально-рыночных радикальных реформ. Место интеллигенции занимает класс интеллектуалов [Здравомыслова, Кутукова, 2020]. В жесткой форме эта позиция утверждает, что никакой особой российской формы интеллектуалов никогда и не было и термин «интеллигенция» не имеет ни современного, ни исторического коррелята.

Вторая позиция состоит в признании особой социокультурной специфики российского интеллектуального сообщества, которая и выражена в специальном термине «интеллигенция»: «Интеллигенция представляет собой явление типичное только для русской культуры» [Наумова, 2016, с. 51]

Помимо двух основных позиций по поводу признания или отрицания социокультурной специфики российского интеллектуального слоя общества, существуют попытки найти третий путь с помощью введения нового термина. Например, М.И. Воловикова предлагает использовать термин «нравственная элита» [Воловикова, 2016, с. 14]. Однако такой подход, на наш взгляд, вряд ли обоснован при постижении идентичности российской интеллигенции.

Плюрализм позиций по вопросу правомерности и содержания понятия «интеллигенция» не только не является основанием отказа от него, но, напротив, стимулирует необходимость прояснения, экспликации его реального содержания. Началом такой экспликации может быть тот очевидный факт, что между российскими и западными интеллектуалами, занятыми в сфере умственного труда и производства информации и общественного сознания существует большая разница, и термин «интеллигенция», в отличие от западного термина «интеллектуал», выражает специфику российских интеллектуалов.

Общее и различия между западными интеллектуалами и российскими интеллигентами попытался проанализировать Г. Силласте. Общие признаки интеллигента и интеллектуала лежат на поверхности: 1) занятие умственным трудом, 2) высшее профессиональное образование [Силласте, 2006, с. 108]. Различия между западным интеллектуалом и российским интеллигентом также очевидны. Западные интеллектуалы имеют высокий социальный статус и высокий уровень доходов, а также высокую степень независимости в своей работе. Российские интеллигенты в основной своей массе имеют низкий социальный статус и низкий уровень доходов, сочетающиеся с высокой зависимостью в своей деятельности от внешних экономических факторов [Силласте, 2006].

Следует признать обоснованным, что термин «интеллигенция», выражающий социокультурную специфику российского интеллектуального сословия, безусловно имеет право на существование и отражает реальную российскую действительность. Интеллигенция – специфически российская форма интеллектуальной элиты общества, социальной группы, занятой в сфере производства общественного сознания. Это – не только профессиональная группа, занятая умственным трудом, но и обладающая определенными нравственными и мировоззренческими ориентациями, идентичностью и самосознанием. Она в России социально беспочвенна, лишена экономической субъектности и политической автономии. Она является служебной социальной группой,

служащей государству и другим социальным группам, народу. Интеллигенция – социальная группа медиативного, посреднического статуса в треугольнике: народ – интеллигенция – власть.

Портрет современного российского интеллигента

Каков же портрет современного российского интеллигента? Д.С. Попов на основе проведенного им социологического исследования разделяет этот портрет на четыре типа постсоветского интеллигента, названных им «траекториями» трансформации советского типа интеллигента. Первая траектория обозначена как «Следование исторической традиции. Просветительский долг перед обществом», вторая – «Советское наследие. Коллектив как средство и цель», третья – «Стабильность и инвестиции в будущее», четвертая – «Высокий риск и достижения». Этот последний тип постсоветской интеллигенции можно отнести к интеллектуальной части социальной группы «новых русских», рожденных либерально-рыночными реформами [Попов, 2006]. По этому поводу отметим, что данных частного социологического исследования, проведенного Д.С. Поповым, недостаточно для составления дифференцированного портрета современной российской интеллигенции.

В современном российском дискурсе об интеллигенции сложилось два направления: культурологическое и социологическое.

Социологический подход ориентирован на установление специфики особенностей социального статуса российской интеллигенции и оперирует в основном социологическими параметрами. Однако не обходится и без аксиологических характеристик. Например, Т.А. Рассадина соединяет в своем определении интеллигенции такие признаки, как занятие умственным трудом высокой квалификации, высокий образовательный уровень, развитые нравственные качества, выполнение образовательной, просветительской и воспитательной функций, внесловность (внеклассовость), посредническая социальная миссия, направленная на формирование культурной и социальной целостности общества [Рассадина, 2012, с. 205]. Подобный набор черт интеллигенции достаточно типичен, однако он довольно абстрактен, так как не отражает социокультурной специфики именно российской социальной группы интеллектуалов. Кроме того, в нем игнорируются исторические трансформации интеллигенции. Социологический подход, правда, отмечает социальную неоднородность интеллигенции, связанную с разным материальным и социальным положением ее отдельных групп и разделением умственного труда [Шиняева, 2014]. Основными двумя отрядами интеллигенции оказываются гуманитарная и техническая интеллигенция. На базе социологического подхода интеллигенция делится также по уровню доходов и социальному престижу. Но все эти социологические уточнения ведут скорее к фрагментации специфического социокультурного портрета российской интеллигенции, чем к уяснению ее родовых социокультурных черт в их исторической динамике. Внутри современной российской интеллигенции существует, помимо социального расслоения и профессиональной специализации, идеологический раскол на патриотическую и западническую интеллигенцию [Золотарев, 2017, с. 973]. Наконец, сложился внутри интеллигенции и нравственный раскол по жизненным ориентациям. З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян выделяют пять типов интеллигенции по этому критерию: стабильный, деятельный, инновационно-ценностный, прагматичный, идеалистический [Голенкова, Игитханян, 2016, с. 20].

Специфику интеллигенции как социокультурного российского типа интеллектуала можно адекватно анализировать на основе культурологического направления. В русле этого направления можно выделить две основные разновидности портретов интеллигенции: позитивные, или комплиментарные, и противоречивые, или критические (сочетающие позитивные и негативные черты).

Преобладают в дискурсе позитивные портреты интеллигенции, но они в основном сводятся к наборам аксиологических, а не собственно культурологических характеристик, в то время как именно последние могли бы отразить наиболее адекватно социокультурную специфику интеллигенции. Т.А. Рассадина выделяет следующие признаки интеллигенции: идейность, самоотверженность, гражданскую позицию, критический ум, социальную рефлексивность [Рассадина, 2012, с.205] Ценным культурологическим дополнением к этому набору является, на наш взгляд, такой признак, как «специфическая аксиология, основывающаяся на синкретизме секуляризованных ценностей православной культуры» [Абросимов, 2007, с. 25].

Значительное место в отечественном культурологическом дискурсе занимают также противоречивые портреты российской интеллигенции, которые, на наш взгляд, более точно, чем сугубо позитивные, отражают ее родовые черты. В рамках этого направления В. Третьяков пытается дать вне исторический портрет российского интеллигента, в котором позитивные качества переплетаются с негативными. Вот набор родовых качеств российского интеллигента по Третьякову: образованность, моральные убеждения, совесть, любовь к народу, стремление служить ему, постоянная рефлексия по поводу российской идентичности в контексте отношений Запада и России, постоянная оппозиционность любой русской власти.¹

В.Н. Абросимов обращает внимание на другую черту амбивалентности, противоречивости российской интеллигенции: сочетание в ее аксиологическом комплексе, с одной стороны, православных национальных ценностей (высокая нравственность, нестяжательство, самоотверженное служение общему благу, коллективизм, аскетизм) и, с другой стороны, западных рационалистических ценностей (интеллект, рациональность, секуляризм, профессионализм, социальный критицизм) [Абросимов, 2007, с. 10].

Главным недостатком рассмотренных нами примеров культурологических подходов к определению интеллигенции является их антиисторизм, который препятствует выделению и анализу собственно культурно-исторических родовых черт российской интеллигенции. Тем не менее, несмотря на фрагментацию и плюрализм подходов к определению специфики российской интеллигенции, мы можем констатировать, что она как специфический социокультурный тип интеллектуалов, исторически динамичный и в то же время относительно устойчивый, существует. Другими словами, доминирующей в отечественном дискурсе является позиция, согласно которой российские интеллектуалы имеют свою социокультурную специфику, выражаемую в неоднозначном и не до конца четко эксплицированном понятии «интеллигенция».

Существует и достаточно высокая степень консенсуса относительно родовых социокультурных параметров российской интеллигенции, которые, правда, по разному оцениваются в различными отечественными мыслителями и специалистами. По крайней мере, можно считать господствующим общим мнением признание того, что самобытная российская интеллигенция существовала и прошла в своем развитии несколько исторических форм.

Судьба российской интеллигенции

В свете этого факта и в контексте современных исторических вызовов российской цивилизации приобретает особую актуальность вопрос о том, сохранилась ли сегодня в России интеллигенция? И если она сохранилась, то сохранила ли она свой творческий,

¹ Третьяков В. 2017. Эпитафия на могиле русской интеллигенции. Литературная газета, № 20 (6598). URL: <https://lgz.ru/article/-20-6598-24-05-2017/epitafiya-na-mogile-rossiyskoy-intelligentsii/> (дата обращения: 13 февраля 2024).

созидательный потенциал, который позволил бы современной России справиться с критическими вызовами нашего времени?

Здесь мы имеем четыре версии ответов. Радикальная негативная версия утверждает, что традиционная российская интеллигенция в результате реформ на рубеже тысячелетий практически исчезла. А. Щипков видит смерть традиционной российской интеллигенции в распаде ее однородности и в полной утрате социокультурного значения в обществе. Он пишет о разделении советской интеллигенции на две группы: гламурных и статусных «аристократов» и нищих, презираемых новыми русскими бюджетников [Щипков, 2012].

Основаниями для утверждения об исчезновении интеллигенции как чуждого современной рыночной экономике сословия были деградация отечественной науки, культуры и образования, массовая застойная бедность основной массы работников умственного труда в современной России. Критическим фактором для современной судьбы российской интеллигенции стал отказ государства от патронажа интеллигенции и игнорирование общественно-политического потенциала интеллигенции.

Вторая позиция по проблеме судьбы российской интеллигенции более оптимистична: российская интеллигенция в условиях рыночных реформ и радикальных трансформаций российского общества сохранилась, но находится в кризисе с точки зрения не только ее социокультурного выживания, но и ее самоидентичности. И.В. Сибиряков, отмечая кризисное современное состояние российской интеллигенции, допускает различные варианты ее дальнейшей судьбы: «...от постепенного исчезновения как социально целостной конструкции до стремительного возрождения и возвращения на рынок интеллектуальных, политических и духовных услуг» [Сибиряков, 2013, с. 78].

О.М. Здравомыслова и Н.В. Кутукова пишут: «Интеллигенцию, тысячами нитей связанную с российской историей, ставшую неустранимой частью национальной памяти, нельзя изъять из современной российской культуры. В то же время в России существуют очевидные признаки кризиса идентичности интеллигенции» [Здравомыслова, Кутукова, 2013, с. 12]. В.Н. Абросимов указывает причины кризиса интеллигенции, которые он усматривает в дисфункциональном состоянии институтов духовного производства [Абросимов, 2007].

По мнению К.А. Юдина и М.А. Бандурина [2016] причины кризиса интеллигенции связаны не со специфическим российским кризисом институтов духовного воспроизводства, а с общемировыми тенденциями деинтеллектуализации современной цивилизации. Они подкрепляют свою позицию ссылкой на Генона, утверждавшего, что в современном мире нет больше места для интеллекта [Генон, 2008, с. 108].

Третья позиция по проблеме современной судьбы российской интеллигенции является наиболее оптимистичной. Она утверждает, что, несмотря на деструктивные последствия рыночных реформ, истинная традиционная российская интеллигенция выжила и не утратила своих лучших качеств и духовного потенциала. «В современной России истинная интеллигенция – это неотделимая от нее социальная реальность» [Наумова, 2016, с. 57]. На наш взгляд, оптимистичность такой позиции необходимо умерить, поскольку нельзя отрицать факт определенной социокультурной и нравственной деградации значительной части современной российской интеллигенции.

Наконец, четвертая позиция утверждает, что российская интеллигенция сохранилась в результате рыночных реформ российского общества, но существенно трансформировалась. В.И. Абросимов справедливо по этому поводу замечает, что «...российская интеллигенция являлась и является и субъектом, и одновременно объектом, и даже жертвой модернизирующих трансформаций, которые, глубоко преобразуя культурные основания социальной жизни России, имели негативные последствия для самой интеллигенции» [Абросимов, 2007, с. 26].

Действительно, радикальные социальные изменения социального положения работников умственного труда в рыночной экономике, глубокое социальное

расслоение внутри этой большой социальной группы, маргинализация и обесценивание умственного труда, деструкция традиционных российских институтов образования, воспитания, культуры и науки в условиях противоречивых российских рыночных реформ не могли не привести к многочисленным, по большей части негативным трансформациям бывшей советской интеллигенции.

Заключение

Подводя итог обзору четырех основных позиций по проблеме существования интеллигенции в современной России, необходимо отметить, что ошибочно при ее решении забывать о ее внутреннем расслоении или расколе этой интеллигенции, а отсюда и неоднозначность трансформаций различных социальных групп интеллигенции в наше время.

Несмотря на разнообразие мнений о судьбе интеллигенции в современной России, следует признать, что она как особая социальная группа не только сохранилась, хотя и существенно трансформировалась, но является главной социальной силой, способной найти эффективные решения современных критических вызовов, стоящих перед российской цивилизацией. Современной российской интеллигенции нужно обрести, восстановить частично утраченную национальную социокультурную идентичность и вернуть статус духовного лидерства в современном российском обществе.

Список литературы

- Абросимов В.И. 2007. Место российской интеллигенции в современном социокультурном процессе. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 4(140): 24–26.
- Абросимов В.Н. 2007. Интеллигенция в становлении новой российской идентичности в постсоветский период. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 24 с.
- Воловикова М. И. 2019. Нравственная элита и интеллигенция: некоторые итоги обсуждения понятий. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 4-3(15): 6–24.
- Генон Р. 2008. Кризис современного мира. М., Эксмо, 784 с.
- Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. 2016. Интеллигенция в региональном пространстве современного российского общества: динамика развития. *Вестник Института социологии*, 3 (18):13–23. DOI: <https://doi.org/DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.409>
- Здравомыслова О. М., Кутукова Н.В. 2020. Интеллигенция как вызов: идентичность российской интеллигенции в XXI веке. *Концепт: философия, религия, культура*, 4(1(13)): 7–20. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-1-13-7-20
- Золотарев О.В. 2017. Интеллигенция и власть в современной России. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, 4: 972–980.
- Китайцева О.В. 2016. Гражданский потенциал современной российской интеллигенции. В кн.: *Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире. Материалы XI Международной научной конференции «Байкальская встреча»*. Улан-Удэ, 16–19 июня 2016 г.: в 2 томах. Улан-Удэ, Издательство БГУ, Т. 2: 27–33.
- Наумова Т.В. 2016. Сохранилась ли в памяти народа русская интеллигенция как социокультурный феномен? *Социально-гуманитарные знания*, 2: 50–65.
- Покровский Н.Е. 1999. Прощай, интеллигенция! В кн.: *На перепутье (Новые вехи)*. М., Логос, 1999: 33–51.
- Попов Д.С. 2006. Проблема самосознания современной российской интеллигенции: траектории трансформации. Автореф. дис. ...канд. социол. наук. М., 20 с.
- Рассадына, Т.А. 2012. Проблемы современной российской гуманитарной интеллигенции. *Сибирский научный вестник*, 1(7): 204–209.
- Сибиряков И. В. 2013. Современная российская интеллигенция: преждевременный разговор. *Интеллигенция и мир*, 2: 71–81.

- Силласте Г. 2006. Российская экономическая интеллигенция в современных условиях. *Высшее образование в России*, 5: 107–112.
- Шиняева О.В. 2014. Профессиональный состав и статус гуманитарной интеллигенции в современном российском обществе. *Социально-гуманитарные знания*, 1: 108–121.
- Юдин К.А., Бандурин М.А. 2016. «Интеллигенция» и «интеллектуалы» (историографические, социально-философские и общетеоретические аспекты понятий). *Общественные науки и современность*, 2: 108–120.

References

- Abrosimov V.I. 2007. Mesto rossiyskoy intelligentsii v sovremennom sotsiokul'turnom protsesse [The place of the Russian intelligentsia in the modern sociocultural process]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, 4(140): 24–26.
- Abrosimov V.N. 2007. Intelligentsiya v stanovlenii novoy rossiyskoy identichnosti v postsovetskiy period [The intelligentsia in the formation of a new Russian identity in the post-Soviet period]. Abstract. dis. ... kand. sotsiol. nauk. Rostov-na-Donu, 24 p.
- Volovikova M. I. 2019. Moral elite and intelligentsia: some results of the discussion of concepts. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 4-3(15): 6–24.
- Genon R. 2008. Krizis sovremennogo mira [The crisis of the modern world]. Moscow, Publ. Eksmo, 784 p.
- Golenkova Z.T., Igitkanyan E.D. 2016. Intelligentsiya v regional'nom prostranstve sovremennogo rossiyskogo obshchestva: dinamika razvitiya [The intelligentsia in the regional space of modern Russian society: dynamics of development]. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 3(18):13–23. DOI: <https://doi.org/DOI: 10.19181/vis.2016.18.3.409>
- Zdravomyslova O. M., Kutukova N.V. 2020. Intelligentsiya kak vyzov: identichnost' rossiyskoy intelligentsii v XXI veke [The intelligentsia as a challenge: the identity of the Russian intelligentsia in the 21st century]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, 4(1(13)):7–20. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-1-13-7-20
- Zolotarev O.V. 2017. Intelligentsiya i vlast' v sovremennoy Rossii [Intelligentsia and power in modern Russia]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, 4: 972–980.
- Kitaytseva O.V. 2016. Grazhdanskiy potentsial sovremennoy rossiyskoy intelligentsii. In: Intelligentsiya, ee grazhdanskije pozitsii v sovremennom mire. [The civic potential of the modern Russian intelligentsia] In: Intelligencija, ee grazhdanskije pozicii v sovremennom mire [The intelligentsia, its civic positions in the modern world]. Materials of the XI International Scientific Conference «Baikal Meeting», June 16–19, 2016, Ulan-Ude, Publ. BSU Publishing House, v. 2: 27–33.
- Naumova T.V. 2016. Sokhranilas' li v pamyati naroda russkaya intelligentsiya kak sotsiokul'turnyy fenomen? [Has the Russian intelligentsia been preserved in the memory of the people as a sociocultural phenomenon?] *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2: 50–65.
- Pokrovskiy N.E. 1999. Proshchay, intelligentsiya! [Farewell, intelligentsia!] In: Na pereput'e (Novye vekhi) 1999. [At the Crossroads (New Milestones) 1999]. Moscow, Publ. Logos, 1999: 33–51.
- Popov D.S. 2006. Problema samosoznaniya sovremennoy rossiyskoy intelligentsii: traektorii transformatsii [The problem of self-awareness of the modern Russian intelligentsia: trajectories of transformation]. Abstract. dis. ...kand. sotsiol. nauk. M., 20 p.
- Rassadina, T.A. 2012. Problemy sovremennoy rossiyskoy gumanitarnoy intelligentsii [Problems of modern Russian humanitarian intelligentsia]. *Simbirskiy nauchnyy vestnik*, 1(7): 204–209.
- Sibiriyakov I.V. 2013. Sovremennaya rossiyskaya intelligentsiya: prezhdevremenny razgovor [Modern Russian intelligentsia: premature conversation]. *Intelligentsiya i mir*, 2: 71–81.
- Sillaste G. 2006. Rossiyskaya ekonomicheskaya intelligentsiya v sovremennykh usloviyakh [Russian economic intelligentsia in modern conditions]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 5: 107–112.
- Shinyayeva O.V. 2014. Professional'nyy sostav i status gumanitarnoy intelligentsii v sovremennom rossiyskom obshchestve [Professional composition and status of the humanitarian intelligentsia in modern Russian society]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1: 108–121.
- Yudin K.A., Bandurin M.A. 2016. «Intelligentsiya» i «intellektualy» (istoriograficheskie, sotsial'no-filosofskie i obshcheteoreticheskie aspekty ponyatiy) [Intelligentsia" and "intellectuals" (historiographical, socio-philosophical and general theoretical aspects of concepts)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2: 108–120.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.03.2024
Поступила после рецензирования 19.05.2024
Принята к публикации 30.05.2024

Received March 19, 2024
Revised May 19, 2024
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Поломошнов Андрей Федорович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственной аграрный университет, п. Персиановский, Ростовская область, Россия.
 [ORCID: 0000-0001-6312-9440](https://orcid.org/0000-0001-6312-9440)

Andrey F. Polomoshnov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky, Postov region, Russia.
 [ORCID: 0000-0001-6312-9440](https://orcid.org/0000-0001-6312-9440)

Лыкова Анна Викторовна, аспирант кафедры иностранного языка и социально-гуманитарных дисциплин, Донской государственной аграрный университет, п. Персиановский, Ростовская область, Россия.
 [ORCID: 0000-0003-2131-7974](https://orcid.org/0000-0003-2131-7974)

Anna V. Lykova, Postgraduate student of the Department of Foreign Languages and Social and Humanitarian Disciplines, Don State Agrarian University, Persianovsky, Postov region, Russia.
 [ORCID: 0000-0003-2131-7974](https://orcid.org/0000-0003-2131-7974)

Лугуценко Татьяна Валентиновна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и социологии, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия.
 [ORCID: 0000-0003-0512-2560](https://orcid.org/0000-0003-0512-2560)

Tatyana V. Lugutsenko, Doctor of Philosophy, Professor, head of Department of Philosophy and Sociology, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia.
 [ORCID: 0000-0003-0512-2560](https://orcid.org/0000-0003-0512-2560)

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 316

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-212-221

К проблеме профессиональной культуры современного ученого

Воденко К.В., Сальникова И.И.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова

Россия, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

vodenkok@mail.ru, s-inna79@mail.ru

Аннотация. В настоящее время, когда увеличивается влияние науки на мировые события, усиливается борьба за умственную элиту и повышается роль научной молодежи, особое значение приобретают вопросы формирования нового типа ученого с высоким уровнем профессиональной этики. Профессиональная культура учёного любого профиля выступает в качестве единой системы установленных норм, принципов, взглядов, установок, запретов и законов научной деятельности, общения и поведенческих характеристик научных работников. Основными структурными компонентами профессиональной культуры исследователя являются профессиональное мышление, профессиональная компетентность, профессиональное мастерство. Изучение профессиональных компетенций ученого является важной задачей современного общества. Данное исследование фокусируется на персонализации исследовательской культуры. Здесь выявляются профессиональные навыки и подходы к развитию качеств и навыков современного ученого, необходимых для успешного занятия наукой в наше время. Это увеличивает уровень ответственности ученого перед академическим сообществом и наукой.

Ключевые слова: научная деятельность, профессиональная культура, ученый, навыки, качества, развитие, техническая экспертиза, критическое мышление, коммуникативные навыки, этические принципы

Для цитирования: Воденко К.В., Сальникова И.И. 2024. К проблеме профессиональной культуры современного ученого. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 212–221. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-212-221

On the Problem of Professional Culture of a Modern Scientist

Konstantin V. Vodenko, Inna I. Salnikova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI),

132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk 346428, Russian Federation

vodenkok@mail.ru, s-inna79@mail.ru

Abstract. The relevance of studying the professional culture of a scientist is currently determined by the requirements and tasks that Russian society presents and sets before the professional association of research scientists, their professional culture and competence. Any changes taking place in the scientific community affect the process of formation and development of the professional culture of a scientist as a representative of the scientific community. At present, when the influence of science on world events is increasing, the struggle for the intellectual elite is intensifying and the role of scientific youth is growing, the issues of forming a new type of scientist with a high level of professional ethics are of particular

importance. The professional culture of a scientist of any profile acts as a unified system of established norms, principles, views, attitudes, prohibitions and laws of scientific activity, communication and behavioral characteristics of researchers. The main structural components of a researcher's professional culture are professional thinking, professional competence, and professional skills. The study of a scientist's professional competencies is an important task of modern society. This study focuses on the personalization of the research culture. It identifies professional skills and approaches to the development of the qualities and skills of a modern scientist necessary for successful science in our time. This increases the level of responsibility of a scientist to the academic community and science.

Keywords: scientific activity, professional culture, scientist, skills, qualities, development, technical expertise, critical thinking, communication skills, ethical principles

For citation: Vodenko K.V., Salnikova I.I. 2024. On the Problem of Professional Culture of a Modern Scientist. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 212–221 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-212-221

Введение

Стремительно меняющийся современный научный мир представляется нам как динамичное, постоянно развивающееся пространство. Роль исследователя как личности актуализируется. Он является «...важным носителем ценностей в осуществлении научного труда...» [Попова, 2014, с. 524], внося вклад в различные области науки и технологий. Но чтобы достичь успеха в научной деятельности, ученому необходимо обладать глубокими знаниями и опытом в своей области, развивать широкий спектр профессиональных навыков и качеств, которые формируют профессиональную культуру ученого. Культура научных исследований в большой мере определяется различными внешними и внутренними факторами. К внешним факторам можно отнести политические и идеологические отношения научного сообщества, деятельность различных институтов, мировоззрение, отношение государства к науке, развитие культуры. К внутренним факторам относятся общественные и межличностные отношения индивидов в научных сообществах, ценности и нормы, существующие в науке. Важно отметить, насколько тесно ученый взаимодействует с научным сообществом и как глубоко он погружен в тему исследования, хорошо ли владеет теоретическими и методическими подходами к научной работе, настолько высока будет его профессиональная культура.

В работах А.М. Ерохина и Д.А. Ерохина «...профессиональная культура ученого выступает мерой и способом реализации личности в творческой профессиональной деятельности: овладевая ценностями этоса науки, личность ученого формирует и развивает профессиональное "Я"...» [Ерохин, Ерохин, 2011, с. 174].

В настоящее время становится необходимым изучить сам феномен исследовательской культуры, так как требования к научному труду возрастают с каждым годом. Исследователей оценивают по публикационной активности, наличию ученой степени, условиям труда, в которых осуществляется научная деятельность [Юшкин, 2023, с. 202]. Вместе с этим повышается важность развития профессиональных навыков современного ученого и исследование различных аспектов его профессиональной культуры, поэтому, следует тщательно рассмотреть ключевые компетенции и этические аспекты научной практики, которые помогают ученым успешно справляться с вызовами и проблемами в научной работе в современном мире. Все это является неотъемлемой частью профессиональной культуры ученого.

Проблема профессиональной культуры учёного является комплексной по своему характеру. Значительный интерес вызвала работа Л.Г. Лаптева, А.М. Столяренко, А.В. Буданова, Л.Л. Грищенко, Г.И. Демина Они привели основные теоретико-методологические предпосылки исследования профессиональной культуры субъекта труда как целостного феномена [Лаптев и др., 2018, с. 180]. Исследователь Д.А. Ерохин

основывается на формировании профессиональной культуры ученого в рамках коммуникативной компетенции [Ерохин, 2011, с. 174]. А.Н. Лымарь рассматривает профессиональную культуру через сопоставление с понятием «культура труда» [Лымарь, 2016, с. 251].

В данной работе анализируется персонализация исследовательской культуры. При этом определяются важные профессиональные компетенции и методы развития профессиональных навыков и качеств современного ученого, которые необходимы для успешной научной деятельности в современном мире, что повышает ответственность ученого перед наукой и профессиональным сообществом.

Чтобы достичь поставленных целей в данной работе был проведен анализ научной литературы, рассмотрены идеи и принципы, содержащиеся в трудах ученых, которые работали над определением ключевых навыков и качеств у современных исследователей в различных сферах науки.

При проведении данного исследования были поставлены и решены такие задачи, как изучение основных компетенций, необходимых современному ученому для успешной научной деятельности; анализ влияния различных профессиональных навыков и качеств на результативность научной работы; определение методов и стратегии развития профессиональных компетенций; исследование этических аспектов научной практики и их важность для сохранения доверия современного общества к науке; разработка рекомендаций по развитию профессиональной культуры ученого с целью повышения эффективности научной работы и вклада в развитие современного общества.

Компетенции как критерии профессиональной культуры ученого

Представления о профессиональной культуре исследователя зависят от понимания того, что такое ученый и культура вообще. Автором термина «учёный» считается английский историк и философ Уильям Уэвелл [Whewell, 1840]. Он объединил под одним именем людей, занимающихся различными науками. Первым из известных нам ученых-философов слово «культура» в философию, науку и повседневную жизнь ввел немецкий просветитель И.К. Аделунг. Он сформулировал определение культуры как деятельности по облагораживанию склонностей и способностей человека и народа [Adelung, 1782]. А выдающийся немецкий историк культуры И.Г. Гердер прямо указывал на латинское происхождение слова «культура» и на этимологическую связь со словом «земледелие». В одном из своих трудов он писал: «Мы можем как угодно назвать этот генезис человека во втором смысле, мы можем назвать его культурой, то есть возделыванием почвы, а можем вспомнить образ света и назвать просвещением, тогда цепь культуры и света протянется до самых краев земли» [Гердер, 1791].

Ученый и культура становятся неотъемлемой частью научного сообщества. Деятельность современного ученого направлена на расширение границ знаний и развитие общества, поэтому в современном научном мире исследователь выступает основным катализатором прогресса, ускоряющего процесс развития науки и технологий. Ученому необходимо обладать не только глубокими знаниями в своей области, но и рядом профессиональных компетенций, которые формируют его профессиональную культуру. Компетентностный подход направлен на рождение нового типа ученого – грамотного, квалифицированного специалиста, имеющего высокий уровень конкурентоспособности. Только в этом случае миссия ученого-исследователя будет выполнена.

Основной компетенцией, с помощью которой ученый анализирует, оценивает и интерпретирует полученную в ходе исследования информацию, является *критическое мышление* [Якунина, 2019]. Такой навык позволяет отличать факты от мнений, выявлять логические ошибки и противоречия. На основании этого разрабатываются новые гипотезы и теории.

Владение передовыми методами исследования, технологиями и инструментами – важное качество ученого для эффективной работы и достижения результатов, которые имеют значение для науки и общества. Такая компетенция, как *экспертность* [Шепелев, 2022] дает возможность ученому-исследователю решать сложные проблемы и осуществлять поиск инновационных решений. У ученого проявляется способность применять технические знания при решении определенных задач.

Эффективная коммуникационная деятельность с коллегами, студентами, обществом позволяет ученым обмениваться знаниями и идеями, устанавливать научные контакты, привлекать источники финансирования и получать общественную поддержку для своих исследований. Все это характеризует такую компетенцию, как *коммуникативные навыки* [Козилова, 2019].

Сотрудничество с коллегами из разных стран или академических кругов имеет значение для профессионального роста современного ученого, обеспечивает обмен знаниями и опытом. Коллективные работы над научными проектами, совместные публикации исследователей способствуют развитию коммуникативных и творческих навыков [Иванова, Николаева, 2019]. По мнению авторов В.В. Гурдисова, В.Т. Нгуена, «...участие в научных конференциях и семинарах предоставляет возможность представить свои исследования, обсудить их с коллегами, услышать идеи и мнения других ученых. Это тоже способствует развитию коммуникативных навыков, критического мышления и обогащению научного опыта...» [Гурдисов, Нгуен, 2023, с. 83].

Важными условиями научной деятельности и предоставления результатов исследований являются правдивость и честность, что формирует *этическое сознание ученого*. Защита прав и интересов участников исследования, открытость и прозрачность в публикационной культуре [Сальникова, 2023] – основополагающие принципы, которыми должен руководствоваться ученый в своей работе.

Стремительные изменения в современной науке ведут ученого к новым проблемам в своей области исследования. Такие качества, как *гибкость и адаптивность* [Локатков, 2012] дают возможность быстро адаптироваться к новым условиям и помогают ученому успешно справиться с изменениями требований к научной работе, которые вносятся на основании постановлений Правительства РФ¹. Такие изменения могут касаться оформления научно-исследовательской работы, изложения результатов исследования в научных изданиях, написания диссертации, создания и работы диссертационных советов и т. д.

Ученый должен уметь планировать свою работу, а также оптимизировать и распределять ресурсы для достижения максимальной продуктивности и эффективности. В рамках этого качества рассматривается *эффективное управление временем и ресурсами* [Лакейн, 1996]. Владая этой компетенцией, современный ученый может снизить уровень стресса, контролировать выполнение промежуточных заданий на пути к цели, освоить основы правильной расстановки приоритетов для достижения целей, избежать ненужных ошибок в работе.

Поиск новых идей и способность ученого к решению проблем творческим путем говорит о таком качестве, как *творческое мышление* [Некрасов, 2019]. Способность мыслить творчески позволяет ученому находить инновационные решения и видеть проблемы с нестандартной точки зрения.

В настоящее время научные разработки требуют сотрудничества между учеными, которые занимаются исследованиями в различных областях науки. *Умение работать в команде* [Шейнбаум, 2018] – способность ученого работать совместно с коллегами, обмениваться опытом, заниматься руководством и координацией научных проектов помогает повысить качество работы и общую эффективность.

¹ Например, см.: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.09.2022 № 1690. <http://government.ru/docs/all/143317/> (дата обращения: 26.03.2024).

Современный исследователь должен обладать таким качеством, как *устойчивость к стрессу*. Известный исследователь стресса Г. Селье [1972] отмечает, что слово «стресс», так же как «успех», «неудача» и «счастье», имеет различное значение для разных людей. В области науки преобладают индивиды, обладающие высоким уровнем устойчивости к стрессу. Ученые часто занимаются исследованиями, которые до них еще никто не проводил. Нет гарантии в том, что их исследования будут успешными, и ученому необходимо умение преодолевать вызванный этим обстоятельством стресс, чтобы продолжать работу. Когда же все удается, исследователь получает удовлетворение.

Профессиональная культура ученого может пострадать в том случае, если у него не будет вышеуказанных навыков и качеств. Отсутствие необходимых компетенций окажет негативное влияние на работу и успех ученого-исследователя.

В настоящее время внутри научного сообщества существует огромная конкуренция. По мнению В.Л. Тамбовцева, «...в современных условиях реализации неолиберальной научной политики естественная для науки конкуренция исследователей за успех оказалась практически скрытой за множеством искусственных для производства научного знания форм конкуренции между различными субъектами, призванными выполнять функции обеспечения роста этого производства...» [Тамбовцев, 2022, с. 160]. Многие ученые, конкурируя за свои позиции, ведут себя недобросовестно, что наносит ущерб процессам производства научного знания. И только исследователи, обладающие всеми необходимыми качествами и навыками, являются наиболее конкурентоспособными на рынке труда и в научных кругах.

Если же ученый-исследователь не будет соблюдать принципы открытости и прозрачности в научном мире, доверие общества к нему будет подорвано, а это нанесет огромный вред авторитету ученого.

Любое исследование мотивирует научное любопытство, желание решить какую-либо проблему. Наличие необходимых условий для проведения исследования, моральное и материальное стимулирование, владение определенными профессиональными навыками дает ученому возможность иметь академическую свободу и смело идти навстречу вызовам в науке. Отсутствие академической свободы может привести к потере мотивации и удовлетворения от научной работы, что может сказаться на профессиональном росте и карьерном успехе ученого. В работе А.В. Павлова отмечается, что «...для применения такой мотивации должна быть такая малоизвестная у нас вещь, как академическая свобода...» [Павлов, 2016, с. 126].

В современном мире, где технологии стремительно изменяются, важно сумеет вовремя адаптироваться к новым условиям. Недостаток творческого мышления и гибкости может привести к ограничению исследовательского потенциала ученого и помешать исследованию новых направлений и разработки инновационных подходов.

Трудности в привлечении финансирования научных проектов могут появиться в случае, если ученый не может эффективно коммуницировать и демонстрировать ценность своих исследований. Проблемы межличностных отношений приводят к конфликтам и затрудняют сотрудничество в научных проектах, что характеризует ученого как неспособного работать в команде или негибкого в общении с коллегами.

Важным элементом профессиональной этики ученого является его публикационная культура. Ее отсутствие может вызвать затруднения при опубликовании и распространении результатов исследований. «Публикационная культура ученого — это не только научная публикация, написанная в рамках темы диссертации или самостоятельного научного исследования, являющаяся отражением полученных результатов в процессе этого исследования и предоставляющая подробные объяснения, но и отношения автора с другими учеными и сотрудниками, которые причастны к появлению научного труда в информационном пространстве» [Сальникова, 2023, с. 270-271].

Нарушая публикационную этику в представлении результатов своих исследований, используя некорректное цитирование, не владея научным стилем, не соблюдая нормы морали, ученый рискует потерять значимость для научного сообщества.

Судьба успешного ученого может зависеть от его трудолюбия и настойчивости в поисках знаний и умений. Современному ученому необходимо использовать различные методы для совершенствования своих профессиональных компетенций. Самообразование является одним из самых эффективных способов для получения, развития и усовершенствования необходимых ученому-исследователю профессиональных навыков и качеств. Постоянное самообразование – вот тот определяющий актив жизни современного ученого, который поможет не отстать от «поезда современности» [Брызгунова, 2012]. Посещение курсов, семинаров, тренингов способствуют развитию профессиональных компетенций. С появлением цифровизации увеличилась возможность изучать электронную литературу. Онлайн-курсы, вебинары, электронные учебники и другие цифровые ресурсы позволяют получать знания в любое время и в любом месте [Ядровская, Поркшерян, 2019].

Работа под руководством научного руководителя или наставника может стать ценным опытом при обучении и развитии профессиональных навыков и качеств молодых ученых. В то же время наставничество как деятельность современных ученых является показателем успешной и продуктивной научной карьеры.

Саморефлексия, анализ своих сильных и слабых сторон, разработка плана личного и профессионального развития помогают ученым осознавать свои цели и стремиться к их достижению. Самодисциплина является необходимым качеством ученого, которое помогает ему добиваться поставленных целей, значимых для науки и общества. «Самодисциплина приравнивается к самоконтролю. Ваша способность контролировать себя и свои действия, контролировать то, что вы говорите и делаете, и следить за тем, чтобы ваше поведение соответствовало долгосрочным целям и задачам, является признаком выдающегося человека» [Трасу, 2010, р. 14].

Развивая все эти навыки и качества, ученый может повысить профессиональную культуру, эффективность научной работы, укрепить свою позицию в научном сообществе.

Заключение

Актуальность изучения профессиональной культуры ученого в настоящее время обусловлена требованиями и задачами, которые предъявляет и ставит российское общество профессиональному объединению ученых-исследователей. Любые перемены, происходящие в научном сообществе, влияют на процесс становления и развития профессиональной культуры ученого как представителя научного сообщества.

Понятие «профессиональная культура современного ученого» не входит в категориальный аппарат современных наук. Для формирования профессиональной культуры научное сообщество требует от современных ученых вносить вклад в распространение знаний и развитие науки и совершенствовать соответствующие навыки. Именно «профессионализм» и «культура личности» стали основополагающими критериями в определении профессиональных компетенций современного ученого-исследователя. Такие навыки и качества, как экспертность, критическое мышление, коммуникативность, этическое сознание, умение работать в команде, гибкость и адаптивность, самодисциплина, владение научным стилем письма, необходимы современному ученому для успешного выполнения его миссии в процессе научно-исследовательской деятельности. Исследователь также должен уметь управлять своим временем и ресурсами, что делает его адаптивным и результативным в современной научной среде. Занятие самообразованием, участие в научных сообществах, способность к

саморефлексии и умение планировать свое развитие дает возможность современному ученому развивать профессиональную компетентность.

Профессиональная компетентность способствует эффективному осуществлению научно-исследовательской деятельности и является ключевым фактором для успешной научной работы современного ученого. Его вклад в науку способствует формированию профессиональной культуры, что, в свою очередь, ведет к увеличению новых актуальных исследований и открытий в научном мире.

В эпоху стремительного развития информационных технологий и рождения новой науки появляется необходимость в новом типе культуры ученого, превращая его в подлинного субъекта культурно-исторического развития. Именно культура профессиональной деятельности определяет уровень сформированности универсальных способностей, степень реализации сущностных сил, творческой активности учёного в различных видах его деятельности, а также выступает в качестве интегрирующей основы культуры целостной самореализации его личности.

Список литературы

- Брызгунова Е.Н. 2012. Самообразование как основа успешности человека. В кн.: Педагогическое мастерство. М., Буки-Веди: 310–312.
- Гердер И.Г. 1777. Идеи к философии истории человечества. Пер. с нем. А.В. Михайлова. М., Наука, 704 с. (Herder Johann Gottfried. 1792. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Bei J.F. Hartknoch, 418 p.)
- Гурдисов В.В., Нгуен В.Т. 2023. Способы продвижения научной исследовательской деятельности в сети. В кн.: Экономика и менеджмент: новые вызовы и возможности. Ростов-на-Дону, ДГТУ: 81–85.
- Ерохин А.М., Ерохин Д. А. 2011. Проблема «профессиональная культура ученого» в контексте социологического знания. *Вестник Ставропольского государственного университета*, 76: 167–176.
- Иванова Е.А., Николаева Л.Г. 2019. Современные публикации ученых стран мира. *Петербургская социология сегодня*, 12: 5–21. DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.m1p2-vg73
- Козилова Л.В. 2019. Развитие коммуникативных, научно-исследовательских умений и навыков обучающихся высшей школы как залог успешной их подготовки к будущей профессии. *Современное педагогическое образование*, 12: 223–226.
- Лакейн А. 1996. Искусство успевать. М., Агентство «ФАИР», 91 с.
- Лаптев Л.Г., Столяренко А.М., Буданов А.В., Грищенко Л.Л., Демин Г.И. 2018. Профессиональная культура субъекта труда как интегративный феномен. *Психология и право*, (8)4: 180–191. DOI: 10.17759/psylaw.2018080416
- Локатков А.А. 2012. Гибкость и адаптивность новых институтов как факторы, определяющие их эффективность. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, 5 (44): 46–50.
- Лымарь А.Н. 2016. Профессиональная культура в системе культуры. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*, 7(72): 251–252.
- Некрасов А.С. 2019. Феномен творческого мышления в научной деятельности. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 44(4): 553–561.
- Павлов А.В. 2016. Мотивация в науке и в образовании. *Социум и власть*, 5(61): 118–126
- Попова Е.А. 2014. Культура исследователя в современном социально-гуманитарном знании. *Политика и Общество*, 5: 524–532.
- Сальникова И.И. 2023. Публикационная культура ученого: постановка проблемы. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*, (16)1: 267–273. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-267-273
- Сальникова И.И. 2023. Публикационная культура ученого: проблемы и пути их решения. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*, (16)4: 254–261. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-254-261

- Селье Г. 1972. На уровне целого организма. М., Наука, 122 с.
- Сугай Л.А. 2000. Термины «культура», «цивилизация» и «просвещение» в России XIX — начала XX века. В кн.: Труды ГАСК. Выпуск II. Мир культуры. М., ГАСК, 39-53.
- Тамбовцев В.Л. 2022. Конкуренция: условие или барьер роста научного знания? *Управление наукой: теория и практика*, 4(2): 143–168. DOI: <https://doi.org/10.19181/smtp.2022.4.2.14>
- Шейнбаум В. С. 2018. Компетенция «умение работать в команде» и ее развитие с использованием технологии междисциплинарного деятельностного обучения в виртуальной производственной среде. *Высшее образование сегодня*, 2: 2–9. DOI: 10.25586/RNU.НЕТ.18.02.Р.02
- Шепелев Г.В. 2022. О подходах к экспертной оценке эффективности научных исследований. *Управление наукой: теория и практика*, (4)4: 25–47. DOI 10.19181/smtp.2022.4.4.2
- Юкиш В.Ф. 2023. Оценка научного труда. *Economy and Business: Theory and Practice*, 9(103): 202–212. DOI:10.24412/2411-0450-2023-9-202-212
- Ядровская М.В., Поркшерян М.В. 2019. О применении электронных курсов в обучении. *Образовательные технологии и общество*, 22(3): 3–15.
- Якунина Н.А. 2019. Критическое мышление: аналитическое осмысление понятия. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*, 4(42): 21–26. DOI:10.20310/1810-231X-2019-18-4(42)-21-26
- Adelung J. Chr. 1782. Versuch einer Geschichte der Kultur des menschlichen Geschlechts. 472 p.
- Tracy B. 2010. No Excuses! The Power of Self-Discipline, 261 p.
- Whewell W. 1840. The Philosophy of the Inductive Sciences, 577 p.

References

- Bryazgunova E.N. 2012. Samoobrazovaniye kak osnova uspeshnosti cheloveka [Self-education as the basis of human success]. In: *Pedagogicheskoye masterstvo [Pedagogical skills]*. М., Publ. Buki-Vedi: 310–312.
- Gerder I.G. 1977. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas for the philosophy of human history]. Translated from the German A. V. Mikhaylova. М., Publ. Nauka, 704 p. (Herder Johann Gottfried. 1792. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. 418 p.)
- Gurdisov V.V. Nguyen V.T. 2023. Sposoby prodvizheniya nauchnoy issledovatel'skoy deyatel'nosti v seti [Ways to promote scientific research activities on the web]. In: *Ekonomika i menedzhment: novyye vyzovy i vozmozhnosti [Economics and management: new challenges and opportunities]*. Rostov-on-Don, Publ. DGTU: 81–85.
- Erokhin A.M., Erokhin D.A. 2011. Problema "professional'naya kultura uchenogo" v kontekste sotsiologicheskogo znaniya [The problem of "professional culture of a scientist" in the context of sociological knowledge]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*, 76: 167–176.
- Ivanova E.A., Nikolayeva L.G. 2019. Sovremennyye publikatsii uchenykh stran mira [Modern publications of scientists from all over the world]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 12: 5–21. DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.m1p2-vg73
- Kozilova L.V. 2019. Razvitiye kommunikativnykh. nauchno-issledovatel'skikh umeniy i navykov obuchayushchikhsya vysshey shkoly kak zalog uspeshnoy ikh podgotovki k budushchey professii [The development of communicative, research and development skills of students of higher education as a guarantee of their successful preparation for their future profession]. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye*, 12: 223–226.
- Lakeyn A. 1996. Iskusstvo uspevat. [The art of keeping]. М., Publ. Agentstvo "FAIR", 91 p.
- Laptev L.G., Stolyarenko A.M., Budanov A.V., Grishchenko L.L., Demin G.I. 2018. Professional'naya kultura sub'yekta truda kak integrativnyy fenomen [The professional culture of the labor subject as an integrative phenomenon]. *Psikhologiya i pravo*, (8)4: 180–191. DOI: 10.17759/psylaw.2018080416
- Lokatkov A.A. 2012. Gibkost i adaptivnost novykh institutov kak faktory. opredelyayushchiye ikh effektivnost [Flexibility and adaptability of new institutions as factors determining their effectiveness]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 5(44): 46–50.

- Lymar A.N. 2016. Professionalnaya kultura v sisteme kultury [Professional culture in the cultural system]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, 17(72): 251–252.
- Nekrasov A.S. 2019. Fenomen tvorcheskogo myshleniya v nauchnoy deyatel'nosti. [The phenomenon of creative thinking in scientific activity]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 44(4): 553–561.
- Pavlov A.V. 2016. Motivatsiya v nauke i v obrazovanii [Motivation in science and education]. *Sotsium i vlast*, 5(61): 118–126.
- Popov E.A. 2014. Kultura issledovatelya v sovremennoe sotsialno-gumanitarnom znaniy [The culture of the researcher in modern socio-humanitarian knowledge]. *Politika i Obshchestvo*, 5: 524–532.
- Salnikova I.I. 2023. Publikatsionnaya kultura uchenogo: postanovka problemy [The publication culture of a scientist: problem statement]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskiye nauki*, 16(1): 267–273. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-1-267-273
- Salnikova I.I. 2023. Publikatsionnaya kultura uchenogo: problemy i puti ikh resheniya [The publication culture of a scientist: problems and ways to solve them]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskiye nauki*, 16(4): 254–261. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-254-261
- Sele G. 1972. Na urovne celogo organizma [At the level of the whole organism.] M., Publ. Nauka, 122 p.
- Sugay L.A. 2000. Terminy "kultura", "tsivilizatsiya" i "prosveshcheniye" v Rossii XIX — nachala XX veka. [The terms "culture", "civilization" and "enlightenment" in Russia of the XIX — early XX century.] In: Trudy GASK. Vypusk II. Mir kultury [The works of GASK. Issue II. The world of culture]. M., Publ GASK: 39–53.
- Tambovtsev V.L. 2022. Konkurentsia: usloviye ili baryer rosta nauchnogo znaniya? [Competition: a condition or a barrier to the growth of scientific knowledge?]. *Upravleniye naukoj: teoriya i praktika*, 4(2): 143–168. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2022.4.2.14>
- Sheynbaum V.S. 2018. Kompetentsiya "umeniye rabotat v komande" i eye razvitiye s ispolzovaniyem tekhnologii mezhdistsiplinarnogo deyatel'nostnogo obucheniya v virtualnoy proizvodstvennoy srede [The competence "the ability to work in a team" and its development using the technology of interdisciplinary activity training in a virtual production environment]. *Vyssheye obrazovaniye segodnya*, 2: 2–9. DOI: 10.25586/RNU.HET.18.02.P.02
- Shepelev G.V. 2022. O podkhodakh k ekspertnoy otsenke effektivnosti nauchnykh issledovaniy [On approaches to the expert assessment of the effectiveness of scientific research]. *Upravleniye naukoj: teoriya i praktika*, 4(4): 25–47. DOI 10.19181/sntp.2022.4.4.2
- Yukish V.F. 2023. Otsenka nauchnogo truda [Evaluation of scientific work]. *Economy and Business: Theory and Practice*, 9(103): 202–212. DOI:10.24412/2411-0450-2023-9-202-212
- Yadrovskaya M.V., Porksheryan M.V. 2019. Oprimenenii elektronnykh kursov v obuchenii [About the use of e-courses in education]. *Obrazovatelnyye tekhnologii i obshchestvo*, 22(3): 3–15.
- Yakunina N.A. 2019. Kriticheskoye myshleniye: analiticheskoye osmysleniye ponyatiya [Critical thinking: analytical understanding of the concept]. *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus*, 4(42): 21–26.
- Adelung J. Chr. 1782. An attempt at a history of the culture of the human sex. 472 p.
- Tracy B. 2010. No Excuses! The Power of Self-Discipline, 261 p.
- Whewell W. 1840. The Philosophy of the Inductive Sciences, 577 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.03.2024

Поступила после рецензирования 19.05.2024

Принята к публикации 30.05.2024

Received March 19, 2024

Revised May 19, 2024

Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

Сальникова Инна Ивановна, аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия.

Inna I. Salnikova, Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.77

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-222-232

Представления студентов о нормах этики и правилах этикета при обмене интернет-мемами

^{1,2} Горбатов Д.С. , ³ Горбатова Е.А.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург, 199034, Университетская наб., д. 7–9.

^{2,3} Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

Россия, г. Санкт-Петербург, 199178, 12-я линия В.О., д. 13, лит. А.

gorbatov.rus@gmail.com; el_gorbatova@mail.ru

Аннотация. Проблема изучения неформальной нормативной регуляции коммуникаций в Интернете приобретает актуальность по мере увеличения роли виртуальных взаимодействий, однако все еще остается на периферии научных исследований. Целью исследования, проведенного методом анкетного опроса, стало выявление представлений студентов о соблюдении конкретных норм этики и правил этикета при обмене интернет-мемами ими самими, их близкими друзьями, студенческой средой, подростками, людьми старшего поколения. В частности, установлено, что, по их мнению, базовые этические нормы соблюдаются в «мемосфере» чаще, чем правила этикета. Получены свидетельства того, что рассматриваемые регуляторы поведения еще не получили единообразного оформления в сознании молодежи. Представляется перспективным дальнейшее изучение неформальных коммуникаций в Интернете при сопоставлении соблюдения императивов этики и этикета.

Ключевые слова: неформальные массовые коммуникации, интернет-мемы, социальные представления, нормы этики, правила этикета, студенты, анкетный опрос

Для цитирования: Горбатов Д.С., Горбатова Е.А. 2024. Представления студентов о нормах этики и правилах этикета при обмене интернет-мемами. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(2): 222–232. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-222-232

Students' Ideas About the Norms of Ethics and Rules of Etiquette in the Exchange of Internet Memes

^{1,2} Dmitry S. Gorbatov , ³ Elena A. Gorbatova

¹ St. Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, Russian Federation

^{2,3} St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

13, lit. A. 12th line V.O., St. Petersburg 199178, Russian Federation

gorbatov.rus@gmail.com; el_gorbatova@mail.ru

Abstract. The problem of studying the informal normative regulation of communications on the Internet is becoming relevant as the role of virtual interactions increases, but it still remains on the periphery of scientific research. The purpose of the study, conducted using a questionnaire survey, was to identify

students' ideas about compliance with specific norms of ethics and rules of etiquette when exchanging Internet memes by themselves, their close friends, the student community, teenagers, and older people. In particular, it was found that, in their opinion, basic ethical standards are observed in the «Memosphere» more often than the rules of etiquette. Evidence has been obtained that the behavior regulators under consideration have not yet received a uniform formalization in the minds of young people. It seems promising to further study informal communications on the Internet when comparing compliance with the imperatives of ethics and etiquette.

Keywords: informal mass communications, Internet memes, social representations, ethical norms, rules of etiquette, students, questionnaire survey

For citation: Gorbatov D.S., Gorbatova E.A. 2024. Students' Ideas About the Norms of Ethics and Rules of Etiquette in the Exchange of Internet Memes. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 222–232 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-222-232

Введение

Всемирная компьютерная «паутина» не только увеличила скорость и масштабы привычных неформальных массовых коммуникаций (слухов, сплетен, городских легенд и проч.), но и способствовала появлению их нового вида – интернет-мемов. В практике научных исследований так называют фразы, изображения и их сочетания, создаваемые посредством компьютерных технологий и распространяемые преимущественно в Интернете для актуализации эмоциональных оценок объектов внешнего или внутреннего мира [Горбатов, Байчик, 2021].

Социальные сети и мессенджеры насыщены картинками и фотографиями с надписями (креолизированными текстами или макросами изображения), а также видеороликами («гифками» и «рилсами»). Чаще смешные, чем печальные, иногда абсурдные, политизированные, провокационные, такие продукты «сетового творчества» отличаются анонимностью, вирусностью, серийностью, минимализмом форм, изменчивостью смысловых посылов и оформлений. К важнейшим предпосылкам их бытования, как минимум, следует отнести простоту изготовления по шаблону при легкости передачи другим [Lankshear, Knobel, 2019], потенциал «эмоционального резонанса» отправителей и получателей [Miltner, 2018] и прецедентность, предполагающую сходство фоновых знаний [Канашина, 2018], включенность сторон в общий информационный контекст [Щурина, 2014]. Именно это обеспечивает реализацию важных функций интеграции сообщества и репрезентации индивида, самовыражения в процессе конструирования или отбора материала для пересылки другим [Зиновьева, 2015].

Интернет-мемы вышли за пределы молодежной среды, все чаще они встречаются в новостных сообщениях электронных СМИ, продукции рекламистов, политической пропаганде, педагогической деятельности и проч. Возросло количество научных публикаций, посвященных специфике таких коммуникаций, однако неизученной остается проблема неформальной нормативной регуляции обменов интернет-мемами. Дело в том, что многократно описанные феномены «троллинга», «хейта», «хайпа» и иных нарушений стандартов общения в социальных сетях [Bishop, 2014; Cruz et al., 2018; Богомазова, 2022; Авилова, Ботнарюк, 2023] далеко не всегда проявляются в неанонимной рассылке интернет-мемов близкому окружению. Не проанализирован обмен интернет-мемами исследователями, рассматривающими этические нормы и правила этикета в сетевых коммуникациях [Курячев, 2018; Егорчев, Рыбальченко, 2019; Мосейко, 2019; Каберова, Кузнецова, 2022; Панишева, Логинов, 2022].

Какие нормы этики и какие правила этикета соблюдаются или нарушаются коммуникаторами и их знакомыми при обмене интернет-мемами – эти вопросы в качестве программных были использованы нами при опросе студентов двух вузов г. Санкт-Петербурга. Цель исследования – выявление социальных представлений студенчества о следовании нормам этики и правилам этикета при обмене интернет-мемами.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает студенческая молодежь. Предметом исследования являются суждения студентов о соблюдении норм этики и правил этикета в «мемосфере».

Выборка ($n = 332$ (69 юношей и 263 девушки в возрасте 17–26 лет)) рандомизированная простая, сформированная из студентов бакалавриата Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, бакалавриата и специалитета Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. Метод исследования – письменный опрос.

Результаты и их обсуждение

Анкетирование проходило в сентябре 2023 г. дистанционно (по электронной почте). Анкетный лист был представлен в табличной форме. В первой графе содержалось перечисление шести норм этики и шести правил этикета в сфере обмена интернет-мемами, сформулированных в виде запретов. Эти формулировки подготовлены по итогам серии кратких групповых интервью с магистрантами СПбГУ и СПбГИПСР, обучающимися по программам «Медиакоммуникации» и «Организационная психология и HR-менеджмент».

К нормам этики (блок 1) отнесены следующие тезисы:

1) «Нельзя отправлять мемы на “больную” для адресата тему, связанную с его проблемами, переживаниями, психотравмами (“В доме повешенного не говорят о веревке”»);

2) «Нельзя высмеивать мемами тех, к кому причисляет себя адресат по национальности, религии, сексуальной ориентации и проч., если Вы сами к этой категории лиц не относитесь»;

3) «Нельзя высмеивать мемами особенности физиологии, мышления и поведения адресата как представителя другого пола, если Вы не состоите в отношениях особой близости»;

4) «Нельзя отправлять мемы малознакомому адресату, заметно отличающемуся социальным статусом и возрастом (профессор – студентке, служащий – директору)»;

5) «Нельзя отправлять мемы, игнорируя особенности адресата – его интересы, интеллект, отсутствие узкопрофессиональных компетенций»;

6) «Нельзя в ответ на присланные мемы оскорблять адресата, если он явно не планировал оскорбить Вас».

В перечень правил этикета (блок 2) включены такие тезисы:

8) «Нельзя отправлять мемы избыточно много и слишком часто (быть навязчивым)»;

9) «Нельзя отправлять мемы, не просмотрев сперва те, которые ранее получены от этого адресата»;

10) «Нельзя отвечать, что такой мем Вы уже видели ранее»;

11) «Нельзя отвечать, что такие мемы Вам вообще не интересны»;

12) «Нельзя постоянно отказывать в обратной связи (однако не каждый полученный мем требует реакции)»;

13) «Нельзя постоянно выдавать слишком однообразную обратную связь на мемы».

Границей между блоками стало требование этикета под номером 7, не характерное для «мемосферы» («Нельзя отправлять мемы, не поздоровавшись с адресатом и не попрощавшись после этого»). Предполагалось, что это позволит выявить респондентов, необдуманно заполняющих анкетный лист.

Заметим, что соотношение концептов «правила этикета» и «нормы этики» является дискуссионным [Некрасова, Тригубенко, 2015]. Принципиальное различие состоит в том,

что первые представляют собой так называемые хорошие манеры ритуализацию вторых в конкретных ситуациях [Пороховская, 2011], тогда как нормы этики выступают в качестве базовых ориентиров, составляющих ткань человеческого существования [Сычев, 2019] на основе принятия ответственности за других из соображений милосердия и справедливости [Апресян, 2018].

Например, запрет посылать интернет-мемы малознакомому лицу иного статуса и возраста включен в блок «Этика», но не «Этикет» из соображений возможного скрытого мотива, способного в дальнейшем причинить вред адресату. Для сравнения: ответы, что такой мем уже видели ранее, или, что такие мемы вообще не интересны, являются просто невежливыми, и потому отнесены к блоку «Этикет».

Другие графы таблицы имели общий заголовок «Насколько указанные лица соблюдают, по Вашему мнению, этические нормы и правила этикета?». В подграфах указывались следующие категории: «лично Вы», «Ваши близкие друзья», «студенческая среда», «современные подростки», «знакомые в возрасте 40 лет и старше».

Участнику опроса предстояло выставить 65 цифровых отметок, используя следующую шкалу: 0 баллов – не знаю, затрудняюсь ответить; 1 – эта норма не соблюдается; 2 – обычно норма не соблюдается, но иногда бывают исключения; 3 – соблюдение нормы встречается, но не всегда, «50 на 50»; 4 – обычно норма соблюдается, но изредка бывают исключения; 5 – эта норма строго соблюдается. Помимо этого, предлагалось указать порядковый номер той нормы, которая на самом деле не характерна для обмена интернет-мемами.

Анализ результатов предусматривал вычисления средних арифметических значений (\bar{x}) и стандартных отклонений (σ), а также подсчет мнений и их распределение в процентах.

Основные результаты представлены в таблице.

Блок «Этика». По мнению опрошиваемых, самым строгим образом этические нормы при обмене интернет-мемами соблюдаются лично ими (см. табл. 1). Так, средний балл по совокупности шести императивов (\bar{x}_0) составил 4,05 (при $\sigma_0 = 1,05$). Особенно явно выраженные показатели связаны с запретами оскорблять адресата ($\bar{x} = 4,52$ при $\sigma = 0,87$) и отправлять мемы малознакомому лицу иного статуса и возраста ($\bar{x} = 4,37$ при $\sigma = 1,03$). Наименее характерным для себя студенты признали следование норме о необходимости учета интересов адресата, его интеллекта, узкопрофессиональных компетенций ($\bar{x} = 3,48$ при $\sigma = 1,2$).

На втором месте по критерию соответствия нормам этики расположились близкие друзья респондентов. При этом среднее значение баллов по совокупности императивов (\bar{x}_0) составило 3,82 (при $\sigma_0 = 1,07$). Показатели, приписываемые этой категории лиц по всем этическим тезисам анкетного листа, оказались заметно меньше тех, что относятся к самим анкетирваемым.

Третью позицию в соблюдении этических норм заняли представители категории «знакомые в возрасте 40 лет и старше» ($\bar{x}_0 = 3,76$ при $\sigma_0 = 1,18$). Интересно, что опрошиваемые признали их превосходство в соблюдении двух императивов, а именно: «Нельзя отправлять мемы на “большую” для адресата тему, связанную с его проблемами, переживаниями, психотравмами» ($\bar{x} = 4,2$ при $\sigma = 1,0$) и «Нельзя отправлять мемы малознакомому адресату, заметно отличающемуся статусом и возрастом» ($\bar{x} = 4,59$ при $\sigma = 0,77$). В то же время респонденты посчитали, что далеко не все представители старшего поколения удерживаются от высмеивания национальности, религии, сексуальной ориентации адресатов интернет-мемов ($\bar{x} = 3,05$ при $\sigma = 1,38$).

Предпоследними в блоке этики оказались представители категории «студенческая среда» ($\bar{x}_0 = 3,57$ при $\sigma_0 = 1,0$). Однако хуже выглядели современные подростки ($\bar{x}_0 = 2,96$ при $\sigma_0 = 1,03$).

Показатели представлений студентов о соблюдении
 норм этики и правил этикета при обмене интернет-мемами (в анкетных баллах)
 Indicators of students' perceptions about compliance of ethics and etiquette rules
 when exchanging Internet memes (in the questionnaire points)

Нормы этики и правила этикета в «мемосфере»	Категории лиц					
	Респонденты	Ваши близкие друзья	студенческая среда	подростки	Знакомые в возрасте 40 лет и старше	Обобщенные баллы по нормам (\bar{x}_i)
Этика						
1. Не затрагивать личных проблем, переживаний и психотравм адресата	4,06 ±0,97	3,76 ±1,01	3,4 ±0,99	2,64 ±0,97	4,2 ±1,0	3,61 ±0,99
2. Не высмеивать национальности, религии, секс. ориентации адресата	3,88 ±1,17	3,57 ±1,22	3,32 ±1,09	2,5 ±1,05	3,05 ±1,38	3,26 ±1,18
3. Не высмеивать адресата как представителя другого пола	3,99 ±1,05	3,67 ±1,11	3,56 ±1,0	2,59 ±1,09	3,47 ±1,32	3,46 ±1,11
4. Не отправлять мемов малознакомому адресату иного статуса и возраста	4,37 ±1,03	4,23 ±1,1	4,0 ±0,97	3,9 ±0,89	4,59 ±0,77	4,22 ±0,95
5. Не отправлять мемов без учета интересов и компетенций адресата	3,48 ±1,2	3,25 ±1,16	3,17 ±1,04	2,88 ±1,07	3,26 ±1,37	3,2 ±1,17
6. Не оскорблять отправителя мемов	4,52 ±0,87	4,44 ±0,81	3,96 ±0,95	3,24 ±1,08	4,0 ±1,23	4,03 ±0,99
Обобщенные баллы по категориям лиц в блоке «Этика» (\bar{x}_0)	4,05 ±1,05	3,82 ±1,07	3,57 ±1,0	2,96 ±1,03	3,76 ±1,18	–
Этикет						
7. Не обмениваться мемами без ритуалов приветствия и прощания ¹	1,48 ±0,92	1,51 ±0,96	1,55 ±0,92	1,49 ±0,86	2,4 ±1,35	1,69 ±1,0
8. Не быть навязчивыми при отправлении мемов	3,06 ±1,37	2,82 ±1,29	3,17 ±1,18	2,51 ±1,11	3,51 ±1,38	3,01 ±1,27
9. Не отправлять мемы без просмотра полученных от адресата	3,09 ±1,37	3,02 ±1,18	2,85 ±1,06	2,73 ±1,17	3,33 ±1,3	3,0 ±1,22
10. Не отвечать, что этот мем известен	2,91 ±1,42	2,64 ±1,24	2,95 ±1,23	2,58 ±1,09	2,95 ±1,37	2,8 ±1,27
11. Не отвечать, что такие мемы не интересны	3,48 ±1,39	3,54 ±1,22	3,4 ±1,23	3,01 ±1,24	3,43 ±1,3	3,37 ±1,28
12. Не отказывать адресату мемов в обратной связи	4,1 ±1,03	3,99 ±0,99	3,64 ±1,12	3,63 ±1,14	3,83 ±1,04	3,84 ±1,06
13. Не давать однообразных ответов на мемы	3,23 ±1,34	3,23 ±1,25	3,15 ±1,07	3,06 ±1,13	2,98 ±1,3	3,13 ±1,22
Обобщенные баллы по категориям лиц в блоке «Этикет» (\bar{x}_0)	3,31 ±1,37	3,2 ±1,36	3,19 ±1,3	2,92 ±1,29	3,34 ±1,49	–

Примечание: 1 – тезис, использованный в качестве контрольного, в подсчеты не включался.

Особенно плачевно, по мнению анкетированных, обстоят у них дела с недопустимостью высмеивания адресата по признакам национальности, религии, сексуальной ориентации ($\bar{x} = 2,5$ при $\sigma = 1,05$) и насмешками над физиологией, мышлением, поведением представителей другого пола ($\bar{x} = 2,59$ при $\sigma = 1,09$). Отчетливее подростки следуют лишь этической норме о недопустимости отправления мемов малознакомому адресату иного статуса и возраста ($\bar{x} = 3,9$ при $\sigma = 0,89$), но и в этом они уступают представителям иных категорий.

Теперь рассмотрим проблему этических императивов в «мемосфере» по соблюдению каждой нормы в отдельности (см. табл. 1). Здесь лучше всего, по мнению опрашиваемых, дела обстоят со следованием тезисам: «Нельзя отправлять мемы малознакомому адресату...» ($\bar{x}_i = 4,22$ при $\sigma_i = 0,95$) и «Нельзя в ответ на присланные мемы оскорблять адресата...» ($\bar{x}_i = 4,03$ при $\sigma_i = 0,99$). Менее успешно, по мнению респондентов, представители всех категорий соблюдают нормы о неприемлемости высмеивания тех, к кому причисляет себя адресат по национальности, религии и проч. ($\bar{x}_i = 3,26$ при $\sigma_i = 1,18$) и, особенно, касающуюся того, что не следует отправлять мемы без учета интересов и компетенций адресата ($\bar{x}_i = 3,2$ при $\sigma_i = 1,17$).

Блок «Этикет». Согласно результатам опроса, в соблюдении этикета при обмене интернет-мемами респонденты уступают категории «знакомые в возрасте 40 лет и старше», у которых среднее значение баллов по шести правилам (\bar{x}_o) составило 3,34, правда, при значительном стандартном отклонении ($\sigma_o = 1,49$). Довольно высокие оценки они выставили представителям старшего поколения в том, что те не отказывают в обратной связи ($\bar{x} = 3,83$ при $\sigma = 1,04$) и обычно не стремятся отправлять мемы часто и много ($\bar{x} = 3,51$ при $\sigma = 1,38$). Однако старшее поколение, по мнению респондентов, часто неправильно реагирует на присланные картинки или «гифки»: они склонны отвечать, что такой мем уже видели ранее ($\bar{x} = 2,95$ при $\sigma = 1,37$) и выдают слишком однообразную обратную связь ($\bar{x} = 2,98$ при $\sigma = 1,3$).

На второй позиции расположились сами респонденты ($\bar{x}_o = 3,31$ при $\sigma_o = 1,37$). Анкетированные указали, что ориентируются на правила, согласно которым нельзя постоянно отказывать в обратной связи ($\bar{x} = 4,1$ при $\sigma = 1,03$) и не следует отвечать, что такие мемы неинтересны ($\bar{x} = 3,48$ при $\sigma = 1,39$). При этом они признали, что нередко отвечают, что какой-то мем уже видели ($\bar{x} = 2,91$ при $\sigma = 1,39$) и иногда отправляют мемы избыточно много и часто ($\bar{x} = 3,06$ при $\sigma = 1,37$).

Следующие позиции разделили представители категорий «близкие друзья» ($\bar{x}_o = 3,2$ при $\sigma_o = 1,36$) и «студенческая среда» ($\bar{x}_o = 3,19$ при $\sigma_o = 1,3$). Совпадают и правила этикета, по которым опрашиваемые наделили тех и других более высокими баллами, а именно: «Нельзя отвечать, что такие мемы не интересны» (у «друзей» $\bar{x} = 3,54$ при $\sigma = 1,22$, а у «студентов» $\bar{x} = 3,4$ при $\sigma = 1,23$), а также «Нельзя постоянно отказывать в обратной связи» (у «друзей» $\bar{x} = 4,1$ при $\sigma = 1,03$, а у «студентов» $\bar{x} = 3,99$ при $\sigma = 0,99$). Что касается правил, несоблюдаемых этими лицами, то они совпадают частично. Согласно опрашиваемым, для близких друзей не характерно следование правилам о нежелательности отвечать, что этот мем уже известен ($\bar{x} = 2,64$ при $\sigma = 1,24$) и о том, что нельзя отправлять мемы «потокотом», слишком много и часто ($\bar{x} = 2,82$ при $\sigma = 1,29$). В студенческой среде чаще не соблюдаются правила о предварительном просмотре материалов, ранее полученных от адресата ($\bar{x} = 2,85$ при $\sigma = 1,06$) и о нежелательности ответа, что этот мем известен ($\bar{x} = 2,95$ при $\sigma = 1,23$).

Как и в блоке «Этика», последнее место в соблюдении правил этикета, по мнению опрашиваемых, уверенно заняли подростки ($\bar{x}_o = 2,92$ при $\sigma_o = 1,29$). Более-менее достойную оценку они получили только в отношении правила, что нельзя постоянно отказывать в обратной связи ($\bar{x} = 3,63$ при $\sigma = 1,14$). Хуже всего, как полагают анкетированные, у подростков обстоят дела с избыточно частым отправлением мемов в большом количестве ($\bar{x} = 2,51$ при $\sigma = 1,11$) и в неуместных ответах, что этот мем ранее видели ($\bar{x} = 2,58$ при $\sigma = 1,09$).

Перейдем к рассмотрению результатов о соблюдении этикета в «мемосфере» по конкретным правилам, соблюдаемым или нарушаемым представителями всех категорий (см. табл.). По мнению анкетированных, чаще соблюдаются правила «Нельзя постоянно отказывать в обратной связи...» ($\bar{x}_i = 3,84$ при $\sigma_i = 1,06$) и «Нельзя отвечать, что такие мемы не интересны» ($\bar{x}_i = 3,37$ при $\sigma_i = 1,06$). Имеются проблемы с запретами отправлять мемы слишком часто и помногу ($\bar{x}_i = 3,01$ при $\sigma_i = 1,27$), посылать свои мемы без просмотра полученных от адресата ($\bar{x}_i = 3,0$ при $\sigma_i = 1,22$) и отвечать, что полученный мем уже известен ($\bar{x}_i = 2,8$ при $\sigma_i = 1,27$).

Показательно, что представители всех категорий лиц при обмене интернет-мемами успешнее соблюдают нормы этики, чем правила этикета. Особенно это заметно у самих респондентов ($\bar{x}_i = 4,05$ при $\sigma_i = 1,05$ vs $\bar{x}_i = 3,31$ при $\sigma_i = 1,37$) и тех, кого они отнесли к близким друзьям ($\bar{x}_i = 3,82$ при $\sigma_i = 1,07$ vs $\bar{x}_i = 3,2$ при $\sigma_i = 1,36$). Правда, в категории «подростки» указанная тенденция выражена минимально (по «этике» $\bar{x}_i = 2,96$ при $\sigma_i = 1,03$, а по «этикету» $\bar{x}_i = 2,92$ при $\sigma_i = 1,29$).

Заслуживают внимания отказы респондентов выразить мнение в отношении ряда категорий. Вариант «не знаю, затрудняюсь ответить» по блоку «Этика» наибольшее число раз (304 или 49,4 % от всех «нулей» по блоку 1) выбран для категории «знакомые в возрасте лет 40 и старше», на следующих позициях расположились «подростки» (202 или 32,8 %), «студенческая среда» (104 или 16,9 %). По блоку «Этикет» картина суждений принципиально не отличалась: максимальное число раз (404 или 41,9 % от всех «нулей» по блоку 2) зафиксировано для категории «знакомые в возрасте лет 40 и старше», затем – «подростки» (330 или 34,2 %) и «студенческая среда» (197 или 20,3 %). Затруднения с ответами по другим категориям лиц предсказуемо оказались незначительными.

Выделим существенную деталь: выборов респондентами варианта «не знаю, затрудняюсь ответить» зафиксировано заметно больше в отношении правил этикета, чем норм этики (967 vs 616). Возможно, это обусловлено тем, что, оценивая обмен интернет-мемами представителями указанных категорий, студенты ориентируются на хорошо известные им базовые нормы социальных взаимодействий.

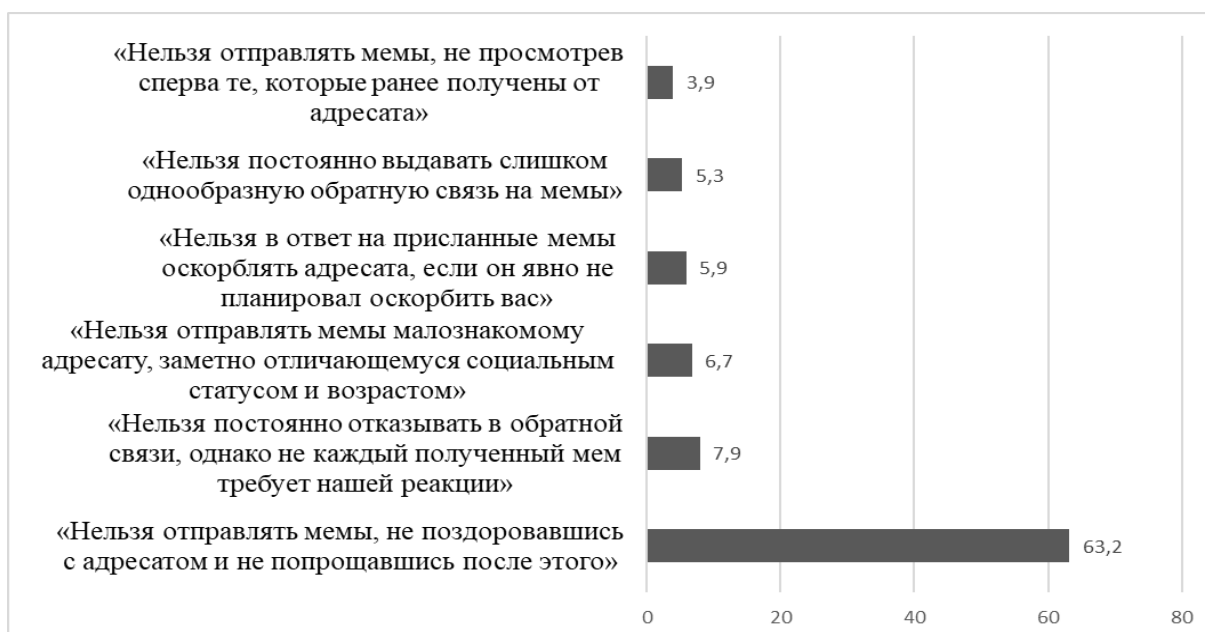
Еще одним доказательством сказанного являются показатели стандартных отклонений в таблице. Обобщенное значение всех σ_i по блоку «Этика» составило 1,07, тогда как такой показатель по блоку «Этикет» оказался 1,39. Обобщенное значение всех σ_o по блоку «Этика» также оказалось равно 1,07, а тот же показатель по блоку «Этикет» – 1,36. Таким образом, в блоке 2 анкеты наблюдался заметно больший разброс оценок, чем в блоке 1.

Соотношение ответов на вопрос о той норме этики или правиле этикета, которые не характерны для обмена интернет-мемами, представлено на рисунке.

Опрашиваемые ограничились 304 предположениями. Большинство – 192 чел. (63,2 % от числа ответов), как и ожидалось, признали неуместным правило «Нельзя отправлять мемы, не поздоровавшись с адресатом и не попросившись после этого». Здесь обобщенные баллы (\bar{x}_i) равны лишь 1,69 при $\sigma_i = 1,0$. Заметим, что для категории «знакомые в возрасте лет 40 и старше» их среднее значение составило 2,4 (при $\sigma = 1,69$). То есть в этой возрастной группе, по мнению студентов, такое правило отчасти имеет место.

Количество респондентов, давших иные ответы, оказалось слишком значительным, чтобы усомниться в их внимательности.

Среди императивов, признанных не характерными для «мемосферы», чаще выделялись следующие: «Нельзя постоянно отказывать в обратной связи, однако не каждый полученный мем требует нашей реакции» (24 чел. или 7,9 %), «Нельзя отправлять мемы малознакомому адресату, заметно отличающемуся статусом и возрастом» (20 чел. или 6,6 %), «Нельзя в ответ на мемы оскорблять адресата, если он явно не планировал оскорбить вас» (18 чел. или 5,9 %), «Нельзя постоянно выдавать слишком однообразную обратную связь» (16 чел. или 5,3 %), «Нельзя отправлять мемы, не просмотрев сперва те, которые ранее получены от этого адресата» (12 чел. или 3,9 %), а также некоторые другие в предельно незначительном количестве.

Распределение ответов на вопрос «Какая норма на самом деле не характерна для обмена интернет-мемами?»
Distribution of answers to the question "What norm is not really typical for the exchange of Internet memes"?

Таким образом, имеется свидетельство, что в настоящее время социальные регуляторы описываемой разновидности неформальных массовых коммуникаций еще не сформировались окончательно.

Заклучение

Итоги анкетного опроса студентов о специфике норм этики и правил этикета при обменах интернет-мемами дают основания сделать следующие выводы:

- представители всех рассмотренных категорий лиц, согласно респондентам, лучше соблюдают в «мемосфере» базовые этические нормы, чем правила этикета;
- студенты убеждены, что они сами и близкие друзья чаще других придерживаются норм этики, однако в правилах этикета уступают представителям старшего поколения;
- обмениваясь с близкими друзьями интернет-мемами, респонденты полагают, что превосходят их как в плане этики, так и этикета;
- «студенческая среда» хуже соблюдает нормы этики и правила этикета в сравнении с теми представителями, которые вошли в категории «лично Вы» и «Ваши близкие друзья»;
- в наименьшей мере следование неформальным нормативным регуляторам, по мнению респондентов, характерно для подростков – возрастной группы, в которую относительно недавно они входили;
- «знакомые в возрасте лет 40 и старше» являются категорией, в отношении которой студенты проявили наименьшую осведомленность и показали значительный разброс суждений;
- представители старшего поколения, заняв в восприятии молодежи лидерскую позицию по следованию правилам этикета, оказались на средней позиции по нормам этики;
- среди этических норм соблюдаются запреты отправлять мемы малознакомому адресату иного статуса и возраста, оскорблять отправителя мемов, а также затрагивать его личные проблемы, переживания и психотравмы. При этом нормы избегать высмеивания национальности, религии, сексуальной ориентации и учитывать интересы, интеллект, компетенции нарушаются заметно чаще;

– в отношении правил этикета отчасти проявляется тенденция не отказывать отправляющему мемы в периодической обратной связи, избегать однообразных ответов и утверждений, что такие мемы не интересны. При этом чаще нарушаются правила не быть навязчивыми, просматривать предварительно чужие мемы, не отвечать, что все это уже видели;

– выделение частью респондентов целого ряда норм этики и правил этикета как не характерных для обменов интернет-мемами позволяет утверждать, что эти регуляторы одобряемого поведения не получили единообразного оформления в сознании молодежи.

На результатах опроса отразилась тенденция к социальному одобрению, склонность позитивно выглядеть на фоне других. Тем не менее полученные данные позволяют разобраться в специфике неформальных нормативных регуляторов обмена интернет-мемами.

Представляется перспективным дальнейшее изучение представлений о соблюдении норм этики и правил этикета в «мемосфере» с созданием стратифицированной выборки, включающей студентов вузов различных профилей из нескольких регионов, а также других групп молодежи.

Список литературы

- Авилова Ж.Н., Ботнарюк И.А. 2023. Коммуникативные практики студенческой молодежи в формате онлайн и офлайн (на примере БГТУ им. В.Г. Шухова). *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(2): 235–243. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-235-243.
- Апресян Р.Г. 2018. Нормативная регуляция поведения. *Человек*, 1: 5-19.
- Богомазова В.В. 2022. Деструктивное общение в сети интернет (на примере жанра интернет-комментарий). *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 1 (164): 225–229.
- Горбатов Д.С., Байчик А.В. 2021. Социально-психологическая концептуализация феномена интернет-мемов. *Вопросы психологии*, 1: 82–291.
- Егорчев Ф.А., Рыбальченко О.В. 2019. Особенности современного сетевого этикета. *Научные труды Кубанского гос. тех. университета*, S8: 21–226.
- Зиновьева Н.А. 2015. Функции интернет-мемов в обществе. Социологический взгляд. В кн.: Интернет и современное общество: труды XVIII Всероссийской объединенной конференции, Санкт-Петербург, 22-25 июня 2015 г. СПб.: ИТМО, 54–56.
- Каберова Д.Р., Кузнецова А.Е. 2022. Тонкости этикета в эпоху культуры информационного общества. В кн.: Человек и культура в социальной и культурной антропологии. Материалы всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Курск, 17 марта 2022 года. Курск: Курский госуниверситет, 122–127.
- Канашина С.В. 2018. Интернет-мем и прецедентный феномен. *Вестник Томского гос. пед. университета*, 4(193): 122–127. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.
- Курячьева М.М. 2018. К проблеме этики поведения в социальных сетях: социологический подход. В кн.: Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV международного симпозиума, Нижний Новгород, 30 мая – 01 июня 2017 года. Под ред. А.В. Дахина. – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 176–177.
- Мосейко А.А. 2019. Особенности и отличия интернет-этикета от традиционного речевого этикета. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 5 (138): 153–157.
- Некрасова Н.А., Тригубенко Ф.А. 2015. Этика и этикет. *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*, 215: 99–104.
- Панишева О.В., Логинов А.В. 2022. Формирование навыков цифрового этикета у студентов педагогических вузов. *Информатика и образование*, 1(37): 8–15. DOI: 10.32517/0234-0453-2022-37-1-8-15.
- Пороховская Т.И. 2011. Нравственность и этикет в общении. *Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология*, 24(63), 2: 90–98.

- Сычев А.А. 2019. Этика норм и философия поступка. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*, 2(30): 121–129. DOI: 10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129.
- Щурина Ю.В. 2014. Интернет-мем как прецедентный феномен. В кн.: *Язык в различных сферах коммуникации. Материалы международной научной конференции, Чита, 25–26 сентября 2014 года*. Чита: Забайкальский госуниверситет, 102–108.
- Bishop J. 2014. Representations of «Trolls» in Mass Media Communication: A Review of Media-texts and Moral Panics Relating to «Internet Trolling». *International Journal of Web Based Communities*, 1(10): 7–24. DOI: 10.1504/IJWBC.2014.058384.
- Cruz A.G.B., Seo Y., Rex M. 2018. Trolling in Online Communities: A Practice-Based Theoretical Perspective. *The Information Society*, 1 (34): 15–26. DOI:10.1080/01972243.2017.1391909.
- Lankshear C., Knobel M. 2019. Memes, Macros, Meaning, and Menace: Some Trends in Internet Memes. *The Journal of Communication and Media Studies*, 4(4): 43–57. DOI: 10.18848/2470-9247/CGP/v04i04/43-57.
- Miltner K.M. 2018. Internet Memes. In: *The SAGE Handbook of Social Media*. New York: Sage, 412–428.

References

- Avilova Zh.N., Botnaryuk I.A. 2023. Kommunikativnye praktiki studencheskoy molodezhi v formate onlayn i oflayn (na primere BGTU im. V.G. Shukhova). [Communicative practices of students in online and offline format (on the example of V.G. Shukhov BSTU)]. *NOMOTNETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 48(2): 235–243. DOI: 10.52575/2712-746X-2023-48-2-235-243.
- Apresyan R.G. 2018. Normativnaya regulyatsiya povedeniya. [Normative regulation of behavior]. *Chelovek*, 1: 5–19.
- Bogomazova V.V. 2022. Destruktivnoe obshchenie v seti internet (na primere zhanra internet-kommentariy) [Destructive communication on the Internet (using the example of the Internet commentary genre)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 1(164): 225–229.
- Gorbatov D.S., Baychik A.V. 2021. Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptualizatsiya fenomena internet-memov. [Social psychological conceptualization of the phenomenon of Internet memes]. *Voprosy psikhologii*, 1: 82–91.
- Egorchev F.A., Rybal'chenko O.V. 2019. Osobennosti sovremennogo setevogo etiketa. [Features of modern network etiquette]. *Nauchnye trudy Kubanskogo gos. tekhn. universiteta*, S8: 21–26.
- Zinov'eva N.A. 2015. Funktsii internet-memov v obshchestve. Sotsiologicheskii vzglyad. [The functions of Internet memes in society. Sociological view]. *Internet i sovremennoe obshchestvo* [The Internet and modern society]: Proceedings of the XVIII All-Russian Joint Conference, St. Petersburg, June 22–25, 2015 St. Petersburg, Publ. ITMO, 54–56.
- Kaberova D.R., Kuznetsova A.E. 2022. Tonkosti etiketa v epokhu kul'tury informatsionnogo obshchestva. [The subtleties of etiquette in the era of Information Society culture]. *Chelovek i kul'tura v sotsial'noy i kul'turnoy antropologii* [Man and culture in social and cultural anthropology]. Materials of the All-Russian scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students, Kursk, March 17, 2022. Kursk, Publ. Kursk State University, 122–127.
- Kanashina S.V. 2018. Internet-mem i pretsedentnyy fenomen. [Internet meme and precedent phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. universiteta*, 4(193): 122–127. DOI:10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.
- Kuryach'eva M.M. 2018. K probleme etiki povedeniya v sotsial'nykh setyakh: sotsiologicheskii podkhod. [To the problem of ethics of behavior in social networks: a sociological approach]. *Dialog mirovozzreniy: zhiznennyy put' lichnosti, obshchestva, gosudarstva* [Dialogue of worldviews: the life path of an individual, society, and the state]. Proceedings of the XIV International Symposium, Nizhny Novgorod, May 30 – June 01, 2017 / Edited by A.V. Dakhin. – Nizhny Novgorod, Publ. Nizhny Novgorod Institute of Management - branch of the Federal State Budgetary educational institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation», 176–177.
- Moseyko A.A. 2019. Osobennosti i otlichiya internet-etiketa ot traditsionnogo rechevogo etiketa. [Features and differences of Internet etiquette from traditional speech etiquette]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5(138): 153–157.
- Nekrasova N.A., Trigubenko F.A. 2015. Etika i etiket. [Ethics and etiquette]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviatsii*, 215: 99–104.

- Panischeva O.V., Loginov A.V. 2022. Formirovanie navykov tsifrovogo etiketa u studentov pedagogicheskikh vuzov. [Formation of digital etiquette skills among students of pedagogical universities]. *Informatika i obrazovanie*, 1(37): 8–15. DOI: 10.32517/0234-0453-2022-37-1-8-15.
- Porokhovskaya T.I. 2011. Nравstvennost' i etiket v obshchenii. [Morality and etiquette in communication]. *Ucheny`e zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya*, 24 (63), 2: 90–98.
- Sychev A.A. 2019. Etika norm I filosofiya postupka. [Ethics of norms and philosophy of action]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 2(30): 121–129. DOI: 10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129.
- Shchurina Yu.V. 2014. Internet-mem kak pretsedentnyy fenomen. [Internet meme as a precedent phenomenon]. *Yazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii* [Language in various fields of communication]. Proceedings of the International scientific conference, Chita, September 25–26, 2014. Chita, Publ. Zabaikalsky State University, 102–108.
- Bishop J. 2014. Representations of «Trolls» in Mass Media Communication: A Review of Media-texts and Moral Panics Relating to «Internet Trolling». *International Journal of Web Based Communities*, 1(10): 7–24. DOI: 10.1504/IJWBC.2014.058384.
- Cruz A.G.B., Seo Y., Rex M. 2018. Trolling in Online Communities: A Practice-Based Theoretical Perspective. *The Information Society*, 1(34): 15–26. DOI:10.1080/01972243.2017.1391909.
- Lankshear C., Knobel M. 2019. Memes, Macros, Meaning, and Menace: Some Trends in Internet Memes. *The Journal of Communication and Media Studies*, 4(4): 43–57. DOI: 10.18848/2470-9247/CGP/v04i04/43-57.
- Miltner K.M. 2018. Internet Memes. In: *The SAGE Handbook of Social Media*. New York: Sage, 412–428.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 24.03.2024
Поступила после рецензирования 30.04.2024
Принята к публикации 20.05.2024

Received March 24, 2024
Revised April 30, 2024
Accepted May 20, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горбатов Дмитрий Сергеевич, доктор психологических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург, Россия.
 [ORCID: 0000-0002-5232-6083](https://orcid.org/0000-0002-5232-6083)

Dmitry S. Gorbatov, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, St. Petersburg State University; Professor, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, St. Petersburg, Russia.
 [ORCID: 0000-0002-5232-6083](https://orcid.org/0000-0002-5232-6083)

Горбатова Елена Александровна, кандидат психологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург, Россия.
 [ORCID: 0000-0001-8151-2371](https://orcid.org/0000-0001-8151-2371)

Elena A. Gorbatova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, St. Petersburg, Russia.
 [ORCID: 0000-0001-8151-2371](https://orcid.org/0000-0001-8151-2371)

УДК 316.43

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-233-241

Концепции управления в китайской социологии в первой половине XX века

Кремнёв Е.В.

Иркутский государственный университет,
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1;
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
kremnyov2005@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются значимые работы в изучении управления в китайской социологии первой половины XX века. Автор анализирует влияние социально-политических событий этого периода на формирование социологической науки в Китае, используя системно-исторический подход, сопоставительный и типологический анализ. В работе выявлено разделение социологии первой половины XX века на марксистскую и немарксистскую. В рамках первой показана значимость интеграции марксистских идей с китайскими управленческими традициями, критика немарксистских управленческих концепций и влияния западных держав на процессы управления в Китае. В рамках немарксистской социологии отмечается роль американских миссионеров и китайских ученых, обучавшихся за рубежом, в распространении социологии и начале её институционализации в Китае. Выделяются три типа социологических исследований управления: работы, поднимающие дискуссию об отнесенности проблем управления к социологии; комплексные социологические работы, частично посвященные управлению; и специализированные исследования управления. Автор приходит к выводу, что ключевыми тенденциями эпохи в изучении управления были сочетание социологии и марксизма, китаецентризм, проявившийся в поисках регион-специфичных научных подходов, и научный прагматизм, способствовавший активному заимствованию западных концепций. Несмотря на долгий период застоя, связанный с запретом социологии (1953–1979 гг.), современная китайская социологическая наука продолжает опираться на опыт, приобретенный ею в первой половине XX века.

Ключевые слова: Китай, социология, управление, китаецентризм, марксизм

Для цитирования: Кремнёв Е.В. 2024. Концепции управления в китайской социологии в первой половине XX века. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 233–241. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-233-241

Management Concepts in Chinese Sociology in the First Half of the 20th Century

Evgeny V. Kremnyov

Irkutsk State University
1 Karl Marx St, Irkutsk 664003, Russian Federation;
Sociological Institute of FCTAS RAS
25/14 7-ya Krasnoarmeyskaya St, St. Petersburg 190005, Russian Federation
kremnyov2005@mail.ru

Abstract. The paper examines significant works in the study of management in Chinese sociology in the first half of the 20th century. The author analyzes the influence of socio-political events of this period on the formation of sociological science in China using a systematic historical approach, comparative and typological analysis. The work reveals the division of sociology in the first half of the 20th century into Marxist and non-Marxist. The first one shows the importance of integrating

Marxist ideas with Chinese managerial traditions, criticizing non-Marxist managerial concepts and the influence of Western powers on governance processes in China. Within the framework of non-Marxist sociology, the role of American missionaries and Chinese scientists who studied abroad in the spread of sociology and the beginning of its institutionalization in China is noted. Three types of sociological studies of governance are distinguished; complex sociological works partially devoted to management; and specialized management studies. The author concludes that the key trends of the era in the study of management were a combination of sociology and Marxism, Sinocentrism, manifested in the search for region-specific scientific approaches, and scientific pragmatism, which contributed to the active borrowing of Western concepts. Despite the long period of stagnation associated with the prohibition of sociology (1953-1979), modern Chinese sociological science continues to rely on the experience it acquired in the first half of the twentieth century.

Keywords: China, sociology, management, China-centrism, Marxism

For citation: Kremnyov E.V. 2023. Management Concepts in Chinese Sociology in the First Half of the 20th Century. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 233–241 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-233-241

Введение

Становление социологии в Китае сопряжено с рядом трудностей, связанных с социально-политическими потрясениями, в которые Китай был погружен всю первую половину XX века. После Синьхайской революции 1911 года, свержения монархии и установления Китайской Республики началось бурное развитие социальных наук. Оно сопровождалось постоянными военными конфликтами внутри страны, ослаблением государственной власти, вмешательством других стран в политику и экономику Китая. Именно в этих условиях сложился теоретический и методологический аппарат китайской социологии. Факторы его формирования в значительной степени сопряжены с процессами управления, в связи с чем само управление как предмет китайской социологии в начальный период ее развития представляет существенный исследовательский интерес, поскольку отражает влияние управленческих концепций на развитие социологии как науки.

Социальное управление для современной китайской социологии – один из значимых предметов исследования, поскольку о необходимости его изучения заявлено высшим руководством страны [Decision..., 2013]. Современные китайские социологи предпринимают попытки соединить наработки мировой социологии с собственно китайскими достижениями, в том числе полученными и в указанный период [Huang, 1981; Xu, 1983; Li, 1987; Zheng, 2018]. В современной отечественной науке исследования китайской социологии затрагивают как общие вопросы [Цыбикова, 2005; Дерюгин, 2018], так и некоторые отдельные школы и направления [Лебединцева, 2023], однако наблюдается лакуна в сфере изучения социолого-управленческого опыта Китая.

В нашей работе мы предприняли попытку проанализировать основные тенденции в осмыслении управления в рамках китайской социологии и выявить то, как они повлияли на современные социологические исследования этой области.

Объекты и методы исследования

В качестве объекта исследования нами были выбраны социологические работы по изучению управления в Китае в первой половине XX века. Такой объект обусловлен значимостью работ заявленного периода для понимания того, как сегодня решаются задачи в сфере изучения социального управления. Для выявления, описания и анализа подходов к управлению во второй половине XX века в статье применялось несколько методов. В первую очередь – системно-исторический подход, позволяющий рассматривать социологию данного периода как устойчиво развивавшуюся систему.

Кроме того, использовались типологический метод, который дал возможность выделить типы социологических подходов к изучению управления, и сопоставительный анализ, на основе которого была предпринята попытка увидеть сходства и различия выявленных подходов и основных тенденций эпохи.

Марксистская социология и управленческий антиколониализм

Первым и важным признаком социологии этого периода в Китае следует считать ее разделение на марксистскую и немарксистскую.

Основными трудами, относимыми китайскими исследователями к социологии марксизма, являются работа Ли Дачжао «Значение исторического материализма для современной социологии» (1920) [Li, 1999], труды Цюй Цюбо «Современная социология» (1924) и «Общие положения социальных наук» (1923) [Qu, 1998], «Общие положения социальной философии» («社会哲学概论», 1923 г.), работы Ли Да «Современная социология» (1926) и «Общие принципы социологии» (1935¹) [Li, 2007]. Сама идея марксистской природы социологии была заимствована китайскими коммунистами из работ советских авторов. В частности, она изложена в труде Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии», изученном Цюй Цюбо и изложенном в его курсе лекций в Шанхайском университете.

Можно выделить три наиболее значимых направления, в рамках которых формулируется концепция управления в китайской марксистской социологии:

1) соединение марксистских социологических идей и китайских традиционных управленческих ценностей (например, концепциями «Великого единения», «благородного мужа» и т.п.);

2) критика прочих социолого-управленческих концепций данного периода (Г. Спенсера, А. Сен-Симона и др.);

3) изучение роли других стран в формировании социальных проблем в Китае (в первую очередь – вмешательство Запада и управление китайской экономикой и политикой силами западного капитала) [Кремнёв, 2020].

Как минимум два из трех указанных векторов демонстрируют, насколько в марксистской социологии проявлялся китайский этноцентризм: полуколониальное управление делами Китая со стороны других стран с точки зрения марксистов было одной из базовых управленческих проблем, к решению которой следовало стремиться путем установления по-настоящему китайской власти, не потерявшей связи с традицией.

Немарксистская социология: от зарубежных концепций к китайским

Вместе с тем, параллельно марксистской социологии, которая была, скорее, своеобразным ответвлением на стыке марксизма и социологии, в Китае развивались и другие мировые направления социологической мысли. Этот этап можно считать началом институционализации китайской социологии. С крахом монархии в 1911 году и основанием в 1912 году Китайской Республики страна по-настоящему открылась для западных и японских научных школ: изучались работы О. Конта, Ф. Гиддинга, Ж.-Ж. Руссо, Б. Кидда, Ш.Л. Монтескье, на китайский язык к этому времени были переведены «Изучение социологии» и «Основания социологии» Г. Спенсера, «Социология» Касимото Комуто и другие известные труды того времени.

Социология как дисциплина преподавалась в отдельных университетах и раньше (с 1906 г. – в Национальном колледже политики, с 1908 г. – в Наньянском университете

¹ Некоторые даты выхода указанных произведений могут быть неточными. Часто указывают датой выхода научного труда «Общие принципы социологии» 1937 г., тогда как в 1981 г. в Столичной библиотеке обнаружен вариант издания 1935 г. [Li, 1982].

г. Шанхая, с 1910 г. – а Пекинском университете и т.д.), однако при республиканском правлении социология резко укрепляет свои позиции в образовательной сфере. Так, к 1934 году отделения социологии открыты уже в 17 из 41 китайского университета, на них обучалось более 480 студентов (больше только на отделениях китайской литературы, истории и педагогики) [Huang, 1981].

Распространению социологии в первое время содействовали американские миссионеры (Дж. А. Дилей, Д.Х. Калп, П. Х. С. Баклин, Дж. С. Берджесс и др.), они преподавали социологию в христианских колледжах. Кроме того, большинство собственно китайских социологов перед тем, как начать работу в Китае, отправлялись на обучение в Европу, США и Японию [Цыбикова, 2005].

Создавались социологические ассоциации. Первая из них – Китайская ассоциация социологических исследований, основанная в 1922 году Юй Тяньсюем – просуществовала всего несколько лет, но при этом издавала собственный «Социологический журнал» [Ху, 1983]. В 1928 году была создана Юго-Восточная социологическая ассоциация, в которую вошли профессор Сунь Бэньвэнь, ее инициатор и организатор ассоциации, и некоторые другие шанхайские социологи, параллельно такая же ассоциация была создана в Пекине профессорами Тао Мэнхэ и Сюй Шилянem, а в 1930 году они объединились во Всекитайскую социологическую ассоциацию [Huang, 1981].

Уже с 1930-х гг., подобно процессам, протекавшим в марксистской социологии, в науке начинает проявляться культурный консерватизм, обусловленный китаецентризмом: китайская научная общественность ставит перед собой задачу разработки теоретико-методологических основ собственно китайской социологии, разрабатываются методы, которые, по мнению многих исследователей, полнее отражают социальные процессы с китайской региональной спецификой. Среди наиболее влиятельных социологов того времени следует назвать Сунь Бэньвэня, Чэнь Да, Ли Цзинхэя, Чэнь Ханьшэна, Пань Гуандана, У Вэньцао, У Цзинчао, Фэй Сяотуна и др. Заложенные в этот период основы изучения китайских социальных реалий (значимость сельской культуры и сельского уклада, сосуществование большого количества специфичных локальных сообществ и т.п.) в дальнейшем перерастут в необходимость учета этой методологии при изучении региональных социумов [Kremnyov, 2022].

Несмотря на бурное развитие самой социологии, тема управления в этот период не была приоритетной: управленческие концепции интересовали в большей степени представителей описанной ранее марксистской социологии, в основном же этой проблематикой занимались политология, философия и т.п. Как указывает Б. Ц. Цыбикова, наибольшее распространение в этот период получили следующие направления исследований:

- 1) общие и переводные работы;
- 2) историческая социология;
- 3) исследование сообществ;
- 4) макросоциология.

Так, ярким примером развития третьего из указанных направлений является «Китайская школа социолокальных исследований», сформировавшаяся в 1930-е гг. благодаря вкладу представителей британской социальной антропологии (А. Радклифф-Браун, Б. Малиновский), а также С.М. Широкогоору [Лебединцева, 2023] и осуществлявшая микро-социологическое изучение сообществ [Цыбикова, 2005]. Ее основателем называют У Вэньцао, который активно сотрудничал с Фэй Сяотуном.

Концепции управления в комплексных и узкоспециальных работах

Вместе с тем в рамках указанных направлений производились исследования вопросов управления. Эти исследования можно разделить на три группы.

К первым следует отнести работы, поднимавшие *дискуссию об отнесенности управленческой проблематики к сфере социологии*. Часть социологов позиционировала

социологию как узкую отрасль, которую следует строго отграничивать от других социогуманитарных наук. В частности, Ли Цзяньхуа полагал, что единственным объектом исследования социологии являются социальные отношения, всё остальное – предметы других наук, например, властно-управленческие концепции должна изучать политология [Li, 1929].

Вместе с тем отстаивалось и противоположное мнение. Так, Е Фау указывал на управление социальной жизнью людей как на обязательный элемент общественных отношений, обладающий, по его мнению, тремя важнейшими характеристиками по отношению к индивиду: внешним характером, ценностным потенциалом и принудительностью. Последняя как раз и способствовала тому, чтобы общество было способно управлять индивидуумом во всех трех изменениях: его мыслями, чувствами и поступками [Ye, 1931].

Примером своего рода примирительной позиции можно считать мнение Тао Мэнхэ, который в работе «Общество и образование» (1935 г.) писал, что социологию можно рассматривать в широком и узком смысле. В первом случае она охватывает предметы и таких наук, как политика, история и экономика, во втором ее предмет – социальные законы, по которым существуют «организованные общественные группы». Под такими группами Тао Мэнхэ подразумевает кланы, племена, государства [Tao, 2020]. В рамках такого подхода управление осмысливается не само по себе, а через понятие организации в самом широком смысле [Zheng, 2018]. Организационный аспект как значимую область социологии отмечали многие социологи того времени, в частности Чжу Исун [Zhu, 1929], Ян Кунь [Yang, 1934], Цзянь Гуаньсань [Jian, 1935], Юй Тяньсю [Yu, 1931] и др.

Вторая группа работ посвящена *изучению управления в рамках исследований комплексного типа*. Знаковые социологические труды этого периода затрагивали социально-управленческую проблематику. Среди них работа профессора Яньцзинского университета Дж. С. Берджесса, который в 1917 году провел опрос о социальных условиях в Пекине. Опрос охватывал широкий круг тем, таких как история, география, образование, население, здоровье, экономика, отдых, проституция, бедность, работа по оказанию помощи, условия содержания в тюрьмах, религия и т.д. Затрагивал он и вопросы государственного управления [Li, 1981].

Значительный вклад в разработку идей социального управления внес Сунь Бэньвэнь, учившийся в свое время в США у американских социологов Ф. Гиддингса, Р. Парка и У. Огборна. Так, в 1929 году группа наиболее значимых ученых под его руководством подготовила серию из 15 книг по различным отраслям социологии: культурным, социально-психологическим, экономическим, географическим основам общества, проблемам социальной эволюции, сельской и городской социологии, истории и методологии социологии и т.д. Отдельные разделы были посвящены проблемам социального контроля и социальной организации. В своей книге «Принципы социологии» (1935 г.) Сунь Бэньвэнь выделяет пять ключевых вопросов, касающихся социального поведения и требующих изучения в рамках социологии: элементы социального поведения, его процесс, организация, управление социальным поведением и его преобразование [Sun, 2012].

Среди важных исследований, касавшихся проблем социального управления – знаменитая работа Ли Цзинхана, который в конце 1920-х – начале 1930-х гг. провел крупнейшее на тот момент в истории Китая комплексное социологическое исследование уезда Динсянь провинции Хэбэй. Исследование, проведенное на основе анкетирования, выборочных опросов и других количественных методов, подняло на новый уровень полевые исследования в Китае. Оно охватывало население в 3,78 млн человек и 17 крупных тем, среди которых были вопросы местного управления и организации местных сообществ [Li, 1987].

Третья группа работ – это исследования, непосредственно посвященные проблемам управления. Среди наиболее значимых работ такого типа следует назвать труды Фэй Сяотуна 1940-х гг. «Застой низовой администрации» и «Еще раз к вопросу о двухпутной политике» [Fei, 2015]. В них социолог проанализировал характеристики традиционного китайского управления. По его мнению, структура управления традиционного китайского общества была в определенной степени "двухпутной": сверху находилась императорская власть и чиновничья бюрократия, не занимавшаяся проблемами ниже уровня уезда, снизу – автономные социальные группы (кланы, общины, торговые палаты и т.п.), а связующим звеном между ними было местное дворянство. Фэй Сяотун считал, что традиционное китайское общество характеризуется сложной системой культурного разнообразия и социальной иерархии, которую следует использовать для содействия социальной интеграции и стабильности. Он выступал за подход к управлению по принципу «снизу вверх», который предполагает расширение прав и возможностей местных сообществ и поощрение участия низов в процессах принятия решений. По мнению социолога, для успешного управления необходимо глубокое понимание разнообразных культурных и социальных традиций китайского народа, а также приверженность гуманистической этике и социальной справедливости. Он считал, что правительство обязано поощрять культурное разнообразие и защищать права меньшинств, одновременно способствуя экономическому развитию и социальному благополучию для всех.

Таковы базовые типы исследований по изучению управления в китайской науке первой половины XX века. Дальнейшее развитие социологии в Китае происходило в сложных условиях и со значительными перерывами в 1937–1949 гг. и 1953–1979 гг., однако она не утратила ориентиры, намеченные в рассмотренный период.

В 1937–1949 годы, в период войны с Японией, послевоенного восстановления и противостояния коммунистов и гоминьдановцев многие университеты либо прекратили свою деятельность, либо были разрушены, и лишь их часть продолжала функционировать [Дерюгин, 2018]. С поражением Гоминьдана в гражданской войне и провозглашением в 1949 году Китайской Народной Республики под руководством Коммунистической партии Китая социологические школы попытались адаптироваться к новой государственной идеологии: были взяты на вооружение достижения марксистской социологии, марксизм-ленинизм стал основной теоретической базой.

Некоторое время академической социологии удалось просуществовать, издавались работы по марксистской социальной теории, изучались труды классиков марксизма о развитии общества и критике буржуазного общества. Тем не менее в 1953 году преподавание социологии было запрещено, а все социологические факультеты упразднены [Цыбикова, 2005]. Вместе с социологией прекратились и любые исследования управления, их заменили доктринальные документы партии, предписывающие рассматривать все управленческие процессы через их призму.

Возрождение социологии произошло лишь после смерти Мао Цзэдуна и прихода к власти нового поколения коммунистов во главе с Дэн Сяопином – поколения реформаторов: в 1979 году социологию снова разрешили. Вместе с тем достижения социологии первой половины XX века не были забыты, а уже выработанные в ней стратегии сыграли свою роль в восстановлении социологического знания. Марксизм на новом этапе выразился в идеологизированных исследованиях социального управления, китаецентризм – в традиционалистски-ориентированных работах, а прагматизм – в продолжении активного заимствования западных концепций. На сегодня все три направления продолжают развиваться и определять облик современной китайской социологии и ее подходов к изучению управления.

Заклученне

Исследования управления в китайской социологии XX в. можно отнести к марксистской и немарксистской социологии.

Первая развивалась на основе идей советских коммунистов и сосредотачивалась попытке соединения идей марксистской социологии и традиционных китайских концепций управления, критике иных социологических подходов к природе власти, а также осмыслении влияния других стран на рост общественных проблем Китая.

Немарксистская ветвь социологии, представлявшая собой развитие идей западных и японских социологов, изучала управление в рамках трех направлений. Во-первых, это дискуссии об отнесенности управленческой проблематики к сфере социологии, в которых высказывались полярные мнения – от необходимости ограничивать социологию строго социальными отношениями до значительного расширения исследовательского поля социологов и обязательного включения в него вопросов управления. Во-вторых, значимыми в этом отношении были работы, где управление рассматривалось в числе прочих феноменов социальной жизни. В-третьих, в Китае того времени были социологические труды, непосредственно направленные на изучение формирования структуры управления с опорой на культурные и социальные традиции китайского народа.

Среди общих тенденций, которыми можно охарактеризовать социолого-управленческие концепции того времени, следует отметить сильное влияние марксизма, китаецентризма и прагматизма. Все указанные направления, несмотря на долгие перерывы в развитии китайской социологии, значимы для нее и сегодня. Марксизм продолжает иметь указанное влияние в силу глубокого проникновения современной государственной идеологии в научно-исследовательскую среду, китаецентризм – по причине наличия социального и государственного запроса на повышение самоидентификации китайцев, в том числе за счет усиления традиционализма. Что касается прагматизма, то он обеспечивает возможность для китайской социологии развиваться в рамках современной мировой социологии, поставляющей Китаю новые теории, методы и инструменты изучения всех сфер общественной жизни, в том числе – управленческих процессов.

Список литературы

- Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Веселова Л.С. 2018. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции. *Социологические исследования*, 7 (411): 124-134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8.
- Кремнёв Е.В. 2020. Властно-управленческие концепции китайской марксистской социологии начала XX века: традиции и революция. *Социологические исследования*, 5: 102-112. DOI: 10.31857/S013216250009479-9.
- Лебединцева Л.А., Дерюгин П.П., Лю Ц. 2023. Профессор С.М. Широкогоров: русские истоки китайской социологии. *Социологические исследования*, 10: 126-136. DOI: 10.31857/S013216250028310-4.
- Цыбикова Б.Ц. 2005. Становление и развитие социологии в Китае. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. ИСПИ РАН, 22 с.
- Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Several Major Issues Concerning Comprehensively Deepening Reform (Adopted at the Third Plenary Session of the 18th Central Committee of the Communist Party of China on 12 November 2013). *Central People's Government of People's Republic of China*. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm. (in Chinese).
- Fei Xiaotong. 2015. *Library of Modern Chinese Thinkers*. Edited by Lu Wenhao. Beijing, Renmin University of China Press, 320 p. (in Chinese).
- Huang Shaolun. 1981. Chinese Sociology Before 1949. *Collection of Essays in Sociology*. Fudan, Shejiang People's Press: 173-208. (in Chinese).

- Jian Guansan. 1935. *Theoretical sociology*. Shanghai, Zhonghua shuibu. (in Chinese).
- Kremnyov E.V., Lesnikovskaya E.V., Kuznetsova O.V. 2022. Modern Transdisciplinary Regionology: the Goal and the Objectives. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15 (4): 443-452. DOI: 10.17516/1997-1370-0435.
- Li Da. 2007. *Modern sociology*. Wuhan, Wuhan University Press. (in Chinese).
- Li Da's «Outline of Sociology». The discovery of the earliest edition. 1982. *Philosophical Studies*, 3. (in Chinese).
- Li Dazhao. 1999. *The Collected Works of Li Dazhao*. Beijing, People's Publishing House. (in Chinese).
- Li Hanlin, Fang Ming, Wang Ying, Sun Bingyao, Qi Wang. 1987. Chinese Sociology, 1898-1986. *Social Forces*, 65 (3): 612-640. (in Chinese).
- Li Jianhua. 1929. The Place of Sociology in Science. *Journal of Sociology*, 1. (in Chinese).
- Qu Qiubai. 1998. *The Collected Works of Qu Qiubai*. Beijing, People's Publishing House. (in Chinese).
- Sun Benwen. 2012. *The Collected Writings of Sun Benwen*. Beijing, Social Science Literature Publishing House, 4352 p. (in Chinese).
- Tao Menghe. 2020. *Society and Education*. Shanghai, Shanghai Commercial Press, 308 p. (in Chinese).
- Xu Miaofa. 1983. Sociological Organization in Old China. *Society*, 4: 42. (in Chinese).
- Yang Kun. 1934. Ethnology and sociology. *Journal of Sociology*, 4 (3). (in Chinese).
- Ye Fawu. 1931. The Nature of Social Phenomena and the True Meaning of Sociology. *Journal of Sociology*, 2 (4). (in Chinese).
- Yu Tianxiu (ed.). 1931. *Outline of Sociology*. Beijing, Beijing Culture Society Publishing House. (in Chinese).
- Zheng Kailiang. 2018. *Research on Chinese sociological societies: Master's thesis: History*. Hebei University, 137 p. (in Chinese).
- Zhu Yisong. 1929. On the content of sociology. *Journal of Sociology*, 1(2). (in Chinese).

References

- Deryugin P.P., Lebedinceva L.A., Veselova L.S. 2018. Vektory` stanovleniya kitajskoj sociologii: pragmaticheskaya napravlennost`, soxranenie tradicii [Vectors of Chinese Sociology Becoming: Pragmatic Orientation and Maintaining of Tradition]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 7 (411): 124-134 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250000169-8.
- Kremnyov E.V. 2020. Vlastno-upravlencheskie koncepcii kitajskoj marksistskoj sociologii nachala XX veka: tradicii i revolyuciya [Governance Concepts in Chinese Marxist Sociology in the Early 20th Century: Tradition and Revolution]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5: 102-112 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250009479-9.
- Lebedinceva L.A., Deryugin P.P., Lyu Cz. 2023. Professor S.M. Shirokogorov: russkie istoki kitajskoj sociologii [Professor S.M. Shirokogorov: The Russian origins of Chinese Sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 10: 126-136. DOI: 10.31857/S013216250028310-4.
- Cybikova B.Cz. 2005. Stanovlenie i razvitie sociologii v Kitae [Formation and Development of Sociology in China]. Abstract. dis. ... cand. sociol. sciences. ISPI RAN, 22 p. (in Russian).
- Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Several Major Issues Concerning Comprehensively Deepening Reform (Adopted at the Third Plenary Session of the 18th Central Committee of the Communist Party of China on 12 November 2013). *Central People's Government of People's Republic of China*. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2013-11/15/content_2528179.htm. (in Chinese).
- Fei Xiaotong. 2015. *Library of Modern Chinese Thinkers* / edited by Lu Wenhao. Beijing, Renmin University of China Press, 320 p. (in Chinese).
- Huang Shaolun. 1981. Chinese Sociology Before 1949. *Collection of Essays in Sociology*. Fudan, Shejiang People's Press: 173-208. (in Chinese).
- Jian Guansan. 1935. *Theoretical sociology*. Shanghai, Zhonghua shuibu. (in Chinese).
- Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. 2022. Modern Transdisciplinary Regionology: the Goal and the Objectives. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15 (4): 443-452. DOI: 10.17516/1997-1370-0435.
- Li Da. 2007. *Modern sociology*. Wuhan, Wuhan University Press. (in Chinese).
- Li Da's «Outline of Sociology». The discovery of the earliest edition. 1982. *Philosophical Studies*, 3 (in Chinese).

- Li Dazhao. 1999. *The Collected Works of Li Dazhao*. Beijing, People's Publishing House. (in Chinese).
- Li Hanlin, Fang Ming, Wang Ying, Sun Bingyao, Qi Wang. 1987. Chinese Sociology, 1898-1986. *Social Forces*, 65 (3): 612-640. (in Chinese).
- Li Jianhua. 1929. The Place of Sociology in Science. *Journal of Sociology*, 1. (in Chinese).
- Qu Qiubai. 1998. *The Collected Works of Qu Qiubai*. Beijing, People's Publishing House. (in Chinese).
- Sun Benwen. 2012. *The Collected Writings of Sun Benwen*. Beijing, Social Science Literature Publishing House, 4352 p. (in Chinese).
- Tao Menghe. 2020. *Society and Education*. Shanghai, Shanghai Commercial Press, 308 p. (in Chinese).
- Xu Miaofa. 1983. Sociological Organization in Old China. *Society*, 4: 42. (in Chinese).
- Yang Kun. 1934. Ethnology and sociology. *Journal of Sociology*, 4 (3). (in Chinese).
- Ye Fawu. 1931. The Nature of Social Phenomena and the True Meaning of Sociology. *Journal of Sociology*, 2 (4). (in Chinese).
- Yu Tianxiu (ed.). 1931. *Outline of Sociology*. Beijing, Beijing Culture Society Publishing House. (in Chinese).
- Zheng Kailiang. 2018. *Research on Chinese sociological societies*: Master's thesis: History. Hebei University, 137 p. (in Chinese).
- Zhu Yisong. 1929. On the content of sociology. *Journal of Sociology*, 1 (2). (in Chinese).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.01.2024

Поступила после рецензирования 25.02.2024

Принята к публикации 24.05.2024

Received January 05, 2024

Revised February 25, 2024

Accepted May 24, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой китайведения, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-тихоокеанского региона, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-5255-3772](https://orcid.org/0000-0001-5255-3772)

Evgeny V. Kremnyov, Candidate in Sociology, Associate Professor, Head of Department of Sinology, Head of Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; Associate Researcher of Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-5255-3772](https://orcid.org/0000-0001-5255-3772)

УДК 316.477-053.5

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-242-253

Профессиональная ориентация молодежи как социальный процесс: структурная и факторная составляющие

Щанина Е.В. , Шокурова Л.М.

Пензенский государственный университет
Россия, 440026, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, д. 40
shchanina@mail.ru; lyubov.shokurova@yandex.ru

Аннотация. В настоящий момент рынок труда нуждается в высококвалифицированных специалистах, которые должны быть профессионалами интегративного типа, понимать значение профессиональной деятельности в интересах устойчивого развития общества и страны. Существующий сегодня дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда является причиной невостребованности молодых людей на рынке труда. При этом, несмотря на многочисленные исследования по вопросам профориентации, до сих пор отсутствует единая концепция системы подготовки молодежи к профессиональному самоопределению с учетом запроса государства на определенные профессии. Цель данного исследования – определить структуру, факторы и условия профессиональной ориентации российской молодежи. В процессе исследования проведен анализ статистических данных, вторичный анализ результатов социологических исследований по проблеме профессиональной ориентации молодежи. Представлена авторская модель концепта «Профессиональная ориентация молодежи», включающая структурную и факторную составляющие; описан мотивационный механизм по выбору будущей профессии; акцентировано внимание на том, что для эффективного функционирования системы профориентирования молодежи необходима институциональная поддержка и создание соответствующих условий.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, молодежь, социальные институты, внутренняя структура личности, факторы профориентации

Для цитирования: Щанина Е.В., Шокурова Л.М. 2024. Профессиональная ориентация молодежи как социальный процесс: структурная и факторная составляющие. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(2): 242–253. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-242-253

Vocational Guidance of Youth As a Social Process: Structural and Factor Components

Ekaterina V. Shchanina , Lyubov M. Shokurova

Penza State University
40 Krasnaya St, Penza 440026, Russian Federation
shchanina@mail.ru; lyubov.shokurova@yandex.ru

Abstract. At the moment, the labor market needs highly qualified specialists who must be integrative professionals understanding the importance of professional activity in the interests of sustainable development of society and the country. The current imbalance between supply and demand in the labor market is the reason for the lack of demand for young people in the labor market. At the same time, despite numerous studies on career guidance, there is still no unified concept of a system for preparing young people for professional self-determination, taking into account the state's request for certain professions. The purpose of this study is to determine the structure, factors and conditions of professional guidance for Russian youth. During the research process, an analysis of statistical data and a secondary

analysis of the results of sociological research on the problem of vocational guidance of youth were carried out. The author's model of the concept «Vocational Guidance of Youth» is presented, including structural and factor components; the motivational mechanism for choosing a future profession is described; attention is focused on the fact that for the effective functioning of the career guidance system for youth, institutional support and the creation of appropriate conditions are necessary.

Keywords: professional self-determination, youth, social institutions, internal personality structure, career guidance factors

For citation: Shchanina E.V., Shokurova L.M. 2024. Vocational Guidance of Youth As a Social Process: Structural and Factor Components. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 242–253 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-242-253

Введение

Выбор профессионального пути – важный этап в жизни молодежи, поскольку все жизненные планы, цели, задачи строятся личностью в контексте профессионального самоопределения. Осознанный выбор профессии приводит к профессиональной самореализации и успеху, дает возможность достичь желаемого социального статуса в обществе.

Происходящие в современном российском обществе изменения затрагивают все сферы общественной жизни – социальную, экономическую, политическую, культурную, религиозную. Ситуация в сфере труда и занятости характеризуется сложностью, нестабильностью, противоречивостью, глобальными и быстрыми изменениями, что отражается и на социально-экономическом положении молодежи. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2010 году средний в России уровень безработицы среди молодежи в возрасте 15–24 лет составил 18 % (на 5 % выше среднемирового уровня). В 2020 году этот показатель был 10,7 %, а в 2023 – 6,4 %¹. Наблюдается положительная тенденция, однако уровень молодежной безработицы существенно превышает общероссийский (3,2 % в мае 2023 г.) Обращаясь к результатам исследований ВЦИОМ в 2009 году, можно констатировать, что 100–150 тыс. выпускников вузов ушли на биржу труда. По данным Правительства РФ, в мае 2023 г. 18 % (из общего количества выпускников вузов и колледжей) еще не определились с трудоустройством².

Ряд экономических и политических процессов, а также специфика развития рынка труда в нашей стране сформировали слой незанятых молодых людей, который условно можно разделить на добровольно незанятых и вынужденно незанятых [Захаров, Бовкунова, 2022]. Отсутствие должного анализа и достоверной информации о состоянии спроса на профессии в период профессионального становления молодых людей и выбора направления подготовки является причиной их невостребованности на рынке труда. В итоге в службах занятости возникает проблема с трудоустройством выпускников вузов. Встали на учет в службу занятости в апреле 2021 года более 15 тыс. выпускников вузов 2020 года, которые не смогли найти себе работу. При этом треть выпускников с высшим образованием 2016–2018 годов работала не по специальности³. Данные подтверждаются исследованиями Центра экономики непрерывного образования (ЦЭНО) РАНХиГС (опрос июль – август 2020 г., в городских поселениях трех регионов, дифференцированных по

¹ Сообщение аппарата вице-премьера РФ Т.А. Голиковой. 05.09.2023. URL: <http://government.ru/news/49426/> (дата обращения: 01.08.2023).

² Ирина Жандарова Росстат: Уровень безработицы по итогам мая 2023 года обновил исторический минимум // Интернет-портал «Российской газеты» 28.06.2023. URL: <https://rg.ru/2023/06/28/rosstat-uroven-bezraboticy-po-itogam-maia-2023-goda-obnovil-istoricheskij-minimum.html> (дата обращения: 11.08.2023).

³ Елена Герасимова. У выпускников вузов оказались нескромные зарплатные мечты // Интернет-портал «Независимая газета» 04.08.2021. URL: https://www.ng.ru/education/2021-08-04/8_8216_job.html (дата обращения: 01.08.2023).

критериям социально-экономического развития (Волгоградская, Самарская, Свердловская области), опрошены 903 выпускника образовательных учреждений среднего профессионального образования (СПО) и 1014 выпускников вузов) [Клячко и др., 2020]. Доля тех, кто считает, что работу по выбранной специальности найти трудно, составила 40 % среди опрошенных молодых людей, получивших образование высокого качества и работающих не по специальности; 37 % работают не по специальности из-за низкой оплаты труда в организациях и компаниях, соответствующих их образовательному профилю, четверть респондентов с образованием высокого качества выбрали работу не по специальности, поскольку она им более интересна. [Клячко и др., 2020] По результатам опроса ВЦИОМ в январе 2024 года, 40 % респондентов считают, что работу выпускнику вуза удастся найти только с большим трудом и 10 % респондентов уверены, что найти работу выпускнику вуза практически невозможно¹.

Проблема дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда обуславливает актуальность темы исследования профессиональной ориентации молодежи и свидетельствует о необходимости развития системы профориентации как системы подготовки молодежи к профессиональному самоопределению.

Рынок труда вследствие влияния различных факторов постоянно изменяется, следовательно, стратегия карьерного планирования подростка должна динамично подстраиваться под спрос экономики на трудовые ресурсы и учитывать личные интересы. Для реализации стратегии необходимо постоянно отслеживать изменения на рынке труда. В этом и состоит основная задача современной профессиональной ориентации, как основного помощника в профессиональном самоопределении [Гуртов, Хотеева, 2018].

Основная задача профориентации заключается в том, чтобы раскрыть суть профессии, ее значимость, основные требования к кандидату на должность и показать уровень защищенности персонала той или иной организации от негативного влияния политических, экономических и других факторов. Только имея четкие представления о профессии, молодой человек может сделать выбор, оценив свои возможности и скорректировав свои желания в профессиональном развитии [Пряжникова, 2006; Шнарбекова, 2018; Быков, Настина, 2020].

Проблеме выбора профессии также посвящены многочисленные исследования отечественных социологов (Ю.Р. Вишневого [Вишневыи, Тарасова, 2022], Г.Е. Зборовского [Амбарова, Зборовский, 2023], Д.Л. Константиновского [Константиновский, 2014], Л.Я. Рубиной [Рубина, 2009] и др.) и зарубежных исследователей [Lamanauskas, Augienė, 2019; Liu, 2019; Puzic et al., 2019; Super, 1953; Valitova et al., 2015; Zeer et al., 2018].

Однако, несмотря на наличие исследований, посвященных проблемам профориентации молодежи, в современной социологической науке еще не получила своего осмысления специфика данного процесса, не систематизированы факторы, влияющие на профессиональное самоопределение молодежи, в еще меньшей степени концептуально обоснован мотивационный механизм выбора профессии.

Цель данного исследования – определить структуру, факторы и условия профессиональной ориентации российской молодежи.

Материалы и методы

Информационную базу составили материалы Федеральной службы государственной статистики, нормативно-правовые акты, официальные информационные материалы органов власти, посвященные вопросам образования, трудоустройства выпускников вузов, государственной политики в сфере управления трудовыми ресурсами.

¹ Учеба в вузе и перспективы трудоустройства: мониторинг // ВЦИОМ : офиц. сайт. 24.01.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ucheba-v-vuze-i-perspektivy-trudoustroistva-monitoring> (дата обращения: 11.08.2023).

Эмпирическую базу составили: результаты авторского социологического исследования, проведенного в 2023 году среди школьников 10, 11 классов г. Пензы и Пензенской области методом анкетного опроса ($n = 409$), основанного на репрезентативной выборке (применялась методика квотного отбора по признакам пола, возраста и класса); результаты социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Центра экономики непрерывного образования (ЦЭНО) РАНХиГС об уровне занятости молодежи и трудоустройства выпускников вузов за период с 2010 по 2020 годы.

Результаты исследования и обсуждение

Проблема выбора профессии сегодня обсуждается на государственном уровне. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации»¹ образование осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства, в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. Очевидно, что профессиональная ориентация молодого поколения является важнейшей государственной задачей, особой формой заботы общества о профессиональном становлении подрастающего поколения.

Профессия предопределяет социальный статус и материальные возможности индивида, что в свою очередь напрямую зависит от ее востребованности и значимости на рынке труда. Замотивированные на результат люди, показывающие высокую производительность труда, удовлетворенные своей работой, формируют трудовые ресурсы страны, которые являются одним из важнейших факторов экономического роста и стабильности государства и общества в целом. Следовательно, выбор профессии имеет принципиальное значение, и проблема профориентации молодежи актуальна вне времени.

В научной литературе профессиональная ориентация рассматривается как комплекс взаимосвязанных экономических, социальных, медицинских, психологических и педагогических мероприятий, направленных на формирование профессионального призвания, выявление способностей, интересов, пригодности и других факторов, влияющих на выбор профессии или на смену рода деятельности [Гудкова, 2004]; как система мер по профинформации, профконсультации, профподбору и профадаптации, которая помогает человеку выбрать профессию, наиболее соответствующую потребностям общества, его личным способностям и особенностям [Медведева, Ширяева, 2016]; по оказанию молодежи лично-ориентированной помощи в выявлении и развитии способностей и склонностей, профессиональных и познавательных интересов в выборе профессии, а также формирование потребности и готовности к труду в условиях рынка, многоукладности форм собственности и предпринимательства [Рыбальская, 2018].

Результаты многолетних исследований подтверждают, что на выбор профессии молодого поколения влияют группы факторов (личные интересы, престиж профессии, успехи в учебе, материальные возможности и т.п.). После окончания школы, согласно исследованиям В.Н. Шубкина, молодые люди делают выбор будущей профессии и предпринимают действия, которые реализуют намерения. Этот выбор выявляет, каковы ориентации молодежи относительно существующих в обществе возможностей и как в действительности они будут на данном этапе жизненного пути использованы [Шубкин, Чердниченко, 1994].

Обобщение вышеперечисленных подходов к определению сущности понятия «профессиональная ориентация молодежи» позволяет заключить, что ее следует рассматривать в двух основных аспектах. С одной стороны, это система подготовки

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.07.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.08.2023).

молодежи к осознанному выбору профессии, включающая такие структурные элементы, как профинформирование, профконсультирование, профотбор, трудоустройство и адаптацию на производстве. С другой стороны, это социальный процесс выбора индивидом профессии (специальности). На основании анализа научной литературы нами осуществлена структурная операционализация понятия «профессиональная ориентация молодежи» (рис. 1), включающая два компонента: «сознание» (общественное и личное) и «действие».

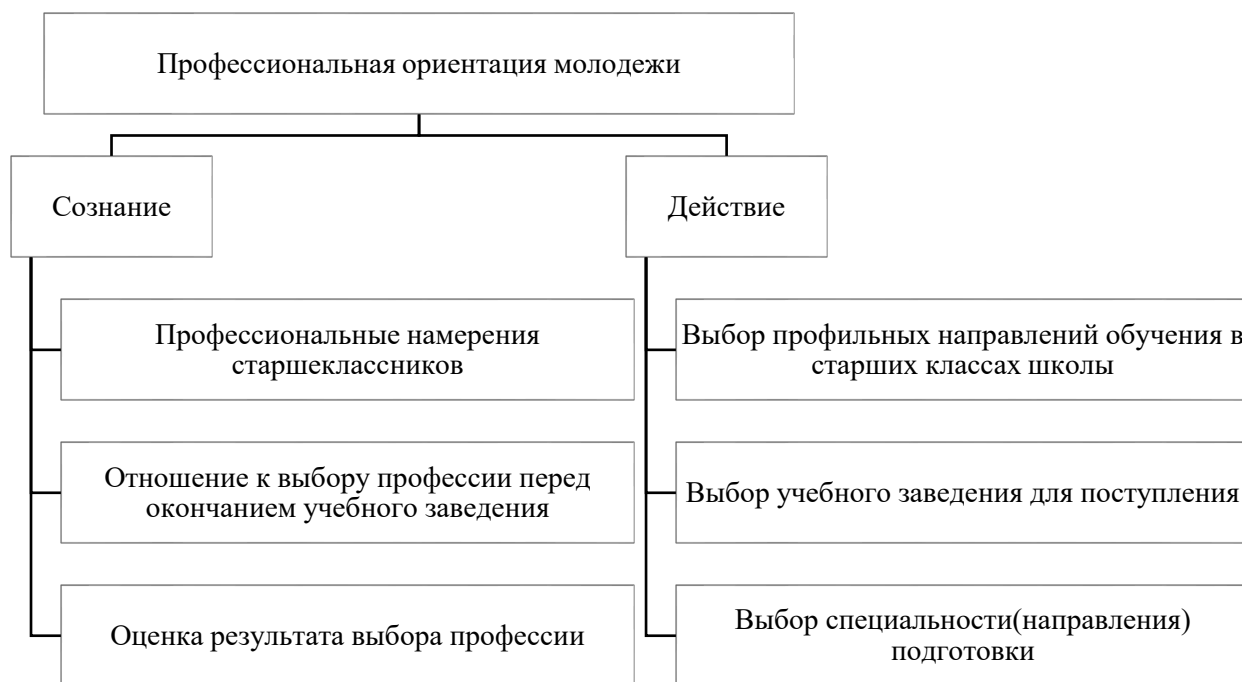

Рис. 1. Структурная операционализация понятия «Профессиональная ориентация молодежи»
Fig. 1. Structural operationalization of the concept "Vocational guidance of youth"

Профессиональная ориентация молодежи представляет собой сложный, динамичный процесс, который осуществляется под влиянием факторов социальной среды. Т.В. Кудрявцев и А.И. Сухарева подразделяют их на две группы [Кудрявцев, Сухарева, 1988]. Факторы первой группы имеют значение в подростковом и раннем юношеском возрасте. Наиболее значимые среди них: мнение родителей и школьных преподавателей, личный пример родителей, отношение, которое сформировалось в течение жизни у ребенка о профессии родителей, состояние здоровья. В данной ситуации роль родителей должна заключаться в поддержание профессионального выбора ребенка. В противном случае это приводит к формированию зависимой личности, которой потребуется в дальнейшем постоянная поддержка во всех вопросах. Вторая группа факторов значима на этапе окончания обучения и необходимости выбора профессионального и жизненного пути: мода, жизненные идеалы и образы, влияние друзей, социальный престиж профессии и другие [Кудрявцев, Сухарева, 1988].

Немаловажным фактором является престиж учебного заведения. Многие выпускники школ ориентированы именно на престиж учебного заведения и известность, успех его выпускников [Дроздова, Миронов, 2013].

Последние 10 лет наиболее значимыми факторами являются личные интересы, симпатии школьника, успех в изучение определенных дисциплин, мнение друзей и родственников [Воронин, 2015; Гуртов, Хотеева, 2018].

Согласно результатам авторского социологического исследования 2023 года среди школьников 10–11-х классов г. Пензы и Пензенской области, большинство старшеклассников Пензенского региона при выборе будущей профессии ориентируются на уровень заработной платы (74,8 %), возможность карьерного роста (45 %), содержание работы (44,5 %), возможность реализовать свой потенциал (41,6 %). Каждый третий ориентируется на престиж профессии, и только для каждого пятого важна возможность трудоустройства по выбранной профессии. Наиболее востребованными направлениями подготовки среди старшеклассников являются компьютерные науки (25,2 % респондентов планируют поступать на данное направление), юридические науки (20,5 %), экономика и менеджмент (18,8 %). Только 7,8 % респондентов не определились с выбором.

Следует отметить, что востребованность профессии на рынке труда как фактор, определяющий профессиональный путь, в большинстве случаев не учитывается молодым поколением, что часто связано с недостатком информации о ситуации на рынке труда. Таким образом, отсутствие информации о реальной ситуации на рынке труда, в том числе о востребованности профессии приводит к ошибкам при выборе профессионального пути выпускниками школ и абитуриентами.

О проблеме неопределенности в выборе будущей профессии у старшеклассников свидетельствуют исследования последних нескольких десятилетий [Кудрявцев, Сухарева, 1988; Леонтьев, Шелобанова, 2001; Сидоренко, Батура, 2013; Чернякова, 2015]. Исследователи едины во мнении, что профессиональная ориентация в школе направлена на получение профессионального образования, а не на построение карьеры. В связи с этим возникает необходимость пересмотреть подход к профессиональной ориентации молодежи, сформировать такую ее систему, которая бы способствовала осознанному выбору профессии, формированию готовности к самоопределению в течение всей жизни. Поскольку профориентация – это не просто выбор профессии, а постоянный процесс с меняющимися целями и задачами на разных возрастных этапах развития человека, акцент должен быть сделан на формировании представления о будущей жизни, готовности к профессиональному выбору, а также на помощи в оценке соответствия желаний и запросов рынка труда.

Одной из инновационных форм профориентации школьников является «Профессиональная проба». Термин «профессиональные пробы» ввел японский ученый и ректор университета Асия С. Фукуяма в 70-х годах XX века. Согласно этой системе, школьники должны как можно раньше «пробовать себя» в разных профессиях, чтобы к окончанию школы ясно представлять, кем хотят стать в будущем [Фукуяма, 1989]. Профессиональные пробы помогают школьникам более точно и осознанно сформировать свои профессиональные интересы, лучше понять, подходит ли им та или иная деятельность. Участие в профессиональных пробах вызывает большой интерес у школьников за счет интерактивности, что способствует более активному включению старшеклассников в процесс профессионального познания.

На основе обзора результатов научных исследований процесса профессиональной ориентации молодежи нами разработана факторная операционализация понятия «профессиональная ориентация молодежи». Факторная операционализация предполагает, что в качестве факторов и условий профессиональной ориентации молодежи мы рассматриваем социально-экономические, социально-политические и общекультурные факторы, семейно-родственный капитал и личностные ресурсы. Условно мы разделили их на внутренние (связанные со спецификой социальной группы молодежи и ближайшим их окружением) и внешние (связанные с окружающей социальной средой) факторы. Действие факторов проявляется на макро-, мезо-, микроуровнях. Внешняя среда профессиональной ориентации молодежи представляет собой взаимодействие социальных институтов (государство, экономика, образование, культура, семья) в направлении одной цели.

На макроуровне: федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», национальный проект «Образование», состояние рынка труда, тенденции развития экономики, социально-профессиональная структура общества», материально-техническое обеспечение учебных заведений, образовательные стандарты, массовизация высшего образования, семейная политика РФ, доля неблагополучных семей, религиозные программы поддержки молодежи.

На мезоуровне: проект «Билет в будущее», проект «Проектория», проект «Кадры будущего для регионов, психолого-педагогическое сопровождение при выборе профессии, «профессиональная проба», профильное обучение, развитие экономики в регионе, профессиональная структура общества в регионе, семейная политика региона, состояние рынка труда региона.

Микроуровень: ближайшее окружение молодого человека (семья, родственники, друзья, учителя), внутренняя социальная среда, в которой под влиянием факторов внешней среды формируются престиж образования, мода и престиж на профессии и вузы, успех выпускников учебного заведения. Действуя опосредованно через семейно-родственный капитал с учетом личностных особенностей (пол, возраст, состояние здоровья, успех в изучении дисциплин и т.д.), они определяют внутреннюю структуру личности в аспекте профессионального самоопределения.

Результатом являются сформированные мотивы действия по выбору профессии (рис. 2).

Анализ результатов исследований позволил определить следующую причину высокого уровня безработицы среди выпускников вузов – молодое поколение в большинстве случаев выбирает специальности и профессии непроекционной сферы, требующие высшего образования, однако такие специальности и профессии зачастую остаются невостребованными на рынке труда. Еще раз следует акцентировать внимание на том, что для предотвращения дисбаланса между спросом и предложением на рынке труда необходимо взаимодействие всех участников процесса. Задача работодателя – показать заинтересованность в высококвалифицированных кадрах (высокий уровень заработной платы, социальный пакет, достойные/хорошие и т.п. условия работы, возможность карьерного роста), задача молодого поколения – стремление к реализации в профессиональной сфере (высокий уровень образования, саморазвитие), а задача системы профориентации – объединение потребностей рынка труда и желаний молодежи.

В данном направлении уже ведется работа. По распоряжению Минпросвещения с 1 сентября 2023 года¹ реализуется новая программа профессиональной ориентации школьников, охватывающая учеников с 6-го по 11-й класс, где профориентация определяется как основная задача при формировании современной системы образования. В воспитательную работу входит посещение производств, экскурсии, проведение родительских собраний и участие родителей во встречах с представителями разных профессий. Профминимум предполагается реализовывать внутри уже действующих проектов: «Билет в будущее», «ПроеКТОриЯ», «Кадры будущего для регионов», которые реализуются в рамках нацпроекта «Образование». Компания «Росатом», в рамках реализации данной программы, организует для участников всероссийского фестиваля «Наука 0+» профориентационные игры, запустила профориентационный проект, приуроченный к 75-летию атомной промышленности, «Открытый лекторий» (серия интерактивных онлайн-встреч с участием руководителей, экспертов Росатома и смежных областей).

¹ Письмо Министерства просвещения РФ от 1 июня 2023 г. № АБ-2324/05 «О внедрении Единой модели профессиональной ориентации».

ФАКТОРЫ, ВЛІЯЮЩИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ОРИЕНТАЦИЮ МОЛОДЕЖИ

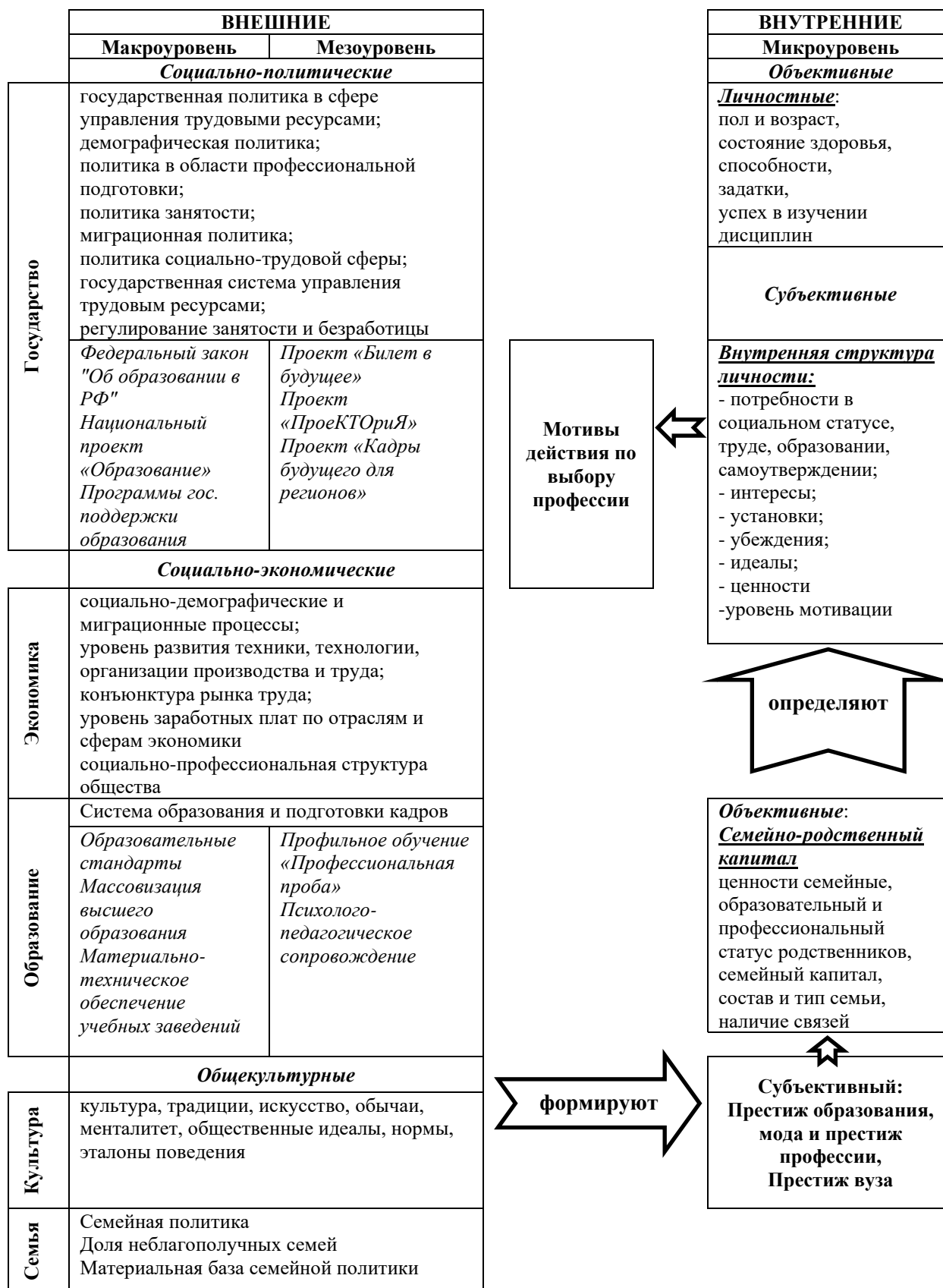

Рис. 2. Факторная операционализация понятия «Профессиональная ориентация молодежи»
 Fig. 2. Factor operationalization of the concept "Vocational guidance of youth"

Заключение

Многочисленные исследования показывают, что профессиональная ориентация молодежи – это сложный, динамичный социальный процесс, который осуществляется в условиях, создаваемых социальной средой и под влиянием ее факторов. Результаты данного процесса имеют принципиальное значение для личности, предприятия, государства и общества в целом. Для личности они выражаются в обретении профессионального и социального статуса, удовлетворенности трудом; для организации – в достижении показателей производительности труда, конкурентоспособности; для государства – в обеспечении воспроизводства трудовых ресурсов; для общества – в формировании гарантий стабильности и развития.

На основе полученных результатов авторами разработана модель концепта «Профессиональная ориентация молодежи», которая включает структурную и факторную операционализации: структурная основана на выделении компонентов «сознания» и «действия», факторная демонстрирует воздействие факторов внешней среды на внутреннюю структуру личности и может рассматриваться как механизм формирования у молодежи мотивов действия по выбору будущей профессии.

Системе профориентирования молодежи необходима институциональная поддержка и создание условий для эффективного функционирования. Положительный эффект возможен только при слаженном взаимодействии всех участников процесса профориентации молодежи, а главная роль должна отводиться социальным институтам (государству, экономике, образованию, культуре и семье).

Учитывая то, что социальные институты во многих случаях играют не просто важную, но ключевую роль в системе профориентирования молодежи, считаем целесообразным и интересным продолжением дальнейших исследований определить, как выделенные факторы и условия профориентации молодежи преломляются в деятельности социальных институтов, какие при этом возникают проблемы и препятствия.

Список литературы

- Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. 2023. Профессиональная адаптация вузовских студентов в меняющемся мире профессий. *Образование и наука*, 2(25): 191–223. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-191-223.
- Быков А.В., Настина Е.А. 2020. Взаимосвязи ценностных установок и карьерных достижений (по данным исследования молодежи). *Социологические исследования*, 8: 67–77. DOI: 10.31857/S013216250009288-9.
- Вишневецкий Ю.Р., Тарасова А.Н. 2022. Высшее образование как конструктор будущего современной молодежи. *Университетское управление: практика и анализ*, 3 (26): 10–21. DOI: 10.15826/umpra.2022.03.018.
- Воронин А.В., Гуртов В.А., Серова Л.М. 2015. Трудоустройство выпускников: методология, мониторинг и анализ. М., Экономика, 363 с.
- Гудкова Е.В. 2004. Основы профориентации и профессионального консультирования. Челябинск, ЮУрГУ, 125 с.
- Гуртов В.А., Хотеева Е.А. 2018. Планирование карьерной траектории школьников: ориентация на «хочу», «могу» и «надо». *Интеграция образования*, 22 (1(90)): 134–150. DOI: 10.15507/1991-9468.090.022.201801.134-150.
- Дроздова М.Ю., Миронов А.Г. 2013. Мотивы выбора старшеклассниками профессиональной и образовательной траекторий. В кн.: Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции, 17 октября 2013, Красноярск, Общество с ограниченной ответственностью «Научно-инновационный центр»: 48–52.
- Захаров В.М., Бовкунова А.В. 2022. Вопросы трудоустройства российской молодежи в условиях пандемии COVID-19: самозанятость и другие перспективы. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 47(3): 445–454. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-3-445-454.
- Клячко Т.Л., Логинов Д.М., Ломтева Е.В., Семионова Е.А. 2020. Трудоустройство и особенности занятости молодежи в период пандемии. *Экономическое развитие России*, 27(12): 70–73.

- Константиновский Д. Л., 2014. Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи. *Социологический журнал*, 3: 55–69.
- Кудрявцев Т.В., Сухарева А.И. 1988. Психологические основы профессионально-технического обучения: проблемы профессионального становления молодёжи. М., Педагогика, 144 с.
- Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В. 2001. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего. *Вопросы психологии*, 1: 57–65.
- Медведева А.А., Ширяева Н.В. 2016. Формы и методы профессиональной ориентации. *Экономика и социум*, 6-2 (25): 108-110.
- Пряжникова Е. Ю. 2006. К вопросу об истории развития профориентации и профессионального самоопределения. *Вопросы образования*, 3: 224–231.
- Рубина Л.Я., 2009. Развитие системы профильного обучения в современной школе. *Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров*, 1 (1): 119–123.
- Рыбальская Е.А. 2018. Профессиональное самоопределение школьников. *Экономика и социум*, 6(49): 1534–1541.
- Сидоренко Д.Д., Батура Т.Л. 2013. Представления старшекласников о будущем и готовность к выбору как аспекты их профессионального самоопределения. В кн.: Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции, 17 октября 2013, Красноярск, Общество с ограниченной ответственностью «Научно-инновационный центр»: 76–80.
- Фукуяма С. 1989. Теоретические основы профессиональной ориентации. Под ред. Е. Н. Жильцова, Н. Н. Нечаева, М., Изд-во МГУ, 105 с.
- Чернякова М.М. 2015. Модернизация образования через создание системы раннего профессионального самоопределения учащихся в образовательных организациях. *Гуманитарные и социальные науки*, 1: 264–275.
- Шнарбекова М.К. 2018. Эффекты семейного капитала в стратегии выбора высшего образования казахстанской молодежью. *Интеграция образования*, 22(4): 712–727. DOI: 10.15507/1991-9468.093.022.201804.712-727.
- Шубкин В.Н., Чередниченко Г.А. 1994. Ценностные ориентации в структуре профессионального самоопределения старшекласников. Москва, Центр социологии образования Российской академии образования, 59 с.
- Lamanauskas V., Augienė D. 2019 Lithuanian Gymnasium Students' Career Education: Professional Self-Determination Context. *Psychological Thought*, 12(2): 241–264. DOI: 10.5964/psyc.v12i2.374.
- Liu Y. 2019. Choices, Risks and Rational Conformity: Extending Boudon's Positional Theory to Understand Higher Education Choices in Contemporary China. *High Education*, 77: 525–540. <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0285-7>.
- Puzic S., Odak I., Sabic J. 2019. Educational outcomes and aspirations of upper second-ary school students: The cultural capital and relative risk aversion perspectives. *Sociologija*, 61(3): 368–388. <https://doi.org/10.2298/SOC1903368P>.
- Super D.E. 1953. Career Patterns as a Basis for Vocational Counseling. *Journal of Counseling Psychology*, 1: 12-20.
- Valitova E., Starodubtsev V., Goryanova L. 2015. Formative personalization of student's self-determination and employability. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 214: 739–747.
- Zeer E.F., Zinnatova M.V., Tretyakova V.S., Scherbina E.Yu., Bukovey T.D. 2018. Staff For Digital Economy: Transprofessionalism Formation. In: International Scientific Conference «Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development». 06-08 December, 2018, Samara: 14-19.

References

- Ambarova P.A., Zborovskij G.E. 2023. Professional'naya adaptaciya vuzovskix studentov v menyayushhemsya mire professij [Professional adaptation of university students in the changing world of professions]. *Obrazovanie i nauka*. 2(25): 191–223 (in Russian). DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-191-223.
- By`kov A.V., Nastina E.A. 2020. Vzaimosvyazi cennostny`x ustanovok i kar`erny`x dosti-zhenij (po danny`m issledovaniya molodezhi) [Relationships between value systems and career achievements (according to youth research)]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8: 67–77 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250009288-9.

- Vishnevskij Yu.R., Tarasova A.N. 2022. Vy`sshee obrazovanie kak konstruktor budushhego sovremennoj molodezhi [Higher Education as a Set of Elements for Building the Future of Modern Youth]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 3(26): 10–21 (in Russian). DOI: 10.15826/umpa.2022.03.018.
- Voronin A.V., Gurtov V.A., Serova L.M. 2015. Trudoustrojstvo vy`puschnikov: metodologiya, monitoring i analiz [Employment of graduates: methodology, monitoring and analysis]. Moscow, Publ. Economics, 363 p.
- Gudkova E.V. 2004. Osnovy` proforientacii i professional`nogo konsul`tirovaniya [Fundamentals of career guidance and professional consulting]. Chelyabinsk, Publ. SUSU, 125 p.
- Gurtov V.A., Xoteeva E.A. 2018. Planirovanie kar`ernoj traektorii shkol`nikov: orien-taciya na «xochu», «mogu» i «nado» [Planning the career trajectory of schoolchildren: focusing on “I want”, “I can” and “I must”]. *Integraciya obrazovaniya*, 22 (1(90)): 134–150 (in Russian). DOI: 10.15507/1991-9468.090.022.201801.134-150.
- Drozdova M.Yu., Mironov A.G. 2013. Motivы` vy`bora starsheklassnikami professional`noj i obrazovatel`noj traektorij [Motives for high school students' choice of professional and educational trajectories]. In: Professional`noe samoopredelenie molodezhi innovacionnogo regiona: problemy` i perspektivy` [Professional self-determination of innovation in an innovative region: problems and prospects]. Materials of the scientific and practical conference, October 17, 2013, Krasnoyarsk, Publ. Limited Liability Company «Scientific and Innovation Center»: 48–52.
- Zaxarov V.M., Bovkunova A.V. 2022. Voprosy` trudoustrojstva rossijskoj molodyozhi v usloviyax pandemii COVID-19: samozanyatost` i drugie perspektivy` [Issues of employment of Russian youth in the context of the COVID-19 pandemic: self-employment and other prospects]. *Nomothetika: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, 47(3): 445–454 (in Russian). DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-3-445-454.
- Klyachko T.L., Loginov D.M., Lomteva E.V., Semionova E.A. 2020. Trudoustrojstvo i oso-bennosti zanyatosti molodezhi v period pandemii [Employment and features of Britain's presence during the pandemic]. *E`konomicheskoe razvitie Rossii*, 27(12): 70–73 (in Russian).
- Konstantinovskij D. L., 2014. Obrazovanie, ry`nok truda i social`noe povedenie molodezhi [Education, labor market and social behavior of young people]. *Sociologicheskij zhurnal*. 3: 55–69 (in Russian).
- Kudryavcev T.V., Suxareva A.I. 1988. Psixologicheskie osnovy` professional`no-texnicheskogo obucheniya: problemy` professional`nogo stanovleniya molodyozhi [Psychological foundations of vocational-national-technical training: problems of professional development of youth]. Moscow, Publ. Pedagogy, 144 p.
- Leont`ev D.A., Shelobanova E.V. 2001. Professional`noe samoopredelenie kak postroenie obrazovozmozhnogo budushhego [Professional self-determination as the construction of images of a possible future]. *Voprosy` psixologii*, 1: 57–65 (in Russian).
- Medvedeva A.A., Shiryayeva N.V. 2016. Formy` i metody` professional`noj orientacii [Forms and methods of vocational guidance]. *E`konomika i socium*, 6-2 (25): 108–110 (in Russian).
- Pryazhnikova E. Yu. 2006. K voprosu ob istorii razvitiya proforientacii i professional`nogo samoopredeleniya [On the history of the development of career guidance and professional self-determination]. *Voprosy` obrazovaniya*, 3: 224–231 (in Russian).
- Rubina L.Ya., 2009. Razvitie sistemy` profil`nogo obucheniya v sovremennoj shkole [Development of a system of specialized education in a modern school]. *Nauchnoe obespechenie sistemy` povы`sheniya kvalifikacii kadrov*, 1(1): 119-123 (in Russian).
- Ry`bal`skaya E.A. 2018. Professional`noe samoopredelenie shkol`nikov [Professional self-determination of schoolchildren]. *E`konomika i socium*, 6(49): 1534–1541 (in Russian).
- Sidorenko D.D., Batura T.L. 2013. Predstavleniya starsheklassnikov o budushhem i gotovnost` k vy`boru kak aspekty` ix professional`nogo samoopredeleniya [High school students' ideas about the future and readiness to make choices as aspects of their professional self-determination]. In: Professional`noe samoopredelenie molodezhi innovacionnogo regiona: problemy` i per-spektivy` [Professional self-determination of innovation in an innovative region: problems and prospects]. Materials of the scientific and practical conference, October 17, 2013, Krasnoyarsk, Publ. Limited Liability Company «Scientific and Innovation Center»: 76-80.
- Fukuyama S. 1989. Teoreticheskie osnovy` professional`noj orientacii [Theoretical foundations of vocational guidance]. Pod red. E. N. Zhil`czova, N. N. Nechaeva, Moscow, Publ. Moscow State University Publishing House, 105 p.

- Chernyakova M.M. 2015. Modernizaciya obrazovaniya cherez sozdanie sistemy` rannego professional`nogo samoopredeleniya uchashhixsya v obrazovatel`ny`x organizacijax [Modernization of education through the creation of a system of early professional self-determination of students in educational organizations]. *Gumanitarny`e i social`ny`e nauki*, 1: 264–275 (in Russian).
- Shnarbekova M.K. 2018. E`ffekty` semejnogo kapitala v strategii vy`bora vy`sshego obra-zovaniya kazaxstanskoj molodezh`yu [Effects of family capital in the higher education choice strategy of Kazakhstani youth]. *Integraciya obrazovaniya*, 22(4): 712–727 (in Russian). DOI: 10.15507/1991-9468.093.022.201804.712-727.
- Shubkin V.N., Cherednichenko G.A. 1994. Cennostny`e orientacii v strukture professional`nogo samoopredeleniya starsheklassnikov [Value orientations in the structure of professional self-determination of high school students]. Moscow, Publ. Center for Sociology of Education of the Russian Academy of Education, 59 p.
- Lamanauskas V., Augienė D. 2019 Lithuanian Gymnasium Students' Career Edu-cation: Professional Self-Determination Context. *Psychological Thought*, 12(2): 241–264. DOI: 10.5964/psyc.v12i2.374.
- Lamanauskas V., Augienė D. 2019 Lithuanian Gymnasium Students' Career Education: Professional Self-Determination Context. *Psychological Thought*, 12(2): 241–264. DOI: 10.5964/psyc.v12i2.374.
- Liu Y. 2019. Choices, Risks and Rational Conformity: Extending Boudon's Positional Theory to Understand Higher Education Choices in Contemporary China. *High Education*, 77: 525–540. <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0285-7>.
- Puzic S., Odak I., Sabic J. 2019. Educational outcomes and aspirations of upper second-ary school students: The cultural capital and relative risk aversion perspectives. *Sociologija*, 61(3): 368–388. <https://doi.org/10.2298/SOC1903368P>.
- Super D.E. 1953. Career Patterns as a Basis for Vocational Counseling. *Journal of Counseling Psychology*, 1: 12–20.
- Valitova E., Starodubtsev V., Goryanova L. 2015. Formative personalization of student's self-determination and employability. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 214: 739–747.
- Zeer E.F., Zinnatova M.V., Tretyakova V.S., Scherbina E.Yu., Bukovey T.D. 2018. Staff For Degital Economy: Transprofessionalism Formation. In: International Scientific Conference «Global Challenges and Prospects of the Modern Economic Development». 06–08 December, 2018, Samara: 14–19.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.11.2023

Received November 13, 2023

Поступила после рецензирования 28.03.2024

Revised March 28, 2024

Принята к публикации 04.04.2024

Accepted April 04, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Щанина Екатерина Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия.

[ORCID: 0000-0002-6834-1886](https://orcid.org/0000-0002-6834-1886)

Ekaterina V. Shchanina, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Penza State University, Penza, Russia.

[ORCID: 0000-0002-6834-1886](https://orcid.org/0000-0002-6834-1886)

Шокурова Любовь Михайловна, соискатель кафедры менеджмента и государственного управления, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия.

Lyubov M. Shokurova, applicant for the Department of Management and Public Administration, Penza State University, Penza, Russia.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-254-262

Современный англо-американский правовой позитивизм: хронология и актуальные темы научного дискурса

Горбунов М.Д.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

maxandgor@gmail.com

Аннотация. В отечественной правовой теории актуальным является вопрос совершенствования методологии и модернизации позитивистской доктрины. В данном контексте большое значение приобретает анализ положений догмы права конкурирующих правовых систем, в частности англо-американского правового позитивизма, его предметной области и истории формирования. Автор указывает, что основы данного направления сформулированы в научных трудах Герберта Харта, который определил актуальные вопросы современной теории. Распространенной является точка зрения, что именно с его правовой теории берет начало современный этап развития данного направления. В свою очередь более предметное рассмотрение вопроса демонстрирует определенную степень неточности данного вывода. Названные обстоятельства обусловили необходимость определения хронологических и предметных рамок современного англо-американского позитивизма как направления в правопонимании для последующей перспективы компаративистских исследований. В результате автор определяет следующие актуальные темы современного англо-американского позитивизма: понимание права как социального факта, конвенциональная природа правовой нормативности, ограничение формального выражения норм в законодательстве, рациональная обусловленность следования правовым нормам, аксиологическая открытость. В исследовании установлено, что разногласия среди представителей направления по последнему вопросу определили формирование двух векторов развития англо-американского правового позитивизма в наши дни. Именно их возникновение определяет хронологические и предметные рамки современного англо-американского правового позитивизма.

Ключевые слова: англо-американская правовая мысль, семья общего права, правопонимание, правовой позитивизм, нормативное регулирование, философия права, аксиология права, социальные факты

Для цитирования: Горбунов М.Д. 2024. Современный англо-американский правовой позитивизм: хронология и актуальные темы научного дискурса. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(2): 254–262. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-254-262

Contemporary Anglo-American Legal Positivism: Chronology and Topical Themes of Scientific Discourse

Maksim D. Gorbunov

Lobachevsky Novgorod State University,
23 Gagarina Av., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation

maxandgor@gmail.com

Abstract. The question of perfecting the methodology and modernization of the positivist doctrine is highly relevant in the domestic legal theory. In this context, the analysis of the provisions of the legal

dogma of competing legal systems, in particular the Anglo-American legal positivism, its subject area and the history of its formation, is of great importance. The author points out that the foundations of this direction were formulated in the scientific works of Herbert Hart, who identified the topical issues of modern theory. It is a widespread point of view that it is precisely with his legal theory that the modern stage of the development of this direction begins. In turn, the more objective consideration of the question demonstrates a certain degree of inaccuracy in this conclusion. The named circumstances made it necessary to define the chronological and subject frameworks of the modern Anglo-American positivism as a direction in the understanding of the law for the subsequent perspective of comparative studies. As a result, the author defines the following topical themes of modern Anglo-American positivism: the understanding of law as a social fact, the conventional nature of legal normativity, the limitation of the formal expression of norms in legislation, the rational conditioning of following legal norms, and axiological openness. As a result, the research established that disagreements among the representatives of the direction on the last question determined the formation of two vectors of the development of Anglo-American legal positivism in our days. Precisely their emergence determines the chronological and subject frames of modern Anglo-American legal positivism.

Keywords: Anglo-American legal thought, common law family, legal understanding, legal positivism, normative regulation, legal philosophy, legal axiology, social facts

For citation: Gorbunov M.D. 2024. Contemporary Anglo-American Legal Positivism: Chronology and Topical Themes of Scientific Discourse. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 254–262 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-254-262

Введение

Англо-американский правовой позитивизм как значимое направление в правопонимании довольно долгое время находится в поле интереса отечественной юриспруденции. В условиях растущей актуальности обновления отечественной догмы права высокое значение также приобретает построение критического диалога с конкурирующими правовыми системами и имплементация методологических наработок ключевых векторов правопонимания, к которым относится и рассматриваемое направление. Необходимо отметить, что англо-американская правовая мысль, ее позитивистское направление и аналитическая парадигма в праве как основы рассматриваемой традиции находится сегодня в поле значительного внимания отечественной науки. В числе авторов, затрагивающих в своих работах данные темы можно назвать А.А. Краевского [2015], С.Н. Касаткина [2012], А.В. Пищулина [2010], В.А. Суровцева [2005], А.Л. Золкина [2005], В.П. Макаренко [2002] и ряд других. Однако представляется, что рамки научного поиска, заданные в отечественных исследованиях, нуждаются в расширении за счет осмысления актуальных тенденций англо-американского правового позитивизма. В частности, отечественная литература называет современной концепцией правовую теорию Герберта Харта. Но со времени его активной научной жизни до сегодняшнего дня прошло уже более полувека. В данной связи необходимо очертить основные хронологические и предметные рамки современного этапа развития англо-американского правового позитивизма, что является целью данного исследования.

Необходимо также отметить специфику методологической основы рассмотрения англо-американского правового позитивизма, обусловленную его прямой связью с аналитической философией. Помимо комплекса всеобщих, общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания, включающего диалектический и исторический методы, общие логические приемы и метод сравнения, также применяются методы сравнительно-правового и контекстуального и концептуального анализа.

Концептуальные основы современной теории англо-американского правового позитивизма

Основной сегодня остается точка зрения, что современный англо-американский правовой позитивизм следует рассматривать, начиная с правовой теории Герберта Харта.

В частности, принимается во внимание известный тезис англо-американской юридической литературы, определившей Харта в числе «новых правоведов»: «С Герберта Харта начался герменевтический поворот в юридическом позитивизме, придавший особое значение конвенциональному основанию правовой системы и социальным фактам благодаря важному тезису о внутренней точке зрения, благодаря которой субъекты воспринимают нормативную систему как обязательную» [Vix, 2009, p. 99]. Концепцию Харта вместе с тем нельзя назвать подлинно современной, поскольку она носит скорее общий программный характер и служит толчком к дальнейшему развитию правовой мысли. Изобилуя пробелами, она не в полной мере может представить самодостаточную модель правовой системы современного государства.

Недостатки правовой концепции во многом объясняются ее программным методологическим характером, что в свою очередь стало основой для развития направления англо-американского аналитического позитивизма на современном этапе и породило развернутую полемику с научными оппонентами и критиками. В результате к осмыслению правового наследия Герберта Харта приложили руку такие выдающиеся правоведы, как Джозеф Раз, Нейл МакКормик, Рональд Дворкин, Лон Фуллер, Джон Финнис и ряд других [Hart, 1957; Fuller, 1958; Finnis, 1980; Dvorkin, 1984; Raz, 2001; MacCormick, 2007]. Харт действительно задал вектор научного направления, сегодня в рамках англо-американского правового позитивизма произошло некоторое размежевание, на что будет обращено пристальное внимание в работе.

В целом Хартом были сформулированы пять концептуальных оснований современной аналитической позитивистской доктрины:

– право понимается как социальный факт конвенциональной природы, не сводимый к реальным референтам и существующий в практике социальной жизни в тесной связи с нормативной системой общества;

– фактическая действительность права и его способность воздействовать на поведение человека зависит от его принятия индивидами в виду эффективности как нормативного регулятора;

– право ограничено в своей формальной возможности регулировать общественные отношения ввиду сложности социальной практики и нуждается в идентификации и институционализации;

– практика правоприменения состоит не только из простых ситуаций действия права, но и пограничных и сложных ситуаций, где норма права не может быть достаточно четко определена, что вынуждает прибегать к интерпретации и прецеденту;

– право до определенной степени рационально связано с моралью, и характер восприятия людьми идей и ценностей, в том числе самого права, влияет на их отношение к нему и на саму юридическую практику и формирует моральную обязанность, дополняющую строго формальную юридическую подчиняться закону.

Первые три тезиса стали ключевыми, образовав концептуальное методологическое ядро современного англо-американского правового позитивизма, и обозначили общую тенденцию по сближению позитивизма и антипозитивизма во второй половине XX века в рамках либерального дискурса, вплоть до размывания границ между ними.

Право как социальный факт

Центральной установкой современного англо-американского правового позитивизма является тезис, что право – это социальный факт особого рода, представляющий собой институционализированную систему норм, создающих основания для действий индивидов.

При этом основания нормативности системы рассматривается значительно шире, чем простое подчинение официальной власти. Так, ученик Харта – Джозеф Раз – указывает, что значение имеет не строгая формальная принудительность норм со стороны

институций, которые их обеспечивают, а их реальная возможность предоставлять охраняемые основания (алгоритмы) поведения субъектам [Raz, 1990, p. 2]. При этом принятие таких оснований субъектами зависит от их эффективности, а подчинение власти – от ее компетентности.

Дж. Раза в объяснении нормативности права через его способность формулировать алгоритмы поведения вторит другой современный американский правовед – Скотт Шапиро. В рамках собственной теории права как системы плановых (planlike) норм правовед расширяет тезис Раза о нормативности права и роли официальной власти как способной и обязанной создавать алгоритмы (планы) поведения, предлагать их субъектам и обеспечивать механизм их реализации [Shapiro, 2011]. Другой представитель англо-американской правовой традиции – Андрей Мармор, также соглашаясь с тем, что право должно порождать основания для действий индивидов, указывает, что принципиальным должно быть достижение господства правовых норм перед другими альтернативными нормативными установлениями, а обеспечивать такое господство может лишь официальная принудительная власть [Marmor, 2001]. Такой ревизионизм, хоть и кажется противоречивым, но соответствует утверждению, что «право – это система предписаний, и она имеет силу тогда и только тогда, когда ее предписания имеют обязательную силу. Обязательность права обеспечивается тогда... когда есть возможность идентифицировать предписание как изданное властью, не полагаясь на (иные) причины или соображения (условие идентификации)» [Raz, 2001, p. 202].

Как видно, утверждение о формальной принудительности (столь широко принятое в отечественной догме) заменяется «тезисом об источниках» [Raz, 2001, p. 195]. Для того, чтобы право обладало нормативной силой, оно должно быть не просто обеспечено принуждением, но и способным описывать варианты поведения таким образом, чтобы индивиды могли их идентифицировать и пользоваться ими. Официальная власть в этом плане становится своего рода посредником с возможностью применения силы.

Установки Дж. Раза в рамках «тезиса об источниках» органично дополнили исследования Нейла МакКормика, также идущего по стопам Харта. Несколько перефразируя тезис, сформированный в зарубежной научной литературе, следует сказать словами МакКормика: «как естественным образом в обществе формируется нормативный порядок, так же он органически нуждается в институционализации (помимо идентификации)» [Blichner, 2008, p. 43]. На самом деле только институционализированная система может быть должным образом идентифицирована. Нормы права должны не только определяться индивидами, но и непосредственно действовать, для чего требуются как правила их определения, так и механизм обеспечения их непосредственной реализации. Это возможно только посредством установления институционального нормативного порядка, в рамках которого формируется официальная власть, которая берет на себя полномочия по фиксации норм и обеспечению общего контроля за их реализацией. В понимании правоведа формирование права как институционализированной системы «обусловлено естественными общественными процессами и необходимостью сделать нормы более четкими для определенной ограниченной сферы деятельности» [MacCormick, 2007, p. 25].

Здесь содержится еще один важный аспект современного англо-американского позитивизма – объяснение действительности и нормативной силы права через практический разум. Данная идея заключается в том, что, чем официальная власть более эффективна в обеспечении нормативной регуляции, тем индивиды в большей степени склонны поддерживать ее, отдавая ей предпочтение между множеством других альтернатив [MacCormick, 2007]. В целом представители направления придают важное значение социальной обусловленности функционирования правовой системы в духе социологических и реалистических подходов. Наиболее четко эти концептуальные установки выражены в «тезисе о конвенциональности» Жюля Коулмана. Автор указывает,

что «право стало результатом социальной конвенции – системы отношений между людьми в которых выработались общепринятые правила и нормы. Такая практика образует общие правила... на основе сложившихся норм и принятия индивидами нормативного порядка» [Coleman, 2003, p. 101]. В итоге актуальные концепции англо-американского правового позитивизма объединяет общая установка на рассмотрение действительности и нормативности права в широком политико-социальном контексте, для которого характерна практика принятия индивидами, исходя из практического разума и рациональных аргументов, лучшего права, реализующего ценностные ориентиры демократизма, свободы, равенства и справедливости. Вопрос эффективности права стал своего рода новой позитивистской правовой аксиологией.

Рациональная аргументация и судебная практика

Названные тезисы действительно провели границу между классическим позитивизмом и современным, значительно усилив англо-американскую позитивистскую правовую доктрину, но породили дополнительные следствия, давшие значительный импульс к современной дискуссии в англо-американском правовом пространстве. Принципиальным разделяющим моментом, начиная с Харта, стала дискуссия о вопросах связи права и морали через рациональные аргументы принятия правовой нормативной системы как обязательной и допустимости прибегать к моральным аргументам в случае выхода за пределы правовой системы для обеспечения ее большей эффективности, имея в виду в первую очередь прецедент как экстраординарную практику.

В итоге развернутая полемика по поводу вопроса роли судебной практики, аргументации и неправовых аргументов развернулась с антипозитивистами [Касаткин, 2018]. Именно данные аспекты стали наиболее дискуссионными, проблемными для рефлексии и сложно объяснимыми для продолжателей Харта. Наиболее острая критика со стороны антипозитивистов выразилась в идее Рональда Дворкина о том, что «юридический позитивизм основан на ошибочной презумпции, что судья может прийти к определенному заключению механически, не включая моральную оценку» [Detmold, 1984, p. 21]. Для Дворкина тезис о практическом разуме и следовании лучшему праву приобрел гораздо более широкое понимание. Правовед в рамках построенной им концепции «конструктивной интерпретации» определил, что в основе правовой системы лежат не правила, а принципы, а потому право всегда опосредуется моральными аргументами как для индивидов, так и для официальных лиц, особенно судей [Dworkin, 1986].

Ответной реакцией на такие утверждения стала более жесткая позиция Джозефа Раза. Развивая упомянутый выше «тезис об источнике», автор указывает, что моральная аргументация не может подменять собой правовые рамки практической деятельности, а аргументы о нравственности не способны перекрывать формальную юридическую действительность правил. Для Раза как наиболее непримиримого противника релятивизма позитивистской правовой доктрины правоприменительные и в первую очередь судебные практики всегда находятся «в тени законодательства» [Bingham, 2007]. Однако обращение ряда последователей Харта и прежде всего Нейла МакКормика к вопросу о правовой интерпретации и пределах судебного усмотрения и необходимости поддержания определенного уровня эффективности правовой системы для соблюдения ее норм по-новому подняли проблему соотношения морали и права в рамках идеи практического разума. Дело в том, что следование правовой системе со стороны индивидов и официальных лиц, особенно судов, которые в сложных случаях вынуждены принимать решения, выходя за ее пределы, не может быть объяснено лишь формальной нормативностью самого права. На самом деле дискуссия гораздо шире и затрагивает также вопросы критериев действительности правовой системы, связи права и морали, а также оснований нормативной системы, то есть подчинения ей в следствии моральности, эффективности или принудительности.

Включающий и исключающий позитивизм

В основе этой дискуссии лежит «тезис о разделимости», активно защищаемый англо-американским правовым позитивизмом до конца XX века и ставший под напором критики антипозитивистов, в первую очередь в лице Рональда Дворкина, главной проблемой. Действительно, по утверждению антипозитивистов строгое разделение права и морали затрудняет объяснение реальной практики существования принципов и ценностей в основе правовой системе, что особенно ярко проявляется в конституционном законодательстве и судебной интерпретационной деятельности [Waluchow, 2001].

В результате на основе хартовского наследия к середине 90-х годов оформилась полемика вокруг данных вопросов внутри правового позитивизма и с его оппонентами, подчеркнутая изданием в 1994 году книги Вилфрида (Уила) Валухова «Включающий правовой позитивизм», в котором автор выступил с решительными контраргументами позиции ученика Харта – Джозефа Раза, чьи взгляды были определены как «исключающий правовой позитивизм» [Waluchow, 1994]. Представляется, что именно этот момент является определяющим в установлении границ современной дискуссии в англо-американском правовом позитивизме. Данная дискуссия затронула целую плеяду современных англо-американских правоведов, в результате чего на текущем этапе можно говорить о существовании двух актуальных направлений в англо-американском правовом позитивизме: «исключающего» и «включающего» правового позитивизма. Разграничение данных направлений само по себе представляет большой интерес и актуально в рамках самостоятельного научного исследования, но следует обратить внимание на ряд концептуальных моментов.

С позиции «исключающего позитивизма», продолжающего линию Харта и Раза, мораль и право не являются необходимо связанными институтами, поэтому для своего формального действия право не обязано соответствовать нравственным требованиям и умозрительным ценностным ориентирам. Кроме того, включение нравственности в число критериев юридической действительности способно вносить значительные проблемы, поскольку релятивизирует и, соответственно, подрывает ключевое необходимое требование об идентификации правовых норм. Такая жесткая установка, тем не менее, получила разную степень поддержки и категоричности в актуальных концепциях англо-американского правового позитивизма, в частности в правовых взглядах уже названных выше Скотта Шапиро и Андрея Мармора, а также Джона Гарднера и ряда других. Довольно примечательно, что для их взглядов характерна разная степень допустимости утверждений о связи морали и права, поэтому четко определить границы «исключающего позитивизма» довольно проблематично [Waluchow, 2001].

В свою очередь, для «включающего позитивизма» общим является утверждение, что между нравственностью и правом всегда существует связь, которая, хоть и может в ситуации конкретных правовых систем носить невыраженный характер, но так или иначе прямо либо косвенно влияет на действительность и нормативность права [Lyans, 1984]. Ключевым аргументом в поддержку данной позиции представители названного направления, такие как Мэтью Крамер, Жюль Коулман, Кеннет Химма, а также, собственно, Вилфрид Валухов называют все то же утверждение о необходимости конвенционального принятия права как эффективной нормативной системы, к которому прибегают и представители «исключающего позитивизма».

Заключение

В итоге, как не парадоксально, общие актуальные вопросы в современном англо-американском позитивизме касательно понимания права как социального факта конвенциональной природы, нуждающегося в принятии индивидов в условиях сложной социальной практики, привели представителей данного направления к классической

проблеме правовой аксиологии и значительным затруднениям при выработке общей срединной позиции по данному вопросу. Научный импульс, заданный Хартом в рамках проблемы правовой интерпретации, судебного правотворчества и рационализации морали, привел к формированию двух направлений в современном англо-американском правовом позитивизме – «исключающему» и «включающему» позитивизму – как противонаправленным векторам научного направления при общих методологических установках.

Список литературы

- Золкин А.Л. 2005. Эволюция лингвистической доктрины аналитической философии и аналитическая школа права. *История государства и права*, 2: 52-56.
- Касаткин С.Н. 2012. Юридический позитивизм в англо-американской правовой мысли. Концепция Герберта Харта. В кн.: Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность к 100-летию со дня смерти Г.Ф. Шершеневича: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Иваново, 05–08 октября 2012 года). Часть 1. Иваново, Ивановский государственный университет: 298-320.
- Касаткин С.Н. 2018. Проблема судейского усмотрения в полемике Г. Харта и Р. Дворкина: очерк основных позиций. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки*, 4: 21-27
- Краевский А.А. 2015. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм. *Правоведение*, 2(319): 88-125
- Макаренко В.П. 2002. Аналитическая философия права: концепции и проблемы. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 6: 10-33.
- Пищулин А.В. 2010. Современный юридический позитивизм в англосаксонской правовой семье. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*, 4: 98-107.
- Суровцев В.А. 2005. О методах аналитической философии. В кн.: Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. СПб., Изд-во философ.фак. СПбГУ: 74-80.
- Bingham T.H. 2007. The Rule of Law. *The Cambridge Law Journal*, 1 (66): 67-85.
- Bix B. 2009. On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy. In: *On Philosophy in American Law*. Cambridge, Publ. Cambridge University Press: 99-105.
- Blichner L. 2008. Juridification from Below. The Dynamics of MacCormick's Institutional Theory of Law. In: *The post-sovereign constellation, Law and politics in Neil MacCormick's theory of law*. Oslo, Publ. ARENA: 37-72.
- Coleman J. 2003. The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. New York, Publ. Oxford University Press, 248 p.
- Detmold M. J. 1984. The Unity of Law and Morality: A Refutation of Legal Positivism. London, Publ. Routledge and Kegan Paul, 264 p.
- Dworkin R. 1986. Law's Empire. Cambridge, Mass, Publ. The Belknap Press, 470 p.
- Finnis, J. 1980. Natural Law and Natural Rights. Oxford, Publ. Oxford University Press, 442 p.
- Fuller L. 1958. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart. *Harvard Law Review*, 4(71): 630-672.
- Hart H.L.A. 1957. Analytical Jurisprudence in Mid-twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer. *University of Pennsylvania Law Review*, 105: 953-975.
- Lyons D. 1984. Ethics and the Rule of Law. Cambridge, Publ. Cambridge University Press, 240 p.
- MacCormick N. 2007. Institutions of Law: An Essay in Legal Theory. Oxford, Publ. Oxford University Press, 317 p.
- Marmor A. 2001. Positive Law and Objective Values. New York, Publ. Clarendon Press, 200 p.
- Raz J. 2001. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. New York, Publ. Oxford University Press, 380 p.
- Raz J. 1990. Authority. New York, Publ. NY University Press, 336 p.
- Shapiro S. 2011. Legality. Cambridge, Mass, Publ. The Belknap Press, 472 p.
- Waluchow W. 2001. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive in Routledge Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/legal-positivism-inclusive-versus-exclusive/v-1> (дата обращения: 14.03.2024).
- Waluchow W. 1994. Inclusive Legal Positivism, Oxford, Publ. Clarendon Press, 300 p.

References

- Zolkin A.L. 2005. Jevoljucija lingvisticheskoj doktriny analiticheskoj filosofii i analiticheskaja shkola prava [The evolution of the linguistic doctrine of analytical philosophy and the analytical school of law]. *Istorija gosudarstva i prava*, 2: 52-56.
- Kasatkin S.N. 2012. Juridicheskij pozitivizm v anglo-amerikanskoj pravovoj mysli. Koncepcija Gerberta Harta [Legal positivism in Anglo-American legal thought. Concept by Herbert Hart]. In: Juridicheskij pozitivizm i konkurencija teorij prava: istorija i sovremennost' k 100-letiju so dnja smerti G.F. Shershenevicha: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Ivanovo, 05–08 oktjabrja 2012 goda) [Legal positivism and competition of legal theories: history and modernity on the 100th anniversary of the death of G.F. Shershenevich: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference (Ivanovo, October 05–08, 2012)]. Part 1. Ivanovo, Publ. Ivanovskij gosudarstvennyj universitet: 298-320.
- Kasatkin S.N. 2018. Problema sudejskogo usmotrenija v polemike G. Harta i R. Dvorkina: ocherk osnovnyh pozicij [The problem of judicial discretion in the controversy between H. Hart and R. Dworkin: an outline of the main positions]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Juridicheskie nauki*, 4: 21-27.
- Kraevskij A.A. 2015. Chistoe uchenie o prave Gansa Kel'zena i sovremennyj juridicheskij pozitivizm [Hans Kelsen's pure doctrine of law and modern legal positivism]. *Pravovedenie*, 2(319): 88-125.
- Makarenko V.P. 2002. Analiticheskaja filosofija prava: koncepcii i problem [Analytical philosophy of law: concepts and problems]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, 6: 10-33.
- Pishhulin A.V. 2010. Sovremennyj juridicheskij pozitivizm v anglosaksonskoj pravovoj sem'e [Modern legal positivism in the Anglo-Saxon legal family]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 11. Pravo*, 4: 98-107.
- Surovcev V.A. 2005. O metodah analiticheskoj filosofii [On the methods of analytical philosophy]. In: Analiticheskaja filosofija: problemy i perspektivy razvitija v Rossii [Analytical philosophy: problems and prospects for development in Russia]. SPb., Publ. filosof.fak. SPbGU: 74-80.
- Bingham T.H. 2007. The Rule of Law. *The Cambridge Law Journal*, 1 (66): 67-85.
- Bix B. 2009. On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy. In: On Philosophy in American Law. Cambridge, Publ. Cambridge University Press: 99-105.
- Blichner L. 2008. Juridification from Below. The Dynamics of MacCormick's Institutional Theory of Law. In: The post-sovereign constellation, Law and politics in Neil MacCormick's theory of law. Oslo, Publ. ARENA: 37-72.
- Coleman J. 2003. The Practice of Principle: In Defence of a Pragmatist Approach to Legal Theory. New York, Publ. Oxford University Press, 248 p.
- Detmold M.J. 1984. The Unity of Law and Morality: A Refutation of Legal Positivism. London, Publ. Routledge and Kegan Paul, 264 p.
- Dworkin R. 1986. Law's Empire. Cambridge, Mass, Publ. The Belknap Press, 470 p.
- Finnis, J. 1980. Natural Law and Natural Rights. Oxford, Publ. Oxford University Press, 442 p.
- Fuller L. 1958. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart. *Harvard Law Review*, 4(71): 630-672.
- Hart H.L.A. 1957. Analytical Jurisprudence in Mid-twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer. *University of Pennsylvania Law Review*, 105: 953-975.
- Lyons D. 1984. Ethics and the Rule of Law. Cambridge, Publ. Cambridge University Press, 240 p.
- MacCormick N. 2007. Institutions of Law: An Essay in Legal Theory. Oxford, Publ. Oxford University Press, 317 p.
- Marmor A. 2001. Positive Law and Objective Values. New York, Publ. Clarendon Press, 200 p.
- Raz J. 2001. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. New York, Publ. Oxford University Press, 380 p.
- Raz J. 1990. Authority. New York, Publ. NY University Press, 336 p.
- Shapiro S. 2011. Legality. Cambridge, Mass, Publ. The Belknap Press, 472 p.
- Waluchow W. 2001. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive in Routledge Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://www.rep.routledge.com/articles/thematic/legal-positivism-inclusive-versus-exclusive/v-1> (accessed: 14 March 2024).
- Waluchow W. 1994. Inclusive Legal Positivism, Oxford, Publ. Clarendon Press, 300 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.11.2023
Поступила после рецензирования 25.12.2023
Принята к публикации 15.01.2024

Received November 10, 2023
Revised December 25, 2023
Accepted January 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Максим Дмитриевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim D. Gorbunov, Candidate of Law Science, Senior Lecturer, Department of History of State and Law, Lobachevsky Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia.

УДК 342.36

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-263-272

Проблемы формирования раннемодерных государств (сер. XV – сер. XVII вв.): современный взгляд

Пенской А.В.

Адвокатская палата Белгородской области,
Россия, 308001, г. Белгород, ул. Нагорная, д. 2
penskoy_a@bsu.edu.ru

Аннотация. «Долгий XVI век», обычно отождествляемый с временным промежутком между серединой XV и серединой XVII столетий, традиционно принято считать временем формирования так называемых централизованных государств. Эти политические образования понимаются как некое качественно новое явление в истории государства и права по сравнению с их средневековыми предшественниками, и это новое качество заключается в централизации политической власти, создании единого правового поля и монополизации насилия в руках верховной власти, воплощенной в образе монарха. Однако сегодня этот образ сильного государства подвергается пересмотру и корректировке. Автор обращает внимание на современные тенденции рассмотрения политических и юридических процессов в раннее Новое время. При этом автор указывает на противоречивость процессов формирования и развития политических и правовых структур и институтов в рассматриваемое время, которые строились на взаимодействии и противостоянии бинарных категорий – централизация/децентрализация, закон/обычай и т. п. Эта противоречивость связана была, по мнению автора, с институциональной слабостью раннемодерных государств. Ограниченность административного ресурса, которым обладала власть, и необходимость в силу этого учитывать мнение общества обусловили главную характеристику развития политических образований и структуру Раннего Нового времени – эволюционность.

Ключевые слова: XVI век, эпоха Средневековья, раннее Новое время, государство, централизованное государство, управление государством, верховная власть, право, традиция, реформы

Для цитирования: Пенской А.В. 2024. Проблемы формирования раннемодерных государств (сер. XV – сер. XVII вв.): современный взгляд. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право.* 49(2): 263–272. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-263-272

Problems of the Formation of Early Modern States (Mid-XV – Mid-XVII Centuries): Modern View

Alexander V. Penskoj

The Law Chamber of the Belgorod region,
2 Nagornaya St, Belgorod 308001, Russian Federation

Abstract. The “long 16th century”, usually identified with the time interval between the mid-15th and mid-17th centuries, is traditionally considered to be the time of formation of the so-called “centralized states”. These political formations are understood as a qualitatively new phenomenon in the history of state and law compared to their medieval predecessors, and this new quality lies in the centralization of political power, the creation of a single legal field and the monopolization of violence in the hands of the

supreme power, embodied in the image of the monarch. However, today this image of a strong state is being revised and adjusted. The author draws attention to modern trends in the consideration of political and legal processes in the Early Modern period. At the same time, the author points out the contradictory nature of the processes of formation and development of political and legal structures and institutions in the time under review, which were built on the interaction and opposition of binary categories – centralization/decentralization, law/custom, etc. This inconsistency was associated, according to the author, with the institutional weakness of early modern states. The limited administrative resource that power possessed and the need, therefore, to take into account the opinion of society determined the main characteristic of the development of political entities and the structure of the Early Modern period – evolution.

Keywords: XVI century, Middle Ages, early Modern times, state, centralized state, government, supreme power, law, tradition, reforms

For citation: Penskoj A.V. 2024. Problems of the Formation of Early Modern States (Mid-XV – Mid-XVII Centuries): Modern View. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 263–272 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-263-272

Введение

Период с середины XV до середины XVII века французский историк Ф. Бродель назвал «долгим XVI веком» [Braudel, 1974, p. 893–895], и в такой характеристике этого периода есть определенный смысл не только в рамках выдвинутой им концепции времени «большой длительности» (*la longue durée*), касающейся в первую очередь устойчивых структур и длительных процессов общественного (в широком смысле) развития, превышающих время жизни одного человека или целого поколения. Ключевыми в такой трактовке времени «большой длительности» выступают именно понятия «длительные» и «устойчивые», которые вполне применимы, на наш взгляд, не только к сугубо историческим или социальным явлениям и процессам, но и к тем, которые могут быть отнесены к истории государства и права.

Необходимое пояснение к этому тезису. «Долгий XVI век» – это время, которое можно смело назвать переходным периодом от Средневековья к Новому времени. Собственно говоря, в эти два столетия закладываются основы современного общества, государства и отчасти коллективного сознания – наметился, если исходить из концепции Т. Парсонса, путь к модерну как выходу из традиционного общества. Причины этого перехода, несомненно, носят сложный, многоуровневый характер, но, на наш взгляд, далеко не последнюю роль в том сыграл ряд процессов, которые обозначились во 2-й пол. XV в. и получили развитие в XVI – 1-й пол. XVII в. Британский историк Р. Маккенни отнюдь не случайно назвал XVI век эпохой экспансии и конфликта, охвативших практически все сферы жизни и деятельности и государства, и общества позднего Средневековья и раннего Нового времени [MacKenney, 2002]. Этот виток экспансии стал продолжением предыдущего, который пришелся на Высокое Средневековье [Bartlett, 1993], но был прерван тотальным кризисом, в котором оказалось средневековое общество в середине XIV века. Однако к середине следующего столетия средневековый социум постепенно вышел из вызванной кризисом депрессии и начал расширяться, причем с началом XVI столетия это расширение приобретает необратимый и более радикальный, чем прежде, характер.

Первичная основа у обоих витков европейской экспансии была, на первый взгляд, одинаковой. Как отмечал отечественный исследователь С.Д. Домников, в архаичных аграрных традиционалистских социумах «Первой волны» (согласно предложенной американским социологом Э. Тоффлером классификации обществ) «князь – собиратель земель, расширение территории – это функция власти в аграрных обществах». При этом, продолжал он свою мысль, «колониционная природа земледельческой цивилизации порождает и колониционный характер внешней политики аграрного

государства. Власть – от земли; чем больше земли, тем больше власти и силы» [Домников, 2002, с. 380-381]. Добавим от себя к этой характеристике, что добиться прироста прибавочного продукта в условиях, когда имеющая ярко выраженный аграрный характер экономика этих сообществ основана на примитивных технологиях и ментально отнюдь не настроена на расширенное производство, можно лишь за счет активной колониационной политики, направленной как вовнутрь («взлет на холмы»), так и вовне (завоевание и присоединение новых территорий по соседству или за морями).

Однако при всем базовом сходстве первого и второго витков европейской экспансии между ними было и серьезнейшее отличие. В «долгий XVI век» запускается процесс смыкания двух средневековых экономических контуров, средиземноморского и балтийского, с одновременным смещением центра финансовой и экономической активности с юга на северо-запад Европы. «Традиционная история подчиняется той же хронологии, что и история глобальная, двинувшаяся от внутреннего моря к богатым планктоном холодным морям севера, тогда как малый ледниковый период стал теснить Европу холодным фронтом полярных морей», – писал французский историк П. Шоню, и, подытоживая свои наблюдения, добавлял к этому: «Классическая Европа – это еще и холодная Европа, под суровым оком грозного бога пуритан и сокровенного бога янсенистов. Европы, покинувшая Средиземноморье» [Шоню, 2005, с. 21].

Таким образом, в рассматриваемый период формируется новая «мир-экономика», которую американский социолог И. Валлерстайн характеризовал как «конструкцию, основанную на соединении двух ранее отдельных систем: христианского Средиземноморья с центром в городах северной Италии и фламандско-ганзейской торговой сети на севере и северо-западе Европы», к которой примыкали на правах сырьевых придатков «с одной стороны, земли к востоку от Эльбы, Польша и некоторые другие территории Восточной Европы, а с другой стороны – острова Атлантики и определенные части Нового Света» [Валлерстайн, 2015, с. 79].

Раннеמודерные государства как «composite states»

Столь масштабная глубинная трансформация первоосновы существования европейского мира не могла не повлечь за собой и серьезных перемен во всех основных сферах жизни и деятельности европейских государств и обществ. Экспансионистская политика раннеמודерных европейских монархов, как отмечал П. Шоню, неизбежно вела к появлению любопытного политико-правового феномена, характерного именно для раннего Нового времени – «великих **лоскутных** (выделено нами. – *Авт.*) империй» [Шоню, 2005, с. 21].

Мы не случайно выделили именно этот эпитет, который использовал исследователь для характеристики территориальных политических образований раннеמודерной Европы. Британский историк Дж. Эллиотт, развивая выдвинутую его коллегой Х. Кенигсбергером концепцию, согласно которой государства раннего Нового времени представляли собой «составные» (composite) государства [Koenigsberger, 1978], подчеркивал, что политики того времени являлись ничем иным, как конгломератом множества более мелких политических единиц, всеми силами отстаивавших свою «старину» [Elliot, 1992, p. 53].

Формирование таких «составных» государств проходило, как указывал Дж. Эллиотт, двумя основными путями. Первый – т. н. аксессуарный (accessory) союз, который являлся результатом «великих потрясений», тех же завоеваний, которые позволяли верховной власти по праву меча наводить на занятой территории свой новый порядок [Elliot, 1992, p. 53]. Однако такой путь был чреват уже в очень близкой перспективе серьезными проблемами. Еще Н. Макиавелли отмечал, что необходимость поддерживать постоянный оккупационный режим неизбежно вела к тому, что расходы на поддержание постоянного

военного присутствия на занятых территориях очень быстро съедали все доходы от подобных приобретений [Макиавелли, 1982]. Не в последнюю очередь по этой причине большее распространение получил другой путь, который Дж. Эллиотт именовал союзом *aequae principaliter* [Elliot, 1992, p. 53].

Такой путь политической интеграции предполагал, что присоединенная территория, если и не рассматривалась как автономное образование, то, во всяком случае, сохраняла немалую часть своих прежних прав и привилегий. Понятно, что в чистом виде эти модели встречались редко, а чаще всего использовались комбинации из того и другого – ярким примером тому может служить присоединение Иваном III Новгорода. Разгромив новгородцев в скоротечной военной кампании, московский великий князь, тем не менее, не стал полностью перекраивать новгородский порядок и вводить московские установления, сохранив за новгородским «политическим народом» ряд его прежних прав и привилегий, в т. ч. (что примечательно!) суд «по старине», «как в земле суд стоит» [Московский летописный свод конца XV века, 2004].

Подобная уступчивость выглядит парадоксально и как будто противоречит главной тенденции государственного строительства в эту эпоху. Ведь именно к этому времени устоявшаяся историко-правовая традиция относит формирование т. н. централизованных государств. Характеризуя его, отечественный историк К.В. Базилевич отмечал, что «основными признаками централизованного государства являются центральные органы управления, распространяющие свое действие на всю территорию страны; развитие общего законодательства, которое поглощает или отменяет местные законы; замена вассалитета отношениями подданства; ликвидация частных иммунитетных прав, единая организация военных сил, непосредственно подчиненных верховной власти». При этом историк подчеркивал, что такое государство по сравнению со средневековыми политиями представляло собой новый тип политической организации общества [Базилевич, 1949, с. 71].

Сомневаться в том, что «централизованные» государства раннего Нового времени отличались от своих предшественников в лучшую сторону, конечно же, не стоит. Но в то же время стоит ли при этом делать столь радикальные выводы, подобно К.В. Базилевичу? Действительно ли государства раннего Нового времени являлись неким новым типом государственности? Исследования последних десятилетий показывают, что скорее нет, чем да, и что между идеалом и реальностью был серьезный разрыв.

Касаясь этого вопроса, американский историк Н.Ш. Коллманн в одном из своих последних исследований отмечала, что «примерно с 1970-х годов историки и философы изучают, как возникли раннемодерные государства в Европе (включая и Османскую империю)», но под иным, чем прежде, углом зрения. По словам историка, главный упор был сделан на анализ стратегий управления, централизации и формирования суверенитета [Kollmann, 2012, p. 1]. Собственно говоря, можно сказать, что историков и юристов теперь интересовали не только и даже не столько форма, сколько содержание, не политические декларации от имени монарха или его представителей, но административная, бюрократическая, правовая повседневность и особенности реального функционирования государственной машины во всех ее проявлениях

Предпринятые в этом направлении изыскания позволили поставить вопрос о пересмотре устоявшихся ранее представлений о том, чем на самом деле являлись пресловутые «централизованные» государства раннего Нового времени. И едва ли не самый главный вывод, который можно сделать по результатам этих исследований, отмечала Н. Коллманн, заключался в следующем – не стоит преувеличивать силу раннемодерных государств, их действенность и эффективность [Kollmann, 2012, p. 2].

«Мускулатура власти»: особенности взаимодействия власти и общества в раннее Новое время

В этой связи стоит вспомнить любопытное наблюдение, сделанное отечественным исследователем К.В. Петровым. Касаясь особенностей функционирования политического

организма Русского государства раннего Нового времени, он отмечал присущий многим исследованиям по русской истории того времени презентизм в оценках возможностей государства навязывать свою волю обществу. «Любое современное государство во много раз более "деспотично", поскольку, помимо прочего, обладает большим количеством средств способов и методов воздействия на общество» [Петров, 2008, с. 375].

Инструментарий, посредством которого власть оказывает давление на общество, тот самый набор способов и методов воздействия, британский историк Дж. Брюэр предложил именовать «жилами власти», *sinews of power* [Brewer, 1989] (на наш взгляд, лучше сущность этого явления характеризуют словосочетания «мускулатура власти» или «инфраструктура власти»). Характеризуя сущность и структуру этого набора, Н. Коллманн писала, что его составляли, во-первых, «новые налоги и бюрократические институты, учреждаемые для территориального управления, сбора податей и мобилизации людских и материальных ресурсов». Во-вторых, продолжала она, «жила власти» включали в себя также новые кодификации законов и новые централизованные судебные системы, особенно органы, предназначенные для борьбы с уголовными преступлениями (что было связано с господствовавшими в тогдашнем обществе воззрениями на главные функции верховной власти – от нее ожидали в первую очередь охраны и поддержания внешнего и внутреннего мира в государстве). И в-третьих, «жила власти» несли в себе и отчетливую идеологическую составляющую, призванную придать власти легитимность и консолидировать общество вокруг государства и церкви как основы официальной идеологии. Эта идеологическая составляющая находила свое отражение в политике так называемой конфессионализации – активно поддерживаемой и проводимой властью системе мер по унификации, рационализации и стандартизации вероучения и дисциплинирования подданных посредством их индоктринации в нужном для власти и официальной церкви направлении [Kollmann, 2012].

Однако сам по себе процесс наращивания «мускулатуры власти», в особенности в административной и правовой сферах, накопления и осмысления необходимого опыта и выработки соответствующей новой культуры, политической, административной, правовой – процесс долговременный, трудоемкий и требовавший немалых расходов ресурсов как материальных и финансовых, так и людских и интеллектуальных. В результате складывалась, как отмечал отечественный исследователь К.В. Петров, в известной степени парадоксальная ситуация – власть конкретного монарха могла быть сильной, но в пределах узкого, «внутреннего», круга. За пределами же двора государство как система, как институт оставалось относительно слабым и не способным влиять на «землю» таким образом, чтобы добиваться своих целей вне зависимости от того, насколько они, эти цели, соответствовали интересам этой «земли» [Петров, 2008, с. 376]. Поэтому, продолжал он, «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической обстановки: была фактическая возможность – было принуждение. Не было возможности – отношения строились на другой основе» [Петров, 2008, с. 275].

Это наблюдение в полной мере можно отнести не только к Русскому государству того времени, но и к его современникам. Институциональная слабость государства, на которую указывал К.В. Петров, – отличительная черта государств раннего Нового времени. Между тем проблемы, которые необходимо было решать раннеמודерным государствам, по сравнению с эпохой Средневековья выросли и количественно, и качественно – уже хотя бы по той простой причине, что внешняя экспансия (и противостояние ей) в условиях наступившей «пороховой революции» обходилась теперь монархам Европы не в пример дороже и требовала серьезных организационных усилий и затрат, с которыми их предшественники эпохи Средневековья не сталкивались. И решать эти проблемы нужно было здесь и сейчас, не дожидаясь, пока будет создана

необходимая административная, фискальная, юридическая и идеологическая «инфраструктура», – точнее, эти процессы шли параллельно, взаимно «подстегивая» и обуславливая друг друга. Однако территориальные приращения не только давали в распоряжение верховной власти новые ресурсы и возможности. Они создавали и новые проблемы – в первую очередь с интеграцией новых территорий в «тело» государства. Не располагая необходимым административным ресурсом и должным авторитетом и влиянием (степень которых уменьшалась пропорционально удалению от центра власти), европейские монархи раннего Нового времени были вынуждены искать обходные и паллиативные пути решения этой проблемы.

В этом на помощь верховной власти пришла традиция. Уважение к традиции, стремление сохранить «старину» в ее неизменном виде было свойством, присущим средневековому и раннеמודерному обществам имманентно. Связано это было с тем, что они в равной степени относились к социумам, которые американский культуролог Э. Тоффлер называл «обществами Первой волны» [Тоффлер, 2004, с. 38], т. е. аграрными, с присущими такого рода сообществам патриархальностью, господством авторитета, традиционализмом, консервативностью, настороженным отношением ко всякого рода новшествам, в особенности к тем, что могут привести к радикальным переменам в привычном жизненном укладе. Нет, конечно, нельзя сказать, что эти социальные организмы застыли и остановились в своем развитии. Эти «холодные» (по предложенной французским антропологом и социологом К. Леви-Строссом классификации) социумы, конечно же, менялись со временем. Однако они, продолжал дальше исследователь, «желают его [неизбежный процесс изменений внутренних и внешних] игнорировать и пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими «первичными» относительно своего развития (выделено нами. – *Авт.*)...» [Леви Стросс, 2008, с. 438-439].

Однако это стремление сохранить и использовать (в своих целях) традицию было в равной степени свойственно как власти, так и обществу. Власть была производным от общества, а ее представители – его частью, воспитываясь и социализируясь в соответствующей культурной и идеологической атмосфере, впитывая уважение к «старине», что называется, с молоком матери. И если король или император не может вести войну и внешнюю политику на свои средства, он должен, по устоявшейся с давних пор традиции, прибегнуть к помощи своих вассалов и подданных, долг которых оказать необходимую помощь людьми, деньгами и советом своему сюзеру и господину. Таким образом, речь шла о том, чтобы задействовать сформировавшиеся в эпоху Средневековья принципы функционирования политической системы, в основе которых лежало, по наблюдению отечественного историка А.Г. Глебова, «соучастие магнатов, богатых и влиятельных людей в управлении государством и отдельных его областей, консенсус, коллективное согласие элитарных групп сообществ различного уровня и масштабов, коллективного принуждение и коллективное действие этих сообществ (выделено нами. – *Авт.*)...» [Глебов, 2008, с. 15]. Естественно, что в таком случае, как отмечал британский историк Дж. Эллиотт, эти провинциальные элиты сохраняли в своих руках «**существенные рычаги воздействия, которые можно было использовать, с одной стороны, для оказания давления на корону, а с другой – для расширения своего социального и экономического господства над собственными сообществами** (выделено нами. – *Авт.*)...» [Elliot, 1992, p. 56].

Такая двойственность только усиливала позиции провинциальных элит в их взаимодействии с верховной властью и вынуждало последнюю внимательно прислушиваться к тому, что говорят ее представители, и учитывать ее мнение при принятии важных политических и иных решений. Таким образом, верховная власть в раннеמודерных государствах успешно функционировала настолько, насколько ей удавалось найти общий язык с местными элитами, и в основе отношений между ней и «землей» лежало не столько насилие, сколько переговоры [Brewer, Hellmuth, 1999, p. 12].

Основанная на принципе соучастия и переговоров политика управления неизбежно вела к тому, что, как отмечала американский историк К. Барки, раннемодерные монархи, «не имея абсолютной монополии на власть над подвластными территориями», вынуждены были «делить контроль с различными посредническими организациями и местными элитами, религиозными и провинциальными властными группами и многочисленными другими привилегированными организациями» [Barkey, 2008, p. 10]. Соучастие местных элит в управлении государством неизбежно вело к тому, что характерная для Средневековья ситуация с делегированием властных полномочий на места и, соответственно, «фрагментацией» суверенитета (Ч. Тилли [Tilly, 1990, p. 21]) продолжала оставаться актуальной на протяжении практически всего Раннего Нового времени. Отнюдь не случайно в современной историко-правовой литературе для характеристики таких государств с фрагментированным суверенитетом нередко используется термин «координирующее государство» (*co-ordinating state* или *koordinierende Staat*). Верховная власть в таких государствах «проводила направленные на централизацию, в целом прогрессивные административные, военные и прочие реформы, в то же время согласуя свою политику с обществом, представленным в первую очередь политической элитой страны» [Гусарова, 2013, с. 44].

Необходимость согласовывать свои действия с мнением местных элит, корпораций и иных групп влияния в условиях отсутствия необходимого административного ресурса придавали политике верховной власти в вопросах, связанных с наращиванием административно-бюрократической, фискальной, правовой, идеологической и иной «мускулатуры», характерную окраску. Осторожность, постепенность и эволюционность – вот ее главные принципы. Однако могло ли быть иначе в условиях, когда легитимность власти и, следовательно, успешность ее деятельности по созданию пресловутого «централизованного государства» и его институтов зависела от того, насколько местные элиты и стоящие за ними местные же сообщества готовы признавать власть и повиноваться ей.

Эта лояльность со стороны общества и его элит по отношению к верховной власти определялась тем, насколько, как подметила Н. Коллман, «государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, блюсти традицию и обеспечивать безопасность» [Kollmann, 2012, p. 416]. Резкие телодвижения со стороны верховной власти, попытки с ее стороны покуситься в той или иной мере на старину, на традицию, были ей противопоказаны. Отказывая такой власти в легитимности, общество ставило под вопрос само ее существование. Примеры Бориса Годунова и его семейства, Лжедмитрия I, Карла I Стюарта и Людовика XVI более чем красноречиво демонстрировали, во что может вылиться попытка нарушить хрупкий баланс и равновесие между претензиями верховной власти на монополию на насилие и право распоряжаться административными, финансовыми, людскими и материальными ресурсами по своему усмотрению с одной стороны и, с другой стороны, желанием общества сохранить свои традиционные вольности и свободы, – в особенности если это касалось судебной и фискальной сфер.

Заклучение

Итак, переход от Средневековья к Новому времени, от традиционного общества и связанных с ним государственных институтов к модерному был далеко не простым и однозначным – не таким прямолинейным, каким он представлялся ранее. Н. Коллманн указывала, что раннемодерные государства, черпая силу в подручном материале социальных и политических взаимодействий, превращались в современные благодаря органичному сочетанию таких свойств, которые в социальной теории рассматриваются обычно как противостоящие категории: централизация/децентрализация, персонализм/публичность, власть закона / власть обычая [Kollmann, 2012, p. 3], и с такой

характеристикой особенностей процесса формирования пресловутых «централизованных» (которые на самом деле были далеки от приписываемой централизации) государств невозможно не согласиться. Причудливое сочетание традиции и новаций, смесь старины и новаций, искусно маскировавшихся под «реновацию» старины, наложенные на местную специфику, характер которой определялся конкретно-историческими условиями возникновения и развития государственности в данном регионе, порождали порой весьма необычные формы политического и социального устройства. Однако для всех них будут присущи некоторые базовые черты, главной из которых были, с одной стороны, «лоскутность» политического, административного, правового и иного устройства этих раннемодерных государств, а с другой – эволюционность процесса их внутреннего переустройства в сторону большей централизованности и усиления верховной власти, прежде всего за счет наращивания и совершенствования «жил власти». Впрочем эта эволюционность отнюдь не была препятствием для «великих потрясений», прокатившихся волной по всей Евразии во 2-й пол. «долгого XVI в.» и серьезно изменивших (или заложивших основы для будущих серьезных перемен) во внутреннем устройстве раннемодерных государств и обществ. Эти перемены ускорили процессы централизации власти и переход от «лоскутных империй» «долгого XVI века» к более современным формам государственности – например, к т. н. военно-фискальным государствам.

Список литературы

- Базилевич К.В. 1949. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. *Вопросы истории*, 11: 65-90.
- Валлерстайн И. 2015. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 552 с.
- Глебов А.Г. 2008. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе. В кн.: *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М., Наука: 11-19.
- Гусарова Т.П. 2013. Трудности диалога: центральная власть и сословия на венгерских государственных собраниях в эпоху турецких войн в XVI–XVII веках. *Средние века*, 74(102): 30-65.
- Домников С.Д. 2002. Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., Алетея, 672 с.
- Леви Стросс К. 2008. Неприрученная мысль. В кн.: *Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль*. М., Академический проект: 143-501.
- Макиавелли Н. 1982. Государь. В кн.: *Избранные сочинения*. М., Художественная литература: 301-378.
- Московский летописный свод конца XV века 2004. В кн.: *Полное собрание русских летописей*. Т. XXV. М., Языки славянской культуры, 488 с.
- Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») В кн.: *Очерки феодальной России*. Вып. 12. М.-СПб., Альянс-Архео: 365-382.
- Тоффлер Э. 2004. Третья волна. М., АСТ, 781 с.
- Шоню П. 2005. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, У-Фактория, 608 с.
- Barkey K. 2008. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press. 342 p.
- Bartlett R. 1993. *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*. London: Penguin Books Ltd., 432 p.
- Braudel F. 1974. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II*. Vol. II. London: Harper & Row, 1375 p.
- Brewer J. 1989. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London, Unwin Hyman, 253 p.
- Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press: 1-22.

- Elliot J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*, 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48-71.
- Koenigsberger H.G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society*, 5(2): 191-217.
- Kollmann N.S. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.
- MacKenney R. 2002. *Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict*. London, Palgrave Macmillane, 425 p.
- Tilly Ch. 1990. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*. Oxford, Basil Blackwell, XI. 269 p.

References

- Bazilevich K.V. 1949. Opyt periodizacii istorii SSSR feodal'nogo perioda [Experience of periodization of the history of the USSR during the feudal period]. *Voprosy istorii [Questions of History]*, 11: 65-90.
- Vallerstajn I. 2015. *Mir-sistema Moderna. Vol. I. Kapitalisticheskoe sel'skoe khozyajstvo i istoki evropejskogo mira-e'konomiki v XVI veke [World-system of Modernity. T. I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the 16th century]*. M., Publ. Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 552 p.
- Glebov A.G. 2008. O nekotoryx osobennostyax rannesrednevekovoj gosudarstvennosti v Zapadnoj Evrope [On some features of early medieval statehood in Western Europe]. In: *Vlast', obshhestvo, individ v srednevekovoj Evrope [Power, society, individual in medieval Europe]*. M., Publ. Nauka: 11-19.
- Gusarova T.P. 2013. Trudnosti dialoga: central'naya vlast' i sosloviya na vengerskix gosudarstvennyx sobraniyax v e'poxu tureczkix vojn v XVI – XVII vekax [Difficulties of dialogue: central power and estates in Hungarian state assemblies during the era of the Turkish wars in the 16th–17th centuries]. *Srednie veka*, 74(102): 30-65.
- Domnikov S.D. 2002. *Mat' zemlya i Czar'-gorod. Rossiya kak tradicionnoe obshhestvo [Mother Earth and the Tsar City. Russia as a traditional society]*. M., Publ. Aleteja, 672 p.
- Levi Stross K. 2008. *Nepriruchennaya my'sl' [La Pensée sauvage]*. In: *Totemizm segodnya. Nepriruchennaya my'sl' [Le Totémisme aujourd'hui. La Pensée sauvage]*. M., Publ. Akademicheskij proekt: 143-501.
- Makiavelli N. 1982. *Gosudar' [Prince]*. In: *Izbranny'e sochineniya [Selected Works]*. M., Publ. Xudozhestvennaya literatura: 301-378.
- Moskovskij letopisnyj svod koncza XV veka [Moscow chronicle code of the end of the 15th century]. 2004. In: *Polnoe sobranie russkix letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*. Vol. XXV. M., Publ. Yazyki slavyanskoj kul'tury, 488 p.
- Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom po-nimanii? (Po povodu stat'i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny XVI v.») [Did the Code of Law of 1497 have the meaning of law in its modern understanding? (Regarding the article by S.N. Kisterev “The Grand Duke’s Code of Law of 1497 and judicial practice of the first half of the 16th century.”)]. In: *Ocherki feodal'noj Rossii [Essays on feudal Russia]*. M.-SPb., Publ. Al'yans-Arxeo: 365-382.
- Toffler E. 2004. *Tret'ya volna [The Third Wave]*. M., Publ. AST, 781 p.
- Shonyu P. 2005. *Civilizaciya klassicheskoj Evropy [The civilization of classical Europe]*. Ekaterinburg, Publ. U-Faktoriya, 608 p.
- Barkey K. 2008. *Empire of Difference. The Ottomans in Comparative Perspective*. Cambridge, Cambridge University Press. 342 p.
- Bartlett R. 1993. *The Making of Europe. Conquest, Colonization and Cultural Change 950-1350*. London: Penguin Books Ltd., 432 p.
- Braudel F. 1974. *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II. Vol. II*. London: Harper & Row, 1375 p.
- Brewer J. 1989. *The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783*. London, Unwin Hyman, 253 p.
- Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In *Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany*. Oxford & New York: Cambridge University Press: 1-22.

- Elliot J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. *Past & Present*, 137. The Cultural and Political Construction of Europe: 48-71.
- Koenigsberger H.G. 1978. Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale. Theory and Society*, 5(2): 191-217.
- Kollmann N.S. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.
- MacKenney R. 2002. *Sixteenth Century Europe. Expansion and Conflict*. London, Palgrave Macmillane, 425 p.
- Tilly Ch. 1990. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990*. Oxford, Basil Blackwell, XI. 269 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 14.12.2023
Поступила после рецензирования 01.02.2024
Принята к публикации 15.02.2024

Received December 14, 2023
Revised February 2, 2024
Accepted February 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенской Александр Витальевич, адвокат,
Адвокатская палата Белгородской области,
г. Белгород, Россия.
 [ORCID: 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Penskoj, lawyer, Bar Chamber of
the Belgorod Region, Belgorod, Russia.
 [ORCID: 0000-0002-0997-0412](https://orcid.org/0000-0002-0997-0412)

УДК 340.151

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-273-279

Понятие правовой системы переходного периода

Чигринский Н.С.

Юридический институт Иркутского государственного университета
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла-Маркса, д. 1
tchigrinsky@yandex.ru

Аннотация. Общественные отношения в своей сути не являются стабильным явлением. Зачастую в государстве может сложиться обстановка, когда трансформация общественных отношений приводит к изменению правовой системы государства, вследствие чего государство на определённом историческом отрезке времени находится в переходном периоде. Совокупность правовых явлений общества в таком государстве можно назвать правовой системой переходного периода. На сегодняшний день понятие правовой системы переходного периода – малоизученная тема, требующая новых подходов. Цель данной работы – сформулировать понятие правовой системы переходного периода. Полученное в результате исследования определение отражает особый тип взаимосвязанных правовых явлений общества, обладающий специфическими признаками, характеризующийся относительной непродолжительностью существования.

Ключевые слова: правовая система, переходный период, признаки правовой системы, трансформация правовой системы, принципы права

Для цитирования: Чигринский Н.С. 2024. Понятие правовой системы переходного периода. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(2): 273–279. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-273-279

The Concept of a Transitional Legal System

Nikolai S. Chigrinskii

Law Institute of Irkutsk State University
1 Karla Marxa St, Irkutsk 664003, Russian Federation
tchigrinsky@yandex.ru

Abstract. Social relations are inherently not a stable phenomenon. Often, there may be a situation in the state when the transformation of public relations leads to a change in the legal system of the state, as a result of which the state is in a transitional period for a certain historical period of time. The totality of the legal phenomena of society in such a state can be called the legal system of the transition period. To date, the concept of a transitional legal system is a little-studied topic that requires new approaches. The purpose of this work is to formulate the concept of a transitional legal system. The definition obtained as a result of the study reflects a special type of interrelated legal phenomena of society, which has specific characteristics and is characterized by a relatively short existence.

Keywords: legal system, transition period, signs of the legal system, transformation of the legal system, principles of law

For citation: Chigrinskii N.S. 2024. The Concept of a Transitional Legal System. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 273–279 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-273-279

Введение

Изучая историю любого государства, а также путь развития существовавших в нём общественных отношений, исследователь анализирует правовую систему государства. Исследование истории предполагает, среди прочего, изучение динамики развития и

деградации тех или иных процессов в государстве, а значит, анализ изменения правовой системы. В своей сути правовая система любого государства, обладая признаком стабильности (в виде закрепления фундаментальных принципов самой системы), также обладает признаком изменчивости, поскольку на определённом историческом этапе развитие общественных отношений может повлечь за собой изменение системы в целом. На это могут повлиять самые разные явления неправового характера: социальные, политические, экономические и т. д.

Правовая система представляет собой взятые в единстве и взаимосвязи все правовые явления общества. Однако за пределами научного внимания до настоящего времени находится аспект терминологической конструкции правовой системы такого периода существования государства, при котором одна правовая система сменяется другой (говоря иначе – происходит трансформация одного явления в другое)? При этом правовой феномен правовой системы неоднократно выступал предметом самостоятельных исследований в ракурсах его дефиниции [Ануфриева, 2013, с. 128-143]; принципов [Скурко, 2006, с. 55-61]; сравнения [Мещерякова, 2015, с. 129-131], сопоставления с иными правовыми явлениями [Малько, 2023, с. 95-97] и др.

В связи с имеющимся в теоретико-правовой науке пробелом, цель данной работы – сформулировать авторское определение правовой системы переходного периода на основе применения в исследовании общеизвестных общенаучных и специально-научных методов.

Сущность правовой системы переходного периода

Речь идёт о некоем процессе, в котором чаще всего одно явление преобразуется в другое (также допустимы случаи, когда один объект заменяется другим). Данный процесс можно определить как, например, процесс радикальной трансформации государствообразующих систем страны, в данном случае – правовой [Бакарджиев, 2014, с. 70]. В этой связи заметим, что существует точка зрения о возможности использовать термин «правовая система переходного периода» как синоним термину «переходный период в смене правовых систем» [Сорокин, 2005б, с. 22]. Данная точка зрения представляется обоснованной, поскольку, какими бы развитыми не были общественные отношения, те инструменты регулирования, которые установлены основополагающими нормативными правовыми актами страны, так или иначе в своей совокупности составляют правовую систему определённого типа; и хотя значительная часть элементов конкретной правовой системы подвергается изменению (или же вообще «отмирает»), – правовая система переходного периода складывается именно тогда, когда общественные отношения регулируются не в полной мере, с процессом «резкой» замены одних регулятивных институтов другими, с возникновением большого количества новых пробелов в описываемом процессе регулирования. Отметим, что в науке также употребляется синонимичное определение «правовая система нестабильного периода» [Сорокин, 2005а, с. 17], – думается, что здесь как раз сделан акцент на том, что фундаментальные принципы системы уже не обладают признаком стабильности в связи с изменением системы как таковой.

Таким образом, в рамках данной работы представляется возможным употреблять термины «переходный период в трансформации правовых систем» и «правовая система переходного периода» в качестве взаимозаменяемых, обозначающих процесс качественного изменения правовой системы. Конечно, можно предположить, что под первым определением понимается более широкий процесс, включающий в себя смежные процессы, влияющие на изменение системы, тогда как второе определение подразумевает особенности функционирования правовых институтов во время этого изменения. Однако в рамках данной работы такое разделение представляется нам излишним.

Признаки правовой системы переходного периода

Начать стоит с признака, который воспроизводится в правовой литературе следующим образом: для переходного периода характерна активная системная трансформация правовой действительности [Бакарджиев, 2014]. Важно обратить внимание на элемент «системности» в обозначенном признаке. В контексте описываемого признака его нужно понимать в значении «трансформации системы правовой действительности», но ни в коем случае не как «упорядоченное, закономерное, выверенная переустройство» этой самой правовой действительности. Причина такого рассуждения в том, что зачастую переходный период хоть и возникает как закономерное следствие развития своих внутренних процессов – но сам процесс переходного периода вряд ли можно обозначить как «закономерно упорядоченный».

«Системность права – это объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования» [Керимов, 2000, с. 250]. Проводя аналогию с данным определением и понимая, что в историческом контексте трансформация правовых систем происходит при активном политическом противостоянии некоторых участников действующих органов власти, можно сделать вывод о некотором уровне хаотичности и несогласованности структурных элементов переходного периода.

Говоря о хаотичной динамике структурных элементов правовой системы переходного периода, путём логического умозаключения можно определить следующий ее признак: *нестабильность нормативной правовой базы данного периода, дополненной активной правотворческой деятельностью*. Казалось бы, речь в данном случае скорее идёт о двух признаках, но, на наш взгляд, в связи с тесной взаимосвязью обоих, разумным будет объединить их в единый элемент. Безусловно, динамично изменяющиеся общественные правоотношения требуют скорейшего правового регулирования – во избежание (или хотя бы минимизации) в законодательстве государства неразрешённых правовых вопросов. Однако быстрота правотворчества в переходный период (вызванная упомянутыми ранее факторами, например, противоборством политических сторон в стране) далеко не всегда идёт на пользу качеству нормативной базы. Таким образом, к моменту завершения переходного периода (и, следовательно, становлению новой правовой системы) в государстве могут быть приняты нормативные правовые акты, не отличающиеся высокой степенью правовой проработанности (не говоря уже о качестве юридической техники). В этой связи приведем следующую мысль В.А. Рыбакова: «Законодательные акты первого поколения наименее стабильны. Они не имеют достаточно четкой концепции, своего рода идеологии, поэтому наблюдается их рассогласованность и прямые противоречия одних актов другим... Следующие поколения законодательных актов более совершенны. Количество поколений законодательных актов обусловлено этапностью общественных преобразований и значимостью решаемых задач» [Рыбаков, 2009, с. 8]. Таким образом, в след за стабилизацией изменившихся общественных отношений меняется и совершенствуется нормативная база, процесс правотворчества становится более выверенным. Следует, однако, заметить, что основополагающие принципы, определяющие основы созданной правовой системы, остаются неизменными.

Следующий признак правовой системы переходного периода тесно связан с практической проблемой, с которой могут столкнуться исследователи данной темы. Суть её заключается в сложности определения так называемых точек отсчёта и завершения конкретного переходного периода. Поскольку в рамках дисциплины теории и истории государства и права возможно использовать исторический метод при изучении особенностей переходного периода от одной правовой системы к другой, то возникает

ситуация, когда достаточно сложно определить конкретный короткий исторический отрезок времени, который может считаться описываемым переходным периодом. Например, рассматривая трансформацию социалистической правовой системы в романо-германскую (на примере событий в СССР в конце XX века), можно встретить различные точки зрения. Одни исследователи считают, что переход начался одновременно с конституционной реформой 1990-х годов [Дерябина, 2019, с. 96]; другие акцентируют внимание именно на начале так называемой горбачевской перестройки, при этом отмечая значимость произошедших за два десятилетия до этого «косыгинских» реформ [Уповор, 2023, с. 300]. Но важно понимать, что все описанные исторические события напрямую связаны не столько со сменой правовой системы государства, сколько с политическими, экономическими и другими событиями в государстве. Тем не менее, на наш взгляд при изучении трансформации правовой системы в государстве вполне допустимо косвенное затрагивание процесса трансформации иных сфер общественных отношений.

Анализируя данную проблему, мы можем сформулировать ранее указанный признак правовой системы переходного периода: это *неопределённость точек начала и завершения самого переходного периода*. Думается, что данная неопределённость связана со сложностью процесса перестраивания общественных отношений, и в каждом отдельном историческом периоде переходный период начинается и заканчивается в те временные точки, которые связаны с развитием общественных отношений в этом конкретном периоде. К слову, некоторые учёные не ставят начало или окончание переходного периода в зависимость от конкретных исторических событий, что тоже является подходом к рассматриваемому нами вопросу [Сорокин, 2002, с. 183]. К примеру, в рамках «круглого стола «Закон в переходный период: Опыт современной России» переход России к новой правовой системе характеризуется следующим образом: «Первоначально мы считали, что переходный период завершится принятием новой Конституции Российской Федерации, потом связывали его с окончанием конституционных реформ на базе Конституции РФ 1993 г. Жизнь показала, однако, что переходным периодом следует считать тот временной отрезок, в течение которого на практике будут реализованы положения статей 1 и 7 Конституции РФ, провозгласившие Россию демократическим, правовым федеративным и социальным государством»¹. Таким образом, точкой отсчёта автор предлагает считать реализацию мероприятий, установленных подзаконными актами, принятыми по исполнению положений статей 1 и 7 Конституции РФ. Однако и здесь можно спорить, приводя контраргументы о том, что недостаточно чётко определена точка окончания завершения переходного периода, отсутствует критерий определённости и. т. п., однако это уже больше предмет дискуссии.

На наш взгляд, при определении точки начала переходного периода одной правовой системы к другой нужно выяснить, когда основополагающие, фундаментальные принципы конкретной правовой системы начали либо меняться, либо прямо не исполняться – например, изданием подзаконных актов, чья сущность противоречит основополагающим принципам, установленных основными законами государства, однако их политическое и экономическое влияние столь велико, что реальное действие фундаментальных принципов начинает ослабевать с точки зрения их правовой силы. Таким образом, сосредоточить внимание необходимо именно на факте принятия конкретных нормативных правовых актов государства, при этом необязательно эти правовые акты должны являться фундаментальными (как, например, Конституция). Важно понять цель принятия данного правового акта и то, как радикально он меняет устоявшиеся общественные отношения (что, собственно, и может являться началом изучаемого переходного периода). И тем не менее описываемый нами признак неопределённости временных рамок переходного периода продолжает сохраняться,

¹ Закон в переходный период: Опыт современной России («круглый стол» журнала). 1995. Государство и право, 10: 28–61.

поскольку для каждой правовой системы переходного периода в каждый исторический период времени эти временные рамки индивидуальны.

Последний признак правовой системы переходного периода, который мы рассмотрим, заключается в том, что *в описываемый период снижается регулятивная функция и социальная ценность права*. Я.В. Бакарджиев характеризует данный признак следующим образом: «Комплексная трансформация правовой реальности неизбежно приводит к пробельности и коллизии в нормативных предписаниях, что негативно сказывается на эффективности их воздействия» [Бакарджиев, 2014, с. 78]. Данная характеристика представляется нам аргументированной и подтверждается историческим опытом. Зачастую в правовой системе переходного периода принимаются правовые акты, противоречащие основным принципам правовой системы, подвергшейся трансформации. Примером может послужить один из этапов переходного периода в Чехословацкой республике: 9 января 1991 года был принят Конституционный закон Чешской республики № 23/1991 Сб., который вводил в действие Хартию основных прав и свобод¹. Указанный правовой акт прямо закрепил надконституционный характер Хартии перед Конституцией Чехословакии, что являлось первым шагом республики на пути к формированию суверенного национального законодательства.

Определение правовой системы переходного периода

Итак, рассмотрев основные признаки правовой системы переходного периода представляется возможным систематизировать их и получить искомое определение. Правовую систему переходного периода (отталкиваясь от узкого понимания правовой системы как таковой) можно определить как *взаимосвязанные правовые явления общества, которые развиваются при активной системной трансформации правовой действительности, характеризуются нестабильностью и неопределённой длительностью, сопровождаются активным правотворчеством и снижением регулятивной функции и социальной ценности права*. Обосновывая самостоятельность данного определения, стоит указать на то, что оно чётко проводит линию отличий между правовой системой переходного периода и стабильно функционирующей правовой системой какого-либо государства.

Заключение

Причина сложности изучения рассмотренной нами темы видится в отсутствии признака «стабильности переходной системы». Какое-либо правовое явление, стабильное по своей сущности, представляется нам более подходящим для анализа с точки зрения его сущности. С явлениями переходного, трансформирующегося типа обстоит несколько иначе: такие категории содержат в себе знание о первоначальном явлении, о сущности трансформационного процесса, а также знание о том явлении, в которое преобразуется первоначальное. Такая многоуровневая система требует более внимательного подхода к своему изучению, и подразумевает анализ большего количества информации.

Правовая система переходного периода представляет собой отдельное правовое явление, функциональная сущность которого – быть своеобразным «коридором» между правовой системой, подвергнувшейся трансформации, и новой правовой системой, возникшей в результате произошедших изменений. Однозначно можно сказать, что данное явление является сложным, в связи с нестабильностью и хаотичностью быстро изменяющихся общественных отношений в каждом конкретном историческом периоде.

¹ https://www.usoud.cz/fileadmin/user_upload/ustavni_soud_www/Pravni_uprava/AJ/23_1991_EN.pdf

Список литературы

- Ануфриева Л.П. 2013. Понятия «система права», «международно-правовая система», «национально-правовая система» в науке международного права. *Вопросы правоведения*, 1(17): 128–143.
- Бакарджиев Я.В. 2014. Переходный период в развитии государства и правовой системы. *Вестник Омского университета. Серия: Право*, 4 (41): 69–79.
- Дерябина Е.С. 2019. Конституционное реформирование в СССР и России в переходный период (конец 80-х – начало 90-х гг. XX века). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 4(39): 93–103.
- Керимов Д.А. 2000. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Аванта+: 560 с.
- Малько А.В. 2023. Правовая политика и правовая система в современной России. *Правовая культура*, 4(55): 95–97.
- Мещерякова В.В. 2015. Российская правовая система на пути к преодолению проблем взаимодействия правовых систем стран западной Европы и США. *Вопросы российской юстиции*, 2: 129–131.
- Рыбаков В.А. 2009. Переходный период в развитии права: к вопросу о понятии. *Современное право*, 4: 3–10.
- Скурко Е.В. 2006. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика. Известия высших учебных заведений. *Правоведение*, 2(265): 55–61.
- Сорокин В.В. 2005а. Проблемы понимания правовой системы переходного периода (часть 1). *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*, 4(64): 17–21.
- Сорокин В.В. 2005б. Проблемы понимания правовой системы переходного периода (часть 2). *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*, 5(65): 21–24.
- Сорокин В.В. 2002. Право и время: Правовая система и переходное время. *Правоведение*, 1: 180–195.
- Упоров И.В. 2023. Горбачевская «перестройка» как переходный этап от социалистической экономики к рыночной. *Экономика и бизнес: теория и практика*, 2(96): 299–304. DOI:10.24412/2411-0450-2023-2-299-304.

References

- Anufrieva L.P. 2013. Ponyatiya «sistema prava», «mezhdunarodno-pravovaya sistema», «nacional'no-pravovaya sistema» v nauke mezhdunarodnogo prava [The concepts of «legal system», «international legal system», «national legal system» in the science of international law]. *Voprosy pravovedeniya*, 1(17): 128–143.
- Bakardzhiev YA.V. 2014. Transitional Period In the Development Of the State And Legal System. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 4 (41): 69–79.
- Deryabina E.S. 2019. Konstitucionnoe reformirovanie v SSSR i Rossii v perekhodnyj period (konec 80-h – nachalo 90-h gg. XX veka) [Constitutional reform in the USSR and Russia during the transition period (late 80s - early 90s of the XX century)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 4(39): 93–103.
- Kerimov D.A. 2000. Metodologiya prava. Predmet, funkcii, problemy filosofii prava [The methodology of law. Subject, functions, problems of philosophy of law]. M.: Avanta+: 560 c.
- Mal'ko A.V. 2023. Legal Policy and Legal System in Modern Russia. *Pravovaya kul'tura*, 4 (55): 95–97.
- Meshcheryakova V.V. 2015. Rossijskaya pravovaya sistema na puti k preodoleniyu problem vzaimodejstviya pravovyh sistem stran zapadnoj Evropy i SSHA [The Russian legal system on the way to overcoming the problems of interaction between the legal systems of Western Europe and the United States]. *Voprosy rossijskoj yusticii*, 2: 129–131.
- Rybakov V.A. 2009. Perekhodnyj period v razvitii prava: k voprosu o ponyatii [The transitional period in the development of law: on the question of the concept]. *Sovremennoe pravo*, 4: 3–10.
- Skurko E.V. 2006. Pravovye principy v pravovoj sisteme, sisteme prava i sisteme zakonodatel'stva: teoriya i praktika. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij [Legal principles in the legal system, the legal system and the legislative system: theory and practice]. *Pravovedenie*, 2 (265): 55–61.

- Sorokin V.V. 2005a. Problemy ponimaniya pravovoj sistemy perekhodnogo perioda (chast' 1) [Problems of understanding the legal system of the transition period (part 1)]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy*, 4 (64): 17–21.
- Sorokin V.V. 2005b. Problemy ponimaniya pravovoj sistemy perekhodnogo perioda (chast' 2) [Problems of understanding the legal system of the transition period (part 2)]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy*, 5 (65): 21–24/
- Sorokin V.V. 2002. Pravo i vremya: Pravovaya sistema i perekhodnoe vremya [Law and time: The legal system and transitional time]. *Pravovedenie*, 1: 180–195.
- Uporov I.V. 2023. Gorbachevskaya «perestrojka» kak perekhodnyj etap ot socialisticheskoj ekonomiki k rynochnoj. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2(96): 299–304. DOI:10.24412/2411-0450-2023-2-299-304. (In Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 07.12.2023

Поступила после рецензирования 27.01.2024

Принята к публикации 27.02.2024

Received December 07, 2023

Revised January 27, 2024

Accepted February 27, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чигринский Николай Сергеевич, аспирант юридического института, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия.

Nikolai S. Chigrinskii, postgraduate student of Law Institute, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

УДК 340; 340.1; 348; 348.01/.07
DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-280-289

Научные подходы к определению понятия «церковное право»

Ерохина Ю.В.

Государственный академический университет гуманитарных наук
Россия, 119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26;
Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
Россия, 150035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1
yulia-erohina@yandex.ru

Аннотация. На современном этапе развития и функционирования права Русской Православной Церкви, регулирующего ее каноническую деятельность и общение с государством, определение понятия «церковное право» представляет особую значимость. Связано это с переосмыслением в современных условиях правовых, политических, культурных явлений и традиционных духовно-нравственных ценностей. Усиливающаяся роль норм церковного права в жизни российского общества обусловила возрастающий интерес к нему как к социальному регулятору, имеющему многовековой исторический опыт применения в этом качестве. Несмотря на многочисленные научные работы по различным аспектам церковного и канонического права, малоисследованной остается проблема критической оценки действующих подходов к определению понятия «церковное право» и их систематизации. Цель исследования – уточнить, конкретизировать существующие определения понятия церковного права в правовой и церковно-правовой науке и усовершенствовать его дефиницию. В ходе исследования проанализированы различные точки зрения отечественных ученых по данному вопросу, что позволяет говорить о нескольких научных подходах к определению понятия «церковное право». Рассмотрены труды дореволюционных российских учёных-канонистов, посвященных проблеме соотношения церковного и канонического права. Полученные результаты способствуют развитию теории современного церковного права и теории права в целом. Предложен авторский вариант дефиниции «церковное право».

Ключевые слова: церковное право, каноническое право, теория права, юридическая терминология, церковь, церковно-правовая наука

Для цитирования: Ерохина Ю.В. 2024. Научные подходы к определению понятия «церковное право». *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(2): 280–289. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-280-289

Scientific Approaches to Defining the Concept of Church Law

Yuliya V. Erokhina

State Academic University for the Humanities
26 Maronovsky Lane, Moscow 119049, Russian Federation;
Saints Cyril and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies
1 Building, 4/2 Pyatnitskaya St, Moscow 150035, Russian Federation
yulia-erohina@yandex.ru

Abstract. At the present stage of development and functioning of the law of the Russian Orthodox Church, regulating its canonical activities and interaction with the state, the definition of the concept of “church law” is of particular importance. This is related to the reevaluation of legal, political, cultural phenomena and traditional spiritual and moral values in contemporary conditions. The increasing role of canon law norms in the life of Russian society has led to a growing interest in it as a social regulator with centuries of historical experience in this capacity. Despite numerous scientific works on various aspects of

ecclesiastical and canonical law, there are few studies devoted to a critical assessment of current approaches to defining the concept of “church law” and their systematization. The purpose of this study is to clarify and concretize the existing concepts of church law in legal and church law science and, as a result, to improve its definition. In the course of the study, various points of view of Russian scientists on this issue are analyzed, which allows us to talk about several scientific approaches to the definition of the concept of “church law”. The works of pre-revolutionary Russian canonist scholars, dedicated to the issue of the relationship between ecclesiastical and canonical law, have been reviewed. The results obtained contribute to the development of the theory of modern church law and the theory of law in general. The author's version of the definition of “church law” is proposed.

Keywords: church law, canon law, theory of law, legal terminology, church, church legal science

For citation: Erokhina Yu.V. 2024. Scientific Approaches to Defining the Concept of Church Law. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 280–289 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-280-289

Введение

Понятие «церковное право» не является новым для правовой и церковно-правовой науки, однако сегодня специфика развития и функционирования церковного права как юридического явления не может быть адекватно объяснена без переосмысления и уточнения его дефиниции. Данное понятие употребляется в самых разнообразных словосочетаниях и при этом имеет различные значения. Например, Е.В. Белякова в своем монографическом исследовании использует как термин «церковное право», так и термин «каноническое право», не уделяя внимания выявлению их сходства и различия [Белякова, 2004]. В свою очередь, Ю.В. Оспенников не раскрывает термин «церковное право», при этом выделяет «западнохристианское церковное право и церковное право Византии», а также «русское церковное право» [Оспенников, 2018].

Сложной для уяснения представляется и проблема в рамках сравнительного правоведения, поскольку без единообразного понимания, что есть церковное право, нельзя осмыслить, что представляло собой церковное право в разные исторические эпохи и что с чем, собственно, следует сравнивать. Для преодоления этих затруднений и углубленного изучения церковного права необходимо учитывать многообразие подходов к его пониманию в современной правовой и церковно-правовой науках, что обусловлено сложностью объекта исследования, спецификой методов его изучения. При этом представляется, что в современной научной дискуссии относительно определения понятия «церковное право» следует избегать искусственных договоренностей специалистов относительно того, как его трактовать. На это обращает внимание В.М. Сырых: «...предложения договориться по поводу содержания дискуссионного понятия фактически являются предложениями дать номинальное определение соответствующему термину», между тем «номинальные определения полезны и необходимы в обыденной жизни, законодательстве, но мало приемлемы в научном отношении» [Сырых, 2004, с. 336].

Цель настоящего исследования – уточнить, конкретизировать имеющиеся в правовой науке понятия церковного права и, как следствие, усовершенствовать его дефиницию.

Для достижения заявленной цели используется совокупность общенаучных принципов и специальных методов: системного, структурного, функционального, формально-юридического, сравнительно-исторического и иных подходов, составляющих основу научного анализа понятия церковного права.

Современные подходы к понятию церковного права

В научном сообществе существуют различные точки зрения относительно того, что следует понимать под церковным правом, которые условно можно сгруппировать в несколько подходов. Кратко определим квинтэссенцию точек зрения по рассматриваемому

вопросу и систематизируем представления о церковном праве по смысловым характеристикам.

Первый подход, представителями которого являются А.М. Осавелюк, И.В. Павлюк, Н.Д. Эриашвили и другие, предполагает деление церковного права на внешнее и внутреннее.

Так, А.М. Осавелюк и Н.Д. Эриашвили считают, что «церковное право имеет уникальное по происхождению и юридическому наполнению содержание» [Осавелюк, Эриашвили, 2014, с. 35]. Церковное право определяется учеными как система права, состоящая из обособленных частей: внутреннего церковного права, относящегося к отраслям частного права (например, брачно-семейные отношения), и части права, относящейся к публичному праву (например, регулирование отношений с другими религиозными организациями и государством) [Осавелюк, Эриашвили, 2014].

И.В. Павлюк также выделяет «внешнее церковное право» и «внутреннее церковное право». По его мнению, внешнее церковное право не зависит от церкви, а определяется государством, и сегодня состоит в основном из норм гражданского права. При этом внутренне церковное право исходит только от церкви. Он отмечает, что попытки определения места внутреннего церковного права «в правовой системе основаны на принципиальных особенностях конкретных исторических периодов, в рамках которых выстраивались те или иные научные теории, а также специфике государств» [Павлюк, 2021, с. 359]. При характеристике церковного права представители данного подхода акцентируют внимание именно на структурном строении и разграничении на внешнее и внутреннее церковное право.

Второй подход основан на разграничении церковного и канонического права с использованием категорий формальной логики (например, соотношение части и целого, кругов Эйлера и пр.) и находит свое отражение в трудах А.А. Дорской, Ю.В. Оспенникова, М.Ю. Спирина и других.

Например, А.А. Дорская, рассматривая церковное право как предмет научной дискуссии, выявляет следующую тенденцию: «Постепенно в российской науке понятия “церковное право” и “каноническое право” перестают употребляться как синонимы» [Дорская, 2018, с. 139]. Проблема различения понятий «церковное право» и «каноническое право», как отмечает А.А. Дорская, существовала еще в дореволюционной России, и научные подходы к ее решению были разнообразны. Западные ученые церковное право трактовали как нормы, исходящие и от церкви, и от государства, которые регулируют только церковные отношения. Каноническое право рассматривалось в качестве совокупности всех исходящих от церкви постановлений, безотносительно к их предмету. Традиция православного Востока отличалась от Западной тем, что церковное законодательство всегда соответствовало государственному закону, поэтому такое различие в названиях было малозначительным [Дорская, 2018, с. 139].

М.Ю. Спирина считает, что каноническое право (*ius canonicum*) – это всеобъемлющая система регулирования отношений людей в духовно и социально значимой сферах в рамках единой Вселенской церкви. Церковное право (*ius ecclesiasticum*), по мнению М.Ю. Спирина, есть нормативная система церковного (организационного) управления и распоряжения имущественными ресурсами в пределах земного (материального) мира. Далее ученый делает вывод о том, что «каноническое и церковное право – это по природе своей различные нормативные системы, но системы, взаимодействующие по принципу кругов Леонарда Эйлера, причем пересечение этих систем может быть как весьма незначительным, так и достаточно серьезным (иногда – почти совпадающим)» [Спирина, 2017, с. 98].

Ю.В. Оспенников в обзорной статье о промежуточных итогах работы Барсовского общества приводит мнение секретаря общества Д.В. Волужкова, который сравнивает соотношение канонического и церковного права с моделью Земли: «1) каноническое право –

это твердое неизменное ядро, 2) подобно земной коре, ядро обнимает подвижный слой норм, имеющих отношение к Церкви (вне зависимости от их происхождения), 3) вся вместе эта "Земля" и есть церковное право» [Оспенников, 2023, с. 183–184]. Далее Ю.В. Оспенников, в целом соглашаясь с подходом Д.В. Волужкова, выявляет проблему, требующую решения, относительно неизменности канонического «ядра», отмечая, что в исследованиях авторов Барсовского общества достаточно широко представлен фактический материал, свидетельствующий о достаточной гибкости канонического «ядра» в определенных конкретно-исторических обстоятельствах [Оспенников, 2023, с. 183–184].

Третий подход, сторонниками которого являются Ю.В. Оспенников, Р.Ю. Почекаев, А. А. Ференц-Сороцкий и другие, предполагает критическое осмысление понятия церковного права. Предпринимается попытка поиска научного обоснования разделения церковного и канонического права, а также их имманентных характеристик на основе критики существующих подходов к обозначенным явлениям.

Так, Ю.В. Оспенников считает, что, во-первых, авторы в основном не придерживаются четких дефиниций при использовании понятий «церковное право» и «каноническое право», во-вторых, граница между ними с учетом разных исторических периодов учеными до сих пор точно не проведена. По мнению Ю.В. Оспенникова, универсальным решением этой проблемы и определением как канонического, так и церковного права выступает метафизическое понимание этих явлений. Согласно такому подходу, «каноническое право представляется как трансцендентное явление, проходящее неизменным через разные исторические обстоятельства, несмотря на изменение материальных оснований, определивших как появление, так и конкретно-исторические формы системы канонического права» [Оспенников, 2023, с. 184].

Р.Ю. Почекаев считает, что в связи с оторванностью от конкретно-исторического содержания, от своеобразия отдельных этапов его формирования «церковное право» и «каноническое право» как понятия по существу имеют в современной научной литературе абстрактное значение [Почекаев, 2019, с. 102].

А. А. Ференц-Сороцкий определяет в единстве «каноническое (церковное) право», уделяя внимание дискуссионному вопросу о соотношении понятий «каноническое право» и «церковное право» [Ференц-Сороцкий, 2009].

В рамках *четвертого подхода* церковное право и каноническое право рассматриваются как синонимичные категории. Данной точки зрения придерживаются такие ученые, как иерей Владислав Баган, митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор и другие.

Согласно утверждению иерея В. Багана, принципиальным, определяющим понятием науки церковного права, очевидно, являются сами понятия «церковное право» или «каноническое право», которые употребляются им как синонимы [Баган, 2022, с. 33]. Такую научную позицию ученый подкрепляет развернутой аргументацией, отмечая, что в своей концепции синонимизирует понятия «каноническое право» и «церковное право» на основе концептуального тезиса митрополита Феофилакта (Русанова) и возводит его в ранг своего отправного базового дефинитивно-интерпретационного концепта. При этом допускает возможности различения церковного и канонического права в ретроспекции. Под каноническим правом иерей В. Баган понимает «нормативный системообразующий субстратный комплекс наиболее значимых нормативных установлений (канонических норм) как остов ("скелет", "фундамент и силовая несущая конструкция") системы внутренней нормативной регламентации (сведённой в консолидирующие сборники, комплексы) поместной Православной Церкви или иной относимой к христианству исторически существующей церковной организации (в узкой интерпретации – как "jusecclesiasticum", англ. – "internalecclesiasticallaw"), либо в широкой интерпретации – собственно вся эта система внутренней нормативной регламентации, проистекающая из Священного Писания и Священного Предания, издаваемая (формируемая, принимаемая)

церковными властями или общецерковными органами управления (соборами) и общепризнаваемая всей полнотой церковного сообщества верующих данной Церкви (включая церковную иерархию) как презюмируемо императивная для них в силу их самоотнесения себя к этой Церкви (самопозиционирования себя верующими), определяющая внутренний церковный канонический порядок ("ordocanonicus"), нормативное "легирование" общественной жизни верующих и отношения Церкви к внешним социальным порядкам (государству, обществу, другим религиозным организациям)» [Баган, 2022, с. 82]. Следует отметить, что такое сложносоставное определение, с одной стороны, имеет ряд достоинств, в частности, для науки церковного права, раскрывая значимые характеристики рассматриваемого явления. С другой стороны, оно довольно громоздкое и содержит сложные логическую и лингвистическую конструкции дефиниции канонического права.

Митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор концептуально определяет церковное каноническое право – *Lex Canonica* как целостную, субстантивную и самореферентную (порядкообразующую и порядокподдерживающую) систему внеправовой (экстраправовой) нормативной регламентации, которую принимают внутрицерковные власти и которая формирует церковный канонический порядок и церковное каноническое нормативное пространство [Исидор, митр. Смоленский и Дорогобужский (Тупикин Р.В.), 2019. с. 27, 34, 169, 230].

Пятый подход, имеющий практическую основу, представлен такими авторами, как протоиерей Александр Задорнов, протоиерей Владислав Цыпин и другие, которые предлагают провести методологическую границу между церковным и каноническим правом.

Протоиереем А. Задорновым предпринимается попытка проложить такую границу между «собственно Каноникой и Церковным правом – более широкой областью правоприменения»¹. Ученый строит свою аргументацию на основе образовательной практики высших духовных учебных заведений, отмечая, что «именование данного предмета в Едином учебном плане бакалавриата высших духовных учебных заведений Русской Православной Церкви в качестве канонического права отражает ту содержательную разницу, которая в действительности имеется между этими двумя дисциплинами»². Протоиерей А. Задорнов подчеркивает, что в течение продолжительного периода русской богословской наукой совокупность канонов и иных норм, регулирующих устройство и жизнь церкви, называлась церковным правом, а каноническое право воспринималось практически синонимом. По мнению ученого, в узком смысле каноническое право есть нормы, составляющие содержание канонических сборников Православной Церкви, и все нормы, регламентирующие внутреннее устройство церкви и её отдельных институтов (церковная иерархия, брак, судопроизводство и т. д.). Церковное право представляет собой совокупность норм, которые регулируют отношения церкви и внешних по отношению к ней институтов, прежде всего – государства³.

Протоиерей В. Цыпин, являясь одним из авторитетных канонистов современности, использует термины «церковное право» и «каноническое право» [Цыпин, 1991; 1994; 1996; 2002; 2003а, б; 2004; 2009; 2012]. Как отмечает А.А. Дорская, «проследить эволюцию использования данных терминов на современном этапе можно на примере работ прот. В. Цыпина, благодаря которому произошло возрождение церковного права как научного направления. Если первые упомянутые выше исследования назывались “Церковное право”, то с 2009 г. его обобщающие труды называются “Каноническое

¹ Александр Задорнов, прот. 2021. Каноническое право: между нигилизмом и законничеством. URL: <https://uchkom.info/publikatsii/kanonicheskoe-pravo-mezhdu-nigilizmom-i-zakonnichestvom-18636/> (дата обращения: 12.01.2024).

² Там же.

³ Там же.

право» [Дорская, 2018, с. 140]. По мнению А.А. Дорской, название «каноническое право» больше соответствует условиям светского государства.

Иерей В. Баган, ссылаясь на мнение протоиерея В. Цыпина, говорит, что «нормы и правила, регулирующие как внутреннюю жизнь Церкви, в её общинно-институциональном аспекте, так и её отношения с другими общественными союзами, религиозного или политического характера, составляют церковное право» [Баган, 2022, с. 42]. В.М. Сырых обращает внимание на тот факт, что протоиерею В. Цыпину принадлежит труд по каноническому праву, где он церковное право характеризует как науку, рассматривает источники и этапы его формирования, связь церковного права с ветхозаветным и римским правом, определяет его предмет, систему, метод изучения и задачи, стоящие перед ним на современном этапе его применения [История..., 2017].

Вышеизложенное позволяет заключить, что при формулировании дефиниции понятия «церковное право» нет единообразного понимания этой категории в современных исследованиях, посвященных различным аспектам церковного права. Авторы, разграничивая или синонимизируя церковное и каноническое право, не всегда приводят достаточно убедительные аргументы для обоснования своих тезисов. При этом проблемным представляется использование термина «церковное право» без учета временного критерия, механический перенос положения дореволюционной церковно-правовой науки в существующие реалии или, наоборот, машинальное применение новейших категорий общей теории права к иным историческим периодам для определения места церковного права в системе права государственного. В то же время следует признать, что развитие современных подходов к определению понятия церковного права видится перспективным в части разработки логической научной аргументации по разграничению церковного и канонического права, что вызвано необходимостью применения церковно-правовых норм на практике, их развития и совершенствования, систематизации информации для составления учебных курсов и программ.

Безусловно, в рамках настоящей статьи невозможно отразить все точки зрения ученых относительно определения понятия церковного права, но проделанная работа свидетельствует о том, что к этой проблеме приковано пристальное внимание представителей различных отраслей научного знания. Вместе с тем приведенные мнения ученых показывают, что в них акцент сделан на какой-либо одной характеристике этого сложного и многопланового юридического явления, а другие остаются вне поля зрения исследователей.

Дореволюционная наука о соотношении церковного и канонического права

При формулировании дефиниции понятия церковного права важно обратить внимание на проблему соотношения церковного и канонического права, что поможет избежать терминологической путаницы и выделить существенные характеристики церковного права. На наш взгляд, анализ такого соотношения с позиций современной правовой и церковно-правовой наук даст возможность их достаточно четко разграничить. В то же время установление своеобразных черт современного церковного права как юридического явления невозможно без понимания того, что подразумевали под церковным и каноническим правом ученые дореволюционного периода. Обращение к отдельным трудам дореволюционных российских канонистов позволит проанализировать различные подходы к вопросу о соотношении церковного и канонического права, выявить их генетические связи. Полагаем, что содержание понятия церковного права носит конкретно-исторический характер и может изменяться по мере развития, совершенствования отражаемого им предмета, процесса.

Современные исследователи, например протоиерей В. Цыпин, протоиерей А. Задорнов, иерей В. Баган, митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор, А.А. Дорская, Р. Ю. Почекаев и другие, при изучении отдельных вопросов церковного и

канонического права главным образом использовали труды таких дореволюционных ученых-канонистов, как архимандрит: Гавриил (В.Н. Воскресенский), Т.В. Барсов, В.Н. Бенешевич, И.С. Бердников, Н.А. Заозёрский, протоиерей М.И. Горчаков, М.Е. Красножен, П.А. Лашкарев, епископ Никодим (Милаш), А.С. Павлов, протоиерей Василий Певцов, Н.К. Соколов, Н.С. Суворов, С.В. Троицкий.

Без рассмотрения юридических аспектов церковного права в трудах дореволюционных юристов общее представление о церковном праве будет неполным и в некоторой степени односторонним. Об этом свидетельствует двойственный характер науки церковного права как науки богословской и юридической. На это, в частности, обращал внимание профессор Московского университета, профессор и ректор Санкт-Петербургского университета, член Государственного совета П.Г. Редкин, отмечая, что богословский и юридический элементы в церковном праве являются противоположными. При этом они не тождественны, и потому их нельзя смешивать [Редкин, 1846]. В исследовательских целях, для выявления юридической природы церковного права, такой подход вполне применим и при анализе современного церковного права, например, при соотношении и сравнении церковного (канонического) права Православной, Католической и Протестантской церквей.

Следующая линия исследований дореволюционной науки может быть представлена трудами архимандрита Гавриила, который отождествлял церковное и каноническое право: «Церковное право есть наука о законах, принятых Апостолами, соборами, св. Отцами и всею церковью во всегдашнее руководство при суждении о делах, суду церковному подлежащих, с той же целью, чтобы в обществе Христианском все благообразно и благочинно происходило. Иначе сия наука называется правом Каноническим» [Гавриил (Воскресенский В.Н.), 1844. с. 3]. В настоящее время преемственность этой исследовательской линии находит выражение в трудах иерея В. Багана, митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора и других представителей *четвертого подхода* к определению понятия «церковное право». Вместе с тем следует учитывать разные конкретно-исторические условия, соотношение «церковь – государство» в разные исторические периоды, внутреннюю логику церковного права, иначе аргументы и методологические подходы, применяемые в дореволюционной церковно-правовой науке, могут потерять свою актуальность сегодня.

Помимо этого, в дореволюционной науке выделяется и «общее учение о внутреннем праве Церкви» [Церковное правоправедение, 1830, с. 24] и «внешнем общем праве Церкви» [Церковное правоправедение, 1830, с. 47] без использования термина «церковное право». В учении о «внешнем общем праве Церкви» надлежало рассматривать главные отношения церкви к гражданскому обществу, в частности, следовало ответить на три вопроса: а) должна ли церковь вступать в какую-либо связь с гражданским обществом? б) если должна, то какова должна быть эта связь? в) каковы должны быть взаимные отношения церкви и высшей гражданской власти? [Церковное правоправедение, 1830, с. 47].

По мнению Г.Ф. Шершеневича, та часть церковного права, которая определяет положение церкви в государстве, составляет отдел государственного права. Каноны, или правила, выработанные «самой жизнью церкви», он относил к другой части церковного права. Поскольку они не выработаны государством и не носят юридического характера, то и не могут считаться нормами права [Шершеневич, 1911, с. 136–137].

Данная тенденция к разграничению внешнего и внутреннего церковного права представлена в исследованиях сторонников *первого подхода* – А.М. Осавелюка, И.В. Павлюка, Н.Д. Эриашвили и др. При этом концепция выделения «внешнего и внутреннего права Церкви» подверглась критике в рамках обсуждения представителями Барсовского общества на страницах журнала «Христианское чтение» [Оспенников, 2023, с. 180–198].

Нельзя обойти вниманием и дореволюционные научные исследования о церковном праве и его соотношении с каноническим правом, которые основывались на положениях римского права о выделении публичного и частного права. Ординарный профессор Главного педагогического института Р.А. Штекгардт считал, что церковное право расположено посередине между публичным и частным, будучи рассматриваемым с различных сторон, оно принадлежит как тому, так и другому. Он считал, что церковь является важнейшей составной частью государственного организма, и законы, регулирующие организацию и внешний ее порядок, относятся к публичному праву. Совокупность же законов, регулирующих отношения членов церковного общества, касается частного права [Штекгардт, 1843]. Преемственность этого направления прослеживается, например, в трудах А.М. Осавелюка и Н.Д. Эриашвили, представителей *первого подхода*.

Каноническое право Р.А. Штекгардт охарактеризовал как право, самостоятельно образовавшееся в Римско-католической церкви, частью из постановлений церковных Соборов (*canones* – правило, норма), частью из повелений римских первосвященников или пап (*decreta pontificum s. papaum*). Он считал, что фундаментом системы канонического права является истинное и вечное божественное право, содержащееся в Священном Писании, дополненное и обработанное церковью через предания и узаконения пап [Штекгардт, 1843]. Понимание под правом каноническим права, самостоятельно образовавшегося в Римско-Католической церкви, присутствует в трудах современных ученых (например, у А.А. Дорской), но в целом в отечественном научном церковно-правовом дискурсе акцент делается именно на каноническом праве Русской Православной Церкви.

Заключение

Многообразие подходов к трактовке церковного права в дореволюционной науке является свидетельством неоднозначного его понимания и того, как оно соотносится с каноническим правом. Внимание сосредоточено на рассмотрении богословского или юридического значения церковного права, соотношении церковного и канонического права (церковное и каноническое право как разные категории, как синонимы и пр.), выделении внутреннего и внешнего права церкви, соотнесении публичного и частного права с церковным правом и др. Следует подчеркнуть, что такие представления о церковном праве отражали уровень развития дореволюционной церковно-правовой науки и соответствовали специфике взаимоотношений церкви и государства. Сегодня те ученые, которые продолжают следовать этим традициям, явно не учитывают состояние церковно-правовой науки и юридической техники, а также специфику церковно-государственных отношений на современном этапе. Несоответствие юридической терминологии требованиям существующей юридической техники (науки) делает невозможными единообразное понимание и толкование современного церковного права.

Принимая во внимание вышеизложенное, в свою очередь, предлагаем следующее операциональное определение понятия «церковное право»: *церковное право – это нормативная система, в основе имеющая генетические связи с каноническим правом Русской Православной Церкви, функциональные связи с правом государства в конкретно-исторический период, регулирующая важные вопросы внутренней жизни и внешней деятельности церкви, выражающая идеи и ценности православного мировоззрения.*

Список источников

- Гавриил (Воскресенский В.Н.). 1844. Понятие о церковном праве и его история. Казань, Унив. тип., 32 с.
- Исидор, митр. Смоленский и Дорогобужский (Тупикин Р.В.). 2019. Недвижимые имущественные объекты религиозного назначения: зарубежный опыт регулирования. Под ред. М.Н. Кузнецова. Смоленск, Свиток, 320 с.

- История суда и правосудия в России. 2017. Т. 2: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV–70-е годы XVII века). Отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М., Норма, ИНФРА-М, 686 с.
- Редкин П.Г. 1846. Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа: речь, произнес. в торжеств. собр. Моск. ун-та, д-ром прав, орд. проф. юрид. энцикл. и гос. права, Петром Редкиным 15 июня 1846 г. М., Унив. тип., 106, 60, 16 с.
- Церковное правоведение. Гражданские письма нескольких почерков. 1830. С. 24, 47. Архив Российской государственной библиотеки. Ф. 173.IV. Ед. хр. 126.
- Цыпин В.А. 2003а. Актуальные проблемы канонического права: общие вопросы и проблемы межправославных отношений. *Альфа и Омега*, 3(37): 132–146.
- Цыпин В.А. 2003б. Актуальные проблемы канонического права: государственно-церковные отношения. *Альфа и Омега*, 4(38): 131–148.
- Цыпин В.А. 1991. Каноническое право : лекции 1–4. М., РОУ, 52 с.
- Цыпин В.А. 2009. Каноническое право. М., Изд-во Сретен. монастыря, 863 с.
- Цыпин В.А. 2012. Каноническое право. М., Изд-во Сретен. монастыря, 863 с.
- Цыпин В.А. 1994. Церковное право : курс лекций. М., Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви, 440 с.
- Цыпин В.А. 1996. Церковное право : учеб. пособие. М., Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви, Изд-во МФТИ, 442 с.
- Цыпин В. 2002. Курс церковного права : учеб. пособие. М., Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной Церкви; Клин, Христиан. жизнь, 700 с.
- Цыпин В. 2004. Курс церковного права : учеб. пособие. Клин, Христиан. жизнь, 703 с.
- Шершеневич Г.Ф. 1911. Общее учение о праве и государстве: Лекции Г.Ф. Шершеневича. Моск. о-во нар. ун-тов. М., Тип. т-ва И.Д. Сытина, 163 с.
- Штекгардт Р.А. 1843. Юридическая пропедевтика. Курс лекций, чит. в 1836 г. в Уч-ще правоведения. Соч. Р.А. Штекгардта. Пер. и предисл. Ф.Г. Толль. Спб., Ю.А. Юнгмейстер, VI, 408, VII с.

Список литературы

- Баган В.В. 2022. Генезис и онтология канонического права православной церкви: научно-теологическое и научно-юридическое исследование. Под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. И. В. Понкина. М., Смоленск, Свиток, 364 с.
- Белякова Е.В. 2004. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., Культур. центр «Духовная библиотека», 663 с.
- Дорская А.А. 2018. Церковное право как предмет научной дискуссии: основные направления изучения церковно-правовых вопросов в постсоветский период. *Христианское чтение*, 1: 134–143. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10011.
- Осавелюк А.М., Эриашвили Н.Д. 2014. Особенности содержания и структуры церковного права. *Вестник Московского университета МВД России*, 11: 31–36.
- Оспенников Ю.В. 2018. О подходах к трактовке фикций в светском и церковном праве (О статье иеромонаха Марка (Святогорова) и Н.А. Тарнакина «Юридические фикции и презумпции в церковном судопроизводстве»). *Христианское чтение*, 2: 92–96. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10033.
- Оспенников Ю.В. 2023. Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества). *Христианское чтение*, 1: 180–198. DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_180.
- Павлюк И.В. 2021. Православное церковное право в правовой системе России: историко-правовой аспект. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки»*, 5(4): 358–364. DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-4-358-364.
- Почакаев Р.Ю. 2019. Освещение роли Церкви и церковного права в учебном курсе «История государства и права России»: проблемы и перспективы. *Христианское чтение*, 2: 99–106; DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10030.
- Сырых В.М. 2004. Логические основания общей теории права. Т. 2: Логика правового исследования. М., Юстицинформ, 560 с.
- Ференц-Сороцкий А. А. 2009. Каноническое (церковное) право. *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 6(287): 139–150.

References

- Bagan V.V. 2022. Genezis i ontologiya kanonicheskogo prava pravoslavnoy tserkvi: nauchno-teologicheskoe i nauchno-yuridicheskoe issledovanie [Genesis and ontology of the canon law of the Orthodox Church: scientific-theological and scientific-legal research]. Pod nauch. red. d-ra yurid. nauk, prof. I. V. Ponkina. M., Smolensk, Svitok, 364 p.
- Belyakova E.V. 2004. Tserkovnyy sud i problemy tserkovnoy zhizni [Church court and problems of church life]. M., Kul'turnyy tsentr «Dukhovnaya biblioteka», 663 p.
- Dorskaya A.A. 2018. Church Law as a Subject of Scientific Discussion: the Main Directions of the Study of Church Legal Issues in the Post-Soviet Period. *Christian Reading*, 1: 134–143 (in Russian). DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10011.
- Osavelyuk A.M., Eriashvili N.D. 2014. Osobennosti sodержaniya i struktury tserkovnogo prava [Features of the content and structure of church law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 11: 31–36.
- Ospennikov Yu.V. 2018. About Approaches to Interpretation of Fictions in Secular and Ecclesiastical Law (About Article of the Hieromonk Mark (Svyatogorov) and N.A. Tarnakin “Legal Fictions and Presumptions in Church Litigation”). *Christian Reading*, 2: 92–96. (in Russian). DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10033.
- Ospennikov Yu.V. 2023. Relevant Problems of Studying Church Law (Intermediate Results of the Work of the Barsov Society). *Christian Reading*, 1: 180–198 (in Russian). DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_180.
- Pavlyuk I.V. 2021. Orthodox Church Law in the Legal System of Russia: Historical and Legal Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 5(4): 358–364 (in Russian). DOI: 10.21603/2542-1840-2021-5-4-358-364.
- Pochekaev R.Yu. 2019. The Role of Church and Ecclesiastical Law in Educational Course “History of State and Law of Russia”: Problems and Prospectives. *Christian Reading*, 2: 99–106 (in Russian). DOI: 10.24411/1814-5574-2019-10030.
- Syrykh V.M. 2004. Logicheskie osnovaniya obshchey teorii prava [Logical foundations of the general theory of law]. Vol. 2. Logika pravovogo issledovaniya. M., Yustitsinform, 560 p.
- Ferents-Sorotskiy A. A. 2009. Kanonicheskoe (tserkovnoe) pravo [Canonical (Church) Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 6(287): 139–150.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.12.2023

Received December 11, 2023

Поступила после рецензирования 20.01.2024

Revised January 20, 2024

Принята к публикации 10.02.2024

Accepted February 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ерохина Юлия Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, руководитель Центра исследований права и культуры, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия; доцент кафедры церковно-практических дисциплин, Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, г. Москва, Россия.

Yuliya V. Erokhina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Center for Research on Law and Culture, Head of the Department of Theory and History of State and Law Faculty of Law, State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia; Assistant Professor of Church and Practical Studies Department Saints Cyril and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies, Moscow, Russia.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342.41

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-290-299

Конституционно-правовые основы духовно-нравственного воспитания в России: история и современность

Лукьянова М.Г.,

Адвокатская палата г. Москвы

Россия, 115419, г. Москва, ул. Даниловский вал, д. 10

Lukyanova-mg@mail.ru

Аннотация. Неотъемлемая задача государства по формированию духовно-нравственных ценностей состоит в создании ориентиров и упорядочивании приоритетов для прогрессивного развития человека и общества. В современных реалиях наблюдается тенденция к искажению и утрате традиционных ценностей, что влечёт за собой негативные последствия для общества и государства. Целью исследования является выявление роли закрепления духовно-нравственных основ воспитания в конституциях России. Сравнительно-правовой анализ конституций РСФСР, СССР и Российской Федерации позволил сделать вывод об эволюции укрепления нравственных основ, с подменой «духовного» аспекта на «коммунистическую» составляющую до распада СССР. В работе отмечено, что духовно-нравственное воспитание в РСФСР охватывало не только детей, но и взрослых, а вопросы воспитания ребёнка входили в область интересов не только родителей, но и всего общества. Сделан вывод о том, что после распада СССР сохранилась преемственность мировоззренческих ориентиров, однако изменилась их содержательная часть. Полученные результаты дополняют доктринальные подходы к интерпретации развития конституционно-правовых основ духовно-нравственного воспитания в России, а также и могут быть использованы при подготовке предложений по совершенствованию российского законодательства в заявленной сфере.

Ключевые слова: конституция, духовно-нравственное воспитание, духовно-нравственные ценности, нравственность, духовность, конституционно-правовые основы, права и свободы

Для цитирования: Лукьянова М.Г. 2024. Конституционно-правовые основы духовно-нравственного воспитания в России: история и современность. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(2): 290–299. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-290-299

Constitutional and Legal Foundations of Spiritual and Moral Education in Russia: History and Modernity

Maria G. Lukyanova

Chamber of Advocates of the city of Moscow

10 Danilovskiyval St, Moscow 115419, Russian Federation

Lukyanova-mg@mail.ru

Abstract. In modern realities, there is a tendency to distort and lose traditional values, which entails negative consequences for society and the state. The purpose of this study is to identify the role of consolidating the spiritual and moral foundations of education in the constitutions of Russia. A comparative legal analysis of the constitutions of the RSFSR, the USSR and the Russian Federation

allowed us to conclude about the evolution of strengthening moral foundations, with the substitution of the "spiritual" aspect for the "communist" component before the collapse of the USSR. It is noted in the work that spiritual and moral education in the RSFSR covered not only children, but also adults, and the issues of child rearing were in the field of interests not only of parents, but also of the whole society. It is concluded that after the collapse of the USSR, the continuity of ideological orientations was preserved, but their substantive part changed. The results obtained complement the doctrinal approaches to the interpretation of the development of the constitutional and legal foundations of spiritual and moral education.

Keywords: constitution, spiritual and moral upbringing, spiritual and moral values, morality, spirituality, constitutional and legal foundations, human rights and freedoms

For citation: Lukyanova M.G. 2024. Constitutional and Legal Foundations of Spiritual and Moral Education in Russia: History and Modernity. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 290–299 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-290-299

Введение

С возрастанием роли информационно-телекоммуникационных технологий в жизни человека и общества и их влияния на культуру, образование и воспитание, всё больше размываются границы традиционных ценностей с изменением содержания духовно-нравственных ориентиров. Одним из способов решения данной проблемы является законодательное закрепление духовно-нравственных ценностей с целью их формирования у подрастающего поколения. Но одного закрепления недостаточно, требуется единая концепция воспитания, позволяющая установить содержательную составляющую каждой ценности.

Духовно-нравственные ценности, на наш взгляд, представляют собой многообразие результатов человеческого бытия, выражающих совокупность имеющихся на тот или иной исторический период общепризнанных представлений / убеждений человека и общества относительно идеалов, идей, правил поведения и других аспектов жизнедеятельности. Так, до Октябрьской революции и после распада СССР духовно-нравственная категория была связана с религиозной сферой восприятия, в основном через учения Русской православной церкви. С 1917 по 1991 год нравственные ценности рассматривались через призму коммунизма и коммунистической морали / нравственности.

Наша страна имеет давнюю историю, которая в течение длительного времени возвращала и укрепляла духовно-нравственные ценности, культивируя стремление российского народа к высоким идеалам. Однако в разные периоды развития страны происходило «искоренение» «старой морали». Это можно наблюдать как при РСФСР с её антирелигиозной пропагандой, так и РФ, при возвращении духовных скрепов. Укрепление и развитие духовно-нравственных ценностей населения страны и в исторической ретроспективе, и в современной истории является стратегической задачей государства. Важным правовым условием эффективности сохранения и грамотного строительства духовной цивилизации является закрепление принципов её построения в основном законе страны – конституции.

Деятельность человека и гражданина обусловлена социально-экономическими условиями и исторической ситуацией, которые диктуют общие правила поведения. Последние устанавливаются социальными нормами, в них входят мораль, право, религия и другие. Исторический процесс модернизации и реформирования разных сфер жизнедеятельности человека развивался при поддержке государством определённых идеалов лучшего общества, продвижении российских моральных установок, что создавало и формировало нравственную систему ценностей, ведущую к развитию и прогрессу нашего общества [Мархгейм, 2020; Новикова, Грищенко, 2023; Новикова, Стус, 2023].

Исследованием отдельных вопросов духовно-нравственного воспитания в разное время занимались такие российские учёные, так, О.К. Биктасов [2015], Н.Ф. Медушевская [2022], О.И. Цыбулевская [2021] и др. С принятием документов стратегического планирования в сфере формирования традиционных ценностей актуальность данной тематики возрастает. Прежде всего, это связано с отсутствием трактовки понимания каждой ценности и проблемами реализации единого воспитательного процесса.

Целью исследования является раскрытие формализации духовно-нравственных основ воспитания в конституциях России.

В ходе изучения заявленной темы применялись общенаучные методы, такие как анализ, дедукция, индукция, описание, и частноправовые методы, как формально-юридический и сравнительно-правовой.

Генезис формирования нравственных ценностей в РСФСР

Раскрывая правовую преемственность духовно-нравственных ценностей, стоит подробнее остановиться на содержании конституций, действовавших на территории России. В советский период развития государства были приняты 4 конституции РСФСР – в 1918, 1925, 1937 и 1978 году и три конституции СССР – в 1924, 1936 и 1977 году. Законы СССР имели одинаковую силу на территории всех союзных республик, поэтому предлагаем рассматривать конституции СССР и РСФСР в их взаимосвязи.

Первая Конституция РСФСР¹ принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. Уже в преамбуле к Конституции прописано поручение Народному комиссариату просвещения РСФСР о введении её изучения во всех образовательных учреждениях страны. Таким образом, можно проследить внедрение правового воспитания среди населения страны.

В Основном Законе того периода времени устанавливались следующие нравственные ценности:

- демократический мир трудящихся (ст. 4);
- свободное самоопределение нации (ст. 4);
- свобода от эксплуатации человека человеком (ст. 9);
- свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды (ст. 13);
- свобода выражения мнений (ст. 14);
- свобода распространения книг и других произведений печати (ст. 14);
- свобода устраивать собрания, митинги, шествия и т.п. (ст. 15);
- свобода организации и действия (ст. 16);
- право на полное, всестороннее и бесплатное образование (ст. 17);
- обязанность труда (ст. 18);
- обязанность защиты Отечества (ст. 19);
- равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности; запрет на установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ; запрет на угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия (ст. 22);
- лишение отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции (ст. 23);
- равенства граждан республики в области производства и распределения богатств (ст. 79).

Несмотря на выделение ряда нравственных идеалов, существующих до сих пор, таких как защита Отечества, некоторые из них, такие как свобода выражения мнений,

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918). СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

носили классовый подход и предназначались только для трудящихся. При этом отметим, что труд был обязанностью граждан.

Выделенные идеалы носили опосредованный характер, т. е. прямо не указывалось на духовно-нравственную составляющую. Права и свободы человека вплоть до распада СССР не были позиционированы, как высшие ценности, однако нормы советской конституции, а также их разъяснения и толкования, являлись обязательными для изучения, и определяли фундаментальные ориентиры нравственного воспитания в рамках идеологической политики того времени.

С момента установления первых конституционных основ стали приниматься акты, постепенно внедряющие морально-нравственные установки для воспитания человека – строителя коммунизма, нового человека социалистической эпохи, с целью полного преодоления имевшихся социальных антиподов коммунистической нравственности – стяжательства, взяточничества, туеядства и прочего [Журавков, 1974].

Конституция РСФСР 1925 года ¹ включала в списке установок право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни (ст. 13). Родная речь являлась духовным достоянием народа, поэтому стала ключевой составляющей коммунистического воспитания.

Благодаря успешной реализации двух «пятилеток», быстрым темпам индустриализации в промышленности и коллективизации в сельском хозяйстве, Советский Союз построил общество, основанное на плановом хозяйстве, полностью заменившем товарное; экономической основой стала общественная собственность; произошли глубокие изменения в социальной, экономической и политической жизни страны. К этому моменту механизм воспитания определённых ценностей развивался и охватывал всё больше сфер жизнедеятельности человека.

Со временем Конституция СССР 1924 года ² устарела, и настала необходимость разработать новый Основной Закон, отражающий реалии строя советского общества. Самым большим событием во время принятия советской Конституции в 1936 года было участие населения в обсуждении проекта конституции до его обнародования. По статистике ³, с 15 августа по 19 октября 1936 г. в обсуждениях участвовало 48 000 советских пленумов, около 80 000 советских групп и заседаний делегаций, более 40 рабочих митингов, в которых приняли участие более 5,150 миллиона человек. Всего было подано 154 300 предложений о внесении изменений и дополнений в проект конституции, из них зарегистрировано 13 721 предложение по различным вопросам.

Масштабы всенародного участия в конституционной дискуссии были беспрецедентны, широкая пропаганда и популяризация конституции значительно повысила понимание её населением, а также показала значимость закрепления духовно-нравственных ценностей. VIII Всесоюзный съезд Советов 05 декабря 1936 г. принял новую Конституцию СССР ⁴.

Были усовершенствованы установки предыдущего Основного Закона, в том числе появился раздел, устанавливающий основные права и обязанности граждан. Согласно ст. 11 Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. ⁵ хозяйственная жизнь

¹ Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

² Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923) // СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.

³ Soviet Constitution in 1936. URL: https://m.thepaper.cn/kuaibao_detail.jsp?contid=8889234&from=kuaibao (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

⁵ Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

страны определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах неуклонного подъёма культурного уровня трудящихся. Через последнее определение ст. 11 реализовывались направления по формированию сетей образовательных и культурно-развлекательных учреждений, призванных воспитывать и создавать «советского человека» [Лукиянова, 2023].

Закреплялись следующие гарантии возможностей граждан:

1) право на труд (ст. 118 Конституции СССР и ст. 122 Конституции РСФСР ¹), т. е. получение гарантированной работы с оплатой труда;

2) право на отдых (ст. 119 и ст. 123), т. е. установка сокращённого рабочего дня, ежегодных отпусков, предоставление санаториев, клубов и домов отдыха;

3) право на материальное обеспечение по старости, болезни и потере трудоспособности (ст. 120 и ст. 124), реализуемое через страхование, бесплатную медицинскую помощь и курорты;

4) право на образование (ст. 121 и ст. 125), т. е. получение бесплатного обучения в системе начального, среднего общего, профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, а также производственного, технического и агрономического обучения на заводах и в других учреждениях;

5) равенство прав мужчины и женщины (ст. 122 и ст. 126), с предоставлением содержания по беременности и родам, родильных домов, детских яслей и садов;

6) равноправие граждан независимо от национальности и расы во всех областях жизни (ст. 123 и ст. 127). При этом пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни являлось уголовно наказуемым деянием (ст. 59.7 УК РСФСР 1926 г.²);

7) свобода совести и отправления религиозных культов, антирелигиозной пропаганды (ст. 124 и ст. 128);

8) свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, обеспечиваемая предоставлением типографий, бумаги, средств связи и др. (ст. 125 и ст. 129);

9) право объединения в общественные организации (ст. 126 и ст. 130);

10) неприкосновенность личности (ст. 127 и ст. 131);

11) неприкосновенность жилища и тайны переписки (ст. 128 и ст. 132);

12) право убежища иностранным гражданам (ст. 129 и ст. 133).

Помимо обеспечения прав и свобод граждан, можно выделить закрепление таких нравственных ценностей, как:

– соблюдение Конституции и исполнение законов (ст. 130 и ст. 134);

– дисциплина труда (ст. 130 и ст. 134);

– честное отношение к общественному долгу (ст. 130 и ст. 134);

– уважение правил социалистического общежития (ст. 130 и ст. 134);

– бережное отношение к общественной и социалистической собственности как основе советского строя и культурной жизни трудящихся (ст. 131 и ст. 135). Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа;

– воинская обязанность (ст. 132 и ст. 136);

– защита Отечества (ст. 133 и ст. 137).

В Конституциях закреплялось, что служба в Вооруженных Силах являлась почётной обязанностью, а защита отечества – священным долгом. Измена Родине являлась контрреволюционным преступлением (ст. 58.1а УК РСФСР 1926 г.). Таким образом,

¹ далее при перечислении, одна статья будет относиться к Конституции СССР 1936 г., а вторая – к Конституции РСФСР 1937 г. соответственно.

² РСФСР. Законы и постановления. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. РСФСР. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. С. 33.

необходимые для того периода ценности не только закреплялись в Основном Законе, но и защищались уголовным законом.

В связке с другими нормативно-правовыми актами, а также партийными документами (являющимися своеобразным источником советского права [Кодан, 2021]), закрепление таких норм позволило более подробно и устойчиво направлять механизм воспитания в нужную для советского государства сторону. Установленные возможности предопределили «впитывание» гражданами – как детьми посредством образования, так и взрослыми через деятельность организаций – нужной для дальнейшего развития страны информации, требований, взглядов, идеалов.

Рассматривая вышеназванные списки ценностей, нельзя не отметить, что традиционные установки были заимствованы у Российской империи – это патриотизм, труд и т. д. Однако в рамках государственной идеологии советского периода их содержание изменилось. Так, в Уставе о воинской повинности от 01.01.1874 было закреплено, что защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного¹. Существенным отличием данной ценности, исходя из исторического периода, является подход к защите и определение самого «отечества», так как в 1918 году предполагалась защита социалистического Отечества в целях всемерной охраны завоеваний Революции. Несмотря на всеобщую воинскую повинность, предполагалось, что почётное право защищать с оружием в руках принадлежит только трудящимся, а на остальных возлагаются иные воинские обязанности.

К 1961 году произошло множество изменений как геополитического, так и социально-экономического характера. В этот год был закреплён в партийных документах Моральный кодекс строителя коммунизма². Он стал первым единым систематизированным сводом принципов коммунистической морали / нравственности в воспитании гражданина как «советского человека». Его принятие и последующее внедрение через идеологическую работу партийного и государственного аппарата при поддержке действующих общественных организаций (комсомол, профсоюз) не могло не отразиться на последующем Основном Законе.

Конституция 1977 года³ в основном отражала черты развитого социалистического общества. Она была принята на седьмой внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Именно в ней, а позднее и в Конституции РСФСР 1978 года⁴ были впервые закреплены нормы, прямо указывающие на духовно-нравственную составляющую воспитания граждан. Появились категории «духовные ценности», «духовное развитие», «духовные потребности», «нравственное воспитание», «коммунистическая нравственность». При этом «духовность» рассматривалась через призму «коммунистической морали» и связи с идеологией, а не верой.

Так, в ст. 27 Конституции РСФСР 1978 г. государство гарантировало охрану, преумножение и широкое использование духовных ценностей в целях нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня. Коммунистическое восприятие и духовное развитие молодёжи (ст. 25) обеспечивалось за счёт единой системы образования. Помимо этого, большое внимание уделялось благоприятным условиям труда, в которых трудовые коллективы должны воспитывать своих членов в духе коммунистической нравственности, заботиться о повышении их

¹ Устав о воинской повинности // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/33413> (дата обращения: 29.12.2023).

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 10. 1961-1965. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 168-169.

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁴ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978). Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации (ст. 8). Высшей целью стало удовлетворение не только материальных, но и духовных потребностей людей (ст. 15). Таким образом, коммунистическое воспитание осуществлялось через образование, культуру и труд.

Механизмом реализации воспитания духовно-нравственных ценностей в советский период стало внедрение их через все учреждения, от образовательных до культурно-досуговых. Важным дополнением стали выпуски брошюр, пособий и методических указаний лекторам, разъясняющим основные вопросы Морального кодекса строителя коммунизма. Всё это привнесло закрепление у населения страны единой идеологической линии на основе коммунистической морали, подкреплённой и гарантированной нормами конституций.

Нормативно-правовое закрепление духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации

Конституционные основы оказывают большое влияние на установление и закрепление правовых норм по духовно-нравственному развитию. Так, в Конституции Российской Федерации¹ в ст. 55 установлена возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях защиты нравственности членов общества. Таким образом, законодатель поставил знак равенства между правами и свободами и нравственностью [Трифорова, 2017]. При этом такие ограничения должны быть соразмерными, т. е. преследовать законную цель (например, защиту морали, нравственности)², а также необходимыми в демократическом обществе (пропорциональными преследуемой социально значимой, законной цели)³. Некоторые учёные, например, В.В. Лапаева, считают, что такое ограничение порождает смешение правовых и морально-нравственных начал [Лапаева, 2012].

В 2020 году были внесены изменения в Конституцию Российской Федерации. В частности, добавлена ст. 67.1, закрепляющая гарантию на создание условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей. Данной нормой были закреплены следующие духовно-нравственные ценности: патриотизм, уважение к старшим, гражданственность, приоритет семейного воспитания, обеспечение исторической правды и преемственность в развитии. Это стало огромным шагом в процессе внедрения механизма воспитания подрастающего поколения в духе традиционных ценностей.

Согласно ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Следовательно, по отношению к другим установкам, например, утверждённым Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (2021)⁴ и Основами государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (2022), они имеют наиболее значимый вес. Отметим, что вплоть до 1992 года в конституциях права и свободы человека, его честь и достоинство не утверждались как высшая ценность. Впервые такая норма появилась

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.05.2018 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

³ Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел: утв. Президиумом Верховного суда 08.12.2021. <https://www.vsrif.ru/documents/all/30586/> (дата обращения: 04.08.2023).

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

в Конституции РСФСР 1978 года в редакции от 21.04.1992 г.¹, которой были внесены изменения в главу 5 в ст. 31 в связи с принятием Декларации прав и свобод человека и гражданина.

Длительное историческое становление прав человека обеспечило определенную преемственность их развития [Бузуртанова, 2021]. При этом не все ценностные ориентиры советских конституций нашли своё отражение в Конституции РФ. Вместо гарантии труда и добросовестного труда (ст. 40 и 60 Конституции СССР 1977 г.) появились установки на свободу труда (ст. 37 Конституции РФ); обязанность беречь и укреплять социалистическую собственность поменялось на свободное использование своих способностей и имущества (ст. 34) и право частной собственности (ст. 35). Видоизменились подходы к охране семьи и материального обеспечения в старости. Воспитание детей стало обязанностью родителей в противовес ст. 66 Конституции СССР 1977 г. о том, что граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества. Нивелировано право критиковать недостатки в работе государственных органов, а также быть непримиримым к антиобщественным поступкам.

Правовой анализ Конституции РФ позволил выстроить современную концепцию духовно-нравственного воспитания, основывающуюся на смешении правовых и морально-нравственных начал; иерархии ценностей (появление высших ценностей); всестороннем духовном, нравственном, интеллектуальном и физическом развитии детей.

Заключение

Россия выработала и сформировала традиционные духовно-нравственные ценности в ходе длительного цивилизационного развития. Защита Отчества, труд, семья, справедливость, взаимопомощь² и другие установки влились в культурные и нравственные «гены» российского народа и стали мировоззренческими основами при воспитании населения для создания единства страны. Конституционно-правовые основы активно развивались в исторической парадигме, стали гарантом укрепления гражданской нравственности и строительства общества. Благодаря постоянно обновляющемуся нормативно-правовому базису, росло осознание необходимости выделения традиционных ценностей.

В настоящее время возникла угроза утраты традиционных ценностей. Этому способствуют факторы, препятствующие созданию эффективного механизма духовно-нравственного воспитания граждан:

- повсеместная информатизация общества, привносящая чужую культуру и идеологию в воспитательный процесс;
- отсутствие единой концепции по воспитанию, которая охватывала бы не только вопросы формирования нужных ориентиров у детей, но и взрослых;
- отсутствие единообразия в понимании каждой установленной духовно-нравственной ценности и подходов к её укреплению в сознании человека.

Отмена единой государственной идеологии после распада СССР сместила приоритетные направления воспитания с изменением содержательной части духовно-нравственных аспектов. Большое внимание стали уделять духовной составляющей, базирующейся на религиозных нормах при их общем многообразии.

¹ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (прекратил действие) // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1992. № 20. ст. 1084.

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Глубокие коренные преобразования в мире и стране, а также появление новых информационно-коммуникационных технологий в настоящее время приводят к необходимости создания действенного механизма воспитания нового поколения и сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей. Перспективным видится разработка единой концепции, которая учитывала бы историко-правовой опыт России по коммунистическому воспитанию для реализации образовательных и воспитательных программ, а также в культурно-досуговой деятельности.

Внесённая в Конституцию Российской Федерации статья 67.1 в части 2 трактует, что Россия – страна, объединенная тысячелетней историей, в которой сохраняется память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, преемственность в развитии Российского государства, исторически сложившееся государственное единство. Изменения, внесённые в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, стали образцом закрепления в Основном Законе духовно-нравственного наследия нашего народа. Таким образом, усилилась и продолжилась связь поколений как носителей духовно-нравственных ценностей, продолжателей дела развития нашей страны.

Список литературы

- Биктасов О.К. 2015. Современный взгляд на формально-юридические и духовно-нравственные основы взаимодействия общества и государства. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*, 3 (15): 55–59.
- Бузуртанова П.М. 2021. «Поколения» прав человека. *StudNet*, 4 (6): 2041–2047.
- Журавков М.Г. 1974. Социализм и мораль: Некоторые черты и особенности формирования морали советского государства. М., Наука, 262 с.
- Кодан С.В. 2021. Коммунистическая партия в законодательных практиках советского государства в 1917-1980-е годы (историко-теоретический контекст). *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*, 3: 31–50. DOI 10.24412/2309-1592-2021-3-31-50.
- Лапаева В.В. 2012. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., РАП, 577 с.
- Лукьянова М.Г. 2023. Государственное планирование в сфере сохранения и укрепления российских духовно-нравственных ценностей с 1917 по 1942 гг. *Юридическая наука*, 8: 35–38.
- Мархгейм М.В. 2023. Конституционные ценности в евразийском интеграционном процессе. *Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону, Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 14–21.
- Мархгейм М.В. 2020. Ценности: от конституированной мудрости до конституционной нормы. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 5(120): 70–73.
- Медушевская Н.Ф. 2022. Культурная безопасность России и правовая традиция. *История государства и права*, 8: 19–23. DOI: 10.18572/1812-3805-2022-8-19-23.
- Новикова А.Е., Грищенко Н.В. 2023. Конституционные духовно-нравственные феномены: формализованный опыт стран СНГ. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*, 2 (9): 409–413.
- Новикова А.Е., Стус А.А. 2023. Конституционные духовно-нравственные феномены России. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 5(156): 84–89.
- Трифонов Д.Г. 2017. Ограничение прав и свобод человека в защиту нравственности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). *Право и государство: теория и практика*, 3 (147): 70–73.
- Цыбулевская О.И. 2021. Нравственная и правовая культура: вопросы взаимодействия. *Правовая культура*, 3 (46): 102–104.

References

- Biktasov O.K. Modern View On Legal Formal And Moral Bases Of Interaction Society And State. *Vestnik Sibirskogo Instituta Biznesa I Informatsionnykh Tekhnologii*, 3(15): 55–59.
- Buzurtanova P. M. 2021 «Generations» of human rights. *StudNet*, 4(6): 2041-2047 (in Russia).

- Zhuravkov M.G. 1974. Socializm i moral': Nekotorye cherty i osobennosti formirovaniya morali sovetskogo gosudarstva [Socialism and morality: Some features and features of the formation of the morality of the Soviet state]. Moscow, Publ. Nauka, 262 p.
- Kodan S.V. 2021. The Communist Party in the legislative practices of the Soviet state in the 1917-1980s (historical and theoretical context). *Istoriko-pravovyyeproblemy: novyjrakurs*, 3: 31–50 (in Russian). DOI 10.24412/2309-1592-2021-3-31-50.
- Lapaeva V.V. 2012. Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika [Types of legal understanding: legal theory and practice]. Moscow, Publ. Rossijskaja akademija pravosudija, 577 p.
- Lukyanova M.G. 2023. State planning in the field of preservation and strengthening of Russian spiritual and moral values from 1917 to 1942. *Yuridicheskaya nauka*, 8: 35–38. (in Russian).
- Markhgeym M.V. 2023. Konstitucionnye cennosti v evrazijskom integracionnom processe [Constitutional values in the Eurasian integration process]. *Sbornik nauchnyh statej po materialam XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, 14–21.
- Markhgeym M.V. 2020. Values: from constituted wisdom to constitutional norm. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvoiekonomika; predprinimatel'stvo; pravoipravlenie*, 5: 70–73. (in Russian).
- Medushevskaya N.F. Cultural Security of Russia and the Legal Tradition. *Istoriya gosudarstva i prava*, 8: 19–23. DOI: 10.18572/1812-3805-2022-8-19-23.
- Novikova A.E., Grishchenko N.V. 2023. Constitutional spiritual and moral phenomena: formalized experience of the CIS countries. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2(9): 409–413 (in Russian).
- Novikova A.E., Stus A.A. 2023. Constitutional spiritual and moral phenomena of Russia. *Science and education: economy and financial economy; entrepreneurship; law and management*, 5(156): 84–89 (in Russian).
- Trifonova D.G. 2017. Ogranicheniepravisvobodcheloveka v zashchitunravstvennosti (ch. 3 st. 55 Konstitucii RF) [Restriction of human rights and freedoms in defense of morality (Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation)]. *Law and State: The Theory and Practic*, 3(147): 70–73 (in Russian).
- Tsybulevskaya O.I. Moral And Legal Culture: The Issues Of Correlation. *The Legal Culture*, 3(46): 102–104 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.12.2023

Поступила после рецензирования 01.02.2024

Принята к публикации 21.02.2024

Received December 15, 2023

Revised February 1, 2024

Accepted February 21, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукьянова Мария Грантовна, адвокат,
Адвокатская палата г. Москвы, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria G. Lukyanova, lawyer Chamber of
Advocates of the city of Moscow, Russia.

УДК 340.133

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-300-307

Первый опыт регламентации полномочий конституционных советов республик в составе Российской Федерации

Новопавловская Е.Е.

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,
Россия, 443081, г. Самара, ул. Стара Загора, д. 76
novopavlovskaya@mgpu.ru

Аннотация. Одним из направлений конституционного реформирования публичной власти современной России является упразднение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации и приход им на смену соответствующих квазисудебных структур. Между тем подобное реформирование федерального законодательства не повлекло за собой оперативной корректировки регионального законодательства и реального формирования конституционных (уставных) советов. Эти процессы идут неравномерно и достаточно медленно. Автор предполагает, что причиной, тормозящей эти процессы, является законодательная конструкция, наделяющая на федеральном уровне субъекты Федерации правом, а не возлагающая обязанность по созданию конституционных советов. Цель исследования состоит в сравнении подходов к регламентации полномочий конституционных советов республик в составе Российской Федерации. Сопоставление норм регионального законодательства показывает, что объем полномочий исследуемых органов различается. Исторический экскурс позволил также рассмотреть полномочия конституционных советов в сравнительном аспекте с полномочиями конституционных (уставных) судов. Сделаны выводы о том, что при имеющемся сходстве нормоконтрольных полномочий судебных и квазисудебных органов имеется определенная специфика, обусловленная особенностями конкретного субъекта Федерации.

Ключевые слова: реформирования, субъекты федерации, квазисудебный, нормоконтроль, правовая неопределенность, правовая позиция

Для цитирования: Новопавловская Е.Е. 2024. Первый опыт регламентации полномочий конституционных советов республик в составе Российской Федерации. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 300–307. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-300-307

Powers of the Constitutional Councils of the Republics Within the Russian Federation

Elena E. Novopavlovskaya

Samara branch of Moscow City Pedagogical University,
76 Stara Zagora St, Samara 443081, Russian Federation
novopavlovskaya@mgpu.ru

Abstract. One of the directions of constitutional reform of the public authorities of modern Russia is the abolition of the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation and their replacement by the corresponding quasi-judicial structures. Meanwhile, such a reform of federal legislation did not entail an operational adjustment of regional legislation and the real formation of constitutional (statutory) councils. These processes are uneven and rather slow. The author suggests that the reason hindering these processes is the legislative structure, which gives the subjects of the Federation the right at the federal level, and does not impose the obligation to create constitutional councils.

The purpose of the study is to compare approaches to the regulation of the powers of the constitutional councils of the republics within the Russian Federation. Comparison of the norms of regional legislation shows that the scope of powers of the studied bodies varies. The historical digression also allowed us to consider the powers of the constitutional councils in a comparative aspect with the powers of the constitutional (statutory) courts. Conclusions are drawn that, given the similarity of the regulatory powers of judicial and quasi-judicial bodies, there is a certain specificity due to the peculiarities of a particular subject of the Federation.

Keywords: reforms, subjects of the federation, quasi-judicial, normative control, legal uncertainty, legal position

For citation: Novopavlovskaya E.E. 2024. Powers of the Constitutional Councils of the Republics Within the Russian Federation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 300–307 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-300-307

Введение

В декабре 2020 г. законодатель принял решение об упразднении до 1 января 2023 г. конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, наделив субъекты Российской Федерации диспозитивным правом на создание конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации¹. Фактически законодатель пошел по пути формирования квазисудебных органов конституционного контроля, но в рамках европейской модели, при которой нормоконтрольная функция возложена на специализированные органы, формируемые именно с этой целью.

Далее последовала целая череда законодательных корректировок как на федеральном, так и на региональном уровнях. 22 сентября 2023 г. были внесены изменения в общероссийский классификатор органов государственной власти и управления, из которого была исключена запись о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации и внесена запись о конституционных (уставных) советах субъектов Российской Федерации².

Научное сообщество активно обсуждало предпосылки замены судебных органов на квазисудебные, дискутируя о дальнейших перспективах развития института конституционного контроля, приводя для примера не только зарубежную практику, но и первый опыт российских регионов. В качестве примера содержательных научных исследований можно привести статьи О.В. Брежнева [2023], И.С. Галяевой [2023], М.И. Клеандрова [2023], И.А. Митусовой [2023], С.Б. Сафиной [2023], А.В. Смирнова, Ю.С. Яичниковой [2023], Г.Р. Хабибуллина [2023] и другие. Например, М.И. Клеандров рассуждает о причинах ликвидации конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, плюсах и минусах судебного и квазисудебного нормоконтроля [2023]. О.В. Брежнев выделяет отдельные проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации, приводя в качестве примера особенности регламентации статуса созданных сегодня конституционных советов республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан [2023]. А.Т. Карасев, А.В., Савоськин, В.А. Мещерягина обращают внимание на отсутствие единообразия в регулировании статуса конституционных советов, в том числе их полномочий [2023]. Большинство из названных авторов также рассуждают об объективных и субъективных причинах упразднения конституционных (уставных) судов

¹ Федеральный конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть 1). Ст. 8029.

² ОК 006-2011. Общероссийский классификатор органов государственной власти и управления: утвержден Приказом Росстандарта от 26 апреля 2011 г. № 60-ст: в ред. от 22 сентября 2023 г. // СПС «Консультант Плюс».

субъектов Российской Федерации, побудивших законодателя провести подобное реформирование. Например, Ф.Р. Муратшин справедливо называет упразднение региональных органов конституционного правосудия жестким и централизованным способом, который «продиктован, прежде всего, тем, что институт региональных конституционных (уставных) судов в том виде, в котором он сложился в Российской Федерации, в полной мере себя не оправдал... надежды, которые возлагали более двадцати лет назад учредители института региональной конституционной юстиции на конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации, так и не реализовались» [Муратшин, 2022, с. 94].

Цель исследования состоит в сравнении подходов к регламентации полномочий конституционных советов республик в составе Российской Федерации.

Конституционные советы в системе государственной власти субъектов Российской Федерации

Полагаем, что мы не можем на все сто процентов признать, что на уровне субъектов Российской Федерации теперь будут формироваться специализированные органы европейской модели конституционного контроля, поскольку одной из их особенностей в классической вариации является то, что они занимают независимое, автономное положение в системе органов власти, а конституционные (уставные) советы создаются и функционируют при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Возникает весьма резонный вопрос: каким образом в полной мере можно обеспечить на практике максимальную независимость и самостоятельность конституционных советов?

Представители властных структур государства нередко подчеркивают определенную зависимость конституционных (уставных) советов от законодательных (представительных) органов и их вспомогательную роль. Примером тому может выступать Республика Адыгея, на официальном сайте Государственного Совета-Хасэ которой отмечается, что Конституционный совет Республики – это вспомогательный орган при Государственном Совете – Хасэ РА, решения которого (в форме заключений) носят констатирующий и рекомендательный характера¹. Обратим внимание на характер решений, принимаемых конституционными советами, поскольку этот аспект статуса исследуемых нами органов также является принципиальным отличием их от судебных органов конституционного (уставного) контроля.

В свою очередь, ученые трактуют законодательную конструкцию «действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации» несколько иначе. В частности, Г.Р. Хабибуллина отмечает, что Конституционный совет Республики Адыгея встроен в структуру деятельности Государственного Совета – Хасэ Республики, поскольку Регламент Государственного Совета – Хасэ Республики распространяет свое действие на процедуры, осуществляемые Конституционным советом; Аппарат Государственного Совета-Хасэ Республики обеспечивает деятельность Конституционного совета Республики; заключения Конституционного совета носят рекомендательный характер и др. [Хабибуллина, 2023, с. 145].

Обратившись в сравнительно-правовом плане статуса судебных и квазисудебных нормоконтрольных органов к истории, констатируем, что, как и в 90-х гг., процесс законодательного реформирования и практического формирования конституционных

¹ Официальный сайт Государственного Совета-Хасэ Республики Адыгея. URL: <https://gshra.ru/press-tsentr/news/sostoyalos-zasedanie-konstitutsionno-soveta-respubliki-adygeya.html> (дата обращения 03.03.2024).

(уставных) советов сегодня идет не равномерно. Только Республики Адыгея¹, Башкортостан², Саха (Якутия)³, Татарстан⁴ оперативно провели соответствующее реформирование, приняли специализированные законы о конституционных (уставных) советах и соответствующие регламенты⁵. Обращение к практике показывает, что только в нескольких субъектах Федерации утвержден состав данных органов и они приступили к исполнению возложенных на них полномочий. Так, 13 июля 2023 г. Государственным Советом Республики Татарстан был утвержден состав собственного Конституционного совета, во главе которого встал бывший председатель Верховного Суда Республики Татарстан И.И. Гилязов⁶.

В поисках оптимального правового регулирования полномочий конституционных советов республик в составе Российской Федерации

Сопоставление норм регионального законодательства о конституционных советах показывает, что в настоящее время регламентация отдельных элементов их статуса разнится, включая установление особых правил относительно численности и состава, требований к членам совета, а также полномочий конституционных советов.

Даже при беглом ознакомлении с законодательными формулировками мы можем провести определенные параллели с полномочиями судебных органов конституционного (уставного) нормоконтроля.

Констатируем несколько фактов:

1) у конституционных советов есть как общие для всех, так и специальные полномочия, возложенные лишь на некоторых их них (примером последнего является Конституционный совет Республики Башкортостан, среди полномочий которого названа пропаганда конституционных ценностей среди населения);

2) самая лаконичная регламентация полномочий Конституционного совета предусмотрена в Республике Адыгея, где совет вправе рассматривать проекты конституционных законов Республики, которые поступили в Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея. Однако справедливости ради заметим, что сделана отсылка к Регламенту Конституционного совета Республики Адыгея;

3) более детально полномочия регламентированы законодательством Республики Башкортостан, Конституционный совет которого правомочен:

– давать заключение о соответствии Конституции Республики Башкортостан направленным Президиумом Государственного Собрания проектам законов Республики Башкортостан, внесенным в Государственное Собрание, проектам нормативных правовых актов Государственного Собрания. Так, 27 сентября 2023 г. Конституционный совет

¹ Закон Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 «О Конституционном совете Республики Адыгея» // Портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0100202205010012?rangeSize=1> (дата обращения 06.03.2024).

² Закон Республики Башкортостан от 21.11.2022 № 625-з «О Конституционном совете Республики Башкортостан» // Газета *Республика Башкортостан*. 2022. № 136.

³ Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 № 2356-З «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)» // Портал правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574747374> (дата обращения 06.03.2024).

⁴ Закон Республики Татарстан от 08.06.2023 № 44-ЗРТ «О Конституционном совете Республики Татарстан» // Портал правовой информации Республики Татарстан. URL: https://rais.tatarstan.ru/file/laws/laws/laws_443161.pdf (дата обращения 06.03.2024).

⁵ Решение Конституционного совета Республики Башкортостан от 15.03.2023 № 1-Р «Об утверждении Регламента Конституционного совета Республики Башкортостан» // Официальный сайт Конституционного совета Республики Башкортостан. URL: <https://ksrb.bashkortostan.ru/documents/active/482658/> (дата обращения 06.03.2024).

⁶ ТАСС: Госсовет Татарстана утвердил состав Конституционного совета республики. URL: <https://tass.ru/politika/18265249> (дата обращения 06.03.2024).

Республики Башкортостан вынес заключение по обращению Президиума Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан № 6/44 о проверке конституционности статьи 9 «Внесение изменений в отдельные законодательные акты Республики Башкортостан» проекта Закона Республики Башкортостан № 6-1004/з «О ежегодном пособии семьям, имеющим детей школьного возраста, в Республике Башкортостан и внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Башкортостан». Исследуемые законоположения были признаны соответствующими республиканской Конституции, поскольку по своему смыслу не создают препятствий для осуществления необходимости вводить, отменять или изменять льготы по различным видам налогов.

Регламентом Конституционного совета Республики Башкортостан в разделе VII предусмотрены особенности порядка рассмотрения отдельных категорий обращений по реализации нормоконтрольных полномочий Конституционного совета. В частности, относительно обращений Главы Республики Башкортостан установлено, что заседание по рассмотрению такого обращения может быть назначено в любой день до истечения пяти дней со дня поступления обращения, а выносимое Конституционным советом заключение принимается в день проведения заседания и направляется Главе Республики Башкортостан, как правило, в день его принятия, но в любом случае не позднее пяти дней со дня поступления обращения Главы Республики Башкортостан;

– по запросу Государственного Собрания готовить проект толкования Конституции Республики Башкортостан;

– давать заключение о соответствии Конституции Республики Башкортостан нормативного правового акта Республики Башкортостан, муниципального нормативного правового акта по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан;

– реализовывать право законодательной инициативы;

– осуществлять пропаганду конституционных ценностей среди населения и др.;

4) еще более широкий объем полномочий зафиксирован в законодательстве Республик Саха (Якутия) и Татарстан. Как следует из содержания ст. 3 специализированного закона «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)», совет правомочен осуществлять несколько видов предварительного нормоконтроля, причем как обязательного, так и факультативного характера. В первом случае предмет проверки на соответствие Конституции Республики составляют конституционные поправки и проекты республиканских законов, которые направлены на регламентацию основ конституционного строя или национально-государственного статуса Республики Саха (Якутия). Во втором случае оценке конституционности подлежат иные законы Республики до их подписания главой Республики, то есть имеет место предварительный (превентивный) конституционный нормоконтроль. Объектами последующего (репрессивного) нормоконтроля выступают все нормативные правовые акты Республики (например, изданные Государственным Собранием (Ил Тумэн) Республики, Главой Республики, Правительством Республики, иными республиканскими исполнительными органами государственной власти) и муниципальные нормативные акты.

Очень схожее регулирование нормоконтрольной функции находим в законодательстве Республики Татарстан, Конституционный совет которой вправе осуществлять предварительный обязательный нормоконтроль конституционных поправок, последующий факультативный нормоконтроль законов и иных нормативных правовых актов республиканских органов исполнительной власти и нормативных правовых актов муниципального уровня. Более того, предмет рассмотрения в Конституционном совете Республики Татарстан также составляют проекты договоров Республики Татарстан.

Юридическая сила решений конституционных советов республик в составе Российской Федерации

Принципиальным отличительным признаком статуса судебных и квазисудебных органов конституционного (уставного) нормоконтроля является юридическая сила принимаемых решений. В большинстве своем региональный законодатель установил, что заключения Конституционных советов носят не обязательный, а рекомендательный характер. Согласимся с верной констатацией А.Т. Карасева, А.В. Савоськина, В.А. Мещерягиной, что такой подход регионального законодателя во многом объясняется правовой неопределенностью федерального законодательства в части регулирования полномочий конституционных (уставных) советов, но не оправдывает его [Карасев и др., 2023, с. 63]. Исключение в данном случае составляют положения Закона Республики Татарстан «О Конституционном совете Республики Татарстан», предусматривающие в ч. 7 ст. 11 норму императивного характера, возлагающую на орган (должностное лицо) обязательность рассмотрения заключения Конституционного совета, если нормативный правовой акт этого органа Республики Татарстан, органа местного самоуправления Республики или его отдельные положения признаны противоречащими республиканской Конституции либо из него вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании. При этом законодательно зафиксирован срок обязательного рассмотрения подобного заключения Конституционного совета Республики Татарстан – не позднее трех месяцев с момента его опубликования.

Заключение

Сегодня мы имеем дело не только с законодательным реформированием в области конституционного (уставного) нормоконтроля, но и с реальным практическим воплощением проведенных законодательных корректировок. Процесс создания конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации идет весьма неспешно, что обусловлено причинами различного характера.

Специфика правового статуса конституционных (уставных) советов очевидна и обусловлена тем, что в своем большинстве они не занимают автономного положения в системе региональных органов власти, а действуют при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

При имеющемся сходстве нормоконтрольных полномочий судебных и квазисудебных органов имеется определенная специфика, которая зависит от конкретного вида субъекта Федерации. Сопоставление норм регионального законодательства показывает, что объем полномочий конституционных советов республик различается. Однако давать серьезную оценку сегодняшней правоприменительной практике в исследуемой сфере пока еще рано. Для этого требуется больше времени функционирования новых структур, да и создание их в большем количестве субъектов Российской Федерации.

Список литературы

- Брежнев О.В. 2023. Проблемы организации и компетенции конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации (на примере республик Адыгея, Саха (Якутия), Башкортостан). *Актуальные проблемы российского права*, 4: 21-30. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.149.4.021-030.
- Галяева И.С. 2023. Предварительный конституционный надзор за региональным законодательством как полномочие конституционных (уставных) советов субъектов Российской Федерации: причины появления и проблемы регулирования. *Конституционное и муниципальное право*, 8: 40-48. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-8-40-48.
- Карасев А.Т., Савоськин А.В., Мещерягина В.А. 2023. Конституционные советы Республик Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия): кто в лес, кто по дрова? *Российское право: образование, практика, наука*, 2: 58-67. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_2_58.

- Клеандров М.И. 2023. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднить эти суды? *Российский судья*, 10: 40-45. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-10-40-45.
- Митусова И.А. 2023. Конституционный контроль, в том числе региональный, на современном этапе в Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*, 3: 32-35. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-3-32-35.
- Муратшин Ф.Р. 2022. Конституционные (уставные) советы при парламентах субъектов Российской Федерации: быть или не быть? *Правовое государство: теория и практика*, 3(65): 93-105. DOI 10.33184/pravgos-2021.3.8.
- Сафина С.Б. 2023. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению. *Конституционное и муниципальное право*, 5: 41-45. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-5-41-45.
- Смирнов А.В., Яичникова Ю.С. 2021. Конституционные (уставные) советы при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации: некоторые размышления. *Государственная власть и местное самоуправление*, 6: 9-12. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-6-9-12.
- Хабибуллина Г.Р. 2023. К вопросу о принципах деятельности и природе Конституционного совета субъекта Российской Федерации (на примере Республики Адыгея). *Образование и право*, 7: 143-146. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-7-143-146.

References

- Brezhnev O.V. 2023. Problems of Organization and Competence of Constitutional (Statutory) Councils of Constituent Entities of the Russian Federation (Case Studies of the Republics of Adygea, Sakha (Yakutia), Bashkortostan). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 4: 21-30. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.149.4.021-030.
- Galjaeva I.S. 2023. Predvaritel'nyj konstitucionnyj nadzor za regional'nym zakonodatel'stvom kak polnomochie konstitucionnyh (ustavnyh) sovetov sub#ektov Rossijskoj Federacii: prichiny pojavlenija i problemy regulirovanija [Preliminary constitutional supervision of regional legislation as the authority of the constitutional (statutory) councils of the subjects of the Russian Federation: the reasons for the emergence and problems of regulation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 8: 40-48. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2023-8-40-48.
- Karasev A.T., Savos'kin A.V., Meshherjagina V.A. 2023. The Constitutional Councils of the Republics of Adygea, Bashkortostan, Tatarstan and Sakha (Yakutia): Dutch Concert?. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2: 58-67. (In Russian). DOI: 10.34076/2410_2709_2023_2_58.
- Kleandrov M.I. 2023. Konstitucionnye (ustavnye) sudy subektov RF ili konstitucionnye (ustavnye) sovery: sledovalo li uprazdnjat' jeti sudy? [Constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation or constitutional (statutory) councils: should these courts be abolished?]. *Rossijskij sud'ja*, 10: 40-45. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3791-2023-10-40-45.
- Mitusova I.A. 2023. Konstitucionnyj kontrol', v tom chisle regional'nyj, na sovremennom jetape v Rossijskoj Federacii [Constitutional control, including regional control, at the present stage in the Russian Federation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 3: 32-35. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2023-3-32-35.
- Muratshin F.R. 2022. Constitutional (Statutory) Councils Attached To The Parliaments In The Constituent Entities Of The Russian Federation: To Be Or Not To Be? *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika*, 3 (65): 93-105. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2021.3.8.
- Safina S.B. 2023. Konstitucionnye (ustavnye) sovery v subektah Rossijskoj Federacii: podhody k opredeleniju [Constitutional (statutory) councils in the subjects of the Russian Federation: approaches to the definition]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 5: 41-45. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2023-5-41-45.
- Smirnov A.V., Jaichnikova Ju.S. 2021. Constitutional (Statutory) Councils Under Legislative Authorities Of The Constituent Entities Of The Russian Federation: Some Reflections. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 6: 9-12. (In Russian). DOI: 10.18572/1813-1247-2021-6-9-12.

Habibullina G.R. 2023. To The Question Of The Principles Of Activity And The Nature Of The Constitutional Council Of The Subject Of The Russian Federation (On The Example Of The Republic Of Adygea). *Obrazovanie i pravo*, 7: 143-146. (In Russian). DOI: 10.24412/2076-1503-2023-7-143-146.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.11.2023

Received November 17, 2023

Поступила после рецензирования 25.12.2023

Revised December 25, 2023

Принята к публикации 16.01.2024

Accepted January 16, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Новопавловская Елена Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, финансового и гражданского права, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара, Россия.

Elena E. Novopavlovskaya, candidate of law, associate professor, associate professor of the department of constitutional, financial and civil law, Samara branch of the Moscow City Pedagogical University, Samara, Russia.

УДК 341.64

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-308-318

Пределы эволютивного толкования Европейского Суда по правам человека: суверенитет, легитимность и эффективность

Оганесян Т.Д.

Дипломатическая академия МИД России,
Россия, 119021, г. Москва, Остоженка, д. 53/2, стр. 1

t.oganesian@mail.ru

Аннотация. Эволютивное толкование со временем привело к постепенному расширению прав, предусмотренных Конвенцией. В этой связи изучение пределов такого толкования позволяет установить законность соответствующих эволютивных постановлений. Автором предпринята попытка анализа трех элементов, влияющих на пределы эволютивного толкования: государственного суверенитета, легитимности эволютивных постановлений и их эффективности. Основное внимание уделено прецедентной практике и правовым позициям Европейского суда по правам человека, раскрывающим пределы подобного толкования, а также доктринальным мнениям в части критики эволютивного толкования. В частности, выделены мнения ученых о том, что подобное толкование создает обязательства, которые превышают изначально взятые государствами – участниками Конвенции, и что Страсбургский суд рискует стать судом «четвертой инстанции». Автор указывает, что прослеживается тенденция усиления роли национальных подходов к толкованию прав человека и снижения значимости эволютивного толкования. Сочетание европейского консенсуса и свободы усмотрения способствует повышению легитимности эволютивных постановлений. Подчеркнуто, что при поиске консенсуса Суд должен стремиться вовлечь в этот процесс как можно больше государств – членов Совета Европы, чтобы способствовать более тесной идентификации с Конвенцией. В заключение отмечено, что использование консенсусного подхода и доктрины свободы усмотрения на сегодняшний день позволяют Европейскому суду по правам человека сохранить пределы эволютивного толкования и защититься от чрезмерного судебного активизма.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, защита прав человека, консенсус, эволютивное толкование, доктрина живого инструмента

Для цитирования: Оганесян Т.Д. 2024. Пределы эволютивного толкования Европейского Суда по правам человека: суверенитет, легитимность и эффективность. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 308–318. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-308-318

The Limits of the Evolutive Interpretation of the European Court of Human Rights: Sovereignty, Legitimacy and Effectiveness

Tigran D. Oganessian

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
53/2 building 1 Ostozhenka St, Moscow 119021, Russian Federation

t.oganesian@mail.ru

Abstract. The evolutive interpretation has over time led to a gradual expansion of the rights provided for in the Convention. In this regard, the study of the limits of such an interpretation makes it possible to establish the legality of the relevant evolutive judgments. The author attempts to analyze three elements

that affect the limits of evolutionary interpretation: state sovereignty, the legitimacy of evolutive judgments and their effectiveness. The main attention is paid to the case-law and legal positions of the European Court of Human Rights, revealing the limits of such an interpretation, as well as doctrinal opinions in terms of criticism of evolutive interpretation. In particular, the opinions of scientists are highlighted that such an interpretation creates obligations that exceed those initially assumed by the States parties to the Convention, and that the Strasbourg Court risks becoming a court of "fourth instance". The author points out that there is a tendency to strengthen the role of national approaches to the interpretation of human rights and reduce the importance of evolutive interpretation. The combination of the European consensus and the freedom of discretion contributes to increasing the legitimacy of evolutionary rulings. It was stressed that in seeking consensus, the Court should seek to involve as many member States of the Council of Europe as possible in this process in order to promote closer identification with the Convention. In conclusion, it is noted that the use of a consensus approach and the doctrine of freedom of discretion today allow the European Court of Human Rights to preserve the limits of evolutionary interpretation and protect itself from excessive judicial activism.

Keywords: the European Court of Human Rights, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the protection of human rights, consensus, evolutive interpretation, the doctrine of the living instrument

For citation: Oganesyanyan T.D. 2024. The Limits of the Evolutive Interpretation of the European Court of Human Rights: Sovereignty, Legitimacy and Effectiveness. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 308–318 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-308-318

Введение

Европейская система защиты прав человека основана на тексте 73-летней давности, но эволютивное толкование позволяет Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция) сохранить свою актуальность и эффективность. Умышленно или нет, но в некотором смысле «отцы-основатели» Конвенции рассматривали права человека не как статичные и застывшие во времени, а, напротив, как динамичные и прогрессивные. Как отметил Жан-Поль Коста, ситуация с правами человека «хрупкая» (*fragile*) и «права человека всегда приходится завоевывать заново»¹. На сегодняшний день Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) принял более 25 000 постановлений², что делает его самым популярным и активным международным судом по правам человека в мире. Деятельность Суда и его прецедентная практика оказали значительное влияние на национальные правовые системы государств-ответчиков, что привело к признанию последними режима Европейской конвенции по правам человека как «самого эффективного режима в области прав человека в мире» [Stone-Sweet, Keller, 2008, p. 11].

По выражению Ангелики Нуссбергер, если бы понимание прав человека образца 1950-х продолжало быть критерием для оценки предполагаемых нарушений Конвенции десятилетия спустя, Конвенция бы стала «мертвой буквой» (*dead letter*) [Nussberger, 2022, p. 78]. Джаннеке Джерардс подчеркивает, что формулировка конвенционных прав является открытой и довольно неопределенной [Gerards, 2019, p. 161]. В постановлении по делу *Loizidou v. Turkey* Суд пояснил: «положения не могут толковаться исключительно в соответствии с намерениями их авторов, выраженными более сорока лет назад. Соответственно, даже если бы было установлено, что это не так, что ограничения, отличные от временных ограничений, считались допустимыми... в то время, когда меньшинство нынешних Договаривающихся сторон приняло Конвенцию, такие доказательства не могли быть решающими»³.

¹ Jean-Paul Costa. Speech given on the occasion of the opening of the judicial year, 25 January 2008. Dialogue between judges 2008. Proceedings of the Seminar 25 January 2008. P. 51. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/speech_20080126_costa_jy_eng (дата обращения: 12.01.2024).

² ECtHR. Violations by Article and by State (1959-2022). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_1959_2022_ENG.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

³ ECtHR. *Loizidou v. Turkey*, Application no. 15318/89, Judgment (Preliminary objections) of 23 March 1995, para. 71.

В преамбуле Конвенции можно также встретить и другую идею: «целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами». Вопрос о достижении «большого единства» (*greater unity*) посредством эволютивного толкования является не самым простым и будет более детально рассмотрен в разделе про европейский консенсус. Тем не менее, желая достичь *greater unity*, Суд иногда вызывает у государств-ответчиков некоторое раздражение, поскольку результаты этого толкования иногда могут противоречить национальным подходам и законам.

В оправдание желая Суда достичь *greater unity* можно сказать, что эволютивное толкование дает Суду, во-первых, достигать *единство* посредством равного отношения ко всем государствам при толковании Конвенции. Например, что касается права заключенных голосовать, Суд одинаково признал данное право как у британских заключенных (*Hirst V. United Kingdom*), так и у российских (*Anchugov and Gladkov V. Russia*). Во-вторых, достижение единства можно достичь тем, что так или иначе эволютивное толкование основано на консенсусе. Выявляя это консенсусное единство среди государств, ЕСПЧ при эволютивном толковании призывает государство-ответчик следовать этому единству. Но иногда консенсус не строится на единстве подходов большинства государств. В этом смысле понимание единства консенсуса не всегда означает для Суда единство большинства. Так или иначе, эволютивное толкование в свете изложенного в Преамбуле Конвенции идеи *greater unity* понимается как развитие конвенционных прав, то есть государства должны быть едины во мнении, что конвенционные права должны в последующем развиваться.

С этой точки зрения эволютивное толкование становится неотъемлемым элементом конвенционной системы Страсбурга, изначально скрытым в Преамбуле, но нашедшим со временем свое предназначение и применение. Со временем эволютивное толкование Конвенции привело к постепенному расширению прав, предусмотренных Конвенцией. Тем не менее эволютивное толкование имеет свои пределы.

Цель исследования – определить пределы эволюционного толкования на основе анализа соотношения данного метода толкования Конвенции с тремя основными элементами: государственным суверенитетом, легитимностью и принципом эффективности.

Государственный суверенитет и эволютивное толкование

Спорным является то, в какой степени Суд использует способность давать расширительные толкования Конвенции. Это может быть особенно важно с учетом того, что Конвенция является международным договором, поэтому решения последнего потенциально могут повлиять на государственный суверенитет. В результате этого любые постановления, которые потенциально подрывают суверенитет государств, требуют тщательного обоснования и объяснения.

Что касается суверенитета, то эволютивное толкование критикуют за то, что оно создает обязательства, которые превышают взятые государствами – участниками Конвенции обязательства, и ЕСПЧ посредством эволютивных постановлений вмешивается в суверенитет государств. Сэр Джеральд Фитцморис в особом мнении по делу *Golder v. UK* отметил, что нельзя обязывать государство защищать право, о котором оно вообще не знало и на которое оно не давало согласия¹. Взяв на себя обязательства в области прав человека, закрепленные в Конвенции, государства – члены Совета Европы в некотором смысле отказались от части своего суверенитета в пользу ЕСПЧ. Кроме того, обязательный характер решений ЕСПЧ затрагивает суверенитет государств – членом Совета Европы, поскольку исполнение решений не требует дополнительного согласия

¹ ECtHR. *Golder v UK*, Application no. 4451/70, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 21 February 1975, para 28.

государства. Тем более эволютивное толкование не всегда приводит к созданию новых обязательств.

Как отмечает Боско Трипкович, трудно понять сущность и границы прав человека, не принимая во внимание идею суверенитета, на которую права человека налагают наиболее важные ограничения [Tripkovic, 2022, p. 226]. Однако доктрина живого инструмента как ценностный подход к обоснованию прав человека предполагает, что суверенитет должен играть более ограниченную роль в определении содержания прав.

Исследователи с разных точек зрения высказывали предположение, что ЕСПЧ зашел слишком далеко в толковании Конвенции. Для некоторых соответствующая критика основана на аргументе о том, что ЕСПЧ применил конкретные положения Конвенции таким образом, который не был бы предвиден теми, кто ее первоначально разрабатывал¹. Например, ряд экспертов утверждают, что Европейский Суд становится «Верховным судом для своих государств-членов и перемещается в те области, в отношении которых нет или никогда не было никакого соглашения или согласия со стороны государств-членов Совета Европы» [Pinto-Duschinsky, 2011; Raab, 2011].

М. Анденас и Е. Бьорге отмечают, что развивающееся (также описываемое как «динамическое» или «эволютивное») толкование права является общей чертой международных договоров: «разработчики международных договоров хотели, чтобы они были способны применяться к новым ситуациям, и поэтому формулировали объект и цель договоров в “общих чертах”»². Аналогичным образом Л. Арден описала эволюционирующую природу права европейского правосудия, которая «может расширяться и совершенствоваться, чтобы приспособиться к изменениям»³.

Критика также сосредоточилась на восприятии того, что Страсбургский суд рискует стать судом «четвертой инстанции». Однако Суд ясно дал понять в своих решениях и постановлениях, что в его функции не входит рассмотрение фактических или правовых ошибок, предположительно совершенных национальными судами, если только они не нарушили права, гарантированные Конвенцией. В частности, Ганс-Кристиан Крюгер, бывший секретарь Европейской Комиссии по правам человека, отметил: «То, что изначально было создано как международная система коллективного обеспечения основных прав и свобод в Западной Европе, за последние пятьдесят лет превратилось в Конституционный Билль о правах для всего континента»⁴. С другой стороны, ранее действующий председатель ЕСПЧ Жан-Поль Коста, в частности, заявил: «Мы хотели выразить наше мнение о том, что крайне важно, чтобы национальные судебные органы взяли на себя ответственность за осуществление Конвенции; что должно быть, так сказать, распределение обязанностей в области защиты прав человека между национальными властями и судом»⁵.

Эволютивное толкование представляет собой небольшую угрозу государственному суверенитету, чем другие формы толкования [Andenas, 2017, p. 91]. Подход, принятый

¹ Howard M. Parliament Must Redefine Human Rights, Daily Telegraph, 23 November 2011. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/law-and-order/8907583/Michael-Howard-Parliament-must-redefine-human-rights.html> (дата обращения: 12.01.2024).

² Andenas M., Bjorge E. National Implementation of ECHR Rights: Kant's Categorical Imperative and the Convention (April 22, 2011). University of Oslo Faculty of Law Research Paper № 2011-15. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1818845 (дата обращения: 12.01.2024).

³ Arden M. An English Judge in Europe (Neill Lecture: 28 February 2014). URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/JCO/Documents/Speeches/lj-arden-an-english-judge-in-europe.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

⁴ Krüger H-C. European Convention on Human Rights: 50 years of growth. In: Council of Europe, Information Bulletin № 50. 2000. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/european_convention_on_human_rights_50_years_of_growth_in_human_rights_information_bulletin_december_2000-en-9faef935-f67d-403d-ba2d-1a2df838a2db.html (дата обращения: 12.01.2024).

⁵ European Court of Human Rights, Dialogue Between Judges. Council of Europe. 2010. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Dialogue_2010_ENG.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

Страсбургским судом, учитывает намерение договаривающихся государств, изложенное в преамбуле Конвенции, что не только «признание», но и «дальнейшая реализация» прав человека и основных свобод возлагается на государства-члены, а следовательно, и на ЕСПЧ. В этой связи более убедительно принять моральные определения, сделанные ЕСПЧ, и признать, что (исторические) намерения составителей Конвенции в целом имеют и должны иметь лишь второстепенное отношение к нынешнему толкованию после установления соответствующих моральных принципов, лежащих в основе Конвенции.

Легитимность эволютивных постановлений

Европейский суд по правам человека подвергается резкой критике за отсутствие демократической легитимности эволютивного толкования. Что касается толкования, то ЕСПЧ внес большой вклад в наиболее развитую на сегодняшний день систему защиты прав человека. Однако его легитимность часто оспаривается государствами-участниками и исследователями.

Легитимность эволютивных постановлений первоначально исходит из того, что договаривающиеся стороны признали юрисдикцию ЕСПЧ. Такая формальная легитимность проявляется в признании и исполнении постановлений Суда. В общих чертах легитимность можно понимать как уважение и поддержку Суда, которые исходят из убежденности заинтересованных сторон в том, что Суд будет рассматривать дела последовательно и таким способом, который уважает характер как Конвенции [Dzehtsiarou, 2015, p. 9].

Проблема легитимности Суда особо обостряется при эволютивном толковании Конвенции, особенно когда договаривающиеся стороны не согласны с результатами такого толкования. В последнем случае такое толкование может ставить под сомнение акты или решения национальных судов и органов. Понимая раздражение, которое Суд может вызвать со стороны национальных властей, и стремясь сохранить свою легитимность в их глазах, Суд при эволютивном толковании использует консенсус.

Два фактора в основном подпитывают дебаты о легитимности. Во-первых, ни ЕСПЧ, ни Венская конвенция о праве международных договоров (ВКПМД) прямо не упоминают эволютивное толкование как законный инструмент толкования. Таким образом, именно ЕСПЧ самостоятельно разработал этот подход с конца 1970-х годов, поскольку в деле Тайрера он утверждал, что «Конвенция является живым инструментом, который... должен толковаться в свете современных условий»¹. Судья Дж. Фицморис в постановлении по делу Тайрера в своем особом мнении инициировал многолетнюю дискуссию, обратив внимание именно на то, что международные судьи злоупотребляют доктриной живого инструмента для косвенного участия в политике государств-членов². С тех пор ЕСПЧ использовал эволютивное толкование для отступления от устоявшегося понимания норм, чтобы сделать ЕСПЧ более «чутким» к происходящим изменениям. Эти изменения могут иметь юридическую, социальную, технологическую или моральную природу.

Во-вторых, начиная с постановления по делу Тайрера, ряд государств, в частности, упрекают ЕСПЧ в навязывании своих собственных концепций прав государствам – членам Совета Европы посредством эволютивного толкования. Постановление по делу «Херст против Великобритании» возобновило дискуссию среди британских политиков и судей о компетенции ЕСПЧ³. Это все более критическое отношение оказало большое влияние на повестку Брайтонской конференции Совета Европы в 2012 году и

¹ ECtHR. *Tyler v. the United Kingdom*, Application No 5856/72, Judgment of 25 April 1978, para. 183.

² ECtHR. *Tyler v. the United Kingdom*, Application No 5856/72, Judgment of 25 April 1978 (Judge Sir Gerald Fitzmaurice, dissenting).

³ ECtHR. *Hirst v. United Kingdom (No. 2)*, Application No 74025/01, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 6 October 2005, para 187.

последующее принятие дополнительного протокола № 15 Конвенции, который закрепляет доктрину «поля усмотрения» и принцип «субсидиарности»¹.

Действительно, определённый вклад в повышение легитимности эволютивного толкования внес Протокол № 15, который закрепил в Преамбуле Конвенции принцип subsidiarity и свободы усмотрения. Следует отметить, что это первая поправка к Преамбуле с момента разработки Конвенции. Ссылка на эти два принципа в новой версии Преамбулы затрагивает сферу легитимности эволютивного толкования, поскольку доктрина свободы усмотрения – это единственная доктрина, на которую есть ссылка в тексте Конвенции. Лиза Зоннляйтнер отмечает, что государства-члены пытаются сформировать подход Суда к толкованию таким образом, чтобы он оставил любую эволюцию конвенционных прав на усмотрение государств-членов [Sonnleitner, 2019].

Хотя эти поправки не имеют никакого отношения к эволютивному толкованию, они влияют на нее по двум причинам. Во-первых, доктрина поля усмотрения отныне будет единственным толковательным подходом, который будет прямо упомянут в Конвенции. Таким образом, он призывает ЕСПЧ проявлять больше уважения к правозащитным концепциям государств-членов при толковании Конвенции. Во-вторых, Протокол № 15 является первой поправкой к преамбуле Конвенции с момента создания ЕСПЧ. Таким образом, тенденция заключается в усилении роли национальных подходов к толкованию прав человека и снижении значимости эволютивного толкования.

Джон Финнис обобщает суть критики о демократической легитимности: эволютивное толкование сводится к тому, чтобы поставить на первое место «современные взгляды и/или мнения (в той мере, в какой они разделяются большинством некоторых судов, комиссий или трибуналов) о лучших политических или социальных механизмах» [Finnis, 2016]. Проблема легитимности эволютивных постановлений проявляется и в том, что Суд пересматривает решения национальных судов и результаты толкования не могут совпадать с мнением внутригосударственных властей. Дж. Финнис утверждает, что в этих вопросах только люди в соответствующих государствах-членах должны решать, какие права их государства должны предоставлять тем или иным лицам.

Фан Ювен отмечает, что легитимность толкования Конвенции Судом будет подтверждена, когда Суд ясно покажет, что он глубоко осознает цели эволютивного толкования при выполнении своих функций в качестве международного суда по правам человека, связывая Конвенцию с современными условиями и балансируя консенсус государств с гуманизацией международного права². По мнению Джорджа Летсаса, результатом (и преимуществом) легитимности, основанной на обязательствах, является то, что, в отличие от легитимности, основанной на авторитете, она не является фрагментарной: все договаривающиеся государства в равной степени связаны решениями Суда, независимо от того, насколько выгодны или хороши его результаты по сравнению с национальными институтами. Лиза Зоннляйтнер выделяет три проблемы легитимности эволюционной интерпретации: демократическую легитимность (принимаются решения по общественным вопросам, ответы на которые должны быть даны в рамках демократического, а не судебного процесса), суверенитет (эволютивное толкование равносильно принятию законодательства без согласия государств-членов) и верховенство закона (эволютивное толкование противоречит основным гарантиям, таким как правовая определенность и предсказуемость) [Sonnleitner, 2022, p. 63].

Что касается *демократической легитимности*, то основная критика исходит из того, что эволютивное толкование является инструментом скрытого законодательства, а не

¹ Protocol No. 15 amending the Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Protocol_15_ENG (дата обращения: 12.01.2024).

² Fan Y. Revisiting ECtHR Interpretation of the ECHR: Living Up to a Living Instrument // FISCAL Policy Brief Series, 2016. No. 65. URL: https://eprints.soton.ac.uk/413852/1/17_Final_submission_of_thesis.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

толкования. Данная мысль была прямо выражена Джеральдом Фицморисом в особом мнении по делу *Tyrer v UK*: «Тот факт, что определенная практика считается неприятной, нежелательной или морально неправильной и такой, которой не следует позволять продолжаться, сам по себе не является достаточным основанием для признания ее противоречащей статье 3... Это означало бы использование статьи в качестве средства косвенной реформы уголовного законодательства, для чего она не предназначалась»¹.

В своей статье Лиза Зоннляйтнер из Грацкого университета (Австрия) исследует убедительность вызова демократической легитимности эволюционному толкованию Европейской конвенции о правах человека. Она приходит к выводу, что критические аргументы до сих пор не могут опровергнуть законную роль эволютивного толкования Конвенции. В своем исследовании австрийский исследователь также отмечает, что теории, стремящиеся к абсолютной легитимности эволютивного толкования, приводят к пренебрежению жизненно важными принципами ЕСПЧ, такими как правовая определенность. А теории, утверждающие абсолютную незаконность эволюционной интерпретации, пренебрегают другими жизненно важными принципами, такими как материальная справедливость или эффективная защита прав человека [Sonnleitner, 2022, p. 182]. В этом есть справедливая логика, поскольку абсолютной легитимности эволютивное толкование добиться не может, в определенной степени посягает на суверенитет государства и иногда пренебрегает доктриной консенсуса, которая призвана защитить национальные власти от чрезмерного активизма со стороны Суда.

С помощью консенсуса ЕСПЧ повышает легитимность своих постановлений, в которых применяется эволютивное толкование. Применяя консенсус, Суд минимизирует негативные последствия эволютивного толкования и сохраняет легитимность своих постановлений. Консенсусное согласие государств-членов формально не позволяет Суду произвольно толковать Конвенции, а обязывает Суд следовать тем стандартам, которые отображены в практике и законодательстве Договаривающихся сторон. Используя европейский консенсус, Суд создает впечатление, что он ограничен юридическими аргументами и вместо принятия политических решений просто следует по стопам того, что было решено большинством Договаривающихся сторон.

Легитимность эволютивных постановлений Суда ставится под сомнение, когда для обоснования своего решений вместо консенсуса среди договаривающихся сторон Суд игнорирует консенсус или же ссылается на международные тенденции или законы и практику государств – нечленов Совета Европы. Константин Дегтярев отмечает, что в этом контексте европейский консенсус дает Суду зеленый свет для навязывания этого решения расходящимся государствам, как только большинство примет решение [Dzehtsiarou, 2015, p. 166].

Консенсус обеспечивает участие Договаривающихся сторон в процессе эволютивного толкования и не позволяет Суду произвольно толковать Конвенцию. Томас Кляйнляйн отмечает, что европейский консенсус способствует обеспечению того, чтобы легитимность, придаваемая первоначальным согласием, не исчезала с годами [Kleinlein, 2017, p. 883]. Консенсус не только повышает легитимность, но и в некоторой степени убеждает Договаривающиеся стороны выполнить эволютивное постановление ЕСПЧ. Иногда консенсус также может способствовать в решении сложных вопросов, с которыми Суд ранее не сталкивался или по которым у Суда противоречивая прецедентная практика.

Сочетание европейского консенсуса и свободы усмотрения способствует адекватному уровню легитимации. При поиске консенсуса Суд должен стремиться вовлечь в этот процесс как можно больше государств – членов Совета Европы, чтобы способствовать более тесной идентификации с Конвенцией и поддерживать «сопричастность» последних Конвенции. Однако во многих случаях консенсус не означает, что все государства-участники или даже большинство государств-участников согласятся с конкретным эволютивным толкованием ЕСПЧ.

¹ *Tyrer v UK* Series (1978), dissenting opinion of Judge Sir Gerald Fitzmaurice, para 14.

Конвенция является отражением эволюции европейского общества. Легитимность эволютивных постановлений часто критикуют за то, что Конвенция со временем существенно расширила спектр прав и не является отражением того документа, на исполнение которого государства-участники первоначально давали свое согласие. Конвенция является отражением эволюции европейского общества. Для Суда важно не потерять свою легитимность в восприятии государств-ответчиков. В этом смысле консенсус при эволютивном толковании позволяет не только быть с государствами в диалоге, но и делать центральным компонентом общий европейский стандарт (консенсус) из анализа практик и законодательств государств – членов Совета Европы. Другим аспектом легитимности является то, что при консенсусе Суд опирается на мнение большинства государств – членов Совета Европы. По сути, мнение большинства при установлении консенсуса зачастую перевешивает мнение меньшинства. И государство-ответчик должно смириться с этим и в последующем исполнять постановление Суда, даже если несогласно с результатами такого толкования.

В заключение приведем слова Джорджа Летсаса: «Этика толкования Суда является уникальным достоянием Европы и лучшим примером успешной международной системы защиты прав человека. Если Суд продолжит относиться к Конвенции как к живому инструменту, он не потеряет своей легитимности; он потеряет ее, если этого не сделает» [Letsas, 2013, p. 141].

**Эффективность:
эволютивные постановления должны быть истолкованы в форме,
позволяющей государствам их исполнять**

При эволютивном толковании ЕСПЧ подчеркивает важную связь с принципом эффективности, чтобы права, предусмотренные Конвенцией, были «практическими и эффективными, а не теоретическими и иллюзорными». Например, в деле *Christine Goodwin v. UK* ЕСПЧ по сути связал доктрину эффективного толкования с необходимостью Суда «придерживаться динамичного и эволютивного подхода»¹. В деле *Magyar Helsinki Bizottsag v. Hungary* Суд подчеркнул, что эффективное толкование Конвенции заложено в объекте и цели Конвенции².

Руководствуясь принципом эффективности при эволютивном толковании, Суд также принимает внимание и другие связанные между собой понятия и принципы. В деле *Marckx v. Belgium* при эволютивном толковании ЕСПЧ обратился к понятию «объективности закона» (*objectivity of the law*)³. В этом деле Суд постановил, что различное обращение с «законными» и «незаконнорожденными» детьми не может быть установлено в соответствии со статьей 14 в сочетании со статьей 8 Конвенции. Вследствие отсутствия консенсуса среди государств-членов Суд подчеркнул, что существует заметная международная тенденция способствовать равному обращению с законными и незаконнорожденными детьми. ЕСПЧ сослался на формирующийся консенсус в международном праве и подчеркнул, что Конвенция также используется «для ускорения этой эволюции» (*to accelerate this evolution*) в вопросах равенства. Ссылка на объективность закона в некотором смысле выглядит неясной, поскольку Суд не поясняет, что имеет в виду под данным термином, и делает свою аргументацию более запутанной и непоследовательной для понимания последующей практики эволютивного толкования.

Таким образом, принцип эффективности, и закрепленный в Преамбуле Конвенции («эффективное признание и осуществление прав»), и развитый в практике Суда, а также

¹ ECtHR. *Christine Goodwin v UK*, Application No 28957/95, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 11 July 2002, para. 74.

² ECtHR. *Magyar Helsinki Bizottsag v Hungary*, Application No 18030/11, Judgment (Merits and Just Satisfaction) of 8 November 2016, para 120-121.

³ ECtHR. *Marckx v. Belgium*, Application No 6833/74, Judgment of 13 June 1979, para 58.

«развитие прав человека» стали одним из главных и основных мотиваций для применения Судом эволютивного толкования. Яннеке Джерардс, в свою очередь, считает, что принцип субсидиарности и «принцип первичности» (principle of primarity) также стали катализаторами применения Судом эволютивного толкования [Gerards, 2019, p. 9]. По мнению нидерландского ученого, «Суд должен толковать и применять Конвенцию таким образом, чтобы эффективно защищать различные основные права, соблюдая при этом принципы первичности и субсидиарности» [Gerards, 2019, p. 31].

Когда Суд руководствуется принципом эффективности, зачастую это приводит к повышению уровню защиты конвенционных прав и развитию самой системы. Если бы это было не так, мы бы не увидели эволютивные постановления по таким делам, как Голдер, Маркс и многие другие. Еще в *Belgian Linguistic case* Суд отметил, что готов пойти на риски, вынести политическое решение, чтобы обеспечить эффективность защищаемых в Конвенции прав: «органы, созданные для обеспечения соблюдения Конвенции, уполномочены выносить “такие решения”; если бы это было не так, “международная защита прав человека” потеряла бы свою эффективность и само его значение»¹.

Что касается того, что эволютивное постановление должно быть истолковано в форме, позволяющей государствам выполнять его, то здесь речь идет не только о форме таких постановлений и используемых Судом в них формулировках, но идейных ценностей. По наблюдению Линос-Александра Сицильяноса Суд всегда стремился к тому, чтобы эволютивное толкование Конвенции не воспринималось как своего рода «карт-бланш», позволяющий чрезмерно вольно обращаться с текстом Конвенции². В этой связи бывший председатель ЕСПЧ отмечает также, что эволютивное толкование имеет три ограничения: во-первых, оно не должно приводить к толкованию *contra legem*. Важно, чтобы предлагаемое толкование оставалось в рамках терминов, используемых Конвенцией, и не противоречило им напрямую. Эволютивная интерпретация может, если это абсолютно необходимо, быть *praeter legem*, но не *contra legem*. В более общем плане Суд избегал толкований *contra legem*, которые представляли бы собой «искажение формулировок Конвенции».

Так, например, в постановлении по делу *Pretty v. the United Kingdom* Суд отказался расширить формулировку статьи 2 Конвенции о праве на жизнь таким образом, чтобы признать право на смерть. По этому поводу Суд постановил, что «статья 2 не может, без искажения формулировок, быть истолкована как предоставляющая диаметрально противоположное право (право на жизнь), а именно право на смерть; она также не может создавать право на самоопределение в смысле предоставления индивиду права на выбрать смерть, а не жизнь»³.

Заключение

Эволютивное толкование должно быть совместимо с объектом и целью Конвенции в целом, а также с положением, подлежащим толкованию в конкретном деле. Данное правило отражено в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных

¹ Дело, касающееся определенных аспектов законов об использовании языков в образовании в Бельгии (*Belgian Linguistic case*). Application No 1474/62, 1677/62, 1691/62, 1769/63, 1994/63, and 2126/64. 23 July 1968, para 4.

² Sicilianos L-A. Interpretation of the European Convention on Human Rights: Remarks on the Court's Approach. Seminar on: «The Contribution of the European Court of Human Rights to the Development of Public International Law» on the margins of the 59th CAHDI meeting in Prague. 23.09.2020. p. 4. URL: <https://rm.coe.int/interpretation-of-the-european-convention-on-human-rights-remarks-on-t/1680a05732> (дата обращения: 10.01.2024)

³ ECtHR, *Pretty v. the United Kingdom*, Application No 2346/02, Judgment (Merits) of 29 April 2002, para. 39.

договоров. Подрыв объекта и цели договора означал бы предательство намерений сторон и подрыв договорной системы. Эволютивное постановление также должно отражать «нынешние» условия, а не те, которые могут преобладать в будущем. Данное ограничение, по мнению Линос-Александр Сицилианос, представляет собой защиту от возможных излишеств этого метода интерпретации. В этой связи инструментом от злоупотреблений толкования выступает «европейский консенсус» и тенденции в законодательстве и/или практике договаривающихся государств в отношении выбранного толкования.

Эволютивное толкование представляет собой небольшую угрозу государственному суверенитету, чем другие формы толкования. Подход, принятый Страсбургским судом, является подходом, серьезно учитывающим намерение Договаривающихся Государств, изложенное в преамбуле Конвенции, что не только «признание», но и «дальнейшая реализация» прав человека и основных свобод возлагается на государства-члены, а следовательно, и на ЕСПЧ. В этой связи более убедительно принять моральные определения, сделанные ЕСПЧ, и признать, что (исторические) намерения составителей Конвенции в целом имеют и должны иметь лишь второстепенное отношение к нынешнему толкованию после установления соответствующих моральных принципов, лежащих в основе Конвенции.

Для выполнения своих функций Суд не может не применять эволютивное толкование, однако должен делать это разумно и последовательно. Более того, эволютивное толкование является законным, а его использование становится «необходимым для легитимности Суда», поскольку оно помогает добиться согласованности в вынесении судебных решений. В этой связи пределы эволютивного толкования для Суда, состоящего из судей из 46 государств, возможно сохранить, лишь основываясь на предыдущей прецедентной практике ЕСПЧ, консенсусе и свободе усмотрения.

References

- Andenas M. 2017. Sovereignty. In: Baudenbacher C. (ed.). *Fundamental Principles of the EEA – EEA-ities* Springer: 91-108. DOI:10.1007/978-3-319-45189-3_5.
- Dzehtsiarou K. 2015. *European Consensus and the Legitimacy of the European Court of Human Rights*. Cambridge, Cambridge University Press, 229 p.
- Finnis J. 2016. Judicial Law-Making and the Living Instrumentalisation of the ECHR. In: Lord Sumption and the Limits of the law. Edited by Nicholas Barber, Richard Ekins and Paul Yowell. Oxford; Portland, Oregon: Hart Publishing Ltd, 232 p.
- Gerards J. 2019. *General Principles of the European Convention on Human Rights*. Cambridge University Press. 274 p.
- Kleinlein T. 2017. Consensus and Contestability: The Esther and the Combined Potential of European Consensus and Procedural Rationality Control. *The European Journal of International Law*, 3: 871-893. <https://doi.org/10.1093/ejil/chx055>.
- Letsas G. 2013. The ECHR as a Living Instrument: Its Meaning and Legitimacy. In: Føllesdal A., Peters B. and Ulfstein G.(eds), *Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European, and Global Context*. Cambridge, Cambridge University Press: 106-141. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139169295.005>.
- Nussberger A. 2022. *The European Court of Human Rights*. Oxford University Press. 256 p.
- Pinto-Duschinsky M. 2011. *Bringing Rights Back Home: Making Human Rights Compatible with Parliamentary Democracy in the UK*. London, Policy Exchange, 84 p.
- Raab D. 2011. *Strasbourg in the Dock – Prisoner Voting, Human Rights & the Case for Democracy*. London, Civitas, 46 p.
- Sonnleitner L. 2019. The Democratic Legitimacy of Evolutive Interpretation by the European Court of Human Rights. *Temple International & Comparative Law Journal*, 33(2): 1730-1745.

- Sonnleitner L.A. 2022. *Constitutionalist Approach to the European Convention on Human Rights. The Legitimacy of Evolutive and Static Interpretation*. Bloomsbury Publishing, 224 p.
- Stone-Sweet A., Keller H. 2008. *Introduction: The Reception of the ECHR in National Legal Orders*. In: *A European system of rights: the impact of the ECHR on national legal system*. Oxford University Press, 852 p.
- Tripkovic B. 2022. *A New Philosophy for the Margin of Appreciation and European Consensus*. *Oxford Journal of Legal Studies*, 1: 207-234. DOI:10.1093/ojls/gqab031.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.12.2023
Поступила после рецензирования 25.01.2024
Принята к публикации 05.02.2024

Received December 15, 2023
Revised January 25, 2024
Accepted February 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оганесян Тигран Давидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия.

 [ORCID 0000-0001-8239-694X](https://orcid.org/0000-0001-8239-694X)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tigran D. Oganesyanyan, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

 [ORCID 0000-0001-8239-694X](https://orcid.org/0000-0001-8239-694X)

УДК 349.414

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-319-328

Земельный вопрос в советских Конституциях

Эйриян Г.Н.

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

eiryan_psu@mail.ru

Аннотация. Важной задачей науки земельного права является выявление закономерностей возникновения, функционирования и развития различных правовых явлений, охватываемых ею. В этой связи особое значение имеет анализ конституционных положений о земле, в концентрированном виде отражающих суть земельной политики государства на определенном этапе своего существования. В исследованиях по земельному праву анализ советских конституций проводится в целях изучения как динамики и тенденций развития земельного законодательства в целом, так и эволюции правового регулирования отдельных сфер земельных отношений. Вместе с тем, такие исследования не всегда сопряжены с должным вниманием к конкретно-историческим условиям становления соответствующего законодательства. Целью настоящей работы является установление факторов, предопределивших формирование и последующее развитие земельно-правовых норм советских Конституций, в контексте общей логики государственного строительства соответствующего исторического периода. Основу исследования составил историко-правовой метод, который позволил раскрыть политико-правовой смысл положений о земле в каждой из советских Конституций. В результате исследования был сделан вывод о том, что земельно-правовые нормы, закрепленные в советских Конституциях, являлись производными от политической обстановки и коррелировали с фазами государственного и социалистического строительства.

Ключевые слова: советские Конституции, земельная политика советского государства, социализация земли, национализация земли

Для цитирования: Эйриян Г.Н. 2024. Земельный вопрос в советских Конституциях. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(2): 319–328. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-319-328

Land Issue in the Soviet Constitutions

Gulnur N. Eyrian

Perm State University 15,

15 Bukireva St, Perm 614068, Russian Federation

eiryan_psu@mail.ru

Abstract. An important task of the land law science is to identify the patterns of the emergence, functioning and development of the various legal phenomena covered by it. In this regard the analysis of the constitutional provisions on land, which concisely reflect the essence of the State's land policy at a certain stage of its existence, is of particular importance. In studies on land law the analysis of Soviet constitutions is carried out to study both the dynamics and trends in the development of land legislation in general, and the evolution of the legal regulation of particular spheres of land relations. However, such studies do not always give due consideration to the specific historical context in which the relevant legislation is developed. The aim of this work is to identify the factors that determined the formation and subsequent development of the Soviet Constitutions' land law norms, in the context of the general logic of state-building of the relevant historical period. The study is based on a historical and legal method that

allowed to reveal the political and legal meaning of the provisions on land in each of the Soviet constitutions. The study concluded that the land law norms enshrined in the Soviet Constitutions were derived from the political situation and correlated with the phases of state and socialist construction.

Keywords: Soviet Constitutions, land policy of the Soviet state, land socialization, land nationalization

For citation: Eyrian G.N. 2024. Land Issue in the Soviet Constitutions. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 319–328 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-319-328

Введение

Современные исследования по земельному праву нередко включают анализ конституционных положений о земле советского периода. Как правило, указанные положения рассматриваются в сравнении с нормами действующей Конституции РФ, иными нормативными правовыми актами, что позволяет выявить динамику и основные тенденции развития законодательства о земле и иных природных ресурсах [Аверьянова, 2010]. Конституционные положения находят свое отражение и в работах, посвященных отдельным сферам природоресурсных отношений, в частности при рассмотрении эволюции отдельных правовых явлений. К примеру, Г.А. Волков на основе результатов ретроспективного анализа советского законодательства пришел к выводу о самостоятельности природоресурсных отраслей права, что проявляется, в частности, в преемственности земельного, водного, лесного, горного, фаунистического права Союза ССР [2018]. М.М. Бринчук, уделяющий в своих работах особое внимание конституционным положениям, сделал ряд принципиально важных выводов применительно к регулированию природоресурсных отношений. Например, им обоснован тезис о специальном правовом режиме природных ресурсов [2021]. С учетом конституционных положений о земле советского периода в литературе сделаны заслуживающие внимания выводы об экологической функции государства в современный период [Русин, 2012], разрешительном типе правового регулирования земельных отношений [Грыда, 2021], балансе публичных и частных интересов в сфере отношений по использованию земельных участков [Эйриян, 2021] и некоторые другие.

Вместе с тем в работах, связанных с анализом конституционных положений о земле советского периода, не всегда должное внимание уделяется конкретно-историческим условиям их формирования, что не позволяет в полной мере установить те факторы, которые повлекли соответствующие изменения в земельном законодательстве.

Целью исследования является выявление исторических причин и предпосылок, детерминировавших эволюцию земельно-правовых норм, включенных в Основной Закон советского государства.

Остановимся в первую очередь на аспектах наиболее принципиальных, позволяющих хотя бы пунктирно проследить логику упомянутой эволюции. Для того чтобы составить общее представление об исторически аспектах развития советских конституционных положений о земле, в рамках данной статьи автор проанализирует Конституцию РСФСР 1918 г.¹, а также Конституции СССР 1924 г.², 1936 г.³ 1977 г.⁴.

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена резолюцией II-го Съезда Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 2.

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 декабря.

⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

В процессе рассмотрения заявленной темы применялись методы общенаучные (метод формальной и диалектической логики; методы сравнения, описания, интерпретации) и частно-научные (формально-юридический, метод грамматического, исторического, систематического, логического и телеологического толкования правовых норм) методы познания.

Земельный вопрос в первых Конституциях РСФСР и СССР

Первая Конституция РСФСР была принята V Всероссийским съездом Советов в июле 1918 г. Появление этого документа де-факто подводило черту под первым этапом большевистского правотворчества, развернувшегося с октября 1917 г. Принятый в условиях разворачивающейся гражданской войны в России документ содержал основные нормы и принципы, которые должны были лечь в основу социалистического государства, строившегося большевиками. Необходимо отметить, что в 1917–1918 гг. земельный вопрос оставался одним из ключевых на повестке дня: если в 1917 году посредством принятия Декрета «О земле»¹ большевики стремились заручиться поддержкой крестьянского большинства, чьи симпатии находились на стороне социалистов-революционеров (эсеров), то принятый в феврале 1918 г. Декрет «О социализации земли»² развивал заложенный ранее правовой фундамент и конкретизировал положения, связанные с землепользованием, уравнивательным распределением земли и т. д.

Н.Н. Аверьянова по поводу указанных декретов пишет, что «именно большевики, первыми осознав важность вопроса, закрепили природоресурсные положения актами столь высокого уровня. Эти акты по природе регулируемых отношений в большей мере имеют конституционный, нежели отраслевой, характер» [2010]. А.П. Анисимов, А.И. Мелихов замечают: «Исходные установки Декрета "О земле" получили свое развитие в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой в январе 1918 г. III Всероссийским Съездом Советов и вошедшей затем в первую Конституцию РСФСР» [2009].

Земельно-правовые положения Конституции 1918 года все еще нацелены в первую очередь на крестьянство, несмотря на то, что советская земельная политика к лету 1918 г. начала ужесточаться по сравнению с обещаниями, декларируемыми во время прихода большевиков к власти. Классики науки советского конституционного права, анализируя первую российскую Конституцию и развивая ленинские постулаты, отмечали, что «в условиях России, с ее крепостническими пережитками, царизмом, сословностью, на пролетариат ложится особая миссия по руководству крестьянством, миссия освобождения крестьянина и от капиталистического, и от крепостнического гнета» [Кукушкин, Чистяков, 1987]. Не отрицая значимость крестьянского населения для раннего большевизма, напомним, что уже весной 1918 г. на фоне кризиса продовольственных заготовок ленинское правительство переходит к политике продовольственной диктатуры, создавая комитеты бедноты (комбеды) и решая тем самым задачи, связанные с обеспечением города, где концентрировался основной электорат большевизма. Верно было подчеркнуто В.В. Никулиным, что «до весны 1918 г. аграрная политика большевиков базировалась на реальной оценке экономических ожиданий крестьянства, что обеспечило им политическую лояльность крестьян» [Никулин, 2022]. Тем не менее в условиях внутригосударственной нестабильности и начала противостояния с белыми большевики делают ставку на мобилизацию своей социальной базы, отказываясь от проведения компромиссного курса в отношении крестьянства.

¹ Декрет «О земле» (принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917). СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3, 2-е изд.

² Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» (вместе с «Инструкцией для установления потребительно-трудовой нормы землепользования на землях сельско-хозяйственного значения»). СУ РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.

Преемственность положений Конституции 1918 г. в отношении Декретов «О земле» и «О социализации земли» прослеживается уже в первых статьях Основного Закона: п. «а» ст. 3 гласит, что «в осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется, и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования». Для земледельческого населения «идея поземельного равнения была столь справедлива и законна, что перед нею умолкали даже те его группы, которые теряли от ее осуществления. Так исторически был оправдан принцип Октябрьской революции – уничтожение частной собственности на землю» [Розенблюм, 1927, с. 360].

Помимо уже упомянутых нами аспектов, с позиций науки земельного права представляет интерес категория общенародного достояния¹, которая вводится большевиками, однако не детализируется. Следующее же положение (п. «б» ст. 3) добавляет смежную категорию национального достояния, которая также не раскрывается: «Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием». Принципиально то, что большевики не оперируют в приведенных нами фрагментах ст. 3 понятием «национализация земли», осознавая чуждость данного концепта крестьянству: исходя из логики политической целесообразности, большевики, уже вступившие в прямое противостояние с белыми, стремятся скрыть свои основные программные установки, откладывая их реализацию на время постконфликтного урегулирования.

Временность подобной политики отчасти проглядывает из текста ст. 9 Конституции 1918 г., в которой законодатель прямо указывает на «переходный момент», заявляя при этом об «установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства...» в качестве основной цели советской власти на текущий период.

Таким образом, можно заключить, что земельно-правовые положения Конституции 1918 г., носящие консенсусный по отношению к интересам крестьянства характер, не соответствуют изначальным программным целям большевизма и сформулированы подобным образом в первую очередь для удержания крестьянского большинства на своей стороне в условиях гражданской войны. При этом отсутствие четкой дефиниции таких категорий, как общенародное достояние и национальное достояние, дает законодателю простор для интерпретаций и возможность адаптировать правовой смысл, вкладываемый в понятия, под сиюминутные политические нужды.

В совсем иных условиях принималась Конституция 1924 года. Завершение гражданской войны в России в начале 1920-х гг. и образование СССР в декабре 1922 г. обусловили переход к новому этапу государственного строительства, требовавшего пересмотра правовых норм, ранее сформулированных для переходного периода. С точки зрения экономических реалий уместно вспомнить о том, что на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. было принято решение о переходе к новой экономической политике (НЭП), ставшей вынужденным ответом на недовольство населения политикой «военного коммунизма» и продрозверсткой в частности. Конституция 1924 года опирается на Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании СССР, ставшие ее первым и вторым разделами соответственно.

Конкретизации земельно-правовых норм в Основном Законе практически нет, что может объясняться тем, что незадолго до этого, в октябре 1922 г., постановлением ВЦИК, принятым на 4 сессии IX созыва, был введен в действие Земельный кодекс РСФСР (ЗК РСФСР 1922 г.)². Формирование советского отраслевого законодательства в 1920-е гг.

¹ Подробнее о соотношении понятий «достояние» и «собственность» см., например, [Бринчук, 2022; Эйриян, 2021].

² Постановление ВЦИК от 30.10.1922 (ред. от 27.12.1926) «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на 4 сессии IX созыва» (вместе с «Земельным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.

предопределило отсутствие необходимости повторять данные нормы в Конституции. Напомним, что ЗК РСФСР 1922 г. больше не оперирует понятиями «общенародное достояние» либо «национальное достояние»: ст. 2 ЗК РСФСР указывает на то, что «все земли в пределах Р.С.Ф.С.Р., в чьем бы ведении они ни состояли, составляют собственность рабоче-крестьянского государства». Основные положения ЗК РСФСР 1922 г. сводятся к закреплению государственной собственности на землю и установлению трудового землепользования как основной формы использования земель гражданами [Рыженков, 2014]. Категории общенародного и национального достояния исчезают и из Основного Закона, при этом законодатель в целом отказывается от идеи включения в Конституцию нормы-принципа в отношении собственности на землю, в том числе государственной.

Немногие положения Конституции СССР 1924 г., представляющие интерес для науки земельного права, сводятся к следующему.

Во-первых, в соответствии с п. «н» ст. 1 «установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами на всей территории Союза Советских Социалистических Республик» подлежат ведению самого СССР и его верховных органов, а не советским республикам. Также к ведению центра отнесено «общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда» (п. «о» ст. 1).

Во-вторых, существенно то, что в 1924 году не существует союзного народного комиссариата земледелия: согласно ст. 67 Конституции, народные комиссары земледелия включаются в состав республиканских Советов народных комиссаров (СНК). Ст. 51 и 52, представляющие перечень общесоюзных и объединенных народных комиссариатов не содержат пункта о народном комиссариате земледелия союзного уровня. Соответственно, можно предположить, что отказ от создания профильного земельного ведомства на высшем уровне свидетельствует не только о готовности делегировать на республиканский уровень полномочия по решению земельных вопросов, но и об отсутствии у центральной власти замысла переходить к централизованной политике в данной сфере. Несмотря на то, что в конце 1920-х гг. СССР возьмет курс на сплошную коллективизацию, во время принятия Конституции 1924 г. данная задача еще не числилась среди приоритетов советского руководства.

Подчеркнем, что отсутствие союзного народного комиссариата земледелия отражало принцип децентрализации земельного права, который Д.С. Розенблум комментировал следующим образом: «В высокой степени характерно для советского земельного права, что пространство его действия принципиально ограничивается пределами союзных республик, что каждая из последних имеет свой земельный кодекс, а Закавказская федерация – даже три, по числу входящих в нее республик: Азербайджана, Грузии и Армении. <...> По Конституции Союза и конституциям федераций не только каждая республика имеет свой особый народный комиссариат земледелия, но его имеет и каждая входящая в федерацию автономная республика» [Розенблум, 1927, с. 349, 350]. При этом в союзных республиках земельное законодательство «совершенно самостоятельно, так как народные комиссариаты земледелия являются необъединенными народными комиссариатами» [Розенблум, 1927, с. 350].

Децентрализация земельного права, отражая более широкий принцип самоопределения народностей, проявлялась и в иных сферах, в частности в отношениях по распределению земельных участков. Так, согласно ст. 3 ЗК РСФСР 1922 г. единый государственный земельный фонд находился в заведывании Народного Комиссариата Земледелия и его местных органов. В соответствии со ст. 157 ЗК РСФСР 1922 г. государственные земельные имущества состояли в общем заведывании и распоряжении Народного Комиссариата Земледелия и его органов и использовались ими либо в порядке непосредственного ведения хозяйства, либо путем предоставления их в пользование на

особых основаниях государственным и общественным организациям, учреждениям и предприятиям, а также отдельным лицам. В 1923 году в ЗК РСФСР 1922 г. были внесены изменения в целях приспособления его к особым условиям автономных социалистических советских республик и областей. В соответствии с Декретом ВЦИК от 29.03.1923 «Об изменениях Земельного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. для автономных социалистических советских республик и автономных областей»¹ части земельного фонда, расположенные в пределах автономных социалистических советских республик, находятся в ближайшем непосредственном заведывании народных комиссаров земледелия этих республик и их местных органов (ст. 1). Кроме того, для всех автономных республик и автономных областей вводилось правило: при установлении очередностей наделения землей различных землепользователей при прочих равных экономических условиях устраиваемых групп населения в первую очередь наделяется туземное трудовое население (ст. 3). В советской юридической литературе указанные выше положения рассматривали как проявление «принципа преимущественного права трудового населения не только союзных, но и автономных республик на находящийся в их пределах сельскохозяйственный фонд» [Розенблюм, 1927, с. 350].

Интересно отметить, что на момент принятия Конституции 1924 г. общие начала землеустройства и землепользования², которые должны были обеспечить централизованность народного хозяйства, изданы не были. В этой связи обращает на себя внимание п. «з» ст. 1, в соответствии с которой в компетенцию СССР входило «установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, определение отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение, заключение концессионных договоров как общесоюзных, так и от имени союзных республик». Данная норма обеспечивала организацию народного хозяйства на единой, разработанной центром, основе. Кроме того, общность земельного законодательства в отсутствие союзных основ обеспечивали земельные кодексы союзных республик, которые во-многом дублировали положения ЗК РСФСР 1922 г.

Земельный вопрос в «Конституции победившего социализма»

Земельно-правовые положения Конституции 1936 г. являются результатом политики коллективизации, проводившейся в 1920–1930-е гг. Изучению данного вопроса посвящены труды как советских специалистов в области колхозного права³, так и историков⁴. Не останавливаясь на основных аспектах данного комплекса преобразований, обратим внимание на те нормы, следующие из этого политического курса, что были включены в Конституцию. В основе всей хозяйственной системы лежит концепт социалистической собственности, который в соответствии со ст. 5 разделяется на государственную собственность, также именуемую всенародным достоянием, и кооперативно-колхозную собственность. Сразу можно обратить внимание на эволюцию категории «всенародное достояние», которая стала полностью синонимична государственной собственности, что принципиально отличает «Конституцию победившего социализма» от Конституции РСФСР 1918 г. Закрепление большевиками своих политических достижений и переход к качественно новому этапу отношений государства с крестьянством обусловили отказ от практиковавшегося ранее определения всенародного достояния в максимально расплывчатой форме. Сталинский курс 1930-х гг. более не предполагал консенсус с крестьянством на взаимовыгодных условиях,

¹ Декрет ВЦИК от 29.03.1923 «Об изменениях Земельного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. для автономных социалистических советских республик и автономных областей» // СУ РСФСР. 1923. № 26. Ст. 305.

² Общие начала землепользования и землеустройства (утв. Постановлением ЦИК СССР от 15.12.1928) // СЗ СССР. 1928. № 69. Ст. 642.

³ См., например: Аксененок Г.А., Григорьев В.К., Пятницкий П.П. Колхозное право. М., 1950. 296 с.

⁴ См., например: Зеленин И. Е. Совхозы в СССР. (1941-1950) / М., Наука, 1969. 344 с.

в результате чего власть прямо заявляет о своих претензиях, уравнивая категории всенародного достояния и государственной собственности. Эти рассуждения актуальны и в отношении собственности на землю: ст. 6 Конституции СССР 1936 г. прямо устанавливает, что «земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием». Коллективные же хозяйства получают землю лишь в пользование, пускай бесплатное и бессрочное, как гласит ст. 8 Конституции. При этом оговорено, что каждый колхозный двор имеет «в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом...» (ст. 7).

Таким образом, в соответствии с Основным Законом 1936 г. сосуществуют социалистическая система хозяйства (как следствие – социалистическая собственность, в ст. 131 также именуется общественной) и мелкое частное хозяйство (личная собственность). Понятием «частная собственность» законодатель не оперирует в принципе, обращаясь вместо него к «личной собственности» (ст. 10). Далее происходит разграничение двух форм собственности в рамках социалистической, о чем было сказано выше, причем кооперативно-колхозная собственность также подразделяется на собственность отдельных колхозов и собственность кооперативных объединений. Применительно же к земле прямо прописано, что она является государственной собственностью, колхозы не имеют права собственности на землю, претендуя лишь на право пользования. Что касается личной собственности, декларируется право на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, но не на землю. Все это демонстрирует законодательное оформление завершенности переходного периода, из чего проистекает закрепление всего земельного фонда за государством. Де-факто национализация земли, изначально значившаяся в качестве программной цели раннего большевизма, была реализована, а концепт социализации земли, позаимствованный у эсеров в первые годы советской власти, исчерпал себя и остался на бумаге в форме декларируемого «всенародного достояния».

Вместе с тем интерес представляет и эволюция органов государственной власти, ответственных за выработку и принятие решений в области земельной политики. В частности, если ранее нами отмечалось, что Конституция 1924 г. не предполагала существование союзного народного комиссариата земледелия, то в «сталинской Конституции» этому посвящена ст. 78, представляющая перечень союзно-республиканских народных комиссариатов, к числу которых относится теперь и народный комиссариат земледелия. В этой связи уместно вспомнить, что народный комиссариат земледелия СССР был образован в 1929 году с целью проведения единого курса в области земельной политики в контексте перехода к сплошной коллективизации. По сравнению с Конституцией 1924 г. изменилась и сфера ведения центра в данной области: в п. «с» ст. 14 к ведению СССР отнесено «установление основных начал землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами», в то время как аналогичный пункт Конституции 1924 г. предусматривал также и установление основных начал землеустройства.

Земельный вопрос в «Конституции развитого социализма»

Конституция 1977 г., принятая в условиях руководства страной Л.И. Брежневым, останавливается на земельном вопросе в главе № 2 «Экономическая система» и развивает положения, значившиеся в Основном Законе 1936 г. Все также экономическая система базируется на социалистической и личной собственности. Формами социалистической собственности, в соответствии со ст. 10, являются государственная и колхозно-

кооперативная, причем первая приравнена к общенародной, а вторая теряет свое разделение на два «подвида», фигурировавшие в Конституции 1936 г. Достояние теперь является «общим», а не «всенародным» (ст. 11), само понятие используется лишь применительно к государственной собственности. В отношении земли сохраняются базовые постулаты: земля находится в «исключительной собственности государства» (ст. 11), а колхозы получают землю в бессрочное пользование. В то же время есть и существенные изменения. Детализировано, что за гражданами закреплено лишь право пользования землей, причем уточнено, что только «для ведения подсобного хозяйства (включая содержание скота и птицы), садоводства и огородничества, а также для индивидуального жилищного строительства» (ст. 13). В той же статье закреплены принцип рационального использования земельного участка, а также запрет на извлечение нетрудовых доходов из личной собственности гражданина и ее использование в ущерб общественным интересам. Заметим, что аналогичная норма появляется и в отношении колхозов: «колхозы, как и другие землепользователи, обязаны эффективно использовать землю, бережно относиться к ней, повышать ее плодородие» (ст. 12), а государство, в свою очередь, осуществляет поддержку колхозов, способствуя развитию их собственности.

Наконец, значимым шагом вперед советского законодателя является ст. 18 Конституции 1977 г., следующая как логике развития природоохранного законодательства в послевоенном СССР¹, так и общим мировым тенденциям: «В интересах настоящих и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды». В данной статье нашли свое отражение принцип обеспечения рационального использования природных ресурсов и принцип предотвращения вреда окружающей среде. Кроме того, если ранее земельное законодательство советской власти во многом являлось производным от политических запросов, формируемых самим историческим моментом, то переход к признанию необходимости защитить окружающую среду и обеспечить рациональное использование земли в интересах будущих поколений является показательным проявлением более долгосрочного планирования.

Заключение

Земельный вопрос, являвшийся одним из ключевых во время принятия Конституции РСФСР 1918 г., изначально решался большевиками в соответствии с политической необходимостью, требующей от ленинского правительства обеспечить максимальную лояльность крестьянского большинства в отношении партии. После завершения гражданской войны в России, а также на фоне формирования отраслевого законодательства советская власть постепенно ужесточает свой подход в области земельной политики, переводя землю в разряд государственной собственности. Если в условиях проведения новой экономической политики, когда принималась Конституция 1924 г., земельный вопрос не являлся ключевым для законодателя, то в «Конституции победившего социализма» 1936 г. эта проблематика вновь стала одной из основных в контексте колхозного строительства. Именно в Основном Законе 1936 г. формулируются ключевые земельно-правовые положения, на основе которых советское государство просуществовало большую часть времени. К таковым положениям следует отнести разграничение социалистической и личной систем хозяйства, а также проистекающие из

¹ Как обоснованно замечает Г.А. Волков на содержании Конституции (Основного закона) 1977 г. несомненно отразились положения Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик 1968 г. и ЗК РСФСР 1970 г. в части целей и задач земельного законодательства [Волков, 2022].

них формы собственности: государственную, кооперативно-колхозную и личную. Вся земля находилась в исключительной собственности государства, что знаменовало собой реализацию начального плана большевиков по национализации земли. Параллельно с этим наблюдалась и трансформация концепта всенародного достояния, который стал синонимичен государственной собственности. «Конституция развитого социализма» 1977 г. добавила к уже сформированной системе норм принципы землепользования, перейдя от логики политической необходимости к долгосрочному планированию. Эта эволюция во многом объясняется самими особенностями советского государственного строительства, проходившего в довоенное время в постоянной спешке и стремлении решить все неотложные, по мнению государственного и партийного руководства, политические задачи.

Список литературы

- Аверьянова Н.Н. 2010. Развитие положений о земле и других природных ресурсах в конституционном законодательстве России. *Конституционное и муниципальное право*. 5: 44–46.
- Аксененок Г.А., Григорьев В.К., Пятницкий П.П. 1950. Колхозное право. М., Гос. изд-во юрид. лит. 296 с.
- Анисимов А.П., Мелихов А.И. 2009. Конституционно-правовое регулирование права частной собственности на земельные участки: монография. Волгоград, Мастер, 216 с.
- Бринчук М.М. 2021. Специальный правовой режим природных ресурсов: концепция природы как народного достояния. *Экологическое право*. 6: 3–10. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-6-3-10
- Бринчук М.М. 2022. Специальный правовой режим природных ресурсов: соотношение понятий «народное достояние» и «собственность». *Экологическое право*, 1: 3–9. DOI: 10.18572/1812-3775-2022-1-3-9.
- Волков Г.А. 2018. О методологии природоресурсных отраслей права. *Экологическое право*. 1: 3–12.
- Волков Г.А. 2022. Основные начала земельного права. *Экологическое право*, 1: 10–16. DOI: 10.18572/1812-3775-2022-1-10-16.
- Гряда Э.А. 2021. Особенности разрешительного типа правового регулирования земельных отношений. *Экологическое право*. 1: 8–13. DOI: 10.18572/1812-3775-2021-1-8-13
- Зеленин И. Е. Совхозы в СССР (1941–1950). М., Наука, 1969. 344 с.
- Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. 1987. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 367 с.
- Никулин В.В. 2022. Продовольственная политика Советской России и крестьянство: к проблеме возникновения и развития конфликта между властью и крестьянством (1918–1920). *Современная научная мысль*, 6: 101–108. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-101-108.
- Розенблюм Д.С. 1927. Земельное право. В кн.: Основы советского права. Под ред. Д. Магеровского. М., Л., Гос. изд-во. С. 347–419.
- Русин С.Н. 2012. Экологическая функция государства. Детерминанта развития. *Экологическое право*. 6: 9–14.
- Рыженков А.Я. 2014. Принципы современного земельного права: система и тенденции ее реформирования. *Российская юстиция*, 7: 6–9.
- Эйриян Г.Н. 2021. Сочетание интересов общества и частных интересов в регулировании использования земель. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 54: 699–721. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-699-721.

References

- Aver'yanova N.N. 2010. Development of provisions on land and other natural resources in the constitutional legislation of Russia. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 5: 44–46. (In Russian).
- Aksenenok G.A., Grigor'ev V.K., Pjatnickij P.P. 1950. Kolhoznoe pravo [Collective farm law]. M., Publ. Gos. izd. jurid. lit. 296 p.
- Anisimov A.P., Melihov A.I. 2009. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie prava chastnoj sobstvennosti na zemel'nye uchastki [Constitutional and legal regulation of the right of private ownership of land] Volgograd, Publ. Master, 216 p.
- Brinchuk M.M. 2021. The Special Legal Regime of Environmental Resources: The Concept of Nature as National Wealth. *Jekologicheskoe pravo*. 6: 3–10. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3775-2021-6-3-10

- Brinchuk M.M. 2022. The Special Legal Regime of Environmental Resources: The Correlation between the Concepts of «Public Domain» and «Property». *Jekologicheskoe pravo*. 1: 3–9. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3775-2022-1-3-9.
- Volkov G.A. 2018. On Methodology of the Natural Resources Law Branches. *Jekologicheskoe pravo*, 1: 3–12. (In Russian).
- Volkov G.A. 2022. The Key Origins of Land Law. *Jekologicheskoe pravo*. 1:10–16. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3775-2022-1-10-16.
- Gryada E.A. The Peculiarities of the Permitting Land Regulation Legal Regime. *Jekologicheskoe pravo*. 1: 8–13. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3775-2021-1-8-13
- Zelenin I. E. 1969. *Sovhozy v SSSR (1941-1950)* [State farms in the USSR (1941-1950)]. M., Publ. Nauka. 344 p.
- Kukushkin Ju.S., Chistjakov O.I. 1987. *Oчерк istorii Sovetskoj Konstitucii* [Essay on the history of the Soviet Constitution]. 2-e izd., dop. M., Politizdat. 367 p. (In Russian).
- Nikulin V.V. 2022. Food policy of Soviet Russia and peasantry: to the problem of the origin and development of the conflict between the power and the peasantry (1918–1920). *Sovremennaja nauchnaja mysl'*, 6: 101–108. (In Russian). DOI: 10.24412/2308-264X-2022-6-101-108
- Rozenbljum D.S. 1927. *Zemel'noe pravo* [Land law]. In: *Osnovy sovetskogo prava*. [Fundamentals of Soviet law]. Ed. by D. Magerovskij. M., L., Publ. State Publishing House: 347–419.
- Rusin S.N. 2012. Ecological function of the state. Determinant of the development. *Jekologicheskoe pravo*. 6: 9–14. (In Russian).
- Ryzhenkov A.Ja. 2014. *Principy sovremennogo zemel'nogo prava: sistema i tendencii ee reformirovanija* [Principles of modern land law: system and trends in its reform]. *Rossijskaja justicija*. 7: 6–9.
- Eyrian G.N. 2021. Public and Private Interests in Regulation of Land Use. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 54: 699–721. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2021 -54-699-721.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 21.12.2023

Поступила после рецензирования 26.01.2024

Принята к публикации 15.02.2024

Received December 21, 2023

Revised January 26, 2024

Accepted February 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Эйриян Гульнур Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gulnur N. Eyrian, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law, Perm State National Research University, Perm, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО. ПРАВСТВЕННОСТЬ HUMAN. CULTURE. SOCIETY. MORALITY

УДК 173.3; 124.5; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-329-338

Супружеские отношения в современной культуре: ценностный и правовой аспекты

¹ Золотухина-Аболина Е.В., ² Тюрин К.А.

¹ Южный федеральный университет

Россия, Ростовская область, Ростов-на-Дону, 344006, ул. Большая Садовая, зд. 105/42

² Южно-Российский гуманитарный институт

Россия, 344082, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. Красноармейская, д. 108/1

elena_zolotuhina@mail.ru; Kirillturin161@gmail.com

Аннотация. Цель работы – анализ противоречий культуры супружеских отношений в современном обществе. Исследование выполнено в русле методологии комплексного социокультурного подхода. Супружество рассматривается как основа коммуникативного опыта семейной жизни. Масштабная задача укрепления института семьи как традиционной духовно-нравственной основы российского общества наталкивается на противоречие нормативной составляющей брачных отношений мужчины и женщины и их ценностного аспекта. Автором раскрываются причины данного противоречия. Показано, что идеалы равенства и свободы самоопределения закладываются в массовые представления о том, что составляет содержание семейной жизни и ее ядра – союза мужчины и женщины. Ценностный аспект семейности и супружества в соответствии с неолиберальным феминистским дискурсом трактуется в категориях «гендерного партнерства». Дана критическая оценка перспективы проецирования идеологии и смыслов подобного партнерства на супружество, так как в его основе лежат не критерии нравственного совершенствования семейности, а личного успеха и самоутверждения.

Ключевые слова: семья, культура супружеских отношений, брак, право, ценность, самосознание, феминизм, гендер, партнерство, равенство

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е.В., Тюрин К.А. 2024. Супружеские отношения в современной культуре: ценностный и правовой аспекты. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 329–338. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-329-338

Marital Relations in Modern Culture: Value and Legal Aspects

¹ Elena V. Zolotukhina-Abolina, ² Kirill A. Tyurin

¹ South Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

² South Russian Institute for the Humanities

108/1 Krasnoarmeyskaya St, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation

elena_zolotuhina@mail.ru; Kirillturin161@gmail.com

Abstract. The aim of the article is to analyze the contradictions of the culture of marital relations in modern society. The study is based on the methodology of complex socio-cultural approach. Marriage is considered as the basis of communicative, ethical and aesthetic experience of family life. At present, the state has set a large-scale task of strengthening the institution of family as a traditional spiritual and moral basis of Russian society. Its solution is faced primarily with the contradiction of the institutional

framework of marriage relations between a man and a woman and their value aspect. The author reveals the main reasons for this contradiction. The ideals of equality and freedom of self-determination are embedded in mass perceptions of what constitutes the content of family life and its core - the union of a man and a woman. This happens at the level of upbringing and absorption by the younger generation of images cultivated in the mass media. The value aspect of family life and matrimony in accordance with the neoliberal feminist discourse is interpreted in the categories of "gender partnership". As a result of the research, the article critically assesses the prospects of projecting the ideology and meanings of such a partnership onto marriage, as it is based not on the criteria of moral perfection of family life, but on personal success and self-assertion.

Keywords: family, marital culture, marriage, law, value, self-consciousness, feminism, gender, partnership, equality

For citation: Zolotukhina-Abolina E.V., Tyurin K.A. 2024. Marital Relations in Modern Culture: Value and Legal Aspects. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 329–338 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-329-338

Введение

Сегодня в нашей стране развитие и всестороннее укрепление института семьи рассматривается как ключевое условие сохранения национальной культуры и обеспечения суверенитета общества и государства перед лицом различных внешних угроз. Именно в семье происходит формирование ценностной платформы индивидуального мировоззрения, его связи с приоритетами общественно-исторического развития в целом (их принятие или отталкивание). Поэтому интерес к семье со стороны власти и общества, равно как и со стороны гуманитарных наук, оправдан и актуален. Важно не просто заботиться о семье в материальном и правовом (политическом) смысле слова, не просто укреплять ее жизненную «инфраструктуру». Сегодня очевидной является проблема снижения культурного статуса и «ранга» семьи в массовом сознании, ориентированном на критерии личного жизненного успеха, карьерного или творческого роста, благополучия, гедонизма и комфорта. Можно ли решить данную проблему, оставаясь в пределах понимания семьи как института, нагруженного определенными функциями?

Как известно, 2024 год в нашей стране по решению главы государства объявлен годом семьи, а в Послании Федеральному Собранию РФ от 29 февраля 2024 г. Президент В.В. Путин предложил интегрировать различные усилия со стороны общества и государства по поддержке семьи, материнства, детства в единый новый национальный проект «семья» [Путин, 2024]. Важно, что речь идет не только о правовых формах укрепления, не только о мерах финансового, жилищного, социального обеспечения. Впервые на официальном уровне именно *ценностный аспект* семейной жизни провозглашен в качестве его главного измерения. С этим и связана *проблема*, составляющая предмет исследования предлагаемой статьи.

Обеспечиваемое современным социально ориентированным государством (и не только в нашей стране) *правовое* закрепление супружеских отношений устанавливает определенное *равенство* мужчины и женщины в качестве мужа и жены. Данное равенство маркирует статусно-ролевую нагрузку, систему взаимных прав и обязательств. В сознании широкого круга населения возникает абберрация: из внешнего условия развития семейной жизни (семейности) правовое обеспечение и сопровождение превращается в содержание внутрисемейных супружеских отношений. *Возникает противоречие между правовой и ценностной составляющими супружеских отношений* (и семейной жизни в целом). Именно оно во многом препятствует гармонизации внутрисемейной жизни. На уровне права и мужчина и женщина равны в качестве его субъектов (при прочих равных условиях), но отражает ли такое нормативное равенство ценностные градации в обществе и в сознании самих людей? Может ли современная женщина быть удовлетворенной собственной социально, юридически считываемой идентичностью на уровне семьи? Этот же вопрос можно адресовать и любому мужчине.

Супружеские отношения: право на равенство

Без вступления в близкие отношения мужчины и женщины очень трудно себе представить появление новой семьи. Для нуклеарной семьи – самой массовой в современном мире – отношения, возникающие вследствие правового института брака, вообще являются определяющими, базовыми (потому как прежние, сословные, общинные и иные структуры, утратили свою функциональность). Простое сожительство («рядом-жительство»), по меткому выражению И. А. Ильина [1996, с. 145]) мужчины и женщины в современных условиях еще не дает объективные основания для того, чтобы правовой статус каждого в отдельности как-то изменился. Если мужчина и женщина удовлетворены сожительством, значит ценности личного наслаждения и успеха неизмеримо выше ценностей классической семейности [Дифрейн, 2018]. И если с юридической точки зрения здесь особых проблем нет, то на уровне личного восприятия мужчины и женщины между добрачными связями и брачными есть существенная дистанция именно в плоскости ценностного значения таких отношений. Брак воспринимается в качестве определенного жизненного «порога», и далеко не всегда его оценка самим вступающим в него человеком зависит лишь от чувств и иных экзистенциально окрашенных мотивов. Дело не только в том, что брак может быть «по любви» и не «по любви». Наличие правового русла совместной жизни оказывается фактором, способным изменить ценностное восприятие брака супругами и ожидания/требования, возникающие в связи с наступлением нового правового статуса (в равной мере и мужчины и женщины по отношению друг к другу, а возможно и по отношению к другим родственникам) [Olson, 2018].

Можно по-разному интерпретировать близость представителей двух полов, делая акцент то ли на естественной природной составляющей брака, то ли на его социальной семантике, экономической и даже политической составляющей (напомним, что в классической философии возобладало понимание «нравственно-правовой природы» семейной жизни [Гегель, 1990, с. 210]). В современной социологии и юриспруденции брак как союз мужчины и женщины рассматривается как главная ступень в образовании новой семьи. Различные вариации неполной семьи рассматриваются нередко как аномалии и, в зависимости от того, на какой исходной теоретической и идеологической позиции находится познавательная модель семьи, данные аномалии то ли маркируют кризис традиционной семьи и семейных ценностей, то ли, напротив, статистически индицируют появление новых форм и типов семейной жизни [Тоффлер, 1999, с. 352; Гидденс, 2005, с. 156].

Подчеркнем, что сама тема правового статуса семьи, правового обеспечения равенства супругов звучит наиболее масштабно в рамках т. н. гендерных дискуссий, ссылающихся часто на ключевые идеи феминизма, а также модные на Западе практики создания нетрадиционных форм «новой семьи» [Дифрейн, 2018]. Тема правового равенства внутри семьи часто сопрягается с такими аспектами, как гражданские свободы личности, поиск идентичности (в том числе в сексуальной сфере [Гидденс, 2004, с. 202]), обеспечение комфортной психологической атмосферы жизнедеятельности и т. п. Супружеские отношения в их объективированной институциональной форме рассматриваются не как этап или путь к определенному *нравственному идеалу* личности, связанному фундаментальными ценностями и потребностями (любовь, взаимная помощь, бытийная творческая близость с другим, ценность и продолжение самой жизни и иное). Во главу угла ставится идея самоутверждения «я», обретения «подлинной» женской/мужской идентичности и ценность общественно предоставляемой площадки в виде института брака для реализации именно таких смыслов.

Супружество и семья: норма и ценность (институциональные реалии современной России)

В нашей стране основы правового статуса супругов как фундамента семейной жизни прописаны в *Семейном кодексе РФ*, нормы которого в последние годы были дополнены и уточнены с учетом требований самого общества по восстановлению и укреплению

традиционной ценностной платформы. Так, в частности, за пределы нормативного поля официально выведены однополые отношения, а также возможность установления родительских прав представителями одного пола, что отвечает исконной традиции семейного домостроительства прошлого, а также, что еще более важно, способствует укреплению нравственной составляющей жизни всего общества через формирование ценностных ориентиров подрастающего поколения.

Обращаясь к Семейному кодексу РФ, видим, что супружеские отношения позиционируются исходя из принципа равенства обоих супругов во всех основных сферах и вопросах совместной семейной жизни (в этом равенстве видится также и смысл брачного договора). В частности, статья 31 Семейного кодекса РФ гласит: «1. Каждый из супругов свободен в выборе рода занятий, профессии, мест пребывания и жительства. 2. Вопросы материнства, отцовства, воспитания, образования детей и другие вопросы жизни семьи решаются супругами совместно исходя из принципа равенства супругов. 3. Супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей» [Семейный Кодекс РФ, web]. Дальнейшее содержание данного официального документа регламентирует имущественные отношения между мужем и женой, также устанавливая их равенство как исходный принцип.

Прежде чем ответить на главный вопрос – способствует ли институциональное нормативное закрепление статуса супругов и их равенства формированию ценностной основы совместной жизни и, соответственно, несет ли правовая платформа сама по себе основы духовного здоровья семьи и общества, его суверенитета, – охарактеризуем ключевые особенности супружеских отношений, прописанные нормативно.

Во-первых очевидно, что сам термин «супружество» не имеет какого-то автономного содержания, собственного объема понятия, независимого от юридического или социологического. В повседневной жизни, в публичном коммуникативном пространстве, в нормативных документах и большинстве социально-психологических исследований семейной жизни содержание понятия «супружество» принимается «по умолчанию» как очевидное, известное и опирающееся в первую очередь на нормативный статус *брака*.

Во-вторых, отношения супругов нормативно представляются в качестве *ядра семейной жизни*. Вступление в общественно одобряемые и нормативно зафиксированные отношения мужчины и женщины является единственно возможным основанием появления в социуме его новой «ячейки» – новой семьи. Именно супружество создает основание для последующего развития семьи – появления детей и обретения мужем и женой социального статуса родителей.

В-третьих, на наш взгляд, основной аспект супружеских отношений, прописанный нормативно, и который одновременно является общественно (государственно) признаваемым *ценностным* измерением отношений между мужчиной и женщиной, вступивших в официальный брачный союз, – это *равенство* мужа и жены. Именно тезис о равенстве применительно к внутрисемейным отношениям является в современном обществе наиболее дискуссионным (как в контексте неолиберальных лозунгов «новой морали», так и в русле поиска оснований обновления консервативной стратегии социального строительства).

Наконец, в-четвертых, значимость семьи закрепляется на институциональном уровне не просто как красивая идея, лозунг или дань традиции. Определенное отношение к семье мужчины и женщины, вступающих в брачный союз, закрепляется в качестве *условия*, при котором нормативно созданная и функционирующая семья получит поддержку и всеобщее признание со стороны государства и иных публичных институтов. С точки зрения культуры семьи и эволюции традиционных семейных ценностей данный аспект можно рассматривать как проявление установки на *семьецентризм*.

Характерные для отечественного законодательства формы закрепления семейной жизни и самой семьи как социальной единицы, как субъекта правоотношений и хозяйствующей деятельности на фоне общемировых тенденций развития семейного законодательства и самой культуры семьи не являются каким-то радикальным исключением. Российскую и западную правовые платформы семейной жизни сближает: 1) признание огромной роли права как ключевого инструмента регуляции семейных отношений (внутрисемейных и внешних связей семьи с обществом и иными институтами); 2) полагание принципа равенства как исходного в правовом закреплении института семьи и каждого его члена в плоскости внутрисемейной коммуникации. А вот в толковании сущности равенства, а также границ применимости права в решении семейных споров и иных вопросов (например, воспитания) начинаются разночтения. Для современного западноевропейского сообщества характерна неолиберальная модель женского/мужского поведения и общения. Она тесно связана с общим постмодернистским пафосом сетевой культуры цифровой эпохи [Шляпников, 2023], с т. н. феминизмом (как общей установкой на поиск собственной «женской» идентичности, независимой от роли женщины в патриархальном и постиндустриальном обществе [Эллиот, 2001]) и различными концепциями «гендерной идентичности». Европейский юрицизм имеет ярко выраженный аксиологический нейтралитет.

Для отечественного правового регулирования семейной жизни и супружеских отношений в частности характерно, что право рассматривается как средство, как инструмент, способствующий возрождению системы традиционных семейных ценностей, но не детерминирующий его исчерпывающим образом. Восстановление традиционной ценностной основы семейности прямо отрицает ряд положений европейской модели, таких как ювенализм, признание официального статуса однополых семьи и возможности установления родительских прав представителями одного пола. Тем не менее и в российском обществе имеется ряд противоречий и проблем, разрешение которых должно способствовать укреплению внутренней опоры семейной жизни.

Равенство или партнёрство?

Тема отношений мужа и жены – одна из самых популярных в современном коммуникативном пространстве. Различные теоретические и обывательские вариации ее толкования наполняют сегодня и социальные сети, и страницы модных журналов, занимают немалую долю времени «прямых» эфиров и различных «ток-шоу», становятся сюжетами телевизионных сериалов. В массовой культуре интерес к личной жизни, к «закулисью», во многом удовлетворяет жажду интересного и подогревается самими СМИ, в том числе в виртуальном пространстве. Истории семейных пар и особенно их разрушений (например, тема супружеской измены) – один из самых привлекательных и ликвидных медийных «товаров», спрос на который аналогичен спросу на экстрим.

Хорошо это или плохо по отношению к современному российскому обществу, если учесть, что сама семья рассматривается на официальном уровне как важнейший носитель и ретранслятор фундаментальных ценностей государственного значения? Является ли такой повышенный интерес к семейной жизни отражением интереса к ценностям семейной жизни, к основам психоэмоциональной и душевной гармонии в отношениях между мужем и женой, между родителями и детьми (представителями разных поколений)? Если на эти вопросы отвечать с позиций либеральной феминистской идеологии, то подобный медийный «поворот к семье» подтверждает укрепление в общественном сознании, в культивируемых образах и клише идеологии *партнёрства*, которое, фактически, подменяет нравственное измерение семейности и ее традиционную семантику.

Современные тенденции развития отношения между мужчиной и женщиной отличаются явным стремлением придать им характер *публично рассказываемой истории*,

дополненной яркими фото- или видео иллюстрациями в аккаунтах. Причем, в таком стремлении преобладает отнюдь не нравственная составляющая, отнюдь не желание общественного суда или одобрения. *Демонстрируемая автобиография* имеет мало общего с опытом нравственного самосознания (если проецировать идеи классической философии на современный коммуникативный опыт в сетях). Публичная огласка семейных, супружеских «тайн» заключает в себе два момента: возникает эффект замещения (или компенсации) личной ответственности общественной оценкой, оправданием и, второе, самое главное, публикация *истории отношений* на самом деле исключает возможность *диалога* (возможность встречного вопроса) – общая особенность виртуальной коммуникации, когда другое «я» не наделено никакими моральными и уж тем более бытийными полномочиями (они просто редуцированы на уровень «комментария» и их критическая энергия почти равна нулю) [Щавлева, 2024]. Диалог исключается не только в отношении сторонних «читателей» (любопытно подглядывающих зрителей), но прежде всего в отношении самого партнера – мужа или жены, бывшего или настоящего. В такой демонстрируемой личной жизни всякое «личное» в действительности *сознательно обесценивается* с целью снижения морального «градуса» потребительского отношения к супружеству.

За этой тенденцией стоит отмеченное противоречие ценности и права. Статус малой семьи, опирающейся на связь мужа и жены, в рамках индустриальной культуры городского типа необходимым образом должен был получить правовое закрепление. Иначе такое миниатюрное «общество» не получило бы возможность быть *автономной* производственной и коммуникативной единицей. В таком институциональном закреплении сложившейся практики отношений мужа и жены уже содержалось их равенство, которое, независимо от культурных (идеологических, философских) оценок роли женщины в обществе, ее *освобождения от патриархата, но для работы* в системе массового производства, было столь же востребовано, как и сама форма брачного союза. В западном обществе связь создания супружеской пары с обретением равенства в правах женщины и мужчины стала обретать черты ценности, аккумулирующей в себе значимые смыслы не только в социально-экономической или сугубо юридической плоскости, но и *внутри* самой семейной жизни [Olson, 2018 et al.]. Вот в чем, по-видимому, состоит причина переноса идеи равенства на уровень личного самосознания супругов *друг по отношению к другу*.

В нашей стране в советское время в период активной урбанизации такое рассогласование первоначально практически минимизировалось вследствие подмены ценностей семейной жизни ценностями определенного уровня потребления, быта, городского комфорта и т. д. И сегодня моделирование повседневности часто доминирует над семейностью [Шарова, 2023]. Равенство рассматривалось как возможность равного доступа к определенным благам. Только смена нескольких поколений в совокупности с крушением прежнего социально-политического устройства в конце XX в. привела к тому, что обретенные родителями в свое время блага и предпочтения перестали рассматриваться как достижение, превратились в нечто такое, что уже не ассоциируется молодыми людьми с необходимостью обустройства именно семейного очага. Надо честно признать, что сегодня и в российском обществе популярны лозунги о «гендерном партнерстве», которые, что самое интересное, пытаются адаптировать к идее укрепления института семьи и ценности семейного образа жизни. Попытки извлечения из институционального режима равенства супругов в семье содержания отношений супругов как партнеров лишь усугубляют кризис ценностей семейной жизни.

Категория «партнерство», излюбленная во многих феминистских текстах современности [Римашевская и др., 2009; Захаров, 2007; Надолинская, 2008; Номеровская, 2015; Scott, 2001], вряд ли подходит для адекватного выражения состояния единства мужа и жены как состояния нравственного, чувственно-эмоционального, любовного (и сексуального). О партнерстве, безусловно, можно говорить в том случае, если речь идет

о сфере совместного бизнеса, какого-то творческого или научно-исследовательского проекта, о совместном авторстве или наличии общего делового контракта. И таких реальных семейных историй, когда муж и жена оказывались успешными партнёрами в искусстве или науке, известно немало. Но такое партнерство, в котором действительно супруги равны не только в своем правовом (брачном) статусе, но и в каких-то профессиональных успехах, может лишь дополнять семейную культуру, но не может ее подменять. *Семейность – это не атрибут партнерства.*

Посредством такого публично культивируемого образа партнера сегодня многие, особенно молодые, семейные пары (или только готовящиеся к вступлению в официальный союз) пытаются позиционировать собственную идентичность. И вот что важно: подобное «свободное» самоопределение мужчины или женщины как партнера, вступающего в *отношения* с другим (таким же партнером) отнюдь не ведет к зарождению собственной индивидуальной семантики *семейной пары* «муж + жена» (без которой смысл брака сводится к наличию всем известного «штампа»). Всякие нравственные критерии здесь исключаются и их место занимает один-единственный показатель – *«успех на личном фронте»* (а этот фронт может быть каким угодно – финансовым, чувственно-гедонистическим, просто игровым, состязательным и т. д.).

Если посмотреть на модные приемы коммуникации супругов или просто пар в качестве партнеров, то очевидно, что почти вся современная массовая культура, особенно ее медийная и сетевая составляющие, направлена на весьма однозначную *стилизацию* таких партнерских отношений. мода на стиль – характерная черта современности [Тоффлер, 2004]. Практически каждые юноша или девушка сегодня говорят о наличии в текущем или прошедшем времени определенных отношений с партнером. *Состоять в отношениях – это стильно.* И в таком качестве «гламурного» стиля жизни, выражающего индивидуальный «профиль», отношения явно далеки от какого-то нравственного измерения, а также от состояния и чувства глубокой и подлинной *любви*. Вряд будут прочными и долговечными партнерские отношения мужчины и женщины; вряд ли мужчина/женщина могут состоять в *партнёрских отношениях с любимым* человеком. Ибо подлинное человеческое чувство есть *опыт*. Любовь, дружба есть живой опыт. В этом опыте переплетаются борьба, обретения, потери, творчество и многое-многое другое. Характерная деталь современного молодежного коммуницирования: в случае разрушения связи с партнером принято говорить не об утрате любимого, близкого (другого человека), а об утрате отношений.

Гендерное партнерство и гендерные отношения как пропагандируемый формат новой семейной жизни и нового типа отношений между мужчиной и женщиной в конечном счете являются результатом трансляции идеологии равенства как культурной максимы позднего модерна и постмодерна. Кроме того, эти паттерны и форматы стали неизбежны в условиях эволюционирования городского типа малой семьи, статус и почва которой носят именно институциональный нормативный характер. «Борьба за равенство – это всегда борьба против семьи. Ведь семья отвечает за воспроизведение как внутренней, так и внешней асимметрии в отношениях» [Большц, 2014, с. 89]. Ценностный выбор не может быть осуществлен лишь внутри дихотомии равенства или партнерства.

При всем этом надо понимать, что простая отмена идеи равенства супругов или партнерского формата семейной связи сама по себе не приведёт к преодолению кризиса ценности семейной жизни. Союз мужчины и женщины как основа любой семьи должен уйти от равенства как предпосылки, а также от партнерства как идеала самовыражения. Культурные смыслы супружества и его ценность заключаются отнюдь не в стратегии самоутверждения, хотя и мужчина и женщина (она в еще большей степени в качестве матери) могут и часто реально рассматривают вступление в брак именно как определенный опыт самовыражения. Через вступление в брачный союз индивид получает исторически узаконенную возможность обретения особой формы собственного существования, закрепляющей индивидуальность как условие собственного общественного утверждения и признания. Достичь такой гармонии можно только в семье.

Заключение

Суть проблемы восстановления системы традиционных ценностей, прямо связанных с культурой семьи, лежит не в правовой плоскости. Отношения мужчины и женщины как основа любой семьи в своем эволюционировании, конечно, не могут оставаться абсолютно неизменными. Объективные условия существования современной городской семьи, связанной с общением и производством на новейших технологических площадках, неизбежно навязывают свои правила и нормы жизни. Возрождение ценностной основы супружества и семейности не должно увеличивать риски превращения этих ценностей в некий мираж. Любая ценность, и так исторически было всегда, вырастает на почве определенного коллективного или индивидуального опыта. Ее объективация и перевод в нормативное русло выступает итогом довольно высокого уровня *самосознания* общества. Реалии жизни современных супругов и семьи таковы, что именно правовые рамки и формы порой оказываются единственным универсальным средством разрешения внутрисемейных конфликтов. По-видимому, в обществе в целом должна быть переосмыслена безальтернативность правовой регуляции семейных отношений. В этом случае укрепление семейности будет связано с активизацией поиска иных оснований равенства супругов, не связанных с их нормативным статусом. Важно понять, что между равенством, прописанным в законе, и равенством, достигнутым в творческом совместном жизнестроительстве двух близких духовно, физически и эмоционально людей, огромная дистанция, имеющая свои следствия и в культуре в целом, и в личном опыте каждого.

Список литературы

- Большц Н. 2014. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. Пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 272 с.
- Гегель Г. В. Ф. 1990. Философия права. М.: Мысль, 524 с.
- Гидденс Э. 2005. Социология. При участии К. Бердсолл. Пер. с англ. 2-е изд. допол. и переработ. М.: Едиториал УРСС, 632 с.
- Гидденс Э. 2004. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 208 с.
- Дифрейн Д. 2018. Американская семья сегодня: парадокс трансформации семьи на фоне сохранения прежних семейных ценностей. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 18. №1. С. 73-87. Doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87
- Ильин И.А. 1996. Путь духовного обновления. *Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1*. М.: Русская книга, 39-282.
- Захаров С. В. 2007. Трансформация брачно-партнерских отношений в России. *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП, С. 76-79.
- Надолинская Л.Н. 2008. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства (Теоретические представления и реалии современной России). Автореф. ... дисс. доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 43 с.
- Номеровская А.Д. 2015. Исследование гендерной идентичности в философско-антропологической перспективе. Дисс. на соискание ученой степени канд. филос. наук. СПб: «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», 168 с.
- Эллиот П. 2001. Теории феминизма. *Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия*. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, С. 93-125.
- Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 05.03.2024).
- Римашевская Н.М. 2009. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования. Л.Г. Луныкова; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН; Науч. совет по проблемам гендерных отношений РАН. М.: Наука, 273 с.
- Паткуль А.Б. 2023. Интерсубъективность в контексте цифровой реальности: феноменологический подход. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. Т. 39. Вып. 4. С. 645–657. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.404>

- Скотт Дж. 2001. Гендер: полезная категория исторического анализа. *Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия*. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, С. 405–436.
- Тоффлер Э. 1999. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 784 с.
- Тоффлер Э. 2004. Шок будущего. М.: Издательство АСТ, 557 с.
- Шарова В.Л. 2023. Человек гуляющий: walkability как фактор производства городской повседневности. *Человек. Т. 34. Выпуск №5* С. 53–69 . URL: <https://chelovek-journal.ru/s023620070028502-9-1/>. DOI: 10.31857/S023620070028502-9
- Шляпников В. В. 2023. Некоторые проблемы этики данных и этики социальных сетей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. Т. 39. Вып. 3.* 504–513. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.308>
- Щавлева А.С. 2024. Феномен постчеловека в парадигме современной культуры. *Человек и культура. № 1.* С. 71–80. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.1.40684 EDN: WXBGAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40684
- Olson D.H., DeFrain J., Skogrand L. 2018. *Marriages and Families: Intimacy, Diversity, and Strengths*. New York: McGraw-Hill Higher Education, 608 p. (In English)

References

- Bol'ts N. 2014. Razmyshlenie o neravenstve. Anti-Russo [A reflection on inequality. Anti-Rousseau]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 272 p.
- Gegel' G. V. F. 1990. *Filosofiya prava* [Philosophy of law] Moscow: Mysl', 524 p.
- Giddens E. 2004. Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh [The Transformation of Intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies] St. Petersburg: Piter, 208 p.
- Giddens E. 2005. *Sotsiologiya* [Sociology] / Pri uchastii K. Berdsoill: Per. s angl. 2-e izd. dopol. i pererabot. Moscow: Editorial URSS, 632 p.
- Defrain J. 2018. The state of the american family: the paradox of how families and family values are changing while staying the same. *RUDN Journal of Sociology*. 1(18): 73–87. Doi: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87
- Il'in I. A. 1996. Put' dukhovnogo obnoveniya [A path of spiritual renewal] *Sobranie sochineniy: V 10 t. T. 1*. Moscow: Russkaya kniga, P. 39–282
- Zakharov S. V. 2007. Transformatsiya brachno-partnerskikh otnosheniy v Rossii [Transformation of marriage and partnership relations in Russia] *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*. Moscow: NISP, P. 76–79
- Nadolinskaya L. N. 2008. Konstruirovaniye gendernogo diskursa i strategii gendernogo partnerstva (Teoreticheskie predstavleniya i realii sovremennoy Rossii) [Constructing Gender Discourse and Strategies of Gender Partnership (Theoretical Representations and Realities of Modern Russia)] *Avtoref. ... diss. doktora filos. nauk*. Rostov-on-Don, 43 p.
- Nomerovskaya A. D. 2015. Issledovanie gendernoy identichnosti v filosofsko-antropologicheskoy perspective [Exploring gender identity from a philosophical and anthropological perspective] *Diss. na soiskanie uchenoy stepeni kand. filos. nauk*. St. Petersburg: «Sankt-Peterburgskiy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki», 168 p.
- Patritsiya Elliot. 2001. Teorii feminizma [Theories of feminism] *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya*. Kharkiv: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya, P. 93–125
- Poslanie Prezidenta RF V. V. Putina Federal'nomu Sobraniyu RF 29 fevralya 2024 goda [Message of the President of the Russian Federation V. V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation February 29, 2024] web
- Rimashevskaya N. M. i dr. 2009. Gendernye stereotipy v menyayushchemsya obshchestve: opyt kompleksnogo sotsial'nogo issledovaniya [Gender Stereotypes in a Changing Society: Experience of Complex Social Research]. Moscow: Nauka, 273 p.
- Patkul A. B. 2023. Intersubjectivity in the Context of Digital Reality: Phenomenological Approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 4 (39): 645–657. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.404> (In Russian)
- Skott Dzh. 2001. Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza [Gender: a useful category for historical analysis] *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Ch. II: Khrestomatiya*. Kharkiv: KhTsGI; St. Petersburg: Aleteyya, P. 405–436.

- Toffler E. 1999. *Tret'ya volna* [Third wave] Moscow: Izdatel'stvo ACT, 784 p.
- Toffler E. 2004. *Shok budushchego* [Future shock] Moscow: Izdatel'stvo ACT, 557 p.
- Sharova V. L. 2023. Person Walking: Walkability as a Factor of Production of Urban Everyday Life. *Chelovek*. 5(34): 53–69. DOI: 10.31857/S023620070028502-9
- Shlyapnikov V. V. 2023. Some Problems in Data Ethics and Social Media Ethics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 3(39): 504–513. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.308> (In Russian)
- Shhavleva A. S. 2024. Fenomen postcheloveka v paradigme sovremennoj kul'tury'. [The posthuman phenomenon in the paradigm of contemporary culture] *Chelovek i kul'tura*, 1 (2024): 71–80. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.1.40684 EDN: WXBGAS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40684 (In Russian)
- Olson D.H., DeFrain J., Skogrand L. 2018. *Marriages and Families: Intimacy, Diversity, and Strengths*. New York: McGraw-Hill Higher Education, 608 p. (In English)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 28.08.2023
Поступила после рецензирования 20.11.2023
Принята к публикации 30.05.2024

Received August 28, 2023
Revised November 20, 2023
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Золотухина-Аболина Елена Всеволодовна, доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Elena V. Zolotukhina-Abolina, Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Тюрин Кирилл Александрович, аспирант, Южно-Российский гуманитарный институт, Ростов-на-Дону, Россия.

Kirill A. Tyurin, Post-graduate student, South Russian Institute for the Humanities, Rostov-on-Don, Russia.

УДК 340

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-339-347

Год семьи – 2024 г. (к истории вопроса моделирования идеала семьи от теологии к философии права)

^{1,2} Лопин Р.А., ^{1,2} Почепцов С.С.

¹ Белгородская Православная Духовная семинария (с миссионерской направленностью)
Россия, 308009, г. Белгород, Белгородский пр-т, д. 75

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
lopin@bsu.edu.ru, pocheptsov@bsu.edu.ru

Аннотация. Ключевой на сегодняшний день вопрос о демографической ситуации в России приковал к себе внимание как со стороны государственных органов, так и общества в целом. Многочисленная сумма факторов вкупе с недостаточной социальной политикой в данном вопросе за последние три десятилетия привели к неутешительным выводам – население в стране стремительно сокращается. Рассматривая различные подходы к идеалу семейных отношений, авторы анализируют сложившиеся материалистический и православно-традиционалистский подходы к пониманию семейных отношениях. С опорой на правовые акты и научную литературу сделан вывод, что решение демографического кризиса, который является следствием разрушения института семьи, невозможно без традиционно-православного подхода в области брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: семья, брак, традиция, православная церковь, Россия, культура, государство

Для цитирования: Лопин Р.А., Почепцов С.С. 2024. Год семьи – 2024 г. (к истории вопроса моделирования идеала семьи от теологии к философии права). *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 339–347. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-339-347

Year of the Family 2024 (To the History of the Question of Modelling the Ideal of the Family from Theology to the Philosophy of Law)

^{1,2} Roman A. Lopin, ^{1,2} Sergey S. Pocheptsov

¹ Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary focus)
75 Belgorodskiy Av., Belgorod 308000, Russian Federation

² Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
lopin@bsu.edu.ru, pocheptsov@bsu.edu.ru

Abstract. The key issue of the demographic situation in Russia today has attracted the attention of both government agencies and society as a whole. A multitude of factors, coupled with insufficient social policy in this area over the past three decades, have led to disappointing conclusions - the population in the country is rapidly declining. While previously this problem could be masked by the unregulated flow of migrants, today, due to the growing conflicts on inter-ethnic grounds, especially among Central Asians, this mechanism should be recognised as a dead end. In this regard, society and the State are faced with the task of solving the demographic crisis, which can be overcome only by restoring the institution of traditional family relations – the traditional family. Considering various approaches to the ideal of family relations, the authors analyse the established "materialistic" and "orthodox-traditionalist" approaches to

understanding family relations. Based on legal acts and scientific literature, it is concluded that the solution to the demographic crisis, which is a consequence of the destruction of the institution of the family, and its restoration is impossible without the traditional Orthodox approach in the field of marriage and family relations.

Keywords: family, marriage, tradition, Orthodox Church, Russia, culture, state

For citation: Lopin R.A., Pocheptsov S.S. 2024. Year of the Family 2024 (To the History of the Question of Modelling the Ideal of the Family from Theology to the Philosophy of Law). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 339–347 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-339-347

Введение

2024 год в России был обозначен как Год семьи на основании Указа Президента РФ от 22 ноября 2023 г., № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи», как указано в нем, «в целях популяризации государственной политики в сфере защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей» [Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875]. В новейшей истории России это уже вторая попытка актуализировать проблему кризиса института семьи, брачных и межпоколенных отношений, демографии и др. вопросов, связанных с отсутствием исторического и культурного преемства семейных традиций. Последнее в свою очередь нашло отражение и во внесенных недавно поправках в Конституции Российской Федерации, затрагивающих тему семьи: ст. 67; ст. 72; ст. 114.

Предшествующий Год семьи – 2008 г. был первой попыткой в решении кризисной ситуации института семьи под воздействием разного рода не только краткосрочных, но и долгосрочных трансформаций в жизни российского общества, сложившихся на тот момент по прошествии почти столетнего отрезка новейшей истории. Не случайно Д.А. Медведев, будучи Президентом Российской Федерации в 2008 году, на заседании оргкомитета по проведению в России Года семьи подчеркивал: «Наша главная задача – вернуть российской семье тот авторитет, который она имела в начале прошлого века» [Медведев Д.А.: Необходимо вернуть российской семье...].

Идеал семьи: разность моделей

Сегодня по-прежнему актуальный вопрос сохранения и популяризации в обществе традиционного для России института семьи, нашедший отражение в Указе Президента Российской Федерации от 14-го июня 2007 г. за № 761 «О проведении в Российской Федерации Года семьи», стал приоритетным в государственной и общественной политике. Главной целью Года семьи в 2008 г., по утверждению Совета при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политики, являлось возрождение авторитета семьи в российском обществе. В свою очередь подобная инициатива не только дала определенный результат в активизации внимания общественного сознания к вопросам семьи и стимулировала ряд положительных действий со стороны государства в экономической, правовой, культурной (праздник День семьи, любви и верности, закреплен Указом Президента РФ от 28-го июня 2022 г. [Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875]) и др. сферах жизни семьи, ориентируясь на традиционные семейные ценности, отчасти решая проблемы как антагонизма в отношении традиционной модели семьи со стороны либерально ориентированной общественности, так и внешней экспансии антисемейных доктрин в социокультурное пространство России, но и обнажила накопившиеся проблемы в сфере семейной политики.

Более чем десятилетний опыт современной семейной политики обозначил и ту проблему, которая по праву должна занимать центральное место для преодоления тех сложностей, о которых говорилось выше, – проблему, обозначенную еще в 2008 г. и связанную с ориентированием на модель «авторитета» семьи – Идеала, к которому необходимо стремиться, идеала семьи, свойственного наследию России.

В истории разнообразие форм брачных отношений можно свести к двум моделям в понимании семьи (как брачного союза): «реалистического» ее понимания и «идеалистического» [Троицкий, 2015, с. 54]. Реалистическое понимание в большей степени основывается либо на натуралистическом ее начале, либо на экономическом, определяющем целесообразность существования семьи как вынужденного, продиктованного условиями союза. Идеалистическое, как правило, выражается в устремлении к какому-либо высокому идеалу в этой модели, основанному на духовно-культурных началах, определяющих этическую составляющую в ее жизни. И одна и вторая модели берут свое начало и определяют дальнейшее свое развитие в контексте той или иной религии (в большей мере) или идеологии (как правило, в современный период), совпадают с их аксиологической шкалой и выступают в ней как абсолютная ценность, принадлежа отдельным культурам, цивилизациям. Их трансформация непосредственно связана с общей трансформацией всего культурно-цивилизационного пространства, его кризисным состоянием.

В отечественной истории модель семьи, по своему характеру идеалистическая, обязана самобытности русской цивилизации. На протяжении столетий в русской культуре была сформирована модель семьи, отличительной чертой которой было постоянство (союз единобрачный, моногамный), где главной задачей являлось ее преображение, возвышение до уровня чистых взаимоотношений между супругами, что в свою очередь способствовало сохранению брака от чуждых ему эгалитарных проявлений. В этом раскрывается созидательная функция брака, семьи в отечественной традиции. Такая модель соответствовала не только принципам сотериологии, присущей русской духовной традиции, но и являлась созидательной для всего социума России, будучи основой хранения традиционной культуры, мировоззренческих принципов народа, устойчивой государственности на протяжении почти тысячелетней истории. Присущая этой модели идеалистическая идея брака, основанная на православном учении, стала началом представления о семье в отечественной культуре, в которой брак в идеале – это единение мужчины и женщины (в традиционном понимании и сегодня единство союза «мужа и жены», «мужчины и женщины» [Кружалова, Морозова, 2007, С. 11]).

Союз мужчины и женщины уже в первые века христианства определяется как союз священный, как Таинство. Семья в библейском контексте неотъемлема от акта Творения (происхождения) человека, христианской антропологии (Быт. 1. 27; Быт. 1. 28; Быт. 2. 24) [Основы социальной концепции..., 2001, с. 70] и понимания любви: «В любви человек видит другого человека так: это другой человек, но в то же время это я сам... “Любящий свою жену любит самого себя”» [Авдеенко, 2008, с. 56].

Любовь как высший идеал определяет вектор в жизни семьи – «Достигайте любви» (1 Кор. 14.1) – она создается/достигается. Высший Идеал Любви является и основой жертвенной любви супругов друг к другу – жизни ради другого. Союз мужчины и женщины в такой модели онтологически (Мф. 19. 5) воспринимается как одно целое (Быт. 2. 24), данность единства физического, душевного и духовного бытия, необходимого человеку (Быт. 2: 18, 20, 22) для осуществления своего предназначения, совершенствования и преображения, обретения вечности в сакральном смысле – бессмертия. Цель такой общности отражается в морально-практическом начале семьи. Семья – «сім, я» – «этим, я», «это, я», «я, есть» [Традиционная культура семьи России..., 2012, с. 46]. Всякое другое понимание предназначения семьи в христианском сознании веками воспринималось как профанация, а в ней унижение семьи, достоинства человека.

Традиционно в русской культуре «Любовь» ассоциируется с самыми высокими чувствами человека, только с чистыми, возвышенными помыслами по отношению к ее объекту. Святость подобных помыслов выступает причиной самопожертвования субъективного «я» ради «другого» – объекта любви. Ее высокий Идеал – залог правильного развития взаимоотношений между супругами и другими членами семьи,

симфонии их единства – счастья, которое не сиюминутно, а вечно. Любое принижение, опошление такого Идеала в семейных отношениях убивает саму любовь в них как таковую.

Таким образом, семья в отечественной традиции с момента ее формирования, который совпал с процессами этногенеза русского народа, культурогенеза русской культуры, государственного жизнестроительства в истории России, в опоре на православие понималась в контексте модели идеалистического брака в христианстве и находит отражение в истории отечественного семейного права, по своей сути неотъемлемого от истории канонического права Православной церкви [Лещенко, 2004, 23], фактически регламентирующего брачно-семейные отношения в России до отмены «церковного брака» декретом «О гражданском браке...» начала XX столетия.

Бесследно ушедшие архаизмы предхристианской истории славян, сегодня иногда реконструируемые и идеализируемые как этнокультурное наследие, не дают никакой возможности говорить о том, что в них (выраженных обычаями, порою имеющими характер законов – многоженство, похищение невест, их покупка и др.) [Шпилевский, 2023] можно найти какие-то положительные проявления, повлиявшие на традиционное «тысячелетнее» (к сегодняшнему дню) понимание брака в русской культуре, в современной культуре России. Напротив, идеалистическое представление о браке в христианстве в отечественной истории всегда было источником его «чистоты» [Гальковский, 2022, с. 150], несмотря на всевозможные культурно-идеологические влияния, да и сегодня остается достоянием русской культуры, исторически объединяющей многие народы России.

На вопросы – что стало причиной культурно-идеологических трансформаций института русской семьи? Что стало подрывом «авторитета» семьи к сегодняшнему дню? – можно ответить лишь с учетом исторических перемен, социально-политических изменений в общественном сознании в России за последнее столетие.

Безусловно то, что с 1917 г. началось планомерное, грандиозное разрушение всей русской, исторически сложившейся к тому времени государственности, культуры, всех основ и традиций жизнестроительства в православной России, веками сложившихся отношений между людьми, в том числе и семейных. П.А. Сорокин, будучи крупнейшим ученым, социологом XX столетия, указывал на колоссальное разрушительное воздействие революции на брачно-семейные отношения, на «деформацию половых рефлексов» [Сорокин, 2008, с. 115].

П.А. Сорокин достаточно внимательно исследовал деструктивность, которая свойственна состоявшимся революциям как за рубежом, так и в России. Говоря о революции в России 1917 г., П.А. Сорокин подчеркивает наличие правовых изменений в пользу «половой вольности», которая поощряется во всякой вариативности: от большевистской антисемейной риторики – «речевые рефлексы (речи, статьи, агитация, книги и т.д.) большевиков... вплоть до Луначарского и Ленина» [Сорокин, 2008, С. 117] – в которой брак, семья – это «буржуазное суеверие», «проявление “собственнических инстинктов” капитализма» [Сорокин, 2008, с. 117], до трансформации самого права в пользу безосновательного расторжения брака – «разводности», его кратковременности, бездетности. В общественной жизни того времени П.А. Сорокин отмечает половую распущенность, особенно среди молодежи, разгул и легализацию проституции, многоженство и многомужество, другие половые извращения [Сорокин, 2008]. Революция тем самым оказала колоссальное влияние на повышение смертности и колебания брачности, рождаемости [Сорокин, 2008, с. 180].

Сегодня о подобных разрушительных тенденциях можно найти множество исследований, документов, печатных источников советского периода, отражающих марксистско-ленинскую идеологию в большевистской семейной, сказать правильно, антисемейной политике. Много о «половой вольности» можно прочесть и у самих вождей

пролетариата, их соратников. Так К. Цеткин вспоминает следующие слова В.И. Ленина, раскрывающие его отношение к данному вопросу: «...В эту эпоху, когда рушатся могущественные государства, когда разрываются старые отношения господства, когда начинает гибнуть целый общественный мир, в эту эпоху чувствования отдельного человека быстро видоизменяются. Подхлестывающая жажда разнообразия в наслаждениях легко приобретает безудержную силу. Формы брака и общения полов в буржуазном смысле уже не дают удовлетворения. В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции» [Маркс, Энгельс, Ленин, 1987, С. 506]. И еще: «Сейчас все мысли рабочих должны быть направлены на пролетарскую революцию. Она создаст основу также и для действительного обновления условий брака и отношений между полами» [Маркс, Энгельс, Ленин, 1987, С. 506]. Из всей массы подобного материала ясно, что революционная жажда перемен разрушала Идеал семьи, свойственный вековой истории России, смещая политический вектор в вопросах семьи в пользу «реалистического» ее понимания.

Реалистическая концепция семьи как «материалистическая» сложилась в российской общественно-политической мысли в большей степени благодаря работам К. Маркса и Ф. Энгельса. Особую роль в данной идеологии занимает работа «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса – по сути своей новое историко-эволюционное видение, как антитеза традиционному, ставшее «научной основой» революционных преобразований. Материалистическое понимание сущности семьи, выработанное марксизмом, получило распространение с конца XIX столетия. В нем семья на протяжении всей истории связана с производством, является производительной силой как в экономическом, так и в репродуктивном смысле. На протяжении долгого времени эта идея звучала как в популярном, так и в научном дискурсе. В популярной форме, при любом повествовании о ранней истории человека, это излагалось подобным образом: «Уже в конце древнекаменного века первобытные люди объединялись в родовые общины, вместе охотились и жили первобытными коллективами < >. Охота была занятием мужчин. Так же как и приручение животных. Женщины собирали съедобные растения, готовили пищу, а в эпоху новокаменного века занимались мотыжным земледелием, изготовлением глиняной посуды. Счет родства в такой общине сначала велся по материнской линии. С возрастанием роли скотоводства, которое было мужским занятием, усиливается значение мужчин. Появляется патриархальная семья со счетом родства по отцу. Семьи и роды объединяются в племена» [Богданова, Лобода, 1965, с. 10]. В качестве научного реконструирования в контексте материалистической истории происхождения семьи можно привести небольшой отрывок из работы «этнографа-марксиста» А.М. Золотарева: «Первоначальный строй общества характеризуется отсутствием всяких брачных запретов, отсутствием парной или моногамной семьи, вытекающей отсюда непрочностью брачных связей, говоря иначе, неупорядоченным общением полов (промиокуитетом). Поведение человека не связано ни брачными запретами, ни семейным ограничением. Единственной уздой, наложенной на него, являются общественные связи» [Золотарев, 1964, с. 41].

Понятно, что такое видение даже не предполагает идеализирования, возвышения, сакрализации семейных ценностей, что свойственно идеалистической ее модели. Отвергалась, как и любая, сама семейная традиция. К. Марксу принадлежат следующие слова: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» [Маркс, Энгельс, Ленин, 1987, с. 13]. В перспективе «совершенствование» брака по Ф. Энгельсу напрямую связано с либерализацией социума как фактора влияния на свободу в браке (разрушение ранее сложившихся «табу», традиций или законов), будущее брака со свободой в браке, граничащей с безбрачием [Традиционная культура семьи России, 2012, с. 223].

Юрист, правовед П.В. Крашенинников отмечает тот факт, что разрушение семьи непосредственно связано с разрушением духовных основ в жизни российского общества,

присутствия в ней Церкви, что в свою очередь привело к «моральной», равно культурной катастрофе [Крашенинников, 2024, с. 108], разрыву с культурно-историческим прошлым российского государства через декрет «Об отмене наследования», принятый в 1918 г. на основании «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса «на “до” и “после”, возводя непреодолимую стену между “мрачным прошлым” царской России и “светлым социалистическим” настоящим, а потом коммунистическим будущим» [Крашенинников, 2024, с. 121].

Семьдесят четыре года в социокультурном пространстве России советского периода доминировала материалистическая модель брака (социалистический брак), которая была закреплена на основании Декрета ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния», «О расторжении брака» (1917 г.), первого семейного Кодекса РСФСР – «Кодекса законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве» (1918 г.). Особенностью такой модели было: признание советского брака «свободным союзом», зарегистрированным государственным органом (ЗАГСом); свобода в расторжении брака; свобода от влияния церкви – «гражданский брак»; «социалистическая моногамия», запрещающая многоженство; равноправие супругов как способ нивелирования иерархического построения в традиционной семье, уравнивающей внебрачных детей с детьми, рожденными в браке [Семья. Социально-психологические..., 1989, с. 39].

При этом в разные периоды советской истории, особенно в созидательные, с точки зрения сохранения Советским Союзом цивилизационного суверенитета, торжества Победы и попытки сохранения исторической самобытности, обращение к семейной традиции в целях исправления демографической ситуации все же осуществлялось. В конечном итоге, благодаря правовому акту 1968 г. «Основы законодательства СССР и союзных республик о браке и семье», который ставил следующие задачи (Ст. 1) перед строителями советской семьи: «дальнейшее укрепление советской семьи, основанной на коммунистической морали»; «построение семейных отношений на добровольном брачном союзе мужчины и женщины на свободных от материальных счетов чувствах взаимной любви, дружбы и уважения всех членов семьи»; «воспитание семьей детей в органическом сочетании с общественным воспитанием в духе преданности Родине, коммунистического отношения к труду и подготовка детей к активному участию в строительстве коммунистического общества»; «всемерная охрана интересов матери и детей и обеспечение счастливого детства каждому ребенку»; «окончательное устранение вредных пережитков и обычаев прошлого в семейных отношениях»; «воспитание чувства ответственности перед семьей» [Семья. Социально-психологические..., 1989, С. 42] – советская семья приобрела (невзирая на поправки и добавления) свой окончательный вид, вид уже «идеалистической» советской модели. Именно эта модель защищается и пропагандируется сторонниками идеализации советского прошлого сегодня. Таким образом осуществлялись попытки реанимации, хотя и в новой редакции социалистического брака, исторически сложившихся ориентиров на традиционные семейные ценности, хотя при этом антитрадиционность по отношению к духовно-историческому наследию в понимании семьи оставалась в качестве фона социалистических достижений.

В конечном итоге к испытаниям XXI в. российская семья приближалась, существуя в двух координатах наследования, являясь одновременно наследницей двух разных по сути систем нравственных ценностей: веками оправданной традиционной (православной, религиозной) и принадлежащей десятилетиям советской идеологии (коммунистической, атеистической). Здесь нужно еще раз сказать и о том, что в «традиционной системе» статус семьи всегда был очень высок. Он был выражением ее идеализации и передавался из поколения в поколение в русском народе, не смотря на всевозможные метаморфозы XX-го в. Это всегда помогало российскому обществу создавать и крепкие многодетные

семьи. Что касается «советской системы», то в ней, как уже было сказано, традиционная семья была объявлена «пережитком прошлого», и это в значительной степени подрывало ее исторически сложившиеся устои на протяжении всего времени доминанты этой системы.

Уже в 90-е годы XX в. с крушением СССР российская семья в условиях еще более сложной ситуации, связанной с внешней чужеродной деструктивной экспансией по отношению к любому проявлению традиции и культурно-исторического суверенитета, оказалась в условии сниженного собственного иммунитета. Это в свою очередь оказало значительное влияние на всестороннюю трансформацию, направленную на окончательное разрушение семейных ценностей в постсоветской России.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29-го декабря 1995 г. за № 223-ФЗ (к сегодняшнему дню претерпевший ряд в большей мере положительных изменений) первоначально в своей редакции в большей степени был ориентирован на изменения, диктуемые внешними факторами, влияющими на изменения самой правовой базы Российской Федерации в контексте «демократических» преобразований, расширяющих договорные начала в семейном праве, по преимуществу затрагивающих регулирование имущественных отношений. Он не имел таких понятий как «семья», «брак» и др., казалось бы, свойственных семейному праву, и не имел в традиционном их понимании в условиях плюралистической доминанты в отношении семьи их юридического значения. Более того, в данный период была обозначена дистанция от всякого «единого представления о браке» [Кружалова, Морозова, 2007, с. 11] и этической его оценки (возможна только сугубо личная, каждой парой оценка) как посягательства на свободу. В перспективе такого отношения к браку в семейной политике брак получал возможность самостоятельного моделирования самими вступающими в брачные отношения, «даже между лицами одного пола» [Кружалова, Морозова, 2007, с. 12]. Проводилась политика, обусловленная деятельностью всевозможных враждебных России сил, декларирующих «постулат о равноправии всех типов семей» [Кружалова, Морозова, 2007, с. 12], благодаря чему в России утвердились разные формы построения семьи: гражданский брак, сожительство, гостевой брак, законный брак (не только зарегистрированный, но и венчаный) и др. Безусловно и то, что с 90-х годов XX в. в целом негативные духовно-нравственные процессы в российском обществе обусловили и процессы разрушения основ института семьи в его исторической преемственности. Эти процессы во многом совпадают с общемировыми сложностями глобального нивелирования традиции, идеала, истины в «идеофобии», которая понимается как страх перед своим, ненависть своего – к собственной культуре, истории, религии, народу [Поппель, 2016].

В условиях внешних разрушительных антисемейных тенденций в плюрализме в отношении семьи в российском обществе по-прежнему размывался, да и сейчас размывается, ее идеал во множестве новоделов-концептов религиозного, философского, культурологического, психологического, социологического и др. содержания. Отдельные из них явно диаметрально противоположны культурно-исторической семейной традиции, другие на нее могут быть ориентированы.

В данных условиях отсутствие общепринятых духовных оснований брака, его высокого Идеала, стремление к которому на протяжении всей истории определяло институт семьи как центральную аксиологическую категорию в русской культуре, искажило все эмоционально-смысловое устройство современной семейной жизни. Сам кризис современной российской семьи порожден доминантой безнравственности, пошлости, сексуальной распущенности, которые на протяжении особенно последних десятилетий насаждаются в виде допустимых установок в социокультурной среде, что делает невозможным устойчивость супружеского союза для многих людей, в свою очередь создавая предпосылки и демографического кризиса. Не случайно основными причинами кризиса современной семьи являются супружеская неверность, легкомыслие, утрата начального смысла в понятии «любовь», эгоцентризм в супружеских отношениях.

В современном кризисе семьи существует реальная опасность утраты духовно-здоровой и даже сегодня еще сильной семейной традиции, а вместе с нею и понимания таких явлений русской культуры, напрямую связанных с семьей, как отчий дом и Отечество; традиционная схема родства: кровного, духовного, по усыновлению, физического; традиция имянаречения; половое воспитание: в юноше – мужественности, в девушке – женственности; сотериологическое понимание любви, брака; родительское благословение; Таинство Венчания; семейное счастье; родительство: отцовство, материнство; семейная традиция; семейные предания, добродетели; святые покровители и др.

Заключение

Сегодня в очередной раз, уже второй в новейшей истории, формирование созидательного вектора в семейной политике, обращение к пониманию семьи как ценностному ориентиру своевременно и необходимо. Оно может способствовать обеспечению продолжения духовно-национальной консолидации вокруг идеи семьи как к фундаментальной ценности для России, важной для каждого человека, стремящегося к созидательному началу своего бытия, созидательному участию в истории своей страны, своего народа. Год семьи в 2024 г. – это возможность современного моделирования Идеала семьи, и по сегодняшней день находящегося в неустойчивом, порою аморфном состоянии, благодаря утрате с времен революционных преобразований единой устойчивой линии в восприятии исторически сложившейся семейной традиции, сегодня по-разному истолковываемой. Этому могут способствовать Конституционные положения о историческом преемстве Россией прошлого (Ст. 67 Конституции РФ), современные Конституционные поправки, ориентированные на собственное культурно-цивилизационное наследие в формировании суверенного пространства России [Конституция РФ], в котором традиционно семья является нравственно духовной твердыней Отечества и первоосновой Родины.

Список источников

- Конституция Российской Федерации (с гимном России). 2023. М., Проспект, 64 с.
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 2001. М., Московский Патриархат. Священный Синод Русской Православной Церкви. Отдел внешних церковных связей, 128 с.
- Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 19.03.2024)
- Авдеенко Е.А. 2008. Как правильно выйти замуж. М., Русский хронограф, 142 с.
- Богданова Н.А., Лобода И.И. 1965. Бахчисарайский историко-археологический музей. Чуфут-Кале. Симферополь, Издательство «Крым», 112 с.
- Кружалова Л.В., Морозова И.Г. 2007. Справочник юриста по семейному праву. СПб., Питер, 240 с.
- Маркс К., Энгельс Ф., Ленн В.И. 1987. Афоризмы, изречения. М., Политиздат, 541 с.
- Семья. Социально-психологические и этические проблемы: Справочник. 1989. Под ред. В.И. Зацепина (рук. авт. кол.), Л.М. Бучинская, И.Н. Гавриленко и др. Киев, Политиздат Украины, 255 с.
- Медведев Д.А.: Необходимо вернуть российской семье тот авторитет, который она имела в начале прошлого века. URL: <https://www.yuga.ru/news/103401/> (дата обращения: 19.03.2024)
- Традиционная культура семьи России (учебное пособие). 2012. Авт.-сост. Р.А. Лопин; под общ. ред. В.В. Овчинникова. Белгород, КОНСТАНТА, 240 с.

Список литературы

- Гальковский Н.М. 2022. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., Вече, 384 с.
- Золотарев А.М. 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М., Наука, 330 с.
- Крашенинников П.В. 2024. Всадники Апокалипсиса. Государство и право Советской России 1917-1922 гг. М., Эксмо, 368 с.
- Лещенко В.Ю. 2004. Русская семья (XI-XIX вв.). СПб., СПГУТД, 608 с.

- Поппель П. 2016. Притеснение христиан в Европейском Союзе. В кн.: Гонения на христиан в современном мире: геополитический аспект. М., РИСИ: 66-74.
- Сорокин П.А. 2008. Социология революции. М., Астрель, 784 с.
- Троицкий С.В. 2015. Христианская философия брака. М., ФИВ, 304 с.
- Шпилевский С.М. 2023. Семья у славян и германцев. М., Вече, 352 с.

References

- Gal'kovskiy N.M. 2022. Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevney Rusi [The struggle of Christianity against the remnants of paganism in Ancient Rus']. Moscow, Publ. Veche, 384 p.
- Zolotarev A.M. 1964. Rodovoy stroy i pervobytnaya mifologiya [Tribal system and primitive mythology]. Moscow, Publ. Nauka, 330 p.
- Krashennnikov P.V. 2024. Vsadniki Apokalipsisa. Gosudarstvo i pravo Sovetskoy Rossii 1917-1922 gg. [Horsemen of the Apocalypse. State and law of Soviet Russia 1917-1922]. Moscow, Publ. Eksmo, 368 p.
- Leshchenko V.YU. 2004. Russkaya sem'ya (XI-XIX vv.): Monografiya [Russian family (XI-XIX centuries)]. St. Petersburg, Publ. SPGUTD, 608 p.
- Poppel' P. 2016. Pritseneniye khristian v Yevropeyskom Soyuze [Oppression of Christians in the European Union]. In Goneniya na khristian v sovremennom mire: geopoliticheskiy aspekt [Persecution of Christians in the modern world: geopolitical aspect]. Moscow, Publ. RISI: 66-74.
- Sorokin P.A. 2008. Sotsiologiya revolyutsii [Sociology of revolution]. Moscow, Publ. Astrel', 784 p.
- Troitskiy S.V. 2015. Khristianskaya filosofiya braka [Christian Philosophy of Marriage]. Moscow, Publ. FIV, 304 p.
- Shpilevskiy S.M. 2023. Sem'ya u slavyan i germantsev [Family among the Slavs and Germans]. Moscow, Publ. Veche, 352 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 07.08.2023
Поступила после рецензирования 07.11.2023
Принята к публикации 30.05.2024

Received August 07, 2023
Revised November 07, 2023
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лопин Роман Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры миссиологии, Белгородская Православная Духовная семинария; доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Roman A. Lopin, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Department of Missiology, Belgorod Orthodox Theological Seminary, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Почепцов Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Белгородская Православная Духовная семинария; доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Sergey S. Pocheptsov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Belgorod Orthodox Theological Seminary, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 168.522

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-348-356

Зарождение ориенталистского дискурса русофобии

Монина Н.П.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

monijulia@yandex.ru

Аннотация. Русофобская идеология, определяющая сегодняшнюю политику Запада по отношению к России, имеет длительную историю и является сложным феноменом. Несмотря на значительное количество публикаций, посвященных данной теме, отдельного исследования, отражающего восприятие Западом России как части восточной ойкумены, варварского мира, не проводилось. Целью данного исследования является выявление истоков ориенталистского дискурса русофобии. В данной работе освещены религиозные и исторические факторы, послужившие основой для ориентализации образа России европейским сознанием. Последствием исключения России из единого европейского христианского мира и отнесение ее к Востоку становится трансформации ее восприятия: Россия с конца XV века начинает трактоваться не просто как Другой, а как Чужой. Полученные результаты дополняют имеющиеся исследования по русофобии и расширяют спектр исследовательских направлений данного феномена.

Ключевые слова: русофобия, Россия, Европа, Запад, ориенталистский дискурс, Восток, Другой, Чужой, варвар, цивилизация

Для цитирования: Монина Н.П. 2024. Зарождение ориенталистского дискурса русофобии. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 348–356. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-348-356

The Origin of the Orientalist Discourse of Russophobia

Natalya P. Monina

Dostoevsky Omsk State University
55-A Mira Prospect, Omsk 644077, Russian Federation

monijulia@yandex.ru

Abstract. The Russophobic ideology articulated by many Western countries today actualizes the question of the essence and origins of this phenomenon. This topic becomes an object of study for representatives of the humanities. Due to the fact that Russophobia has not been sufficiently studied, the problem in this formulation has not received sufficient coverage in the scientific literature. The purpose of this study is to identify the origins of the orientalist discourse of Russophobia. As a result of the study, the factors that contributed to the West's perception of Russia as part of the eastern ecumene, the barbaric world, were identified. Having been baptized by Byzantium, Russia begins to be characterized in the minds of Europeans as a country of schismatics and apostates and, consequently, is being pushed beyond the borders of Europe. Historical factors, primarily related to long-term dependence on the Horde, also contributed to the orientalization of the image of Russia in the European consciousness. The displacement of Russia from the single European Christian space and its localization in the East leads to a transformation of its perception. If until the middle of the XV century Russia was perceived by the West as Different, then by the end of the XV century it was treated as a Stranger. The results obtained complement the existing research on Russophobia and expand the range of research areas of this phenomenon.

Keywords: Russophobia, Russia, Europe, West, orientalist discourse, East, Different, Stranger, barbarian, civilization

For citation: Monina N.P. 2024. The Origin of the Orientalist Discourse of Russophobia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 348–356 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-348-356

Введение

Самосознание и самоидентификация любой цивилизации строится на фундаменте сравнения себя с Иным, Другим, а познание ею себя происходит в горизонте со-бытия-с-другими. Изначально западноевропейское и восточноевропейское пространства принадлежали к целостному *Corpus Christianum*, христианскому миру, но последующая Великая схизма положила конец христианскому единству. Как верно замечает А. Джаннотти, «разделение церкви на римско-католическую на Западе и православную на Востоке предопределило два отдельных пути развития не только религиозного, но социального и правового» [Джаннотти, 2021, с. 163], что в итоге способствовало разным вариантам оформления цивилизационной и аксиологической матрицы. Обусловленный этим фактом взаимный познавательный интерес и особые отношения в системе межкультурной коммуникации формируют дихотомию Европа – Россия. В данном контексте можно сказать, что Европа (шире – Запад) и Россия являются друг для друга Другими, через попытку понимания которых выстраивается и трактуется собственная идентичность. При этом следует отметить, что история их взаимоотношений в различные исторические периоды складывалась по-разному. Однако тема Европы становится одной из доминирующих в русской общественно-философской мысли, а осмысление России занимает важное место в интеллектуальной жизни Запада, что обуславливается среди прочего и внутренней европейской и российской дискурсивной практикой. Мыслители с обеих сторон фиксируют существующие различия и противоречия двух цивилизаций, выявляя их истоки и просчитывая последствия.

Скрытый антагонизм русской и западной цивилизаций, перманентно проявляющийся в обострении конфликтных противоречий, сегодня взорвался открытым противостоянием между Россией и коалицией европейских стран во главе с США, вызванным конфликтом на Украине. Специальная военная операция, поставившая целью демилитаризацию и денацификацию Украины, обнажила давно, казалось бы, забытые идеологические штампы и образы, бытовавшие в западной культуре в отношении России. Речь идет в том числе и о множественных проявлениях русофобии.

Традиционно считается, что сам термин «руссофобия» вводится в оборот в XIX веке Ф.И. Тютчевым в одном из его писем, однако как явление руссофобия возникает задолго до его терминологического оформления. В данном контексте она трактуется как некий механизм конкурентной борьбы, отражающий архетипические установки западной культурной традиции. Вопрос о том, является ли Россия Европой, релевантен не только для отечественной философско-культурологической мысли, но и для западной, выстраивающей свое самоопределение через призму соотнесения с Россией. Одна из причин этого, как отмечает И. Нойманом, состоит в том, что русские трактуются как лиминарный случай европейской идентичности [Нойманн, 2004]. Таким образом, европейцы, выстраивая дискурс о принадлежности или непринадлежности России к европейскому пространству, формировали представление и о том, что есть Я, о собственной идентичности.

Идеология руссофобии, в основе которой лежит, говоря словами Ф.И. Тютчева, «пламенное, слепое, неистовое враждебное настроение... против России» [Тютчев, 1999, с. 191], в современных условиях реализуется не только в желании и стремлении очернить все, что принято называть Русским миром, все, что в большей или в меньшей степени

принадлежит пространству русской культуры, но зачастую и в желании физически уничтожить сам Русский мир.

Современные исследователи, например В.Э. Багдасарян [2016], предлагают ввести в научный оборот термин «россиефобия» вместо уже устоявшегося понятия «руссофобия», считая, что это в полной мере отразит искажение исторического образа России как государства со стороны ее противников, в первую очередь среди европейских стран. Определенная логика в этом, несомненно, есть, однако мы наряду с другим исследователями, среди которых В. Гуторов и А. Ширинянц [2023], считаем, что использование термина «россиефобия» исключает из рассмотрения весьма важный аспект. При такой трактовке фобийные настроения направлены исключительно на государство, нивелируя отрицательные коннотации, приписываемые руссофобами русскому народу как носителю определенных качеств, характера, ценностей, а именно это, на наш взгляд, составляет ядро руссофобской идеологии. В первую очередь – фобии и ненависть к русскому народу, а только во вторую – ко всему, что он создает, будь то государство или культура. И последние события, связанные с cancel culture после начала специальной военной операции, свидетельствуют об этом.

В чем истоки и причины столь явной ненависти и фобии по отношению к русским и России? Ответу на этот вопрос посвящены многие работы современных отечественных исследователей. Широкий исторический экскурс развития руссофобии представлен в работах С.Г. Кара-Мурзы [2015], О.Б. Неменского [2013; 2014]. Н.П. Танышина [2023] анализирует представления о России и русских, нашедшее отражение в записках о путешествиях, журнальных статьях, памфлетах, научных сочинениях европейских авторов. И.Р. Шафаревич [2005] рассматривает содержание и основные руссофобские тезисы на основе анализа литературных источников. В последнее время отмечается интерес к данной проблематике и среди западных исследователей, в частности упомянем монографию Роберто Валле «Генеалогия руссофобии. Кюстин, Донозо Кортес и русский деспотизм», вышедшую в Риме в 2012 г. (к сожалению, не переведена на русский язык) [Valle, 2012] и книгу швейцарского публициста Ги Меттана «Запад – Россия: тысячелетняя война» [Mettan, 2016], в которой, на основе анализа развития западной руссофобии, рассматриваются современные ее проявления. Также автор осмысливает антирусские образы и мифы, сформировавшиеся в европейской культуре и остающимися актуальными и сегодня.

Вышеназванные труды посвящены комплексному рассмотрению руссофобии, выявлению ее сущностных черт и характеристик, анализу специфики ее проявления в работах отдельных мыслителей, историческому развитию данного феномена. Одним из компонентов руссофобской концепции исследователи считают взгляд на Россию как на часть восточного мира, нецивилизованного и варварского. Однако данная тема не нашла широкого отражения в научной литературе. На наш взгляд, изучение этого аспекта проблемы актуально и может способствовать более глубокому пониманию руссофобии.

Целью данного исследования является выявление истоков зарождения ориенталистского дискурса руссофобии.

Решение задач исследования предполагает использование общенаучных методов и методов культурно-исторического анализа.

Роль религии в формировании ориенталистского дискурса руссофобии

Руссофобская концепция – целостная идеологическая система, включающая комплекс идеологем, фиксирующих сущность и особенности проявления данной фобии. Различные грани руссофобского дискурса включают два основных направления: так называемое генетическое, предполагающее наличие специфических характеристик русских как носителей определенных негативных качеств и свойств, и историческое – считающее главной проблемой России ее историю, специфику исторического развития. Неменский

О.Б., анализируя качества, приписываемые русскому народу в различных русофобских трактатах, отмечает среди прочего такие его составляющие, как неспособность к самоуправлению, рабскую природу русского народа, расовую неполноценность славян, возложение на русских комплексной вины (за схизму, за сопротивление цивилизации и т.п.) [Неменский, 2014].

В центре внимания нашей работы – зарождение в недрах русофобского мифа образа России как восточной, азиатской страны.

Отношение к России как к не-Западу имеет длительную историю и глубокие корни, причем в различные периоды это отношение претерпевало достаточно существенные трансформации, отражая актуальные тренды международных отношений в контексте дихотомии Запад – Россия. А.П. Цыганков в своей работе отмечает, что русофобия есть «страх перед политической системой России, которая представляется несовместимой с интересами и ценностями Запада...» [Tsygankov, 2009, p. 14]

В качестве отправной точки отметим верно, на наш взгляд, сформулированное М.Д. Напсо замечание о том, что «корни русофобии находятся в противопоставлении Запада и Востока, в доведении того, что их отличает, до предела, в невозможности и нежелании их примирения по причине разности культур, ценностей, менталитета» [Напсо, 2022, с. 59], при этом однозначно негативные характеристики приписываются Востоку, Запад же является обладателем исключительно положительных начал. Об этой идее «европейской идентичности как превосходной по отношению ко всем неевропейским народам и культурам» говорил в свое время Э. Саид [2021, с. 27].

В качестве одной из предпосылок формирования русофобии как феномена европейского сознания выступает, по мнению исследователей [Неменский, 2013; Неменский, 2014; Кара-Мурза, 2015; Mettan, 2016; Багдасарян, 2022], ненависть к восточному христианству, к Византии как православной империи, а позже, соответственно, и к России как к «третьему Риму», продолжающему традиции Восточной Римской империи.

Следует отметить, однако, что еще в эпоху античности, являющейся базисом европейской цивилизации, сформировалось представление о двух ойкуменах – эллинской и варварской, имеющей и достаточно четкие географические границы – реку Танаис и Рифейские горы, отделяющие по представлениям древних греков Европу от Азии. Как отмечает в своей работе историк А.И. Филюшкин, «античные авторы были уверены, что данные пространства населяют многочисленные варварские народы, у которых нет ни единого предводителя, ни общего государства. Собирательным названием для них было «скифы» или «сарматы» [Филюшкин, 2013, с. 303]. Позже славяне, заселявшие эти территории, стали восприниматься Западом как скифы, варвары, Восток. Эллинское мировоззрение оформило и идею неравенства, имеющую различные, в том числе и внешние проявления. Ключевым тезисом в данном контексте было превосходство эллинов над варварами. К варварам относились все неэллинские народы. Сами эллины идентифицировали себя как проявление космического, гармонического порядка, в то время как варвары – суть отражение хаоса, беспорядка и дисгармонии, «приписываемые им... черты – бескультурье, грубость, невежество, неправильная социальная и политическая организация – являлись... природными качествами варварского мира» [Багдасарян, 2022, с. 61-62]. Древнеримская традиция дополнила древнегреческую концепцию антропологического неравенства идеей мировой империи и мирового господства с соответствующими идейно-ценностными ориентирами, утверждающими верность и необходимость проведения экспансионистской политики, обеспечивающей Риму статус мирового царства, мировой империи.

Эпоха раннего Средневековья привела к формированию концептов *Orientalis et Occidentalis*, визуализировавших раскол римского мира на Западную и Восточную империи. После великой схизмы 1054 года это разделение приобрело и религиозную коннотацию. Русь, географически располагаясь в восточной ойкумене, приняв

хрысціянства ад Канстанцінопаля, падтвердзіла сваю прыналежнасць к міру Востка. Еўрапейскі дыскурс таго часу вызначыў грэчаскую веру як непраўдную, неверную, яе носьбіты імяна за свае прэгрэшэнні і былі накізаны. Праваславіе стала лічыцца на Западе язычэскай ерэсцю, а славяне ўспрымаліся як рэлігійныя адступнікі, іх образ сліваўся з ісламскім, восточным мірам і ўспрымалася як секта. Больша таго, стэрэатыпы, раней адносіліся к Восточнай Рымскай імперыі, пренебрежительно, дабы прынізіць яе значынасць, называемай на Западе Візантыяй, переносіцца на рускае гасударства. Восток (Візантыя, Русь, а пазжэ – Рассія) ў сярэневекавой і вазрожденчэскай карціне міра, як свідэтэльствуе Гі Меттан, ўспрымается как нечто непонятное, недоразвитое, жестокое полуварварское [Меттан, 2016]. Аднако практычэскі сразу пасле царковнага раскола пры Папе Грыгорыі VII са староны Запада явна наблідаюцца тренды на гаспадарства ў Еўропе і стрэманне к універсалізму, рэалізуючыцца ў Drang nach Osten – натіске на Восток.

Історычэскі фон зарождэння арыенталістскага дыскурса русофобіі

Важным фактарам, «падтверждавшим» азіатскасць і восточны характар рускіх, становіцца длітэльная завасымасць ад Орды. Западам ў тат перыяд часу ўся тэрыторыя за восточнымі граніцамі Еўропы ўспрымалася как мрачное, темное татарское царство, страшное государство, состоящее «практически полностью из диких кочевников, скитающих по степям со своими чумами и скарбом» [Раппопорт, 2019, с. 440]. Рускія княжэства, вэдущіе боруьбу с монголо-татарами, на длітэльны перыяд ісчэзаюць ад поля зрэння еўрапейцаў, яны, по суті, как бы растворяются в бескрайней азіатскай імперыі, тэраюцца ў небытці. Імяна тагда вазнікаюць прэдставленія о Тартарыі – далекое, бескрайнее и зловещее царстве диких кочевников. Как отмечают историки, примерно «с XIV в. на Западе в отношении Востока нарастает ксенофобия и определение его как принципиального врага "христианского мира", источника физической угрозы» [Филюшкин, 2013, с. 300]. Русь, вклученная в это пространство, несет на себе все негативные коннотации, приписываемые азиатам.

Явная антітэза Запад-Восток фарміруе непрыміримае адношэнне і нежеланне паныць і прыняць ідейна-цэннасныя ўстанавкі Другога, Восток вытэсняется за граніцы «цывілізаванага міра», яго аксіалягічэскія ўстанавкі абьявляюцца чуждымі і не імяючымі права на сущэстваванне. Как известно, граніцы Еўропы, «хрысціянскага міра», былі очерчэны рымскім папай Піем II ў сэрэдзіне XV века і вклучалі ў сяба Германію, Францыю, Англію, Італію, Іспанію, Венгрыю і Польшу.

Ещэ большэе непрыятіе Русі ў рамках западнага сазнанія прасіходіт пасле таінствэннага і непанятнага для еўрапейскага абыватэля асвабоджэння ад ордынскага владычэства, сущэствэннага ўкрэплэння і усілэння рускага гасударства, а пазжэ – і яго значытэльнага тэрыторыяльнага расшырэння. Імяна с этого момэнта, на наш взгяд, можна гаворыць о сэрэзном перэфарматыраванні абраза і паныманія Русі-Рассіі, она больша не прасю Іной, Другой, а Чужой, – савэршэнна чуждым западному, еўрапейскому міру субьэкт історыі.

Вообщэ, слэдует адмэтыць, что эпоха Возрождения актуалізавала антычэное міравоспрыятіе, раздэляющэе мір на рымскы, «цывілізаванный», і нерымскы, «варварскы». Соотвэтствэнно, народы і культуры, прынявшіе візантыіскую традыцыю, аўтаматычэскі перэшлі ў разряд варваров. І, как адмэтается О.Б. Неменскім, «весь этот комплекс идей и характеристик применялся к русским землям, и для этого не требовалось личного знакомства, опыта контактов и описаний путешественников... от русских никак не зависело то, что им, как "варварскому" народу "Востока", приписывали все те качества и характеристики, которые в европейской культуре воспринимались негативно. Неправильный мир должен быть плох по определению» [Неменский, 2013, с. 30].

Важным фактором в восприятии Руси, а затем и России, как Чужого, становится неприятие решений Ферраро-Флорентийского собора 1438–1445 гг. и последовавшей за этим унии, после чего московиты окончательно переходят в разряд схизматиков, врагов христианского мира. Падение Константинополя и гибель Византийской империи в 1453 году автоматически переносят негативные коннотации на Москву. Но если, как пишет Г. Меттан [2016], в Европе ходило выражение, суть которого сводится к тому, что Византия была тем явлением, о котором лучше не вспоминать, то молодое русское государство, только вышедшее на международную арену, нужно было ослабить и дискредитировать. Тем более, что провозглашенная иноком Филофеем концепция «Москва – третий Рим», наглядно продемонстрировала преемственные связи с Византией и для Запада же стала маркером для избличения русского империализма, экспансионистских настроений и мессианского стремления захвата Европы. Однако, как отмечено И.Р. Шафаревичем, «эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству» [Шафаревич, 2005, с. 5].

Традиционно считается, что Европа «открыла» Россию в эпоху Ивана III, в конце XV века. Карл Маркс так красочно описал эту ситуацию: «Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь московита» [Маркс, 1989, с. 6].

Московское государство, неожиданно появившееся на восточных границах Европы, воспринималось как таинственный Чужой. Несмотря на то, что в эту эпоху «христианство оставалось доминирующим маркером идентичности» [Нойманн, 2004, с. 108], а слова «европейский» и «христианский» осознавалась практически как синонимы, Московия в эти границы не входила и идентифицировалась как Восток. Европейская история того времени воспринимала Восток как место, откуда приходят орды кочевников, совершаются опустошительные и губительные набеги, а потому внезапно появившееся огромное по западным меркам государство вселяло почти экзистенциальный ужас, чему способствовал также миф об «азиатскости» русских. Им приписывалась та же жестокость, что и туркам, о зверствах московитов складывались легенды. Наиболее ярким примером в данном контексте может служить черный миф об Иване Грозном, который даже изображался в восточных одеждах.

Важным фактором формирования ориенталистского дискурса русофобии становится тот исторический факт, что хронологически появление на мировой исторической арене России совпадает с началом эпохи великих географических открытий. Существенные ментальные изменения, происходящие в европейском сознании в отношении оценки и восприятия Чужого, напрямую отражаются на образе России и русских. Колониальный дискурс, актуализированный европейцами вновь после эпохи античности в связи с открытием Нового Света, дополняет и окончательно формирует смыслогенерирующее ядро западного цивилизационного взгляда на мир. Весь нехристианский мир, любой Другой начинает восприниматься как «младший брат», недоразвитый мир, находящийся на той стадии развития, которую Запад уже давно миновал, а потому стратегия отношения к этому миру одна: христианская миссия и просвещение. Попытки реализации идеи духовного окормительства и учительства направлялись в том числе и на Россию.

Последующие исторические события, в частности Ливонская война 1558–1583 гг., достаточно явно обозначили линию восточного фронта Европы, за которой проживали «православные варвары», упорно сопротивляющиеся принятию католического вероисповедания и заключению унии. Следует отметить, что определенных успехов на этом поприще Запад все-таки достиг, заключив в 1596 году Брестскую унию, по итогам которой часть земель западной Руси ушла под духовное окормление Ватикана. По мнению ряда исследователей [Неменский, 2013; Филюшкин, 2013; Неменский, 2014; Mettan, 2016],

это одно из тех событий, которые в дальнейшем породили такое явление, как русская русофобия, а сегодня нашли отражение в открытом противостоянии России и Запада в ходе украинского кризиса. Однако верность православию и готовность защищать веру отцов еще более утвердили европейцев в сформированном ими образе России как «экзистенциально чуждой и враждебной Западу страны. Страны, в отношении которой возможна только одна стратегия отношений – подчинить, чтобы обезопасить христианский мир» [Неменский, 2013, с. 3]). При этом следует заметить, что Россия определяется Западом не как европейская держава, а как азиатское государство, восточная страна, при этом занимающая не свои, а чужие земли, которые ей не принадлежат. Истинное ее место – «пустыни Сибири». Уже во времена первого противостояния России и Европы, во времена Ливонской войны, на картах Россия вытесняется за границы Европы и изображается как азиатская страна.

Историко-культурный контекст «открытия» России Европой достаточно противоречив. Внутриполитические противоречия Священной Римской Империи, активизация федерализма, нарастание турецкой угрозы и реформационное движение, пошатнувшаяся гегемония, требовали активизации деятельности по реанимации «путем расширения сфер влияния. И восточные соседи были для этого идеальным потенциальным объектом» [Филюшкин, 2013, с. 316], как верно отмечает А.И. Филюшкин. Колониальные практики германского мира, не принимавшего участие в освоении Нового Света, переориентируются на восток Европы, Московское государство становится объектом приложения этого колониального дискурса с миссионерской целью приобщения его к истинно верному католическому вероучению. Однако окончательное избавление от ордынского ига в 1480 году, взятая на вооружение концепция старца Филофея «Москва – третий Рим», венчание на царство Ивана IV Васильевича в 1547 году, демонстрируют иной, альтернативный вариант аксиологической матрицы и способа развития цивилизации. С этого времени Россия начинает восприниматься не только как Чужой, но и как явный противник Священной Римской империи и Запада в целом.

Заключение

Резюмируя, можно выделить несколько основных факторов, способствовавших формированию ориенталистского дискурса русофобской идеологии. Западная культурная парадигма, начиная с эпохи античности, утверждает бинарное противостояние по принципу: мы – цивилизованная ойкумена, они – варвары. Центрированность на собственной траектории развития цивилизации на Западе становится доминирующим направлением при оценке, осмыслении иных культур и цивилизаций, среди которых наиболее релевантной является Россия. Она выступала в образе Другого в процессе самопознания Запада, имея с ним общие христианские корни. Однако иной вектор развития, выбранный Русью вследствие принятия христианства от Византии, служит онтологической и аксиологической границей между двумя мирами. Ненависть со стороны Запада к восточному христианству формирует и негативное отношение к крупнейшей православной державе своего времени – Восточной Римской империи. Россия, став преемницей Византии и провозгласив концепцию «Москва – третий Рим», ставшую идеологическим основанием зарождающегося государства, воспринимает на себя все негативные коннотации, формирующие ранее византийский дискурс.

Исторический контекст формирования ориенталистского дискурса русофобской идеологии связан с ордынским нашествием и установившемся на Руси игом. Восток в восприятии Запада – кочевой, дикий мир, мир варваров. Стадиально-историческое мышление, свойственное Западу, породило представление о превосходстве собственной культуры, образа жизни, цивилизации, а потому все, что находится вне этого пространства, – примитивное и неразвитое, а значит, нуждающееся в исправлении и просвещении. Именно так Запад смотрел и на Россию, освободившуюся из-под власти

Орды. Именно это время – рубеж, определяющий, на наш взгляд, существенную трансформацию, произошедшую в западной культурной парадигме. Если до второй половины XV века Россия воспринималась как Другой, понятный, онтологическая граница с которым может быть пересечена, то к концу XV века Россия становится Чужим и онтологически, и аксиологически.

Список источников

- Багдасарян В.Э. 2016. Антироссийские исторические мифы. СПб., Питер, 382 с.
Меттан Г. 2016. Запад – Россия: тысячелетняя война. М., Паулсен, 464 с.
Таньшина Н.П. 2023. Страшные сказки о России. Классики европейской русофобии и не только. СПб., Питер, 256 с.
Тютчев Ф.И. 1999. Россия и Запад: книга пророчеств: Статьи, стихи. М., Правосл. Свято-Тихон. богосл. ин-т, 202 с.

Список литературы

- Багдасарян В.Э. 2022. Россия – Запад: цивилизационная война. М., ФОРУМ: ИНФРА-М, 410 с.
Гуторов В.А., Ширинянц А.А. 2023. «Русофобия»: слово и смыслы. *Тетради по консерватизму*, 1: 231-237. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-231-237
Джаннотти А. 2021. Россия и Евразия. Российская идентичность и предвзятость Запада. *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*, 27(2): 154-183. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-154-183 (исправила DOI)
Кара-Мурза С.Г. 2015. Русофобия Запада. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 8(1): 6-14.
Маркс К. 1989. Разоблачение дипломатической истории XVIII века. *Вопросы истории*, 4: 3-19
Напсо М.Д. 2022. Некоторые аспекты проблематики русофобии (часть I). *Вестник Забайкальского государственного университета*, 28(8): 57-62. DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-57-62
Неменский О.Б. 2013. Русофобия как идеология. *Вопросы национализма*, 1(13): 26-65.
Неменский О.Б. 2014. Русофобия. В кн.: Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 5. М., РИСИ, 48с.
Нойманн И. 2004. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., Новое издательство, 336 с.
Раппопорт А.В. 2019. Русофобия как феномен. *Евразийское научное объединение*, 10-5(56): 439-443.
Саид Э. 2021. Ориентализм. М., Музей современного искусства «Гараж», 560 с.
Филюшкин А.И. 2013. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 880 с.
Шафаревич И.Р. 2005. Русофобия. М., Эксмо, 94 с.
Tsygankov A.P. 2009. Russophobia Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. New York, 240 p.
Valle R. 2012. Genealogia della russophobia. Custine, Donoso Cortes e dispotismo russo. Roma, Lithos, 175 p.

References

- Bagdasaryan V.E. 2022. Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya voina [Russia – West: Civilizational War]. Moscow, Publ. FORUM: INFRA-M, 410p.
Gutorov V.A., Shirinyants A.A. 2023. «Rusofobiya»: slovo i smysly. ["Russophobia": word and meanings]. *Tetrady po konservatizmu*. 1: 232-237. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-231-237
Giannotti A. 2021. Russia and Eurasia. Russian identity and prejudices of the West. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 27(2): 154-183 (in Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-154-183
Kara-Murza S.G. 2015. Rusofobiya Zapada [Russophobia of the West]. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo*, 8(1): 6-14
Marks K. 1989. Razoblachenie diplomaticheskoi istorii XVIII veka [Exposing the diplomatic history of the XVIII century]. *Voprosy istorii*, 4: 3-19
Napso M. 2022. Some Aspects of Russophobia Issues (Part I). *Transbaikal State University Journal*. 28(8): 57-62. (in Russian). DOI: 10.21209/2227-9245-2022-28-8-57-62.
Nemenskii O.B. 2013. Rusofobiya kak ideologiya [Russophobia as an ideology]. *Voprosy nacionalizma*, 1(13): 26-65

- Nemenskii O.B. 2014. Rusofobiya: Analiticheskie obzory RISI [Russophobia: Analytical reviews of RISI]. Moscow, Publ. RISI, 48 p.
- Noimann I. 2004. Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei [Using the "Other": Images of the East in the formation of European Identities]. Moscow, Publ. Novoe izdatel'stvo, 336p.
- Rappoport A.V. 2019. Rusofobiya kak fenomen [Russophobia as a phenomenon]. *Evrazijskoe nauchnoe ob"edinenie*. 10-5 (56): 439-443
- Said E. 2021. Orientalizm [Orientalism]. Moscow, Publ. Muzej sovremennogo iskusstva Garazh, 560p.
- Filyushkin A.I. 2013. Izobretaya pervuyu voinu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov. [Inventing the First War of Russia and Europe: The Baltic Wars of the second Half of the XVI century through the eyes of contemporaries and descendants]. Saint-Petersburg, Publ. DMITRIJ BULANIN, 880 p.
- Shafarevich I.R. 2005. Rusofobiya [Russophobia]. Moscow, Publ. Eksmo, 94 p.
- Tsygankov A.P. 2009. Russophobia Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy. New York, 240 p.
- Valle R. 2012. Genealogia della russofobia. Custine, Donoso Cortes e dispotismo russo [Genealogy of russophobia. Custine, Donoso Cortes and Russian despotism]. Roma, Publ. Lithos, 175 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.09.2023
Поступила после рецензирования 02.12.2023
Принята к публикации 30.05.2024

Received September 02, 2023
Revised December 02, 2023
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Монина Наталья Петровна, заведующая кафедрой режиссуры и хореографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia P. Monina, Head of the Department of Directing and Choreography, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

УДК 159.01

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-357-366

Идентичность в цифровом обществе: генеzis понятия и основные характеристики

Платонова С.И.

Удмуртский государственный аграрный университет,
Россия, 426069, Удмуртская республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11
platon-s@bk.ru

Аннотация. Цифровая среда приводит к появлению новых механизмов формирования идентичности, созданию цифрового профиля личности. Развитие информационно-коммуникационных технологий, формирование виртуальной реальности и связанных с ней виртуальных форм коммуникации актуализировали исследования трансформации феномена идентичности. Цель статьи связана с выявлением особенностей трансформации и конструирования идентичности при переходе от общества постмодерна к цифровому обществу. В результате исследования сделан вывод о том, что цифровое общество стимулирует потребность индивида к стандартизации смыслов и ценностей, подавляет стремление к развитию индивидуальной идентичности. Определено, что развитие сети Интернет создает возможности для формирования множественных идентичностей, допускающих противоборство с реальной идентичностью личности.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, социальная идентичность, цифровая идентичность, цифровое общество

Для цитирования: Платонова С.И. 2024. Идентичность в цифровом обществе: генезис понятия и основные характеристики. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(2): 357–366. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-357-366

Identity in the Digital Society: The Genesis of the Concept and Its Main Characteristics

Svetlana I. Platonova

Udmurt State Agricultural University
11 Student St, Izhevsk, Udmurtia 426069, Russian Federation
platon-s@bk.ru

Abstract. The digital environment leads to the emergence of new mechanisms for the formation of identity, the creation of a digital personality profile. The development of information and communication technologies, the formation of virtual reality and related virtual forms of communication have actualized the research of the transformation of the phenomenon of identity. The purpose of the article is to identify the features of transformation and construction of identity in the transition from a postmodern society to a digital society. As a result of the study, it was concluded that the digital society stimulates the individual's need to standardize meanings and values, suppresses the desire to develop an individual identity. The impact of information and communication technologies on the formation and transformation of identity is considered with recognition of their ambivalent nature. It is determined that the development of the Internet creates opportunities for the formation of multiple identities that allow confrontation with the real identity of the individual.

Keywords: identity, identification, social identity, digital identity, digital society

For citation: Platonova S.I. 2024. Identity in the Digital Society: The Genesis of the Concept and Its Main Characteristics. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 357–366 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-357-366

Введение

Современное общество переживает цифровой поворот, затрагивающий все социальные сферы, социальные институты, социальные процессы – деятельность и существование человека в целом. Цифровизация общества, формирование виртуальной реальности, распространение виртуальных форм коммуникации сформировали новый запрос на исследование формирования идентичности личности, анализа особенностей взаимодействия реальной и виртуальной идентичности. Исследователями признается, что цифровые сетевые технологии влияют на социальную идентичность, трансформацию социальных ценностей [Лисенкова; 2020; Курганская и др., 2022; Лешкевич, 2022; Платонова, 2023]. Рассматривается формирование цифровой идентичности, в которой выделяются «два уровня идентичности человека: цифровая индивидуальная идентичность и цифровая социальная идентичность. Реальный индивид и его «цифровой двойник» не являются тождественными образованиями» [Платонова, 2023, с. 156]. Утверждается, что Интернет позволяет «рискованные эксперименты с различными версиями-аватарами собственной идентичности» [Курганская и др., 2022, с. 487]. Согласно выводам А.А. Лисенковой, цифровая идентичность «позволяет собрать в единое целое... постмодернистскую делимость индивида» [Лисенкова. 2020, с. 75]. В фокусе внимания Т.Г. Лешкевич – анализ интеграции человека и цифровых технологий с обоснованием их амбивалентного характера [Лешкевич, 2022].

В условиях продолжающейся цифровизации общества важным представляется дальнейшее исследование особенностей формирования индивидуальной и виртуальной идентичности личности, изучение их взаимодействия и взаимовлияния. В центре внимания – следующие вопросы: во-первых, как трансформируется идентичность в условиях цифрового общества? Во-вторых, как различается идентичность человека модерна, постмодерна и цифрового общества? В-третьих, каковы особенности новых форм и моделей идентичности в цифровом обществе?

Цель исследования связана с анализом особенностей трансформации и конструирования идентичности при переходе от общества постмодерна к цифровому обществу.

Методологической основой исследования является сравнительный анализ и принцип энактивизма, постулирующий «со-возникновение» новых качеств при взаимодействии человека и реальности, утверждающий, что «человек, видоизменяя конфигурации существующей реальности, изменяет себя» [Лешкевич, 2022, с. 58]. В исследовании также используется междисциплинарный подход, объединяющий при анализе феномена идентичности идеи разных социально-гуманитарных наук: социологии, психологии, антропологии, культурологии.

Идентичность в социально-гуманитарном знании: основные подходы

Идентичность – сложное, многоаспектное понятие, которое является предметом дискуссий и обсуждений социологов, политологов, антропологов, культурологов, философов. Соответственно, каждая из социально-гуманитарных наук предлагает свое концептуальное определение данного понятия. Существует много исследований, в которых рассматриваются разные теоретические подходы по концептуализации данного понятия [Орлова, 2010; Санина, 2014; Подвойский, Солеймани, 2019]. Понятие

«идентичность» впервые употребил американский психолог Э. Эриксон: «Идентичность обозначает твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным “я” независимо от изменений “я” и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [Эриксон, 1996, с. 12].

Э. Эриксон связывает формирование идентичности с процессами онтогенеза, механизмами адаптации и социализации индивида. В рамках психологических теорий большой вклад в развитие дискурса, связанного с понятием «идентичность», внесли З. Фрейд и С. Холл [Hall, 1997]. Они предложили различать понятия «идентичность» и «идентификация». А.А. Лисенкова, рассматривая концепцию З. Фрейда, обращает внимание на то, что З. Фрейд трактует идентичность как сугубо психологический феномен, как «постоянный конфликт Супер-Эго и Ид через крайне субъективное чувство самотождественности и самооценности» [Лисенкова, 2020, с. 67].

Необходимо отметить, что в психологических теориях речь прежде всего идет об индивидуальной идентичности, о процессе формирования «самости», «Я-идентичности», собственного «Я». Идентичность понимается как «чувство “ощущения себя”, которое изменяется на протяжении всей жизни человека, и, следовательно, имеет динамический характер, а идентификация – как защитный психологический механизм, позволяющий уподоблять себя некоему образу» [Санина, 2014, с. 4].

Социальные теории отличаются большим разнообразием подходов к определению сущностных характеристик идентичности и особенностей ее формирования. Прежде всего можно говорить о микросоциологическом (интерпретативном) и макросоциологическом подходах к анализу идентичности.

Близки психологическим микросоциологические теории, к которым относят символический интеракционизм, этнометодологию, феноменологическую социологию. Дж.Г. Мид [2009] рассматривает поэтапный процесс развития человеческого «Я» («самости», «Self»), приводящий к формированию четко различимой идентичности, связанной, в частности, с тем, что человек может примерить на себя разные роли. Инновационная психология развития, разработанная Дж. Г. Мидом, изучала, как дети учатся входить в положение других людей, примерять на себя другие роли и тем самым с течением времени формировать собственную идентичность. Индивид может посмотреть на себя как бы со стороны.

Ч. Кули [2000] рассматривает процессы социализации ребенка в контексте его социального окружения. Реконструируя взгляды Ч. Кули, Д.Г. Подвойский и С. Солеймани обращают внимание на важность такой формы социального взаимодействия, которая осуществляется лицом к лицу: «Кули сравнивает свою модель личности с зеркалом, намекая на рефлексивный характер человеческого Я, и называет ее “зеркальным Я”... “Я сам” и общество – два феномена близнеца, и между ними существует органическая и неразрывная связь» [Подвойский, Солеймани, 2019, с. 828].

Данные положения значимы для представителя феноменологической социологии А. Шюца, утверждавшего, что люди ориентируют свои действия в соответствии с действиями других, и на этом основании возможны взаимопонимание и коммуникация [Шюц, 1988]. Так формируется жизненный мир, являющийся интересубъективным миром, который переживается человеком как общий для него и других. Таким образом, в микросоциологических теориях идентификация рассматривается как процесс, тесно связанный с социализацией, а идентичность создается в процессе социальных взаимодействий. Социальные взаимодействия конструируют социальную реальность. Этот тезис является важнейшим для микросоциологических теорий и в целом для феноменологически ориентированного социального знания. При этом «Я» человека постоянно самоопределяется и меняется в процессе социальных взаимодействий.

Социальные макросоциологические теории наряду с понятием «индивидуальная идентичность» широко используют понятия «социальная идентичность», «коллективная идентичность», «групповая идентичность», которые обосновывают взаимосвязь индивида с социальными группами, социальными институтами, обществом. «Если И. Бентам и М. Фуко понимают идентичность односторонне, как устранение различий между индивидами, то у Э. Дюркгейма идентичность включает в себя как сходство, так и различие между людьми. Следовательно, социальная идентичность имеет двойственную природу: с одной стороны, она развивает индивидуальные, уникальные качества личности, а с другой стороны, формирует у индивида общие с другими индивидами признаки» [Платонова, 2023, с. 152].

В работах представителей макросоциологического направления идентичность и ее формирование рассматриваются в более широком контексте, учитывающем культурные, социальные, политические процессы. Можно согласиться с Э.А. Орловой, что при «использовании понятия идентичности принимают во внимание три его измерения – индивидуальное, социальное и культурное» [Орлова, 2010, с. 93].

Таким образом, идентичность сочетает в себе два аспекта: с одной стороны, это унификация, коллективизация (быть как все), а с другой стороны, это индивидуализация (быть в чем-то отличным от других). При формировании идентичности работают механизмы интериоризации, которые в идеале формируют в человеке агента наблюдения за самим собой (самоцензура).

Проблемы идентичности в обществе постмодерна

В последние десятилетия идентичность и идентификация вызывает повышенный интерес у представителей социально-гуманитарных наук. Как отметил С. Холл, «идентичность – это такое понятие, которое нельзя мыслить по-старому, но без которого ключевые вопросы не могут быть решены» [Hall, 1997, р. 1-2]. З. Бауман одной из главных причин повышенного внимания к идентичности и процессам идентификации называет особенности общества постмодерна, характеризующегося текучестью, непредсказуемостью, неопределенностью целей и средств их достижения, глобализацией и связанными с ними процессами фрагментации и индивидуализации индивидов. «“Индивидуализация” заключается в преобразении человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия ... исполнения ими их ролей» [Бауман, 2005, с. 116].

В обществе постмодерна более справедливо, на наш взгляд, говорить о текучей, размытой идентичности. В этом обществе ничто не остается постоянным, безопасным, точным, фиксированным или стабильным и ничто не длится долго. Согласно метафоре З. Баумана, человек эпохи модернити был похож на паломника, задававшегося вопросом: «Как попасть куда-то?» Современный человек больше похож на туриста, задающегося вопросом: «Куда мне идти? Куда меня заведет дорога, по которой я иду?» [Бауман, 2005, с. 117]. «Турист» – это человек, мучимый вопросом, «какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт» [Там же, с. 117].

Э. Гидденс также говорит о непредсказуемых последствиях современных процессов для личной идентичности [Giddens, 1991]. Неопределенность и непредсказуемость вызваны процессами глобализации и местным локальным контекстом, локальными обстоятельствами, их взаимовлиянием и взаимообусловленностью. Появление большого количества беженцев, мигрантов, развитие туризма, деятельность СМИ приводят к объединению разного рода контекстов, до этого существовавших обособленно. Следовательно, современная идентичность требует от человека определенной инициативы в выстраивании жизненной траектории, причем эта инициатива становится важнейшей характеристикой человеческого бытия.

Итак, можно утверждать, что «индивидуализация личности является важнейшей характеристикой общества постмодерна. При этом индивидуализация – это не свободный и желаемый выбор индивида, а одновременно обязанность и ответственность индивида. Поэтому критику вызывает понимание идентичности как интегрального, изначального, устойчивого, единого образования» [Платонова, 2023, с. 154]. В постмодернистских обществах принципиально важны плюрализм, свобода выбора своей идентичности.

В понимании особенностей идентичности человека постмодерна важны выводы А.В. Шлякова, согласно которым «в эпоху постмодерна идентичность превращается в своеобразную игру, спектакль о собственной самости, в котором постоянно меняется сценарий... В модерне самость создавалась субъектом, в постмодерне субъект занимается деятельностью по вторичному использованию этой самости» [Шляков, 2015, с. 255]. В этом замечании А.В. Шлякова отмечено принципиальное отличие в конструировании идентичности человека модерна и постмодерна. Если человек модерна обладал определенным целостным устойчивым «Я», был тождествен самому себе, то в эпоху постмодерна человек становится номадом, кочевником, состоящим из множественных, не равных себе идентичностей. Причинами данной ситуации являются современные политические, экономические процессы, связанные с глобализацией, миграцией, демографическим кризисом, политической напряженностью и нестабильностью. В подобной текучей ситуации и идентичность также становится текучей и неопределенной. Поэтому в постмодерне нарастают такие переживания индивида, как заброшенность, неопределенность, противоречивость.

С. Холл отмечал, что «идентификация – это конструкция, процесс, который никогда не завершается. Идентификация условна, основана на непредвиденных обстоятельствах, она процессуальна [Hall, 1997, р. 2-3].

Таким образом, можно утверждать, что в обществе постмодерна проблемы идентичности обостряются, индивид постоянно занят поиском идентичности, которая становится фрагментированной, текучей, ризомной. «Прочная, устойчивая идентичность в постмодерне переходит из достоинства в недостаток, ибо может выступать источником страданий» [Шляков, 2015, с. 266].

Особенности формирования и основные характеристики идентичности в цифровом обществе

Цифровое общество является не только контекстом, в рамках которого формируется идентичность, но и приводит к изменению механизмов формирования идентичности. Какие трансформации, происходящие в цифровом обществе, влияют на процессы идентификации? К ним можно отнести, в первую очередь, процессы глобализации, возросшей мобильности, бурное развитие визуальной культуры, беспроводных коммуникаций, доступность информации. До появления цифровых технологий социальные коммуникации характеризовались ситуацией «лицом к лицу», в цифровом обществе они трансформировались в ситуацию «лицом в устройство».

Социальное взаимодействие «лицом к лицу» характеризует я эмоциональностью, обменом едва уловимыми оттенками смыслов и значений, что является несомненной ценностью для межличностных взаимодействий [Курганская и др., 2022, с. 490]. В традиционном обществе идентичность была довольно устойчивым явлением, демонстрировавшим стабильность, устойчивость, предсказуемость человеческой жизни. Идентичность удовлетворяла потребности человека в принадлежности к определенному этносу, классу, группе, коллективу. Жизнь «лицом в устройство» может ограничиваться исключительно компьютерными взаимодействиями, характеризующимися анонимностью, произвольностью, отсутствием живого непосредственного общения.

Как отмечалось выше, в обществе постмодерна можно говорить о смещении характеристик идентичности в сторону нестабильности, динамичности,

неопределенности, плюрализма. Эти тенденции усилились в современном обществе, переживаемом цифровой поворот. Как отмечает А.А. Лисенкова, «ранее укорененные идеи ответственности, телесности и греха... сменяются идеями формирования и репрезентации субъективности, разрушающей границы между человеком-субъектом и окружающим миром» [Лисенкова, 2020, с. 68]. Личность «продвигает собственный автопроект, реализует стратегию персонального успеха и признания, формирует “спрос на себя” и успешность среди значимых Других» [Там же, с. 71]. Современный человек манифестирует себя, он публичен, открыт, визуализирован, находится в ситуации постоянного конструирования персонального «Я». Тем не менее необходимо обратить внимание на тот факт, что публичность и стирание границ между приватной и общественной сферами сосуществуют с прямо противоположными тенденциями, ориентированными на анонимность и закрытость человека цифрового общества. Следовательно, идентификационные процессы, происходящие в цифровом мире, двойственны: с одной стороны, человек ориентирован на внешние коммуникации, он публичен, открыт для общения, а с другой стороны, виртуальные коммуникации вполне допускают анонимность и произвольность в формировании своего аватара.

Существуют исследования, в которых наряду с индивидуальной и социальной идентичностью, анализируется «сетевая» (виртуальная) идентичность. Наряду с этим понятием используются и другие категории: множественная идентичность [Лешкевич, 2022], брендированная идентичность, проектная идентичность [Лисенкова, 2020].

Среди подходов к анализу влияния цифровых технологий на формирование идентичности человека можно выделить две основные позиции: цифровые оптимисты и цифровые пессимисты [Лешкевич, 2022]. В рамках цифрового оптимизма развивается мысль о том, что «реальная и сетевая идентичности, скорее, дополняют друг друга, чем противопоставляются в сознании пользователя, как альтернативные» [Карпова, Моница, 2018, с. 159]. И.В. Фролова говорит о конструировании сетевой идентичности, которая «является продолжением идентичности реальной, при этом они имеют тенденцию к сближению» [Фролова, 2018, с. 33]. При этом сетевые пользователи демонстрируют определенную свободу поведения, выражения собственного мнения, принятия решения.

Об этом же пишет А.А. Лисенкова, утверждая, что «сегодня игры с идентичностью и анонимность, будучи изначально основой для виртуальных идентификационных сетевых практик, утрачивают свою значимость и актуальность. Виртуальные платформы и новые медиа становятся местом коммуникаций, обретения профессионального статуса, удаленной работы и пространством социального признания и одобрения, где реализуются современные стратегии личностного публичного самоутверждения» [Лисенкова, 2020, с. 72]. В целом данный подход использует метафору «цифрового двойника» как виртуальной копии человека. Утверждается, что сетевое общение самостоятельно, самодеятельно, экстерриториально, является ресурсом раскрытия человеком собственной реальной идентичности. Ядром данного направления выступает самоконструирование человека, его саморепрезентация, свобода человека в сетевой коммуникации, усиление процессов индивидуализации.

В ряде других работ, которые можно отнести к направлению цифрового пессимизма, проводится более осторожная оценка влияния социальных сетей на идентичность пользователя [Миронов, 2019; Платонова, 2022]. В понимании особенностей формирования идентичности важны выводы Т.Г. Лешкевич, согласно которым «виртуальная среда допускает перспективы множественной идентичности, как и произвольность в отношении реального статуса персоны» [Лешкевич, 2022, с. 55]. Виртуальная модель человека не является «цифровым двойником» реального индивида, это «улучшенная или ухудшенная копия, созданная на основе собственных предпочтений» [Там же, с. 55]. В.Д. Курганская, В.Ю. Дунаев, А. Сагикызы, реконструируя взгляды М. Шроффа и А. Фордхэма, полагают, что эти ученые, «используя

метафору “цифровая тень” для обозначения способа представленности личностной идентичности в виртуальном пространстве», считают, что эта «тень может приобрести известную независимость и даже власть над отбрасывающим ее человеком» [Курганская, 2022, 493-494].

В рассматриваемом контексте соотношения реального «Я» и виртуального «Я» интересной представляется концепция «борьбы идентичностей». Об определенной борьбе идентичностей еще до появления цифровых технологий писал И. Гофман в своей драматургической теории. Как отмечает А.Г. Санина, «рассуждениям И. Гофмана близка концепция “борьбы идентичностей” Р. Фогельсона, в которой выделяются четыре компонента идентичности: реальная (представления индивида о себе в конкретный период его жизни); идеальная (модель поведения и существования, к которой индивид стремится); негативная (“образ себя”, которого индивид стремится избегать); предьявляемая (набор образов, которые индивид транслирует другим людям с целью повлиять на их оценку» [Санина, 2014, с. 7].

Цифровые коммуникации усиливают борьбу идентичностей. Эти тенденции рассматривают А.В. Резаев, В.С. Стариков, Н.Д. Трегубова, обращая внимание на противоречивый характер онлайн коммуникаций. «Нахождение в онлайн-пространстве приводит к тройному растождествлению. С одной стороны, это растождествление Self, социального “Я” человека и виртуальных аватаров. С другой стороны, это растождествление стремления к оригинальности/самовыражению и заданной жесткими институциональными рамками виртуальной саморепрезентации. С третьей стороны, это растождествление желанная максимальной открытости и невротической боязни за сохранение приватности» [Резаев и др., 2020, с. 6].

Необходимо отметить, что человек, создавая виртуальную модель себя, выходит за пределы реального Я, поэтому следует говорить о множественной идентичности. Примером формирования множественной идентичности является опыт Д. Уиндера, поставившего задачу формирования разнообразных аватаров, призванных «стать гранями множественной виртуальной идентичности. ... При этом аватары становились не разного рода масками, за которыми скрывалась личность их создателя. Они должны были стать составными частями, гранями множественной, или совместной идентичности» [Курганская и др., 2022, с. 494].

Цифровая среда и виртуальная коммуникация приводят к возникновению нового механизма формирования идентичности. В рамках общества модерна формирование личной и групповой идентичности происходит при соотношении и сопоставлении человека с «Другим», с разными социальными общностями. В обществе постмодерна отсутствует единый центр, единый источник власти, поэтому идентичность характеризуется распыленностью, неопределенностью, текучестью. В условиях цифрового общества речь идет о формировании цифровой идентичности, о соотношении индивида прежде всего с виртуальными пользователями и группами. В данном случае функцию «Другого» выполняют пользователи Сети. «Другой» является виртуальным по своей природе. При этом социальные сети характеризуются расплывчатостью ценностно-нормативной структуры. Идентификационные процессы характеризуются также смешением реальной и виртуальной идентичностей.

Цифровые технологии и цифровое общение стимулируют и развивают стремление индивида к некоей унификации, стандартизации, желанию понравиться как можно большему кругу виртуальных лиц. Подобные процессы подавляют индивидуализацию, творчество, самостоятельность, свойственные реальному индивиду, ограничивают индивидуальную активность. Как итог цифровое общество подавляет стремление к развитию индивидуальной идентичности, индивидуальности, осознанию себя как уникального «Я» и ориентирует на единые цели, ценности, коллективную жизнь. Представляется, что понимание идентификации как процесса, в котором «возрастает роль

дифференциации и индивидуализации в процессе самоопределения», повышаются возможности «реализации индивидуальных жизненных стратегий, осуществления персонального идентификационного проекта личности» [Лисенкова, 2020, с. 70, 71] является спорным.

Заключение

Итак, мы имеем феномен идентичности, сформированный и функционирующий в цифровом обществе. Современное общество динамично, плюралистично, визуализировано, следовательно, идентичность индивидов является динамичной, неопределенной, множественной, незавершенной. Человек находится в перманентном самоконструировании своего персонального «Я». При этом возможно конструирование множественных идентичностей, принадлежащих одному человеку.

Идентификационные процессы в цифровом обществе амбивалентны: с одной стороны, виртуальные коммуникации, массовая культура ориентируют не столько на развитие индивидуальных особенностей, сколько на стандартизацию и унификацию экзистенциальных практик. С другой стороны, задействован внутренний потенциал человека, его творческие возможности.

Список литературы

- Бауман З. 2005. Индивидуализированное общество. М., Логос, 390 с.
- Карпова М.К., Моница М.А. 2018. Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида. *Наука. Общество. Государство*, 6(1)-21: 158-167.
- Кули Ч. 2000. Человеческая природа и социальный порядок. Пер. с англ. М., Идея-Пресс, 309 с. (Cooley С.Н. 1902. Human nature and the social order. New York: С. Scribner's sons, 413 p.).
- Курганская В.Д., Дунаев В.Ю., Сагикызы А. 2022. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 38(4): 487–499. DOI: 10.21638/spbu17.2022.404.
- Лешкевич Т.Г. 2022. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры. *Вопросы философии*, 3: 53-63. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-53-63>
- Лисенкова А.А. 2020. Трансформация идентичности в цифровую эпоху. *Вопросы философии*, 3: 65-74. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-65-74
- Мид Дж. Г. 2009. Избранное. М., ИНИОН РАН, 290 с.
- Миронов В.В. 2019. Платон и современная пещера big-data. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, 35(1): 4-24. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101>
- Орлова Э.А. 2010. Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании. *Вопросы социальной теории*, 4: 87-111.
- Платонова С.И. 2023. Социальная идентичность как феномен цифрового общества. *Социология науки и технологий*, 14 (3): 149-164. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-149-163
- Платонова С.И. 2022. Большие данные и организация социального контроля в цифровом обществе. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*, 4: 81-91. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-81-91
- Подвойский Д.Г., Солеймани С. 2019. Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 19(4): 825-834. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834
- Резаев А.В., Стариков В.С., Трегубова Н.Д. 2020. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований. *Социологические исследования*, 2: 3-12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0
- Санина А.Г. 2014. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках. *Социологические исследования*, 12: 3-11.
- Фролова И.В. 2018. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия. *Ценности и смыслы*, 2(54): 40-52.
- Шляков А.В. 2015. Номадизм постмодерна в свете краха идентичности. *Теория и практика общественного развития*, 20: 255-257.

- Шюц А. 1988. Структура повсяднёвага мышлення. *Соцыялагічныя даследаванні*, 2: 129-137.
- Эрыксон Э. 1996. Ідэнтычнасць: юнаць і крызіс. М., Прогресс, 344 с.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, Polity Press, 256 p.
- Hall S. 1997. Introduction: Who Needs “Identity”? In: *Questions of Cultural Identity*. Eds S. Hall, P. Gay. London, Sage Publications: 1-17.

References

- Bauman Z. 2005. Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society]. Moscow, Publ. Logos, 390 p.
- Karpova, M.K., Monina, M.A. 2018. Social networks as a special channel for self-presentation of an individual. *Science. Society. State*, 6 (1): 158-167 (in Russian).
- Cooley C. H. 2000. *Chelovecheskaya priroda i social'nyy porjadok* [Human nature and the social order]. Translated from the Engl. Moscow, Publ. Ideya Press, 309 p. (Cooley C.H. 1902. *Human nature and the social order*. New York: C. Scribner's sons, 413 p.).
- Kurganskaya V.D., Dunaev V.Yu., Sagikyzy A. 2022. The phenomenon of identity in the social construction of virtual reality. *Vestnik of Saint Petersburg university. Philosophy and Conflict studies*, 38(4): 487–499 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu17.2022.404.
- Leshkevich, T.G. 2022. Chelovek-virtual i peredacha kul'turny`x cennostey pokoleniyu e`poxi cifry` [The Virtual Person and Transmitting Cultural Values to the Digital Generation]. *Voprosy Filosofii*, 3, 53-63. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-53-63>
- Lisenkova A.A. 2020. Transformatsiya identichnosti v cifrovuyu epohu [Transformation of Identity in the Digital Age]. *Voprosy Filosofii*, 2: 65-74. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-65-74
- Mead G.H. 2009. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Publ. INION, 290 p.
- Mironov V.V. 2019. Platon i sovremennaya peshchera big-data [Plato and the modern cave of big data]. *Vestnik of Saint Petersburg university. Philosophy and Conflict studies*, 35(1): 4–24 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.101>
- Orlova E.A. 2010. Konceptsiy identichnosti/identifikatsii v socialno-nauchnom znaniy [Concepts of identity/identification in the social scientific knowledge]. *Voprosy Socialnoy Teorii*, 4: 87-111.
- Platonova S.I. 2023. Social'naya identichnost' kak fenomen cifrovogo obshchestva [Social Identity as a Phenomenon of Digital Society]. *Sociology of science and technology*, 14 (3): 149-163. DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-149-163
- Platonova S.I. 2022. Bol'shie dannye i organizatsiya social'nogo kontrolya v cifrovom obshchestve [Big Data and the Organization of social control in the digital society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, 4: 81-91. DOI: 10.18384/2310-7227-2022-4-81-91
- Podvoyskiy D.G., Soleimani S. 2019. Ponyatie social'noy identichnosti: osnovny`e issledovatel'skie podkhody` [The concept of social identity: basic research approaches]. *RUDN Journal of Sociology*, 19(4): 825-834. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834
- Rezaev A.V., Starikov V.S., Tregubova N.D. 2020. Sociologiya v e`poxu «iskusstvennoy social'nosti»: poisk novy`x osnovaniy [Sociology in the age of ‘Artificial Sociality’: search of new bases]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2: 3-12. DOI: 10.31857/S013216250008489-0
- Sanina A.G. 2014. Genezis idei identichnosti v sociologii i smezhny`x naukax [The genesis of the idea of identity in sociology and related sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 12: 3-11 (In Russian).
- Frolova I.V. 2018. Setevaya identichnost` sovremennogo cheloveka: filosofskaya refleksiya [Network identity of modern man: philosophical reflection]. *Cennosti i smy`sly`*, 2(54): 40-52.
- Shlyakov A.V. 2015. Nomadizm postmoderna v svete kraha identichnosti [The nomadism of postmodernity in the context of the crisis of identity]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 20: 255-257.
- Schutz A. 1988. *Struktura povsednevnogo myshleniya* [The structure of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2: 129-137.
- Erikson E. 1996. *Identichnost` : yunost` i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow, Publ. Progress, 344 p.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press, 256 p.
- Hall S. 1997. Introduction: Who Needs “Identity”? In: *Questions of Cultural Identity*. Eds. S. Hall, P. Gay. London. Sage Publications: 1-17.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 26.06.2023
Поступила после рецензирования 26.09.2023
Принята к публикации 30.05.2024

Received June 26, 2023
Revised September 26, 2023
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Платонова Светлана Ипатовна, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия.

Svetlana I. Platonova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Udmurt State Agrarian University, Izhevsk, Russia.

УДК 7.01: 81'42

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-367-373

Интертекстуальность как техника смыслообразования в текстах культуры

Филатьева Т.В.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского
Россия, 291016, г. Луганск, ул. Красная Площадь, д. 7

Filateva81@gmail.com

Аннотация. Процесс смыслообразования в текстах культуры рассматривается в различных гуманитарных науках с разных подходов, обосновываются техники смыслообразования. Интертекстуальность в современной науке рассматривается в контексте литературоведения, в рамках когнитивной составляющей, в противовес автор разрабатывает понятие интертекстуального смыслообразования как эмоционально-ценностный компонент в структуре культуры. Предложена авторская концепция интертекстуального смыслообразования в текстах культуры, основанная на диалоге между текстами, опосредованном сознанием человека, в контексте существующих связей, исторически обусловленных или оговоренных самим автором текста. Показано, что в процессе взаимодействия текстов культуры образуются новые смысловые конструкты, смысловые сферы. В результате исследования выделены принципы интертекстуального смыслообразования: диалогичности, разночтения, функциональности. Концепция интертекстуального смыслообразования основана на интерпретации (понимании) текста культуры.

Ключевые слова: интертекстуальность, текст культуры, смысл, смыслообразование, интертекстуальное смыслообразование, концепция интертекстуального смыслообразования

Для цитирования: Филатьева Т.В. 2024. Интертекстуальность как техника смыслообразования в текстах культуры. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(2): 367–373. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-367-373

Intertextuality As a Technique of Meaning Formation in Cultural Texts

Tatyana V. Filatieva

Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts
7 Krasnaya Ploshchad St, Lugansk 291016, Russian Federation

Filateva81@gmail.com

Abstract. The process of meaning formation in cultural texts is considered in various humanities from different approaches, and the techniques of meaning formation are substantiated. Intertextuality in modern science is interpreted in the context of literary studies, within the framework of the cognitive component, in contrast, the author develops the concept of intertextual meaning formation as an emotional and value component in the structure of culture. The author's concept of intertextual meaning formation in cultural texts is proposed, based on a dialogue between texts mediated by human consciousness, in the context of existing connections historically conditioned or stipulated by the author of the text himself. It is shown that in the process of interaction of cultural texts, new semantic constructs and semantic spheres are formed. As a result of the research, the principles of intertextual meaning formation are highlighted: dialogicity, inconsistency, functionality. The concept of intertextual meaning formation is based on the interpretation (understanding) of the cultural text.

Keywords: intertextuality, cultural text, meaning, meaning formation, intertextual meaning formation, the concept of intertextual meaning formation

For citation: Filatieva T.V. 2024. Intertextuality As a Technique of Meaning Formation in Cultural Texts. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 367–373 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-367-373

Введение

Тексты культуры несут смысловую нагрузку, ибо бессмысленные тексты культура не апробирует. Для изучения смысла характерно многообразие подходов. Исследователи пытаются раскрыть процесс смыслообразования с позиций философии, лингвистики, культурологии, аксиологии. В рамках разных подходов вырабатываются этапы формирования смысла. Важным является тот факт, что смысл появляется в процессе человеческой деятельности, коммуникации, диалога. Диалог может возникать на разных уровнях и между различными текстами культуры. Концепция диалогизма М. Бахтина [1986] легла в основу теории интертекстуальности Ю. Кристевой [2013]. Размытость границ смысла продуцирует различия в смыслообразовании. Каждая область знания по-своему презентует смысл: психология – в живом явлении и динамике; культура – как знаково-символический текст; аксиология – как ценность; феноменология – как нишу сознания.

К вопросу понимания смысла в текстах культуры обращались такие ученые, как М. Бахтин [2000], Ю. Лотман [2022], И. Зыкова [2015], Т. Филатьева [2023] и др.; различные техники смыслообразования описала С. Оводова [2014]; понятие интертекстуальности представлено в работах Ю. Кристевой [2013], Н. Кузьминой [2011], В. Москвина [2014], G. Allen [2006] и др. Так, авторы, в основном, трактуют смыслы в философии, психологии, интертекстуальность же рассматривается в контексте литературы.

Интертекстуальная техника смыслопорождения основывается на разночтениях текста культуры, что обуславливает смысловую многоуровневость. В структуре интертекстуальной модели смыслообразования можно выделить этап создания текста и этап понимания текста. Надо отметить, что единый смысл не пронизывает все тексты культуры, он локален и дискретен. На наш взгляд, необходимо обозначить интертекстуальные связи, определить, как меняется смысл текстов культуры при определении интекстов, обратив внимание на эмоционально-ценностную компоненту смыслов как результата деятельности человека.

Цель исследования – сформулировать основные принципы интертекстуального смыслообразования, рассмотрев интертекстуальность как технику смыслообразования в текстах культуры.

Объекты и методы исследования

Объектами исследования являются тексты культуры, окружающие человека в повседневной жизни, содержащие в себе смысл. При проведении исследования использовались общенаучные методы: анализ, синтез, абстрагирование, классифицирование, аналогии, сравнения. Исторический метод использован для выявления особенностей интертекстуальности в разные культурно-исторические эпохи.

Среди специфических методов культурологического исследования использовали метод понимания и интерпретации текстов культуры для истолкования смыслов и раскрытия содержания продуктов культуры.

Аксиологический подход в понимании текстов культуры стал важным критерием в процессе смыслообразования посредством интертекстуальности.

Концепция интертекстуального смыслообразования

Концепция интертекстуального смыслообразования базируется на диалоге между текстами культуры посредством сознания человека. В свою очередь, диалог опирается на межтекстовые связи двух типов: исторически обусловленные или оговоренные самим автором; и возникающие у интерпретатора в процессе свободных ассоциаций. То есть интертекстуальные связи первого типа в текстах культуры обнаруживаются довольно легко, они как бы лежат на поверхности, требуя от широкой аудитории наличия определенного уровня образованности, являются общедоступными. Интертекстуальные связи второго типа переходят на реципиента, который становится создателем, сотворцом по сути нового текста культуры. В основе понимания этого типа связей также лежат ассоциации, которые возникают при восприятии текста культуры, зависящие исключительно от воспринимающего субъекта.

Необходимо отметить, что межтекстовые связи, которые возникают в сознании реципиента, могут отличаться от взглядов автора данного текста культуры, что чаще всего и происходит. Например, художник своим полотном хотел передать совсем не тот смысл, который вложил в него зритель.

Не менее важным вопросом в концепции интертекстуального смыслообразования есть границы интертекстуальности. Необходимо отметить, что связей между текстами культуры в сознании реципиента может и не быть, но так как именно на него (реципиента) переносится ответственность в процессе восприятия текста культуры, то он как член социальной общности решает, каким образом этому тексту культуры быть. Смысл текста культуры существует только в процессе взаимодействия текста с другими текстами культуры, по идее М. Бахтина [2000]. А то, что действительно является значимым для текста культуры, находится вне его, то есть выходит за границы данного текста культуры. Выход текста культуры в другие тексты порождает интертекстуальность. То есть границы интертекстуальности определить невозможно, бесконечный диалог текстов культуры способствует их размыванию.

Только при выходе за рамки определенного текста культуры появляется смысл данного текста культуры. То есть смысл появляется в процессе интерпретации текста культуры, независимой от точки зрения автора, который как бы выносится за рамки текста, с автора снимается ответственность за этот текст культуры. Таким образом, чем больше появляется интерпретационных моделей этого текста культуры, тем может быть глубже смысл анализируемого текста культуры, но не всегда так. Процесс смыслообразования напрямую зависит от социокультурной ситуации определенного историко-культурного периода. Так, на протяжении истории одни и те же тексты культуры интерпретировались по-разному. Каждая интерпретационная модель определяет что-то новое в тексте культуры, добавляя его, отражает видение мира и ценностное отношение к нему.

Исследования в области философии, раскрывающие понятие «смысл», которое берет свое начало в трудах Аристотеля, Платона и других мыслителей, и психологии, начиная со середины 1970-х годов, разрабатывают идею об особой смысловой реальности – смысловосфере с индивидуальным и надиндивидуальным бытием [Зыкова, 2015]. Таким образом появляется научное видение смысловосферы как некоей реальности, проявляющейся в индивиде (личности), культуре, языке, что способствует появлению таких понятий, как «смысловосфера личности» [Братусь, 2005], «смысловосфера культуры» [Леонтьев, 2003]. Понятие «смысловосфера» обусловлено особенностями процесса мышления, языка, культуры, культурных ценностей, жизнедеятельности личности. И. Зыкова так формулирует понятие смысловосферы – «объективно и субъективно существующая нематериальная сфера бытия, состоящая из особых смысловых образований или феноменов» [Зыкова, 2015, с. 2].

Исходя из понимания термина, мы выделяем смысловую сферу в интертекстуальном словообразовании. Интертекстуальная концепция словообразования позволяет текстам культуры взаимодействовать между собой, определяя общее смысловое пространство, в котором тексты культуры переплетаются, взаимодействуют, образуя новую смысловую сферу, новые смысловые конструкции.

Интертекстуальную технику словообразования можно рассматривать как скольжение по аналогиям. Разные тексты культуры взаимодействуют между собой, сопрягая смысл и текст. Поэтому, чем больше связей у текста культуры с другими текстами, тем глубже его смысл, который выносится на его границы, на линии сопряжения с другими текстами культуры. Нарастание связей приводит к росту смысловой наполняемости текста культуры, что позволяет его проинтерпретировать с разных точек зрения. Межтекстовые связи тоже обладают смыслом. Это пространство, образующееся между текстами, можно обозначить как смысловую сферу, пространство, в котором образуются новые смыслы. Поэтому у реципиента возникает ощущение преобладания межтекстового пространства по отношению к текстам культуры, но вынесение смысла за рамки текста культуры не лишает его возможности наращивать собственную смысловую насыщенность [Оводова, 2014].

Принципы интертекстуального словообразования

Первым принципом интертекстуального словообразования есть *принцип диалогичности*, где диалог рассматривается как организация взаимодействия, коммуникации. Диалог можем рассматривать как философское течение и как результат психических процессов между людьми. Диалогизм сформировался как направление философской мысли в трудах Ф. Эбнера, Ф. Розенцвейга, О. Розеншток-Хюсси и др. Диалог как качественную характеристику работы сознания, а диалогичность как установку сознания обосновывают в своих исследованиях М. Бубер, М. Бахтин, Г. Гегель, В. Библиер и др. Каждый текст культуры не может существовать обособленно, он обязательно вступает в диалог с другим текстом, каждый из них уникален и несет определенный смысл, в результате взаимодействия этих смыслов порождает *маргинальный смысл*, окрашенный интертекстуальными связями. Поэтому можем сказать, что продуктом межтекстового диалога в культуре есть маргинальный смысл, образованный на границах текстов культуры.

Проживая жизнь, человек пишет свой текст культуры, потребляя продукты культуры. Этот текст культуры отражает образ жизни человека: что он есть, во что одевается, где живет, на чем ездит, с кем общается, какими предметами пользуется. И этот текст содержит интертекст как отражение образа жизни его родителей, о чем этот человек может даже не подозревать (трансляция социокультурного опыта происходит на уровне подсознания в данном случае). И всегда найдутся интерпретаторы конкретного текста культуры: сосед, сотрудник, знакомый, имея минимум информации об этом человеке, создаст свою картину о его жизни, наполнив ее разными смыслами. Таким образом, можем рассматривать потребление как текст культуры, порождающий смыслы [Кузьмина, 2011].

Вторым принципом интертекстуального словообразования есть *принцип разночтения* или интерпретации, обусловленный уровнем знаний интерпретатора и его психоэмоциональными особенностями. Прочтение текста культуры можем назвать процессом создания нового текста. На процесс интерпретации текста культуры влияют стихийные факторы (непредсказуемые, которые возникают в процессе прочтения) и стабильные (условия, в которых этот текст и интерпретатор живет постоянно). Стабильные факторы отражают профессиональные особенности интерпретатора. Как обозначает Н. Симбирцева, «изначально заложенные ценности и смыслы культуры не утрачивают своей значимости в процессе интерпретации текста культуры, а наоборот,

обретают дополнительные смысловые оттенки. Ценностно-смысловая преемственность на уровне «автор – текст культуры – интерпретатор» – ключевое звено, позволяющее сохранить память и коды культуры» [Симбирцева, 2017, с. 71].

Кроме того, «разночтения текстов культуры обусловлены объективными и субъективными факторами, которые определяют ценностно-смысловую и содержательную реконструкцию текста. Ценностно-смысловая составляющая текста культуры способна изменять границы смысловой и содержательной интерпретации и обеспечивать их взаимодействие, коммуникацию» [Симбирцева, 2017, с. 71]. Смыслообразование в текстах культуры зависит от контекста. Среди объективных факторов можно назвать историко-культурные ценности, в которых читается данный текст культуры. «Субъективные факторы интерпретации проявляются в личностном начале, то есть динамика ценностно-смысловой структуры текста культуры зависит от мировоззренческих позиций интерпретатора и его способности к диалогу с текстом, автором, эпохой» [Симбирцева, 2017, с. 72].

Н. Симбирцева рассматривает «интерпретацию как универсальный механизм «относительного» воспроизведения/актуализации культурных смыслов и идей, которая имеет ряд особенностей, влияющих на бытие текста культуры в последующие эпохи: временная дистанция от первоисточника и значимость для современности (по горизонтали); перемещение из одной культуры в другую (идентификационный поиск смыслов и реалий); социальная адаптация (по вертикали): популяризация, массовость, упрощенность. Человек, живущий в рамках определенной культурной модели, истолковывает и соотносит свой опыт, опираясь на личное восприятие и постижение мира и реальности. Устойчивость такого опыта важна, так как он позволяет «разумно действовать среди постоянных вызовов со стороны окружения и организовывать стимулы, порожденные внешними событиями, в совокупность органического опыта» [Симбирцева, 2017, с. 18].

Таким образом, аксиологические смыслы, заложенные в тексты культуры определенного историко-культурного периода, играют важную роль в процессе их прочтения представителями последующих эпох, что позволяет не только передать традиции прошлых поколений, но и регенерировать смыслы в условиях современной социокультурной практики и реализовать их в разных текстах культуры: визуальных, вербальных, аудиальных и др.

Третьим принципом интертекстуального смыслообразования выделим *принцип функциональности*. Важным есть определение функций интертекста в процессе смыслообразования, какую роль они играют в процессе появления новых смыслов. Смыслорождающая функция интертекста в текстах культуры «заключается в расширении семантики текста за счет возникновения различных ассоциаций, во включении в текст имплицитно представленной информации, связанной с другими текстами (другими семиотическими системами)» [Молдахметова, 2020, с. 1]. То есть, как говорилось раньше, в процессе взаимодействия текстов культуры появляются новые смыслы этих текстов, поэтому нахождение интертекстов в текстах культуры способствует формированию представлений об определенном событии или герое, эмоциональной насыщенности этого текста культуры, его образной выразительности, что в результате позволит вывести новую смысловую линию.

Заклучение

Итак, смыслообразование посредством интертекстуальности будем рассматривать как процесс формирования ценностных смыслов в результате образования смысловых структур, производных от деятельности, разворачивающийся в определенном контексте как результат межтекстовой коммуникации, когда подключаются новые объекты к существующей системе смысловых связей. Эти тексты культуры приобретают новый смысл, встраиваются в систему жизненных отношений субъекта, приобретая регулирующие функции, а сама смысловая система расширяется. В отличие от других

видов динамики смысловых процессов смыслообразование характеризуется тем, что не происходит содержательной трансформации смыслов. Происходит расширение сети смысловых связей через осмысление новых объектов, явлений и действий в контексте исходных, более общих смыслов.

Таким образом, концепция интертекстуального смыслообразования исходит из интерпретации (понимания) текста культуры. Разность мировоззренческих матриц порождает разночтения в смыслообразовании в текстах культуры. В результате разработки концепции интертекстуального смыслообразования мы выделили принципы, на которых основывается данная концепция: диалогичности, разночтения, функциональности. В дальнейшем эти принципы помогут обосновывать смыслы в текстах культуры посредством интертекстуальных включений.

Список литературы

- Аристотель. 1983. Сочинения в 4-х т. Под ред. В. Ф. Асмуса. М., Мысль. 830 с.
- Бахтин М.М. 2000. Автор и герой в эстетической деятельности: К философским основам гуманитарных наук. СПб., Азбука. 336 с.
- Братусь Б.С. 2005. Общая психология. *Введение в психологию*. 1. М., АCADEMIA. 352 с.
- Зыкова И.В. 2015. «Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2(43): 13–24.
- Кристева Ю. 2013. Семиотика: исследования по семанализу. Пер. с фр. Э. А. Орловой. М., Академический Проект. 285 с.
- Кузьмина Н.А. 2011. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса. *Медиаскоп*, 1: 13–22.
- Кулькина В.М. 2014. Интертекстуальность в контексте философских исследований. *Вестник культурологии*, 1(68): 67–80.
- Леонтьев Д.А. 2003. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. Смысл. 487 с.
- Лотман Ю.М. 2022. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М., Языки русской культуры, 464 с.
- Лотман Ю.М. 2001. Семиосфера. СПб., Искусство, 704 с.
- Молдахметова А.А. 2020. Функциональные особенности использования интертекстуальности в художественном тексте (на примере произведения «Улисс» Дж. Джойса), URL: www.ulagat.com (дата обращения: 18.06.2023).
- Москвин В.П. 2021. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов. Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В. П. Москвин. М., Флинта. Наука: 16–51.
- Оводова С.Н. 2014. Техники анализа текстов культуры. Омск, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 108 с.
- Симбирцева Н.А. 2017. Специфика культурологической интерпретации (тексты культуры и читатели). Екатеринбург. 240 с.
- Симбирцева Н.А. 2017. Текст культуры: факторы и механизмы интерпретации. *Вестник славянских культур. Теория и история культуры*, 46: 70–85.
- Филатьева Т.В. 2023. Смыслообразование в контексте социокультуры региона. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 9(75). 2: 81–88.
- Филатьева Т.В. 2023. Фрейм как элемент смыслообразования. *Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 23. 2: 169–174. DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-2-169-174
- Allen G. 2006. Intertextuality. London: Routledge, URL: <http://www.litencyc.com> (дата обращения: 25.06.2024).

References

- Aristotel'. 1983. Sochinenija v 4-h t. [Essays in 4 volumes]. M., Mysl'. 830 p.
- Bahtin M. M. 2000. Avtor i gerov v jesteticheskoj dejatel'nosti [The author and the hero in aesthetic activity]: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb. Azbuka. 336 p.
- Bratus' B. S. 2005. Obshhaja psihologija. [General psychology]. Vvedenie v psihologiju. 1. M., АCADEMIA. 352 p.

- Zykova I.V. 2015. «Konceptosfera kul'tury» kak bazisnaja edinica metajazyka lingvokul'turologii. [“Conceptosphere of culture” as the basic unit in the metalanguage of linguoculturology]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2(43): 13–24.
- Kristeva Ju. 2013. *Semiotika: issledovanija po semanalizu*. [Semiotics: research on semanalysis] / Translated from the French. Je. A. Orlovoj. M., Academic Project, Publ.: 285p.
- Kuzmina N.A. 2011. Intertextuality and Precedent as basic cognitive categories of media discourse]. *Mediascope*. 1: 13–22. (in Russian).
- Kul'kina V.M. 2014. Intertekstual'nost' v kontekste filosofskih issledovanij. Kul'tura i filosofija. [Intertextuality in the context of philosophical research. Culture and philosophy]. *Vestnik kul'turologii*, 1(68): 67–80.
- Leontev D.A. 2003. *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti*. [The psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality]. M. Smysl. 487 p.
- Lotman Ju. M. 2022. *Vnutri mysljashhiih mirov: chelovek – tekst – semiosfera – istorija*. M., Jazyki russkoj kul'tury. 464 p.
- Lotman Ju. M. 2001. *Semiosfera*. [The Semiosphere]. Spb.: Iskusstvo, 704 p.
- Moldahmetova A.A. 2020. Funkcional'nye osobennosti ispol'zovanija intertekstual'nosti v hudozhestvennom tekste (na primere proizvedenija «Uliss» Dzh.Dzhojsa). [Functional features of the use of intertextuality in a literary text (using the example of the work "Ulysses" by J.Joyce)]. URL: www.ulagat.com. (accessed: 18.06.2023).
- Moskvin V.P. 2014. Teorija intertekstual'nosti: kategorial'nyj apparat. Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov. [The theory of intertextuality: a categorical apparatus. Intertextuality and intertext figures in different types of discourses]. *Nauch. red. T.N. Kolokol'ceva, V.P. Moskvin. M., Flinta; Nauka: 16–51*.
- Ovodova S.N. 2014. *Tehniki analiza tekstov kul'tury* [Techniques for analyzing cultural texts]. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo. 108 p.
- Simbirceva N.A. 2017. *Specifika kul'turologicheskoi interpretacii (teksty kul'tury i chitateli)* [Techniques for analyzing cultural texts]. Ekaterinburg, 240 p.
- Simbirceva N.A. 2017. The text of culture: factors and mechanisms of interpretation. *Vestnik slavianskikh kul'tur. Teoriya i istoriya kul'tury` 46*. 70–85. (in Russian).
- Filateva T.V. 2023. Meaning formation in the context of the socio-culture of the region. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija*. 9(75): 81–88.
- Filateva T.V. 2023. Semantic frame as an element of meaning-making]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika*. 23. 2: 169–174. DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-2-169-174
- Allen G. 2006. *Intertextuality*. [Intertextuality]. London: Routledge, URL: <http://www.litencyc.com> (accessed: 25.06.2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.08.2023

Поступила после рецензирования 02.11.2023

Принята к публикации 30.05.2024

Received August 02, 2023

Revised November 02, 2023

Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филатьева Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры культурологии, Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского, г. Луганск, Россия.

 [ORCID: 0009-0005-4487-4361](https://orcid.org/0009-0005-4487-4361)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Filatieva, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts, Lugansk, Russia.

 [ORCID: 0009-0005-4487-4361](https://orcid.org/0009-0005-4487-4361)

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 291

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-374-382

Концепт служения: евангельские смыслы и актуальные контексты

Липич Т.И. , Маслакова А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
pressmiloserdie@mail.ru, lipich@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос служения Русской Православной Церкви в современном обществе, способствующего решению насущных общественных проблем (войны, эпидемии, социальное неравенство и др.). Авторы уделяют особое внимание нравственной составляющей категорий «благотворительность», «милосердие», «миссионерство», «подвижничество», «религиозное образование и просвещение», «материальные и духовные дела милосердия», воплощаемых в реальных делах религиозных организаций. Авторы отмечают, что перспективы развития служения связаны с его распространением в социуме, а также с развитием сотрудничества Церкви и государства. Сделан вывод о том, что современная концепция социального служения, основываясь на священных книгах, наполняет новыми смыслами такие ценности, как благотворительность, милосердие, миссионерство, подвижничество.

Ключевые слова: Бог, Евангелие, Церковь, религия, нравственность, служение, милосердие, благотворительность, социум, помощь нуждающимся

Для цитирования: Липич Т.И., Маслакова А.В. 2024. Концепт служения: евангельские смыслы и актуальные контексты. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 49(2): 374–382. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-374-382

The Concept of Ministry: Evangelical Meanings and Current Contexts

Tamara I. Lipich , Anastasia V. Maslakova

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
pressmiloserdie@mail.ru, lipich@bsu.edu.ru

Abstract. The article considers the issue of the ministry of the Russian Orthodox Church in modern society, contributing to the solution of pressing social problems (wars, epidemics, social inequality, etc.). The authors pay special attention to the moral component of the categories "charity", "mercy", "missionary work", "asceticism", "religious education and enlightenment", "material and spiritual works of mercy", embodied in the real affairs of religious organizations. The authors note that the prospects for the development of the ministry are associated with its spread in society, as well as with the development of cooperation between Church and state. It is concluded that the modern concept of social service, based on the sacred books, fills with new meanings such values as charity, mercy, missionary work, asceticism.

Keywords: God, Gospel, Church, religion, morality, ministry, charity, mercy, society, help to those in need

For citation: Lipich T.I., Maslakova A.V. 2024. The Concept of Ministry: Evangelical Meanings and Current Contexts. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 374–382 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-374-382

Введение

Религиозные организации уже много лет осуществляют «служение миру». Служение связывает богословские теории и практические дела, которые осуществляют религиозные организации для преодоления социально значимых проблем.

Наиболее уязвимые слои населения во все времена поддерживались религиозными организациями. Эта помощь приобретала особую значимость во время войн, эпидемий, стихийных бедствий, политических и социально-экономических кризисов. Эти проблемы есть и в современном мире. В работах М.В. Моисеенко [2012] отмечается, что духовно-нравственный кризис, охвативший нашу страну, стимулировал активизацию социального служения.

Социальное служение является помощью Церкви государству в решении актуальных общественных проблем, связанных с нищетой, бродяжничеством, социальным сиротством и др. Теодор ван дер Форт [2021] социальное служение рассматривает в контексте любви к Родине, своему народу, преданности истинным ценностям. В ряде работ [Зубанова, 2016, Липин, 2004] социальное служение рассматривается в ходе анализа тем милосердия, сострадания, призрения, помощи, поддержки и благотворительности.

Развернутый анализ социальной сущности посылов милосердия и благотворительности был выполнен в конце XIX – начале XX века. Он связан с именами русских религиозных философов: В.С. Соловьева [1883], В.В. Розанова [2008], С.Н. Булгакова [1994]. В их работах рассмотрены понятия милосердия и благотворительности, особенности реализации принципов христианского учения для преодоления социальной несправедливости, зла и общественных пороков. Вопросы возникновения и становления социального служения русской православной церкви в нашей стране были освещены С.Г. Зубановой [2016], Н.П. Рузановой [2011].

Если мы обратимся к толкованию понятия служения Д.Н. Ушаковым, то увидим, что это служение великому делу, а в «Энциклопедическом словаре педагога» отмечаем, что служение – это такое отношение человека к своей деятельности, при котором «он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высокопродуктивно выполнять любую, взятую на себя работу... Служение – это бескорыстие общественно ценных мотивов, строгое и точное, с самоотдачей выполнение своих профессиональных функций, выполнение не по обязанности, а из внутренней гражданской позиции». [Основы..., 2024]. Вместе с тем социальное служение – это и социальная деятельность Церкви по оказанию помощи нуждающимся, а также создание при участии Церкви разного рода заведений, действующих в соответствии с православными традициями милосердия и исполнения своего жертвенного долга.

Евангельские смыслы служения

Прежде всего необходимо рассмотреть понятие служения в трактовке Библии. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отмечал, что «служение – это исполнение евангельских заповедей о любви к Богу и ближнему» [Патриарх Московского и всея Руси Алексия II, 2010, 681 с.].

Служение связано с деятельностью на благо другого, реализацией представлений о несовершенстве человека в качестве мотива самосовершенствования, ориентацией на духовно-нравственные ценности. Следуя Библии, верующие люди, выполняя свое

служение, стремятся в первую очередь «отдать»: «Лучше давать, чем брать», – говорится в Библии (Деян. 20:35). В христианских традициях необходимо стремиться к безупречности, равняться на Бога как идеал, любить своих ближних, проявлять милость сердца, выполняя свое служение. В Библии сказано так: «Блажен думающий о нищих и убогих, в день скорби избавит его Господь» (Пс. 40:2.).

Исследователи становления русской философии в поисках оснований служения обращают внимание на социальную направленность вопросов церковного служения. В первую очередь это забота о нуждающихся и терпящих лишения людях [Хоружий, 1994, с. 29]. Не менее значимой является позиция, рассматривающая милосердную помощь человеку как служение Богу: «Все в мире создано на службу человеку, человек же создан на службу Богу и единственный способ служить Богу — это служить людям» [Липин, 2004, с. 297].

Узловым смыслообразующим компонентом, в котором заключено назначение всех церковных миссий, является Благовестие Христово. Повествуя о деяниях Иисуса Христа, нести Благою весть продолжили апостолы. Безусловно, именно Евангелие является основой всех церковных деяний. Как и раньше, в современном мире Евангелие все верующие люди воспринимают как Божью силу для спасения.

Земная жизнь Иисуса Христа была направлена на служение людям. По словам апостола Павла в Истинном Евангелии провозглашена идея оправдания человека верой. Благодатное служение Иисуса Христа положило начало этому [Тит 3:5]

Постижение Божьей благодати связано с соблюдением Евангельских заповедей о деяниях Христа, верой в Бога, готовностью служить Ему, выполнением конкретных деяний служения и реализацией идей искупления, почин чего был задан Иисусом Христом.

Современные исследователи [Бондаренко, 2012; Дорская, 2008; Махно, 2012] признают особую важность готовности человека осуществлять служение. «Церковь – воплощение тела Христова и Его имени.

В Библии очень много свидетельств готовности к служению Христа. «Иисус пришел не для того, чтобы Ему служили, а для того, чтобы Самому служить» (Мф. 20:28). «При воплощении Он принял образ раба» (Флп. 2:7). «Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2:8). Следуя Библии, Церковь служит своему Господу и миру. И Церковь всегда была готова выполнять это служение.

Евангелие повествует о бескорыстном служении Иисуса терпящим беды, лишения, страдающим, обездоленным людям. Очень важным является аспект бескорыстия, без какого-либо блага, расчета, выгоды для Себя. Церковь в своем служении следует за примером Господа. Следовать за примером Господа, помогать обрести Бога в своем сердце, правильно устроить свою внутреннюю жизнь христианина должен священник. Среди православных христиан немало тех, кто готов регулярно помогать нуждающимся людям. Милосердные дела сплачивают приходскую общину сегодня не меньше, чем несколько веков назад. Милосердие является очень важной функцией христианской общины даже при выполнении малых и незаметных дел. Это помогает общине жить, показывает человеку дорогу к Богу.

Согласно Священному Писанию, государство и церковь создал Бог. И Бог преследовал Свои цели при их создании (Рим. 13:1-7; 1 Пет. 2:13-17). В ходе исторического развития отношения Церкви и государства характеризовались большой динамичностью. «Церковь... имеет не только таинственную сущность, неподвластную стихиям мира, но и историческую составляющую, входящую в соприкосновение и взаимодействие с внешним миром, в том числе с государством. Государство, которое существует для устройства мирской жизни, также соприкасается и взаимодействует с Церковью» [Основы социальной концепции Русской православной Церкви, 2008, с. 13].

Актуальные контексты служения

Перейдем к рассмотрению позиции Церкви в отношении служения, выбору методов, форм и содержания деятельности служения применительно к конкретным ситуациям. Позиция Церкви такова: Церковь должна идти к нуждающимся. «Идти» – это и физически перемещаться, и использовать для этого соответствующие методы, например, духовное окормление, участие в Таинствах. Мир изменяется. Церковь служит миру, поэтому церковное служение соответствует современным условиям существования общества. Побуждающей силой служения во все времена является пример Господа. В образе человека Господь приходит к нам (Флп. 2:5-8). С.А. Липин [2004] отмечает, что наличие у Церкви стремления нести свое служение, какое было у Господа, находит отклик в сердцах людей.

Тема социального служения нашла отражение в обращениях председателя Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископа Верейского Пантелеимона. Евангельские заповеди как побуждение Господа к проявлению заботы о страждущих связаны с идеями социального служения: «Социальное служение гораздо шире, чем мероприятия помощи бездомным или малообеспеченным. Служение является ответом сердца, наполненного любовью, на страдания и боль другого человека» [Епископ Верейский Пантелеимон, 2021]. О социальном служении говорится и в малых заповедях Нагорной проповеди об отношении друг к другу. Согласно Евангелию от Луки, в качестве результата покаяния являются добрые деяния по отношению к другим людям (Лк. 3:8). Доброе дело – поделиться с нуждающимися не только вещами или деньгами, но и радостью, поддержать словом.

Человек характеризуется тем, как он относится к своим ближним. Проявление сочувствия, сострадания, оказание помощи нуждающимся людям способствует развитию способности к пониманию своего места в жизни. Общаясь с прихожанами, священник должен культивировать в них умножение любви. Это делает жизнь людей полной. К этому призывал Господь.

Служение базируется на Евангельской заповеди Иоанна переживать любовь друг к другу: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Ин. 13:34-35).

Служение Христа в Новом очень обширно. Так, деяния Христа направлены на болящих, обездоленных, нищих, страдающих, испытывающих лишения. «Покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих (Иак. 2:18). Поэтому самоотверженное служение ближним Патриарх Московский и всея Руси Алексей II называл подлинным исполнением заповедей Бога (Алексий, Патриарх Московский и всея Руси, 2004: с. 19].

В Евангельских рассказах описываются направления социального служения. Представляется важным их указать. В Евангелии от Матфея сказано: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут» (Мф. 5:7). «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25:35-36). Далее – еще одно обращение: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40). О служении болящим говорил Лука: «Пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют» (Лк. 7:22-23). А также: «Создав дал им силу и власть над всеми бесами, и врачевать от болезней. И послал их проповедовать Царствие Божие и исцелять больных» (Лк. 9:1-2).

Евангельское понимание подлинного служения связано с трудом и страданием.

Развитие концепции служения продолжается и в наше время. И «служение раба Господня», и служение Церковью литургии, и «служение – диакония» как служения высшего порядка стоят в одном ряду. Церкви важно обращаться и к «служению»

страдающего раба Божьего, и к диаконии постройки живого храма Божьего, чтобы она могла носить плод во славу Божию» [Теодор ван дер Форт, 2012, с. 23].

Для многих верующих Евангелие является читаемой книгой. В контексте современной российской практики термин «служение» активно применяется и в светском обществе. Сейчас часто используется термин «гуманитарная деятельность». В светском обществе гуманитарная деятельность преимущественно связана с благотворительностью, получателями которой являются нуждающиеся люди. В современном мире служение становится все более востребованным.

Благотворительность во всем мире и в частности в нашей стране выступает в качестве отдельного социального явления, которое становится все более востребованным в обществе. Нравственный авторитет в сфере служения очень высок.

Виды служения, характерные для современной церкви, рассмотрены С.Г. Зубановой. Прежде всего это:

– «микродименциональное» – служение Церкви нуждающимся детям, одиноким старикам, болеющим, отбывающим наказание, людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации и т.д.;

– «макродименциональное» – служение в широком смысле. Это обращение Церкви к государству и обществу с целью морального воздействия, выработки соответствующих ценностных ориентаций, развитию чувства ответственности, чувства долга [Зубанова, 2016, с. 119].

Сегодня имеют место заявления Патриарха и других архипастырей о том, что установление и развитие социального партнерства с государством, благотворительными, образовательными, научными, культурными организациями очень важно как общественное служение Церкви. В частности, епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон (Шатов) отмечает, что сегодняшний социальный запрос на служение настолько возрос, что многие вопросы, которые порой требуют безотлагательных решений, достаточно сложно решить без сотрудничества, соработничества, в частности партнерства с благотворительными структурами. Поэтому очень важно, чтобы участие в служении являлось актуальной деятельностью не только для отдельных личностей, а распространилось в социуме [Шатов, 2021].

В связи с высокой интенсивностью жизни, социально-экономическими и политическими процессами, происходящими в мире, священник Георгий Кочетков обращает внимание на необходимость «постоянного обновления служения» [Кочетков, 2006]. Это касается «нецерковных» людей. Священник подчеркивает, что «нецерковные люди требуют постоянной заботы (о себе) и участия». От тех, кто осуществляет служение сегодня, требуется и вера в Бога, и молитвенность, и смирение, и бескорыстность, и готовность преодолевать все трудности. Если эти качества не выработаны, то служения в истинном значении нет, а есть социальная помощь. Но это, как подчеркивает епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон, разные сферы деятельности [епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон, 2021].

Любовь и милосердие содействуют тому, чтобы нуждающиеся смогли перенести страдания. Познания людей о страданиях Христа согревает сердца любовью, помогает уменьшить страх перед страданием. Выполняя социальное служение, человек жертвует собой, сострадает, сочувствует, помогая понять тайну страдания. Это главное отличие социального служения Церкви от государственной деятельности социальных служб:

Как справедливо, на наш взгляд, замечают Л.И. Бондаренко, Е.А. Овчинникова, концепт служения связан со сложной системой нравственной саморегуляции [Бондаренко, 2012, с. 222]. Он обогащается новым содержанием в нравственной культуре на каждом новом этапе общественного развития.

Концепция социального служения основывается на ряде базовых ценностей. Этими ценностями выступают: благотворительность и милосердие, миссионерство и подвижничество, религиозное образование и просвещение.

Качества личности тех, кто выполняет служение, нельзя игнорировать. Эти качества напрямую связаны с базовыми ценностями, на которые ориентируется человек. Главным из таких качеств, безусловно, является способность любить, сострадание, доброта, терпимость. И эти качества не зависят от возраста, пола, уровня образования и места работы.

Авторы исследования разделяют точку зрения М.В. Моисеенко о том, что служение не является массовым явлением [Моисеенко, 2017: с. 339]. Но исследования свидетельствуют о том, что людей, посвящающих жизнь Служению, не мало. Самым ярким примером является служение во время распространения коронавирусной инфекции: добровольческая деятельность в «красных» зонах, на горячих линиях, доставка нуждающимся продуктовых наборов, лекарств, средств гигиены и индивидуальной защиты, духовная поддержка.

В российском служении активно участвуют добровольческие молодежные объединения [Председатель, 2018 Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению]. Молодежное служение связано с такими мотивами, как стремление к самореализации, социальной значимости; самовыражению и самоопределению; наличием гражданской позиции, выражением общественного и религиозного долга.

Молодежи необходимо знать примеры великих личностей, чье служение навсегда осталось в памяти потомков (кнг. Елизавета Феодоровна, архим. Макарий (Глухарёв) и др.). Председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископа Орехово-Зуевского Пантелеимона [2018] отмечает, что служение чаще всего бывает явлением скромным и не афишируется. Однако от этого оно не становится менее ценным и значимым. Движимые внутренней мотивацией люди выполняют служение добросовестно и честно.

Рассмотрим примеры милосердных дел служения (см. рисунок).

Аспекты служения в современном мире
Aspects of service in the modern world

Спрос на материальные дела милосердия сегодня очень большой. В первую очередь это связано с пандемией и с проведением СВО. В таких непростых условиях в людях проснулись самые глубинные ценностные смыслы милосердия, сострадания, помощи. Но и духовная помощь в трудную минуту является не менее важной. И здесь не важно, на кого направлено служение, кто является получателем помощи. Все эти современные практики социального служения выступают базой патриотизма, консолидирующего наше общество. Ведь еще М.В. Ломоносов призывал формировать человека-патриота, для

которого служение народу во благо Отчизны будет главным нравственным основанием собственного существования.

Служение больным и инвалидам; сиротам, бездомным, беженцам и переселенцам; заключенным, страдающим зависимостями; нуждающимся, престарелым – это направления современного социального служения РПЦ.

Представляется важным привести мнение Л.М. Дмитриевой и Т.А. Костылевой. Исследователи обращают внимание на необходимость поиска эффективных современных форм служения, «которые удовлетворяли бы нуждам отдельных лиц, семей и общества и в то же время способствовали социальной справедливости на местном, национальном, региональном и всемирном уровнях» [Дмитриева, Костылева, 2006, с. 31].

Заключение

Служение связано с выполнением деятельности на благо других, признанием высших ценностей, осознанием своего несовершенства, активным самосовершенствованием через милосердное богоуподобление. Единственным способом служения Богу является служение людям. Социальное служение связано с исполнением евангельских заповедей заботиться о людях, которые нуждаются, трудом и страданием.

Динамика, свойственная современному миру, требует постоянного обновления содержания служения, поэтому поиск новых форм и практик служения сегодня весьма актуален. Перспективы развития служения связаны с его распространением в социуме, развитием сотрудничества Церкви и государства. Современная концепция социального служения во многом перекликается по сути со священными книгами. Это касается базовых ценностей, таких как благотворительность, милосердие, миссионерство, подвижничество, религиозное образование и просвещение. Любовь к ближнему, милость, справедливость были и являются личными качествами тех, кто осуществляет служение. Милосердие выступает высшей ценностью, на основе которой формируются различные практики современного социального служения, которые оказывают определенное влияние на современные процессы в обществе. В первую очередь это относится к патриотизму как одной из форм социального служения.

Перед гражданским обществом и РПЦ встает задача формирования духовности и патриотизма у современной молодежи, что успешно решается в Белгородской области в содружестве с Белгородской и Старооскольской митрополией

Список источников

- Доклад председателя Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископа Орехово-Зуевского Пантелеимона на заседании Высшего Церковного Совета. 2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5194895> (дата обращения: 22 февраля 2023).
- Долженко А.Г. Нагорная проповедь. 2020. Православная электронная библиотека URL: <https://lib.pravmir.ru/?searchid=1899594&text=Долженко%20А.Г.%20Нагорная%20проповедь%20&web=0> (дата обращения: 18 октября 2021).
- Епископ Верейский Пантелеимон. 2021. Социальное служение — это исполнение Евангельских заповедей. Православие.Ru URL: <https://pravoslavie.ru/142410.html> (дата обращения: 20 октября 2021).
- Основы социальной концепции Русской православной Церкви. 2008. М., Отд. внешних церковных связей Московского патриархата, 174 с.
- Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). Режим доступа: http://spiritual_culture.academic.ru. (дата обращения: 23 апреля 2024.).
- Православная энциклопедия. 2010. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 24: Иоанн воин – Иоанна Богослова откровение. М., Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 751 с.
- Розанов В.В. 2008. Апокалипсис нашего времени. М., Эксмо, 104 с.

Список литературы

- Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Войдите в радость Господа своего. 2004. М., Московская Патриархия ИС, 256 с.
- Бондаренко Л. И., Овчинникова Е.А. 2012. Концепт «служения» в нравственной культуре России. *Дискурсы этики*, 1: 215–222.
- Булгаков С. Н. 1994. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., Республика, 478 с.
- Дмитриева Л.М., Костылева Т.А. 2006. Социальное служение в понимании основных христианских конфессий. *Омский научный вестник*. 5: 28–31.
- Дорская А. А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. Диссертация ... доктора юридических наук. М., 2008.
- Зубанова С.Г. 2016. Социальное служение в России: исторический опыт, теоретические основы, современная практика. М., КНОРУС: ООО Квант Медиа, 256 с.
- Кочетков Георгий, священник. 2006. Проблемы проповеди Евангелия и контекст современной церковной жизни в России URL: <https://sfi.ru/science/doklady-stat-i-vystupleniia/problemy-propovedi-evangelii-i-kontekst-sovremennoi-tserkovnoi-zhizni-v-rossii.html> (дата обращения: 21 октября 2021).
- Липин С.А. 2004. Служение – основа самобытности русского народа. *Социально- гуманитарные знания*, 5: 295–305.
- Махно Л.Л. 2013. Проблема социального служения Русской Православной Церкви в трудах отечественных историков конца XIX – начала XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 218 с.
- Моисеенко М.В. 2017. Нравственный феномен служения. *Вестник РУДН. Серия: Философия*, 21(3): 338–345.
- Рузанова Н.П. 2011. Практика социального служения православного монастыря в XIX веке *Теодицея*, 2: 27–31.
- Соловьёв В.С., 1883. Великий спор и христианская политика. М., Тип. М.Н. Лаврова и К°, 260 с.
- Теодор ван дер Форст, прот. 2021. Церковь. Богословие. История. Екатеринбург, Екатеринбургская духовная семинария, 416 с.
- Хоружий С.С. 2004. После перерыва. Пути русской философии. СПб., Питер, 445 с.

References

- Report by Bishop Panteleimon of Orekhovo-Zuevsky, Chairman of the Synodal Department for Church Charity and Social Service, at a meeting of the Supreme Church Council. 2018. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5194895> (accessed February 22, 2023).
- Dolzhenko A.G. The Sermon on the Mount. 2020. Orthodox Electronic Library URL: <https://lib.pravmir.ru/?searchid=1899594&text=Dolzhenko%20A.G.%20nagornaya%20propoved%20&web=0> (accessed October 18, 2021). Bishop Panteleimon of Verey. 2021.
- Social service is the fulfillment of the Gospel commandments. Orthodoxy.Ru URL: <https://pravoslavie.ru/142410.html> (accessed October 20, 2021).
- The foundations of the social concept of the Russian Orthodox Church. 2008. Moscow, Department of External Church Relations of the Moscow Patriarchate, 174 p.
- Fundamentals of spiritual culture (encyclopedic dictionary of the teacher). Access mode: http://spiritual_culture.academic.ru . (accessed April 23, 2024.).
- The Orthodox Encyclopedia. 2010. Ed. Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. Vol. 24: John the Warrior - John the Theologian revelation. М., Church Scientific Center "Orthodox Encyclopedia", 751 p.
- Rozaanov V. V. 2008. The Apocalypse of our time. Moscow: Eksmo, 104 p.
- Alexy, Patriarch of Moscow and All Russia. Enter into the joy of your Lord. 2004. Moscow, Moscow Patriarchate of IS, 256 p.
- Bondarenko L. I., Ovchinnikova E.A. 2012. The concept of "service" in the moral culture of Russia. *Discourses of Ethics*, 1: 215-222.
- Bulgakov S. N. 1994. The light is not evening. Contemplation and speculation. М.: Republic, 478 p.
- Dmitrieva L.M., Kostyleva T.A. 2006. Social service in the understanding of the main Christian denominations. *Omsk Scientific Bulletin*. 5: 28–31.

- Dorskaya A. A. Church law in the legal system of the Russian Empire of the late XVIII – early XX centuries. Dissertation ... Doctor of Law. M., 2008.
- Zubanova S.G. 2016. Social service in Russia: historical experience, theoretical foundations, modern practice. M., KNORUS: Kvant Media LLC, 256 p.
- Kochetkov Georgy, priest. 2006. The problems of preaching the Gospel and the context of modern Church life in Russia URL: <https://sfi.ru/science/doklady-stat-i-vystupleniia/problemy-propovedi-evangeliia-i-kontekst-sovremennoi-tserkovnoi-zhizni-v-rossii.html> (accessed October 21, 2021).
- Lipin S.A. 2004. Service is the basis of the identity of the Russian people. *Social and Humanitarian Knowledge*, 5:295-305.
- Makhno L.L. 2013. The problem of social service of the Russian Orthodox Church in the works of Russian historians of the late XIX – early XX centuries). ... candidate of Historical Sciences. M. 2012. 218 p.
- Moiseenko M.V. 2017. The moral phenomenon of service. *Bulletin of the RUDN. Series: Philosophy*, 21(3): 338-345.
- Ruzanova N.P. 2011. The Practice of social service of an Orthodox monastery in the nineteenth Century *Theodicy*, 2:27-31.
- Solovyov V.S., 1883. The Great Dispute and Christian Politics. Moscow: M.N. Lavrov and Co., 260 p.
- Theodor van der Fort, proto. 2021. Church. Theology. History. Yekaterinburg, Yekaterinburg Theological Seminary, 416 p.
- Khoruzhy S.S. 2004. After the break. The Ways of Russian Philosophy. St. Petersburg, St. Petersburg, 445 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2024
Поступила после рецензирования 02.05.2024
Принята к публикации 15.06.2024

Received April 2, 2024
Revised May 2, 2024
Accepted June 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0001-7200-0411](https://orcid.org/0000-0001-7200-0411)

Маслакова Анастасия Валерьевна, ассистент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID: 0000-0002-8185-5670](https://orcid.org/0000-0002-8185-5670)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0001-7200-0411](https://orcid.org/0000-0001-7200-0411)

Anastasia V. Maslakova, assistant of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID: 0000-0002-8185-5670](https://orcid.org/0000-0002-8185-5670)

УДК 140.8

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-383-392

Особенности трансформации буддийских сообществ России

Музафарова Н.Р., Багаева К.А.

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Россия, 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
muzafar-nr@mail.ru

Аннотация. Специфика развития и функционирования современных буддийских российских сообществ соответствует общемировым тенденциями, сохраняя региональные особенности. Авторы отмечают изменения в структуре сообществ, их положения в обществе, связывая с трансформацией общества. Показано, что буддийские российские сообщества зависят не только от локальных, но и от глобальных социокультурных процессов, происходящих в стране и мире. В России сосуществует два типа буддийских организаций – традиционные и глобальные. Сегодня в контексте обращения к традиционным духовным ценностям, воплощаемым в частности в буддизме, эти организации стали стремиться к выстраиванию диалога. Сделан вывод о том, что сегодня усиливается трансформация буддийских сообществ, что ожидаемо в контексте изменений, происходящих в современном мире. Религиозное пространство буддийских организаций мозаично и отличается пестротой учений, но мировоззренческое ядро в них остается прежним, несмотря на модификации.

Ключевые слова: религия, общество, буддизм, буддийские сообщества, Республика Бурятия, Калмыкия, Тува

Для цитирования: Музафарова Н.Р., Багаева К.А. 2024. Особенности трансформации буддийских сообществ России. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 383–392. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-383-392

Features of the Transformation of Buddhist Communities in Russia

Natalia R. Muzafarova, Kseniya A. Bagaeva

Banzarov Buryat State University
24a Smolin St, Ulan-Ude 670000, Russia
muzafar-nr@mail.ru

Abstract. The authors of the article address the issue of the current situation of Buddhist communities in Russian society. As the study of the topic has shown, the specifics of the development and functioning of modern Russian Buddhist communities correspond to global trends with certain regional characteristics. The authors note changes in the structure of communities, their position in society, linking them with the transformation of society. They equally proportionally depend not only on local, but also on global socio-cultural processes occurring in the country and the world. Two types of Buddhist organizations coexist in Russia - traditional and global. In the first, the national (folk) form of Buddhism prevails, in the second, the international (convert) form. Both forms - conservative and liberal - develop in parallel, almost without interacting with each other. The conservative form of Buddhism is represented by Buddhist communities in the primordially Buddhist territories - Buryatia, Kalmykia, Tuva. These communities have their own religious leaders, and since the 90s of the last century they have been quite disunited. Today, in the context of turning to traditional spiritual values, embodied, in particular, in Buddhism, these organizations began to strive to build dialogue. The second type of Buddhist communities is the result of globalization, the development of neo-Buddhist trends, popular in nature, and more localized in the European part of the country. Thus, today the transformation of Buddhist communities is intensifying,

which is expected in the context of the changes taking place in the modern world. The religious space of Buddhist organizations is mosaic and differs by a variety of teachings, but the ideological core in them remains the same, despite modifications.

Keywords: religion, society, Buddhism, Buddhist communities, Republic of Buryatia, Kalmykia, Tuva

For citation: Muzafarova N.R., Bagaeva K.A. 2024. Features of the Transformation of Buddhist Communities in Russia. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 383–392 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-383-392

Введение

Современная ситуация свидетельствует о ренессансе религии. В отличие от прошлого века с его однозначным негативным отношением к любым видам культа современная политика сменилась на диаметрально противоположную. Сегодня религия позиционируется правительством как одна из главных духовных скреп общества. Она стала необходимым компонентом стабилизации, формирования и развития новой российской государственности и культуры. По мнению И.С. Тарбастаевой, «в настоящее время религиозные институты представляют собой активный специфический актор политической системы, оказывающий значимое влияние на формирование культурных ценностей и ориентиров общества. Религиозные организации и их лидеры оказывают конституирующее воздействие на сценарии функционирования социума» [Тарбастаева, 2019, с. 85].

Для нашей страны с ее поликонфессиональным социальным ландшафтом особенно актуальны вопросы взаимодействия личности и религиозной общины. Сегодня традиционные формы религиозной общности модернизируются и получают новые формы и виды. Консервативные идеи диффундируют со светскими, чем обогащают или профанируют религиозные канонические базы.

Этот процесс обрывает различными спекуляциями в виде авторских учений, часто создаваемых в корыстных целях, далеких от гуманистических идеалов. Кроме того, в среде традиционного духовенства не всегда царит абсолютное взаимопонимание и идиллия. Зачастую духовные лидеры демонстрируют примеры поведения далекие от духовных норм их религии. Все это способствует созданию светских форм духовных сообществ.

В данном исследовании мы рассмотрим эту проблему на примере северного буддизма. В свое время многие ученые обращались к этой теме, освящая определенную специфику вопроса глобально [Агаджанян, 2008] и локально [Китинов, 2008, Коротецкая, 2010, Жуковская, 2013], в нашей стране [Янгутов, Цыренов, 2016, Тарбастаева, 2019, Багаева, 2023] и за рубежом, в конкретных городах [Островская, 2016] и регионах [Филатов, 2010, Бадмацыренов, 2012], рассматривали историческое развитие темы [Тарбастаева, Цыремпилов, 2013], проводили сравнительный анализ традиционных и западных форм буддизма в современной России [Монгуш, 2016].

Но, несмотря на определенное количество научных публикаций, освещающих эту тему, на наш взгляд, эти вопросы требуют постоянного мониторинга, рассмотрения и анализа, осмысления в контексте современного положения дел, поскольку наше общество подвержено перманентным изменениям, в том числе и в религиозной сфере, одинаково активно влияющей на общество и личность. Эти исследования особенно интересны именно в российском пространстве со специфической доминантой определенных религий в конкретных регионах страны. Изучение бытования религиозных сообществ, их внутренняя среда, развитие или деградация важны для понимания обще религиозного континуума, построения перспектив и прогнозов.

Современное положение дел буддийских сообществ

Согласно российскому реестру религиозных организаций, на территории РФ зарегистрировано около трехсот буддийских религиозных организаций практически всех видов и направлений [Музафарова, 2024]. Исторически сложилось, что наибольшее количество последователей имеет северный буддизм / Ваджраяна (санскр.). До конца прошлого века буддизм исповедовался в основном в буддийских регионах – Бурятии, Калмыкии, Тыве, а также на Алтае, в Иркутской области, Забайкальском крае. На эти территории буддизм пришел в средние века из Тибета через Монголию [Бадмацыренов, 2017, с. 144] После распада СССР буддизм стал распространяться по всей территории страны. Этот глобальный, конвергентный необуддизм имеет определённые отличия от традиционных национальных форм. По мнению А.С. Агаджаняна, «сегодня мы живем в эпоху "глобального" буддизма, ставшего интеллектуально-духовным ресурсом, открытым для всеобщего пользования. Мы являемся свидетелями и участниками глобальных тенденций, характеризующих современные религиозные процессы, публичных религиозных дискурсов; де-территориализация религиозности, ее растущий отрыв от конфессиональных традиций; складывание свободного рынка религий, функционирующего на принципе индивидуального спроса и выбора; изменение институциональной структуры религий — появление религиозных сетей и релятивизация религиозного авторитета» [Агаджанян, 2008, с. 91]. Такая ситуация возникла из-за вынужденной эмиграции тибетских учителей, в том числе и на запад, в результате чего произошел очередной виток интереса европейцев к востоку и освоению северного буддизма.

Внедрение буддийской культуры в западное пространство привело к возникновению необуддизма. Его основной составляющей являются наиболее простые и понятные идеи северного буддизма, перемешанные с индуизмом, мистикой и эзотерическими идеями и т. д. Благодаря этому буддизм стал основой для «модных» видов бизнеса. Сегодня существует большое количество йога-студий, клиник восточной медицины, дхарма-центров, в которых развивают чакры, чистят карму, диагностируют прошлые и будущие жизни, увеличивают ауру и открывают «третий глаз» и т. д. По нашему мнению, шарлатаны спекулируют на этих темах и получают особую популярность в периоды экономической и политической нестабильности. Множество психологически уязвимых людей становятся жертвами аферистов и лже-гуру, имеющих более чем поверхностные знания о буддизме.

Но есть в этой среде и настоящие Учителя Дхармы (санскр.), транслирующие подлинные морально-этические нормы, гуманистические буддийские ценности и передающие истинное классическое буддийское Учение/Дхарму. Их серьезная просветительская деятельность (публичные лекции, издание книг, проведение ретритов и т. д.) помогает постигнуть сложные постулаты философии северного буддизма. Многие из них участвуют в научных исследованиях западных и российских нейробиологов, психологов, психиатров и т.д.

Северный буддизм вошел в глобальный дискурс с наукой, инициированный его главой Его Святейшеством Далай Ламой XIV. Сегодня это мировая религия, меняющая свои архаичные догматы согласно современным знаниям о мире и находящая параллели в своих постулатах с современной научной парадигмой (например, в квантовой физике).

Специфика и проблемы организации буддийских сообществ

В плане общественной организованности в российском буддизме нет единого сакрального места, централизованного управленческого органа и главного лидера, которому подчинялись бы все буддийские организации. В каждой буддийской республике есть свои региональные главы (Хамбо-лама, Шаджин-лама, Камбы-лама), но и им на

местах подчиняются не все буддийские организации. В связи с этим нет единого плана по развитию буддизма в стране, единой политики и стандартов, общих решений и мнений. Контакты между буддийскими организациями носят спорадический характер, практически нет общих совместных проектов и серьезных конфликтов. Крайне редки и единичны всероссийские и международные буддийские конференции, форумы, фестивали. Духовная жизнь буддийских сообществ развивается независимо друг от друга. Фактически это свидетельствует о свободе деятельности, разобщенности и децентрализованности. Во многом это обусловлено географической отдаленностью друг от друга и определенной национальной разобщенностью. Только в последнее время буддийские организации начали активизироваться. «Примером этого стал проведенный в 2023 г. в г. Улан-Удэ ежегодный международный буддийский форум «Традиционный буддизм и вызовы современности», собравший вместе буддистов и ученых-буддологов из 14 стран, таких как Россия, Китай, Индия, Лаос, Вьетнам, Шри-Ланка, Непал и другие, для обсуждения философских, мировоззренческих проблем буддийского вероучения. Концепцией форума стала готовность в современном обществе противостоять деструктивным тенденциям, ведущим к размыванию традиционных ценностей, нравственной деградации личности, разрушению семьи, культурных основ общества и государства могут традиционные религии, в том числе и буддизм, на протяжении тысячелетий направлявшие людей к самосовершенствованию, общество к мирному процветанию и высокой экологической культуре. Потенциал буддийских ценностей, практик и культуры продолжает быть востребованным и в наши дни. И форум стал в некоторой степени площадкой для выстраивания отношений между странами, результаты его будут видны в долгосрочной перспективе» [Багаева, 2023, с. 34]. Форум позиционируется как объединяющий буддийские организации России и всего мира.

Тем не менее сегодня наблюдается различный характер взаимодействия с правительством страны и региональными властями у буддийских организаций – от абсолютной и полной поддержки до определенной конфронтации. В основном методом «народныхстроек» на частные пожертвования реставрируются старые и строятся новые религиозные сооружения.

Буддизм для традиционно буддийских регионов России является одним из факторов национальной идентичности и составляющих этнической культуры. В интернет-пространстве создаются ресурсы для обучения, осмысления, обсуждения всех видов Учения.

Все буддийские сообщества можно разделить на две группы: традиционные (национальные) и конвертитские (глобальные). Их территориальное присутствие не характеризуется строгой локализацией, а имеет диффузное взаимопроникновение. Традиционные сообщества функционируют со времен средних веков на территориях буддийских республик. За годы пребывания там в каждом из регионов сформировалась определенная местная специфика деятельности буддийских организаций.

Как правило, этнические буддисты выбирают для систематического посещения близлежащий к месту жительства дацан и конкретного ламу для проведения ритуалов, необходимых для решения бытовых проблем. Те, кто хотят посвятить свою жизнь изучению и практике буддизма, стать профессиональными служителями культа / ламами (тиб.) поступают в отечественные (Иволгинский, Агинский) или зарубежные (Индия, Монголия) буддийские университеты и академии. Немногие миряне самостоятельно изучают буддийские книги, прослушивают лекции, присутствуют на ретритах, обучаются на краткосрочных интернет-курсах.

Наиболее распространенный вид религиозного поведения этнических буддистов заключается в посещении дацанов в праздничные дни и паломничестве по значимым буддийским местам. «Народный буддизм» характеризуется синкретизмом с добуддийскими верованиями (шаманизм, тенгрианство).

Национальные формы буддизма параллельно сосуществуют с современными формами организации в виде дхарма-центров. Новые формы организации религиозных сообществ являются естественной реакцией развития общества, порожденной научно-техническим прогрессом и глобализацией. При этом важно отметить, что возникновение нового буддийского миссионерства никогда не было систематическим и прозелитским. Особенностью этих организаций является то, что лидерами подобных сообществ часто бывают миряне. Зачастую люди приходят в них для знакомства с экзотической религией и культурой, постижения сакральных знаний и практик. Зачастую эти центры привязаны к философии конкретной школы буддизма. Это может быть кагью, нигмапа, сакия и другие. Как правило, в них ритуальная деятельность уходит на задний план либо отсутствует совсем. Чаще здесь практикуют различные виды медитации, адаптированные для мирян и модифицированные из классических форм аналитического созерцания / випашьяна (санскр.) и однонаправленного сосредоточения / шаматха (санскр.). По мнению А.С. Агаджаняна, «медитация является ключевым элементом глобального буддизма. Раньше она была центральной частью буддийской эзотерики. В XX веке все меняется: медитация становится достоянием мирян, массовая мирская медитация становится реальностью городского буддизма. Естественно, формы медитации при этом упрощаются. Медитация становится вне-контекстной, смешивается с другими практиками, но и полностью может оторваться от собственно буддийского корня. Меняется в значительной степени и назначение медитации: из эзотерической формы глубокого мистического опыта она становится психо-терапевтическим средством, больше ориентированным на исцеление и доступным массе мирян» [Агаджанян, 2008, с. 123].

Появление новых форм буддийских сообществ является, на наш взгляд, естественным процессом в рамках возникновения и распространения постсекулярного общества. Новые институциональные формы (транснациональные сети) возникают по всему миру. В крупных городах не буддийских регионов России распространен конвертитский тип буддийских организаций. Самыми крупными и известными из них являются международные сетевые организации субтрадиций О. Нидала и Н. Намка и отечественные Д. Тинлея и др. Они характеризуются сектантскими настроениями и их деятельность часто связывают с финансовыми и харасмент-скандалами. Харизматичные руководители подобных дхарма-центров не имеют такого общепризнанного авторитета, как тибетские ринпоче, и являются лидерами лишь для своих немногочисленных последователей. Их авторский буддизм привлекает простотой и практичностью. Упор в них делается не на ритуальную составляющую, а на изучение буддийской философии и тантрические практики. По мнению А.С. Агаджаняна, «западная контр-культура сконструировала свой собственный новый буддизм – духовный коктейль выдернутых из классического контекста практик. Псевдо духовные лидеры конструируют авторский буддизм из "осколков" классического буддизма» [Агаджанян, 2008, с. 167].

Подобный тип общин привлекает тех, кто серьезно изучает и практикует классическое буддийское наследие авторитетных авторов. Такие люди почти не интересуются ритуальной, исторической, мировоззренческой стороной религии, относятся к ней прагматически и предпочитают внеконфессиональную самоидентификацию «последователь Дхармы». Так развивается глобальный транснациональный буддизм, свободный от национальных традиций добуддийских наслоений, использующий логику и научную рациональность в восприятии и интерпретации действительности.

Такая ситуация, по словам А.С. Агаджаняна, «позволяет говорить о существовании "двух буддизмов" – традиционном, консервативном буддизме этнических диаспор и динамичном, активном буддизме западных неопитов. Часто эти две группы, даже соприкасаясь в одной общине или в одном храме, существуют в параллельных плоскостях и преследуют совершенно разные цели. Так, в России наблюдается контраст между

традиционной бурятской, тувинской и калмыцкой сангхой (общиной), с одной стороны, и группами буддийских неопитов крупных городов с другой» [Агаджанян, 2008, с. 177].

Таким образом, активный, или лучше назвать «глобализированный», буддизм распространяется достаточно быстро, тогда как консервативный остается в большей степени на местах. Глобализированный буддизм имеет дело с чтением книг, молитвами, наставничеством, тогда как консервативный играет роль интеграции буддистов бурят, калмыков и тувинцев в российское общество, формируя единую российскую идентичность, опираясь на длительную историю своего существования и богатое культурное наследие.

Традиционные буддийские регионы России

В России традиционные формы буддизма характерны для буддийских регионов. Каждый из них имеет свою специфику бытования буддизма, но и испытывает влияние общемировых тенденций глобализации и развития новых форм буддийской общинности и практики. Все они сохраняют свою этническую самобытность в условиях вестернизации. Народный буддизм является популярной формой вероисповедания в традиционных сообществах.

В Бурятии наиболее известной и многочисленной является централизованная религиозная организация «Буддийская традиционная Сангха России» (БТСР), возглавляемая более двадцати лет XXIV Хамбо-ламой Аюшеевым Д.Б. Его деятельность характеризуется реализацией различных социальных проектов, направленных на развитие животноводства, бурятского языка, национальных видов спорта.

Существует ряд мнений относительно деятельности Д. Аюшеева. Так, исследователь А.С. Агаджанян пишет, что «БТСР, возглавляемая Аюшеевым, в начале XXI в. остается консервативным организмом, оторванным от духовных потребностей современных городов и сохраняющим бюрократический стиль советских времен. Руководство БТСР придерживается ориентации на поддержку бурятского этно-национализма, стремится сохранить свои доминирующие позиции, препятствуя росту религиозной диверсификации» [Агаджанян, 2008, с. 189]. А.М. Верховский считает, что «Аюшеев высказывает обеспокоенность растущей конкуренцией нетрадиционных буддийских групп и пожелание изменить религиозное законодательство таким образом, чтобы приоритетно сохранять «традиционную религию» бурятского народа» [Верховский, 2003, с. 31]. Тем не менее нельзя отрицать и факт того, что «сегодня сангха оказывает достаточно глубокое влияние на общественность, местная власть предпочитает не вмешиваться в религиозные дела. Со стороны федеральных властей уделяется особое внимание именно БТСР, поскольку их позиция коррелирует с официальным представлением государственно-религиозных отношений, что даже выражается в существовании особого феномена «традиционного российского буддизма» [Багаева, 2023, с. 35].

В Калмыкии буддизм активно и открыто поддерживается местными властями. Здесь главным буддийским центром республики считается самый большой хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни». Сегодня его настоятелем и главой крупнейшей централизованной буддийской организации республики «Объединение буддистов Калмыкии» является монах геше Мутул Овьянов. Благодаря традиции, заложенной Тэло Ринпоче, в Калмыкию ежегодно приглашаются делегации тибетских монахов из индийских университетов-монастырей для проведения лекториев по буддийской философии и тантрических ритуалов. По инициативе и содействию Тэло Ринпоче много лет организуются учения Его Святейшества Далай-Ламы XIV для россиян-буддистов и лоббируется его пасторский визит в Россию. В хуруле постоянно проходят курсы калмыцкого языка, конференции, лектории, творческие фестивали, приуроченные к буддийским праздникам. Систематически выпускается буддийская литература. Так,

верующие вовлечены в глобальную коммуникативную сеть тибетского буддизма. Проекты консолидации с глобальным буддизмом ради упрочнения религиозных и культурных связей между российскими регионами, тибетским сообществом и западным миром, разработанные Тэло Ринпоче, продолжают развиваться, несмотря на его отсутствие в России.

В Туве в последнее время после многих лет религиозной стагнации идет активное строительство буддийских объектов и проводятся научные конференции, посвященные буддийской тематике. Благодаря содействию «Культурного фонда им. К. Шойгу» были созданы самый большой в республике хурээ монастырь «Тубтен Шедруб Линг» и монументальная статуя Будды Шакьямуни в месте слияния большого и малого Енисеев. Особенностью региона является его изолированность, небольшая территория и актуальность шаманизма. Здесь нет политического акционизма и активной борьбы за власть у религиозных лидеров. Монашеская и мирская сангха безоговорочно принимает авторитет Его Святейшества Далай-ламы XIV и выполняет духовные заветы Шивалха ринпоче [Монгуш, 2016].

Таким образом, в российском религиозном пространстве сложилось три автономных буддийских центра, объединяющих традиционные буддийские сообщества, представленные калмыцким, тувинский и бурятским центрами. Необходимо отметить, что в национальных республиках они играют интегрирующую роль в обществе, но различаются ориентацией по отношению к тибетскому буддизму. Такая ситуация была заложена еще в начале 90-х годов, когда была дана религиозная свобода. В Бурятии сформировалась этноцентричная модель, реализующаяся в позиции самостоятельного российского буддизма. Буддийские сообщества Калмыкии представляют собой пример глобализирующегося буддизма, детерминированного мировым буддийским сообществом, Тувинский буддизм находится в тесной связи с местными шаманистическими традициями, поэтому этнически и регионально ориентирован, хотя также находится под влиянием мирового буддизма.

Несколько иное положение отмечается относительно новых форм буддийских организаций. По мнению И.С. Тарбастаевой, «отношения между «двумя буддизмами» сложнее, чем может показаться на первый взгляд: именно духовное преемство и благословение, полученное от самых архаичных и традиционных азиатских источников, гарантирует глубину неопитства и легитимность новых, современных общин» [Тарбастаева, 2013, с. 149].

Нетрадиционные для буддизма регионы России

Началом создания новых буддийских общин стали 90-е годы благодаря деятельности европейских адептов, которые слабо представляли себе внутреннюю структуру и функционирование буддийских дацанов, представленных в регионах России. Однако они имеют особую популярность среди европейского населения страны самых разных социальных слоев. Можно согласиться с мнением А.С. Агаджаняна, который считает, что «развитие буддизма сегодня имеет общие кросс-конфессиональные тенденции.

Как и в других религиях, в буддизме присутствует некие анти-глобалистские интонации. Отмежевание новых групп от традиционных может иметь следующие источники: явная ориентация новых групп на мирян, а не на «духовенство»; очевидный экуменизм и универсализм новых групп, в отличие от этнической закрытости старых; переход на иностранные языки по контрасту с лингвистическим консерватизмом старых групп; введение демократических управленческих процедур вместо иерархически-авторитарных традиций. Религиозные формы радикализма в буддизме отсутствуют» [Агаджанян, 2008, с. 201]. В буддизме нет претензий на монополию истины, нет идеи избранничества, уничтожения иноверцев, воинственного миссионерства и прозелитизма, антиглобализма.

Действительно, появление конвертитских сообществ в 90-е годы было вызвано во многом установившейся свободой вероисповедания, тогда как в 2000-е и позднее создание такого рода организаций было вызвано другими причинами. Во многом глобализация стала фактором преобразования буддизма, который трансформировался в глобализирующийся буддизм, перестав быть этнической и национальной религиозной традицией, а стал более интеллектуальным и рациональным. Сегодня части такого глобализирующегося буддизма представлены на территории России наряду с традиционными формами буддизма в виде конвертитских сообществ.

Естественно и то, что традиционный и конвертитский буддизм имеют существенные различия, если даже не противоречия. Зачастую причиной противодействия традиционных и конвертитских буддийских общин, среди прочего, является разница в базовых ментальных доминантах. Очевидно различие в мировоззренческих основах восточных и западных культур. В восточных социальных программах издавна доминирует предпочтение интересов группы, тогда как в западных – личности. Часто излишний индивидуализм и защита частных интересов индивидуума порождает конфликтность в социуме. Из-за нежелания пойти на компромисс и поставить личные интересы на службу общественным продолжительность существования многих буддийских сообществ коротка. Возможно, что не последнюю роль в разногласиях между буддийскими организациями играет государство, которые уже выбрало актором определенные буддийские сообщества.

Ошибочно полагать, что идеи буддизма далеки от политики, ибо в трудах великих индийских мыслителей прошлого «Абхидхармакоше» Васубандху и «Ратанаваали раджапарикатха» Нагарджуны есть прямые указания правителям, как культивировать в государстве идеальный строй, и подробно описан идеал вселенского монарха / чакравартина (санскр.). Кроме того, буддисты живут в государстве, имеющем определенную внутреннюю и внешнюю политику. Общегосударственная и региональная политика сказываются на функционировании не только небольших буддийских групп, но и многочисленных сообществ. Гармонично ли развиваются они или в конфронтации с властью, сказывается на общем климате в стране. Сегодня мы наблюдаем отсутствие активной агрессивной конфронтации и радикализма, но на местах присутствуют конкретные определённые локальные противоречия.

Заключение

Современное российское общество не существует изолированно от общемирового. В нем проявляются те же глобальные тенденции, среди прочего отражающиеся и на религии. Буддийские сообщества не могут существовать в консервативном средневековом виде. Им необходимо подстраиваться под современные реалии и требования паствы. В то же время модернизация древнего тысячелетнего культа – это процесс закономерный, вызванный социокультурными изменениями.

Буддизм всегда отличался своей пластичностью, что в принципе и сегодня он демонстрирует, когда параллельно существуют традиционные буддийские организации и конвертитские буддийские сообщества. В настоящее время нет речи о конфронтации между ними, все-таки основное содержание вероучения остается прежним, и во многом это особенность буддизма, который, наоборот, инкорпорирует в себя местные традиции, верования, в целом сохраняя целостным свое ядро. С другой стороны, трансформация общества, его системы ценностей, появление новых культов и религий, цифровизация и многое другое приводят к тому, что буддийские сообщества также изменяются.

Список литературы

- Агаджанян А.С. 2008. Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму. В кн. Религия и глобализация на просторах Евразии. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 341 с.

- Багаева К. А. 2023. Буддизм в контексте государственно-религиозных отношений в российском обществе. Вестник БГУ. Философия. № 4: 31-39.
- Бадмацыренов Т.Б. 2012. Буддизм Бурятии: структурные, функциональные и организационные характеристики. Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 160 с.
- Бадмацыренов Т.Б. 2017. Социальная структура буддийского сообщества: компоненты и их взаимодействия Ойкумена. № 2: 18-28.
- Воронцова Л., Филатов С., Фурман Д., 1994. Религия и политика в современном массовом сознании. Религия и политика в посткоммунистической России, М., Издательство Института философии РАН, 257 с.
- Дивисенко К.С., Исаева В. Б. 2020. Типология обращения в западный буддизм в контексте концепции социального механизма религиозной конверсии. Научный результат. Социология и управление, Том 6, Выпуск №3: 139-150.
- Жуковская Н.Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969-2011. М., Ориенталия. 2013. 480 с.
- Исаева В. Б. 2019. Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. № 9: 39-50.
- Коротецкая Л. М. 2010. Буддизм Ваджраяны в России: философские основы, религиозные практики и распространение в России и Европе с конца 80-х г. XX в.: автореф. дис. канд. филос. наук. Чита, 23 с.
- Китинов Б.У. 2008. Буддизм в идентификационных процессах у российских буддистов. В кн. Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., ИС РАН: 214-230.
- Монгуш М. В. 2016. Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. № 1. URL: // <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/69> (дата обращения: 01.03. 2023)
- Тарбастаева И. С. 2019. Социальный институт буддизма в современной России, Сибирский философский журнал. Т. 17, № 4: 146-154.
- Тарбастаева И. С. Цыремпилов Н.В. 2013. Буддизм в России: прошлое и настоящее./ Власть. № 4: 83-87.
- Янгутов Л. Е., Цыренов Ч. Ц. 2016. Буддизм в социокультурной традиции России. Вестник Бурятского государственного университета. № 6: 108-119.

References

- Agadzhanyan A.S., Religion and globalization in the vastness of Eurasia. Buddhism in the modern world: a soft alternative to globalism, 2008, pp. 861-872
- Bagaeva K. A. Buddhism in the context of state-religious relations in Russian society // Bulletin of BSU. Philosophy. 2023. No. 4, pp. 31-3
- Badmatsyrenov T.B. Buddhism of Buryatia: structural, functional and organizational characteristics. Buddhism in the socio-political processes of Buryatia and the countries of Central Asia. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. state un-ta. 2012. pp. 40-58.
- Badmatsyrenov T.B. Social structure of the Buddhist community: components and their interactions of the Ecumene. 2017. No. 2, pp. 18-28
- Verkhovsky A.M. Religious xenophobia. Inter-confessional and intra-confessional aspects. 04/28/2003, <http://religion.sova-center.ru>. Electronic resource. Access date: 03/1/2023
- Vorontsova L., Filatov S., Furman D., Religion and politics in modern mass consciousness. — Religion and politics in post-communist Russia, М., Publishing House of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1994, P.345
- Divisenko K.S., Isaeva V.B. Typology of conversion to Western Buddhism in the context of the concept of the social mechanism of religious conversion // Scientific result. Sociology and management, Volume 6, Issue No. 3, 2020, pp. 139-150
- Zhukovskaya N.L. About Buddhism and Buddhists. Articles from different years. 1969-2011. М.: Orientalia. 2013. 480 p.
- Isaeva V. B. The theory of deprivation as a tool for studying non-traditional religiosity // Sociological Research. 2019. No. 9. P. 39-50

- Korotetskaya L. M. Vajrayana Buddhism in Russia: philosophical foundations, religious practices and spread in Russia and Europe since the late 80s of the 20th century: abstract. dis. Ph.D. Philosopher Sci. Chita, 2010. 23 p.
- Kitinov B.U. Buddhism in the identification processes of Russian Buddhists. Religion in the self-awareness of the people (religious factor in identification processes). M.: IS RAS. 2008. p. 214-230
- Mongush M.V. Traditional and Western Buddhism in modern Russia: experience of comparative analysis New studies of Tuva. 2016. No. 1. URL: // <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/69> (access date: 03/01/2023)
- Ostrovskaya E.A. Buddhist communities of St. Petersburg. - St. Petersburg: Aletheya, 2016. - 198 p.
- Tarbastaeva I. S. Social Institute of Buddhism in Modern Russia, Siberian Philosophical Journal. 2019. 17, No. 4 p.146-154
- Tarbastaeva I. S. Tsyrempilov N. V. Buddhism in Russia: past and present // Power. No. 4. 2013. p. 83-87
- Filatov S. Buddhism in Buryatia: new trends // Russian Review 2010. No. 3. URL: <https://www.keston.org.uk/rr/43/03-filatov-s-buryatiya.html> (accessed 09.08. 2019)
- Yangutov L. E., Tsyrenov Ch. Ts. Buddhism in the sociocultural tradition of Russia // Bulletin of the Buryat State University. 2016. No. 6. p. 108-119

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 08.12.2023
Поступила после рецензирования 08.03.2023
Принята к публикации 20.06.2024

Received December 08, 2023
Revised March 08, 2023
Accepted June 20, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Музафарова Наталья Раисовна, аспирант, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

Natalia R. Muzafarova, post-graduate student, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Багаева Ксения Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

Kseiya A. Bagaeva, candidate of philosophical sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 37.018

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-393-397

Позиции славянофилов и западников в вопросе об антропологических смыслах семейного воспитания

Логина Н.В., Черепанина Н.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Loginova@bsu.edu.ru

Аннотация. В современной семье наблюдается проблема духовно-нравственного воспитания, вызванная духовным голоданием современного общества. Огромное влияние на духовно-нравственный кризис в семейном воспитании оказал наплыв навязываемых извне пороков, а именно пропаганда феминизма, ЛГБТ-сообществ, отказа вступать в брак и заводить детей. Несмотря на многочисленность научных работ по проблеме антропологических смыслов семейного воспитания, идеи славянофилов и западников в контексте современного православного воспитания в семье в условиях духовно-нравственного кризиса до сих пор остаются без внимания исследователей. Целью данного исследования является определение актуальности позиций славянофилов и западников в вопросе семейного воспитания для современной семьи. В результате исследования было определено, что воспитание в семье, построенное на идеях славянофилов, благотворно влияет на духовно-нравственное и психическое здоровье ребенка. Результаты исследования открывают новые возможности в изучении и разработке методов противодействия морально-этическому разложению общества на основе традиционных, национальных и религиозных идей русских философов.

Ключевые слова: славянофилы, западники, семья, воспитание, семейное воспитание

Для цитирования: Логина Н.В. Черепанина Н.Н. 2024. Позиции славянофилов и западников в вопросе об антропологических смыслах семейного воспитания. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 49(2): 393–397. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-393-397

The Positions of Slavophiles and Westerners on the Question of the Anthropological Meanings of Family Education

Natalia V. Loginova, Nadezhda N. Cherepanina

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

Loginova@bsu.edu.ru

Abstract. In the modern family, there is a problem of spiritual and moral education caused by spiritual starvation in modern society. The influx of vices imposed from outside, namely the propaganda of feminism, LGBT communities, refusal to marry and have children, had a huge impact on the spiritual and moral crisis in family education. Despite the numerous scientific works on the problem of anthropological meanings of family education, the ideas of Slavophiles and Westerners in the context of modern

Orthodox family education under conditions of a spiritual and moral crisis still remain unnoticed by researchers. The purpose of this study is to determine the relevance of the positions of Slavophiles and Westerners in the issue of family education for the modern family. As a result of the study, it was determined that family education based on the ideas of the Slavophiles has a beneficial effect on the spiritual, moral and mental health of the child. The results of the research open up new opportunities in the study and development of methods to counteract the moral and ethical decay of society based on traditional, national and religious ideas of Russian philosophers.

Keywords: Slavophiles, Westerners, family, upbringing, family education

For citation: Loginova N.V., Cherepanina N.N. 2024. The Positions of Slavophiles and Westerners on the Question of the Anthropological Meanings of Family Education. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 393–397 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-393-397

Введение

Современное общество встречается со множеством трудностей – социальных, финансовых, бытовых. Основой общества является семья, и именно на нее приходится большая часть проблем. К таким проблемам можно отнести все перечисленное, но необходимо сказать о еще одной, не менее важной, – это духовно-нравственное состояние всех членов семьи. Духовное здоровье в семье – это фундамент здорового общества и залог успешного будущего государства.

Современная семья переживает духовный кризис, можно сказать духовное голодание, когда у детей и родителей исчезает скрепляющее звено, которое делает их единым организмом. Что же является этим скрепляющим звеном? На наш взгляд, это традиционные духовно-нравственные ценности, в числе которых православное воспитание. Внутри семьи дети учатся основным нравственным принципам, этическим нормам и традициям, которые затем становятся их внутренним ориентиром в обществе. Воспитание ребенка в духе славянофильской традиции дает возможность формирования крепкого духовного состояния, помогает ему научиться отличать правильное от неправильного и развивать личную ответственность.

Данное исследование помогает понять, насколько позиция славянофилов и западников в вопросах семейного воспитания жизнеспособна и применима в современном обществе.

Антропологические смыслы семейного воспитания славянофилов и западников

В 1830–1840-х годах XIX века происходили интенсивные поиски исторического пути для будущего развития России. Эти поиски инициировали идеологическое противостояние между западниками и славянофилами, двумя различными направлениями общественной мысли. Различные взгляды на национальную идею формировали разное отношение к значению семейного воспитания как основы формирования личности детей, которые станут активными членами общества.

Со всей страстью и мощью своего великого таланта В.Г. Белинский, выдающийся представитель западного направления мысли, изложил этико-гуманистический идеал семейного воспитания в статье «О воспитании и о книгах для детского чтения» [Белинский, 1911, с. 5]. Можно с уверенностью сказать, что его педагогические убеждения глубоко ориентированы на человека, который является мерой всех вещей в этом мире (древнегреч. фил. Протагор).

В.Г. Белинский высоко ценит процесс воспитания, называя его «великим делом», которое определяет судьбу человека, однако он выявляет два основных недостатка в родительском воспитании: отсутствие интереса у детей и подавление их личности.

[Белинский, 1911, с. 20]. Он рассматривает воспитание как труд и искусство, отмечая недостаточность этих усилий у родителей. В его понимании родители должны не только ухаживать за ребенком, но и помогать ему стать настоящим человеком. Он считает, что целью семейного воспитания должно быть развитие чувства «человечности» у детей. В.Г. Белинский выделяет основные аспекты семейного воспитания: любовь родителей, связь между родителями и детьми, ответственность за развитие ребенка, внимание к его внутреннему миру и индивидуальным чертам характера, а также введение его в мир взрослых с осторожностью.

Много пишет В.Г. Белинский о необходимости для родителей гармонично сочетать нравственное и духовное развитие ребенка. Для нравственного возмужания детей он советует использовать надежные, проверенные методы, в том числе и чтение детям хороших добрых книг: художественных повестей, рассказов и русских народных сказок. К тому же такое чтение вслух родителями будет учить маленьких детей, еще не знающих азбуки, «гармонии русского слова» и любви к нему [Белинский, 1911, с. 34].

Несомненная заслуга В.Г. Белинского заключается в том, что он фактически впервые в русской педагогике открыто и прямо заявил, что развитие чувства гуманизма в детях и есть цель как семейного, так и общественного воспитания, при этом основой данного процесса должна стать бесконечная любовь и бесконечное уважение к человечеству даже в лице последнего из его членов [Белинский, 1911].

Понимание славянофилами важности семьи в воспитании проистекало из их убеждения в том, что семейные ценности должны строиться на принципах любви, уважения и взаимоотношений на основе веры. Особое внимание придавалось формированию у ребенка доброты, жертвенности, терпимости и уважения к старшим и ближним. Исходя из этих представлений, семья оказывает влияние на формирование духовно-нравственных ценностей ребенка через установление общения членов семьи друг с другом. Отношения родителей как пример для детей может быть и позитивным, и негативным [Лебедева, 1987, с. 445]. Дети наблюдают и учатся, наблюдая за своими родителями, поэтому для создания благоприятного воспитательного окружения семье следует обратить большое внимание на свои слова, поступки и общение с ребенком. Семья в понимании славянофилов является не просто биологическим единством, но и ценностным вектором, важной целостной силой, способной формировать самые глубокие убеждения и ценности ребенка. [Смирнов, 2007, с. 13]. Семейные традиции и обряды помогают закрепить эти ценности и обеспечить стабильность и духовную опору в жизни.

Православное воспитание в семье является основой воспитания духовно-нравственных качеств ребенка. Большое значение духовному воспитанию в свете христианских традиций уделяли славянофилы В.В. Зеньковский, А.С. Хомяков, И.А. Ильин [Зеньковский, 1934; Зеньковский, и др., 2001] и многие другие выдающиеся философы. Славянофилы, выразители русской национальной идеи, в XIX веке акцентировали внимание на воспитании души и развитии духовности с помощью православной веры. Безусловно, без понимания души человека, его внутреннего мира, не может состояться плодотворный воспитательный процесс, формирование духовно-нравственных ориентиров личности.

Славянофилы в XIX веке - влиятельное общественно-философское течение в России - высказывали особое видение воспитания подрастающего поколения. Они подчеркивали значение национальных традиций, культуры и духовности в воспитании личности. Для славянофилов воспитание должно было быть пропитано русской национальной идеей и христианскими ценностями. Славянофилы подчеркивали уникальность русской культуры и истории, считая, что Россия должна развиваться по своему особому пути, не подражая западным образцам. Они выступали за сохранение и развитие русской культуры и считали, что воспитание должно укреплять национальную идентичность и связь с историческим наследием. Одновременно они выражали оппозицию к западничеству и

идеям западной модернизации, предпочитая развитие внутренних ресурсов и уникальности русской культуры.

Таким образом, славянофилы придавали большое значение воспитанию в контексте сохранения и развития национальной и культурной идентичности и считали, что оно должно быть направлено на формирование личности в соответствии с особыми русскими ценностями и традициями.

Православная семья строилась по типу малой Церкви, которая способствовала созданию единства и прежде всего духовной общности. Именно на родителях лежит ответственность, в свете христианских традиций, за воспитание в ребенке таких качеств, как любовь, жертвенность, терпение, взаимопомощь. Эти качества являются неотъемлемой частью духовного здоровья личности ребенка.

Целью воспитания в православной семье является способность ребенка не зависеть от решений окружающих, а самостоятельно делать выбор, основываясь на морально-этических установках. Православная семья готовит ребенка к достижению зрелости, чтобы в будущем он смог самостоятельно продолжить духовное возрастание, а также научиться принимать всю полноту ответственности за свой выбор и найти свой собственный путь к спасению. Православное воспитание в семье невозможно без полноты церковной жизни. Семья и Церковь тесно связаны между собой, именно в православной семье создается духовная личность. Участие в церковной жизни способствует формированию религиозного сознания ребенка, а основу православного воспитания в семье, помимо проповеди веры и посещения богослужений, составляет участие в семейных религиозных обрядах. Важной частью воспитательного процесса является знакомство детей с богословской литературой, представляющей православное учение. Славянофилы придавали большое значение чтению священных текстов, таких как Библия или Жития святых. Через истории и примеры героев веры дети погружаются в духовный мир православия.

Заклучение

Наряду с учением, славянофилы приписывали большое значение нравственным принципам и их воплощению в повседневной жизни. Воспитание сознательности, честности, трудолюбия и других положительных качеств было неотъемлемой частью православного воспитания. Более того, славянофилы подчеркивали важность созерцания природы и красоты мира, что позволяло развивать эстетическое восприятие и эрудицию.

Православное воспитание в семье, основанное на учении славянофилов, не только помогает детям понять и принять ценности православия, но и развивает их духовную сферу, моральные принципы и нравственные устои. Такое воспитание предоставляет ребенку возможность обрести внутренний баланс и гармонию, вести счастливую и сознательную жизнь в соответствии с принципами православной веры.

Список литературы

- Белинский В.Г. 1911. О воспитании и о книгах для детского чтения. М., Для народного учителя изд. Н.В. Тулуповым и П.М. Шестаковым, 68 с.
- Зеньковский В.В. 1934. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. П., YMCA Press, 224 с.
- Зеньковский В.В. 2001. О религиозном воспитании в семье. В сб.: О роли христианской семьи в воспитании ребенка. М., Храм Трех Святителей на Кулишках: Благотвор. фонд Сев. Обитель: 301.
- Лебедева П.А. 1987. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., Педагогика, 558 с.
- Смирнов В.В. 2007. Православные традиции семейного воспитания в России второй половины XIX - начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 24 с.

References

- Belinskiy V.G. 1911. O vospitanii i o knigakh dlya detskogo chteniya [About education and books for children's reading]. M., Dlya narodnogo uchitelya izd. N.V. Tulupovym i P.M. Shestakovym, 68 p.
- Zenkovsky V.V. 1934. Problemy vospitaniya v svete hristianskoj antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]. Parizh, Publ. YMCA Press, 224 p.
- Zenkovsky V.V. 2001. O religioznom vospitanii v sem'ye [About religious education in the family]. In: O roli hristianskoj sem'i v vospitanii rebenka [On the role of the Christian family in the upbringing of a child]. Moscow, Publ. Hram Trekh Svyatitelej na Kulishkah: Blagotvor. fond Sev. Obitel': 301.
- Lebedeva P.A. 1987. Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii pervoj poloviny XIX v. [Anthology of pedagogical thought in Russia in the first half of the XIX century]. Moscow, Publ. Pedagogika, 558 p.
- Smirnov V.V. 2007. Pravoslavnyye traditsii semeynogo vospitaniya v Rossii vtoroy poloviny XIX - nachala XX vv [Orthodox traditions of family education in Russia in the second half of the XIX - early XX centuries]. Abstract. dis. ... cand. ped. sciences. Orenburg, 24 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.08.2023

Поступила после рецензирования 20.11.2023

Принята к публикации 30.05.2024

Received August 22, 2023

Revised November 20, 2023

Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Логинова Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Черепанина Надежда Николаевна, ассистент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Loginova, Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Nadezhda N. Cherepanina, Assistant of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 1. (091)

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-398-407

Проблема интеграции теории метамодернизма в сферу академических гуманитарно-философских исследований современности

Соловьёв Д.А.

Тульский государственный университет
Россия, 300012, Тульская область, г. Тула, пр. Ленина, д. 92
dmitry.solovjev.90@gmail.com

Аннотация. Теоретическая концепция «метамодернизм», предложенная ещё в 2010 году с целью философской концептуализации современного общества и культуры после постмодернизма и обобщающая изыскания постпостмодернизма, продолжает сохранять квазиакадемический статус. Данная теория практически не используется в академических исследованиях гуманитарного профиля. Так как теория метамодернизма мало изучена научными специалистами, в данной статье впервые освещаются собственно причины её настоящего положения по отношению к академическим философским изысканиям. Целью исследования является выявление факторов, препятствующих вхождению метамодернизма в теоретический социально-философский инструментарий изучения современности профессиональными учёными. Анализ показывает, что квазиакадемический статус теории Вермюлена – ван ден Аккера обусловлен комплексом причин, среди которых подход, используемый авторами метамодернизма: акцентуация второстепенных черт современности, затмевающие объективную содержательную сторону положений, выдвигаемых теорией метамодернизма, обращение к предметному полю постмодернизма, антитезой которого и выступает метамодернизм, обилие неакадемических трактовок метамодернизма, порождающих скепсис по отношению к самой теории со стороны академиков, позиция научных кругов, придерживающихся постмодерноцентричного подхода касательно современного социума и культуры, неолиберальная политика в сфере высшего образования и науки в XXI веке сказавшаяся, в первую очередь на качестве, целях и задачах философского образования, результирующая в снижении качества философского образования.

Ключевые слова: метамодернизм, концепции постпостмодернизма, квазиакадемический статус метамодернизма, философская стагнация, постмодерноцентричный подход.

Для цитирования: Соловьёв Д.А. 2024. Проблема интеграции теории метамодернизма в сферу академических гуманитарно-философских исследований современности. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 398–407. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-398-407

Problem of Integrating Metamodernist Theory into the Field of Contemporary Academic Humanitarian and Philosophique Researches

Dmitry A. Soloviev

Tula State University
92 Lenin Avenue, Tula, Tula region 300012, Russian Federation
dmitry.solovjev.90@gmail.com

Abstract. Descriptive metamodernist theory, summarizing experience of post-postmodernist cultural and philosophic researches of the XXI century, continues to sustain its quasi-academic status. This theoretical conception introduced in 2010 to elaborate philosophic conceptualization of contemporary

society and cultural background after postmodernism is almost unused by scholars of humanitarian field. Despite that discussions about “the death of postmodernism” have already been held for several decades, neither previous versions of post-postmodernism, nor metamodernism haven't become a theoretical basis for studying socio-cultural phenomenon and processes emerging in the XXI century. Metamodernism is still discussed apart from the academic institutions mostly among non-specialists like thematic groups in social medias, blogs. Due to the fact that metamodernism isn't enough studied, the present article gives for the first time analysis of the reasons for its marginal position in the sphere of scientific philosophic-humanitarian researches. The aim of this work is to identify the factors hindering metamodernism to be used as a theoretical tool for philosophic and socio-humanitarian studies led by professional scientists. The author comes to the following conclusion: quasi-academic status of metamodernism is conditioned by such factors as the approach, used by the authors, not enough elaborated postulates of the theory, interest for metamodernism mostly among non-specialists, postmodernocentric approach of academics towards phenomenon of contemporary epoch, unusual postulates of metamodernism, describing contemporaneity as renovation of pre-postmodernism, as well as problems of neoliberal policy in the scientific field and universities resulting in lowering quality of philosophic education in the XXI century.

Keywords: metamodernism, conceptions of post-postmodernism, quasi-academic status of metamodernism, philosophic stagnation, postmodernocentric approach

For citation: Soloviev D.A. 2024. Problem of Integrating Metamodernist Theory into the Field of Contemporary Academic Humanitarian and Philosophique Researches. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(2): 398–407 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-398-407

Введение

Несмотря на то, что метамоде́рнизм в качестве гуманитарно-философской теории, описывающей современность с конца 1990-х годов, являясь промежуточным итогом изысканий в рамках концепции «конца истории», был предложен ещё в 2010 году, эта теоретическая разработка, подобно предшествовавшим ей версиям постпостмодернизма, по-прежнему остаётся за пределами интереса научных кругов. «Специалисты социально-гуманитарного профиля пока не работают или работают очень ограниченно с парадигмой постпостмодернизма» [Митрошенков, 2013, с. 59].

Положения теории Вермюлена — ван ден Аккера практически не используются в качестве гуманитарно-философской базы исследований социальных и культурных процессов и явлений XXI века, проводимых в рамках университетов и иных научных институций как в странах Запада, так и России. Отсылки к метамоде́рнизму в научных работах если и встречаются, то зачастую выступают в качестве критических метатеорий собственно метамоде́рнизма, призванных показать несостоятельность его основ. Перспектива использования данной теории в качестве новейшей гуманитарно-философской парадигмы, рабочей гипотезы интерпретации современного нам социума и культуры, ни даже анализ познавательной значимости её положений в научных публикациях почти не освещаются. Устойчивая позиция научного сообщества по умолчанию касательно метамоде́рнизма — понимание этой описательной теории, подобно предшествовавшим концепциям постпостмодернизма как некой «художественной декорации», едва ли имеющей какое-либо отношение к объективной социальной реальности.

Проблематика философских изысканий после постмодернизма

В отечественной академической среде философия после постмодернизма представлена главным образом исследованиями А.В. Павлова, Н.Б. Афанасова и Э.Е. Сафронова. Наиболее известны работы Павлова, в которых даётся всесторонний и глубокий анализ почти что всех версий постпостмодернизма, возникавших с 2000 года. Новизна изысканий этих современных молодых учёных, состоящая, в отличие от более

ранних попыток изучения наступившего XXI столетия, в понимании завершения постмодернизма уже не как сенсационной гипотезы или прогноза, но как свершившегося факта, в определённой степени заполняет лауну в новейшем философско-гуманитарном знании. Однако их трактовки метамодернизма, опять же, определяют его не столько самостоятельной теорией, сколько лишь одним из вариантов постпостмодернизма, ещё одним «звеном» этого «зонтичного термина», что в свою очередь, не способствует становлению данной концепции новейшим философским направлением или социально-гуманитарной парадигмой эпохи, сменяющей постмодернизм. Кроме того, работы вышеперечисленных исследователей, посвящённые метамодернизму, имеют по большей части метатеоретический характер.

Между тем XXI век открывает новую культурно-историческую эпоху, становление которой обусловлено изменениями рубежа XX–XXI столетий (политическими, социально-экономическими, мировоззренческими и др.), на что указывают теории постпостмодернизма, в том числе и метамодернизм. «Эти теории свидетельствуют о сдвиге парадигмы, о новых доминантах культуры, основу которых составляет утверждение, что окружающий мир сегодня подчинен другой логике и движется в сторону не свойственных ему ранее конструкций» [Осипова, Юнгблюд, 2014, с. 12].

Кризис гуманитарно-философского знания, возникший вследствие «смерти постмодернизма», всё ещё оставаясь неразрешённым и сегодня, продолжает углубляться. С тех пор, как зародилась мысль об устаревании постмодернизма как дескриптивной теории современности, которая всё более крепла с наступлением XXI века, не возникло ни одного академического социально-гуманитарного направления, могущего стать полноценной философской традицией, пришедшей на смену постнеклассической школе XX столетия и объективно отражающей сущность нарождающейся эпохи. С провозглашением «конца истории» в последней четверти минувшего века сложится представление о том, что к своему концу подошла и история философии. Тем не менее «история после конца истории продолжилась» [Егоров, 2022, с. 88]. Оспаривание, казалось бы, «безапелляционного вердикта», вынесенного Ф. Фукуямой, станет главным стимулом для разработки новейшей философии после постмодернизма для авторов теории: «История продолжается уже после её поспешно объявленного конца. Безусловно, история никогда не заканчивалась» [Vermeulen, van den Akker, 2010]. Метамодернизм, реагируя на тенденции развития XXI века, показывающих более непостмодернистскую специфику нашего времени и предлагая отличные от постнеклассики XX века категории интерпретации действительности, указывает на возможный выход из состояния интеллектуальной стагнации последних нескольких десятилетий. Однако за теорией метамодернизма продолжает сохраняться квазиакадемический статус. Маргинальность положений концепции Вермюлена – ван ден Аккера по отношению к академическим исследованиям объясняется рядом следующих причин.

Постмодерноцентричность в интерпретации современности

Немаловажна в проблеме принятия метамодернизма в научно-философский дискурс и собственно позиция академических кругов касательно новой теории, не последнюю роль в которой играет постмодерноцентричный подход в понимании современности. Хотя, как отмечает А.В. Павлов [2019а, с. 21], «с постмодернизмом как со стилем искусства и исторической эпохой начали прощаться ещё в 1980-е. Но его эпоха закончилась в 2000-х, когда всё ключевые теоретики постмодерна от него отказались», отношение к его теоретическим основам как научно-философской парадигме было неоднозначным и во многом скептическим с момента возникновения этого направления, тем не менее за прошедшие десятилетия конца XX–XXI века в изучении современного общества и культуры утвердился подход, который можно назвать «постмодерноцентричным». Практически всякий феномен или процесс, являющийся предметом исследований

дисциплин социально-гуманитарного профиля, имеющий место сегодня и понимаемый как порождение современности, рассматривается специалистами-гуманитариями сквозь теоретическую призму, разработанную на основе эмпирического изучения социокультурных тенденций, возникавших и развивавшихся в середине и второй половине прошлого века. «Многие академики попросту решат, что, в конце концов, предпочтительнее придерживаться теорий Фуко, считающегося архипостмодернистом, чем переходить к размышлениям о чём-то новом» [Kirby, 2006].

Отмечая постмодерноцентричный подход как причину философской стагнации и, как следствие, сохранения периферийно-маргинального статуса теории Вермюлена – ван ден Аккера, рассмотрим его более подробно.

В первую очередь отметим само определение того, что такое постмодернизм. Неясность в данный вопрос внесли как некоторая аморфность его теоретико-философских оснований – «атрибутика постмодернизма чрезвычайно размыта и абстрактна. При различных подходах она может обозначать совершенно разные понятия...» [Осипова, Юнгблюд, 2014, с. 11], так и расплывчатость его временных рамок, определённых исследователями. Путаница проистекает из самого термина «постмодернизм». Поскольку постмодернизм означает «то, что после современности», теоретики, как правило указывают лишь на начало постнеклассической эпохи – приблизительно после окончания Второй мировой войны – однако гипотетический момент её завершения остаётся без сколько-нибудь определённого ответа. «Время смены постмодерна некоторым другим состоянием не прогнозируемо: более того, контуры этого состояния не просто не очерчены, а могут быть обозначены только условно» [Рендл, 2019, с. 28]. Поиск разрешения вопроса о том, когда закончится период постмодерна или же он уже стал историей, превращается в «квадратуру круга». Попытки доказать темпоральность послесовременности, рассматривая её как культурно-историческую эпоху, сменившую сначала модернизм, а затем уступившую место следующему этапу в развитии истории, наталкиваются на кажущуюся «бессрочность» постмодернизма, что может объясняться подчёркнутой антиисторичностью самой постмодернистской философии. Вследствие эклектичности постнеклассической философской мысли постмодернизм ещё в 2000-е гг. в профильной энциклопедической литературе определялся как «основное направление современной философии, искусства и науки» [Энциклопедический словарь культуры XX века, с. 333], т. е. уже после того, как ряд мыслителей так или иначе объявил о его уходе в прошлое.

Прочность постмодерноцентричного подхода в изучении XXI века обуславливается также и поколенческими особенностями интеллектуалов, занимающихся философскими исследованиями. Большинство представителей профессуры, работающих в университетах, научных институтах и являющихся членами академий наук различных стран, принадлежат к старшим поколениям. Это люди, ставшие свидетелями развития постмодернистского общества, культуры и философии в 1960–70-е гг. в сознательном возрасте, поэтому для большинства академиков постмодернизм всё ещё представляется современным и актуальным. Ещё в 2006 году, А. Кирби, разрабатывая диджимодернизм, обратил на это внимание: «Пропасть между большинством лекторов и их студентами сродни той, которая образовалась в конце 60-х, но причины её появления иного рода» [Kirby, 2006]. Как уже было отмечено выше, этому подходу наиболее подвержены исследования современной культуры, искусства, моды и т. п. Это обстоятельство объясняется тем, что историография изучения этих сфер ограничивается в большинстве своём лишь XX столетием. Начав рассматриваться с теоретических позиций постнеклассики, явления, возникающие в этих сферах, по-прежнему мыслятся как выражение мышления второй половины прошлого века. Рассматривая новейшие факты, исследователи пользуются теоретическими основами, разработанными в то время. Выводы, которые делают современные учёные, занимающиеся социально-гуманитарными

исследованиями относительно сегодняшнего состояния вышеупомянутых сторон жизни общества, фигурально выражаясь, затмеваются «тенью» постмодернизма. Даже в 2010–2020 гг. большинство научных специалистов, комментируя метамодернизм, относятся к утверждению о том, что сам постмодернизм остался за «порогом» современности, став вместе с XX веком историей, с немалой осторожностью: «...оценивая притязания метамодернизма, нельзя не заметить, что они в целом не выступают за пределы самой постмодернистской философии и художественной практики» [Андреева, 2021, с. 155]. Некоторые другие академики в своих воззрениях касательно социокультурного фона XXI века демонстрируют убеждённое неверие относительно самой мысли о том, что постмодерн как культурно-историческая эпоха, направление философии и искусства исчерпан и более не определяет наше время. «Утверждать о завершении проекта постмодерн еще рано, и импульс последнего, как бы мы его не оценивали, еще не исчерпан. Речь пока идет только о кризисе постмодерна, а не о его завершении» [Ирицян, 2016, с. 66].

Таким образом, не только метамодернизм, возникший относительно недавно, но и более ранние концепции постпостмодернизма остаются без внимания учёных-философов. Заблуждение о том, что современность — всё ещё постмодерн, вероятно, может проистекать из того, что философская мысль и социальная теория постмодернизма, подвергнув деструкции понятийно-категориальные основы познания классических учений (субъект-объект, единичное – особенное – всеобщее, явление и сущность и др.), выхолащивая иррациональность и агностицизм, сделала гносеологический потенциал постнеклассики крайне относительным с точки зрения интерпретации объективной социальной реальности.

Недостаточная разработанность метамодернизма

Прежде всего, подход, используемый авторами почти что всех версий постпостмодернизма, включая и метамодернизм: «Разные философы, теоретики культуры, социологи и т. п. предлагают альтернативные языки описания "нашего времени"... прежде всего через трансформации в культуре» [Павлов, 2019 б, с. 9]. Основываясь на объективных явлениях и тенденциях и выстраивая несходные с предшественником-постмодернизмом онтологические основы XXI века, разработчики, тем не менее, зачастую углубляются в сугубо постмодернистское предметное поле: язык, текст, семиотику и т. п. Излишняя филологизация и эстетизация, которые следует понимать лишь как эпифеномен общества и культуры нашего столетия в контексте метамодернизма, затмевают объективно истинные черты современности, объяснение которых имеет в данной теории серьёзную философскую основу. В результате складывается впечатление, что теоретики в очередной раз «изобрели велосипед», разработав не теорию, могущую претендовать на новое направление философии, но создав некую «художественную форму» в духе постмодерна. Как справедливо замечает Э.Е. Сафронов [2019, с. 190], комментируя концепцию А. Кирби «диджимодернизм», «основная проблема этой концепции, как и большинства других постпостмодернистских исследований – работа с формой, а не анализ содержания... за бортом исследований автора остались экономика и социальное влияние». Несвободен от этих недостатков и метамодернизм. «Одна из ключевых проблем идеи метамодернизма состоит в том, что её авторы выбирают тактику уклонения от определения содержательного компонента» [Павлов, 2018, с. 6]. «Метамодернисты мало обращаются к социальным проблемам» [Павлов, 2018, с. 14]. «Социологической или культурологической базы под этим термином не стоит, а философская база несостоятельна» [Кардаш, 2019]. Скепсис относительно преодоления постмодернизма прошлого столетия метамодернизмом проистекает отчасти из самого термина. По мнению А.В. Морозова [2019, с. 241]: «мета» может означать «после», подобно «пост», то есть метамодерн в каком-то смысле включает в себе постмодерн».

Другой момэнт — праблема інстытуцыянальнага статусу тэорыі. Большаінштва версій постпостмодэрнізма возніклі за прэделамі акадэмічных інстытуцыяў. Ізысканьня аўтараў былі изложэны не в рэцэнзуюемых наўчных изданьях, наўчных туджах, монографіях, но прэжде былі размешчэны на неспэцыялізаваных інтэрнэт-рэсурсах (тэматычных форумах, сацыяльных сетях і др.). Додолнялісь і развівалісь гэты канцэпцыі публіцыстамі без профільных учэных ступеней, напрыклад, савременимы художнікамі, дэятэлямі разлічных арт-праектаў, філасофствуючымі блогерамі і т.п. Гэто же адносіцца і к мэтамодэрнізму, што спосабствуе ўкрэпленьню скептычнага настроя акадэмікаў. Складываецца, абразно гаворы, сытуацыя, кожда «вместе с водой выплеснули из корыта и ребёнка»: акцэнтываваньне как коментатарамі, так і самымі аўтарамі мэтамодэрнізма суб'ектыўных, несутэственых дэталей прыводзіт к тому, што наўчныя спэцыялісты падходзят к тэорыі вэсьма асторожна, нерэдка поўнасьцю адвергаюць ёё паложэньня.

Тэм не мэнэе, неспрэма на адмечэныя недататкі, данная тэорыя абладэаь значытэльным пазнаватэльным пэтэнцыялам. «Сущэствуюць цэлыі рэад альтэрнатывных «постпостмодэрністскых» тэорэтычных канцэпцыяў, прэдаглаючых выхад из сложывшэгося тупіка... Однако наіболэе сэрьезно разрабатанной і, как прэдаствалэаься, наіболэе пэрспэктывной явлэаься тэорэтычная канцэпцыя мэтамодэрнізма» [Співакоўскыі, 2018, с. 200].

Мэтамодэрнізм — неоклассіка пасле постнеклассікі

Сложность інтэграцыі мэтамодэрнізма в акадэмічную сфэру і палучэньне ім парадыгмальнага статусу прыестэкаеь такжэ из самого адрэделэньня сущэстнэі савремениой эпохі, даваемой в рамках данной тэорыі. «Но если коментатэры і согласны друг с другом в том, что сытуацыя постмодэрна изжыта, они значытэльно мэнэе готэвы согласытэцца с тэм, что составляеь тэпэрь новыя обстоатэльства» [Vermeulen, van den Akker, 2010, p. 3]. Прееодолэньне постмодэрнізма посрэдством возрждэньня чэрт, тыпичных для классычэского модэрнізма, т. е. пэрыода Нового врэмэні, в характэре сацыяльных і культурных процэссов і явлэньяў XXI вэка, а в філасофыі, развітэе коьторой, вэроятно, в нашэм столэтыі — отход от базовых гуманітарно-тэорэтычэских прынцыпов постнеклассычэского направлэнья, таких как дэконструкцыя, іррацыональнэсть, фундамэнтальнэі отказ от істыны і унйверсалызма, упразднэнья суб'экт-об'эктных адношэньяў, тотальнаго агностыцызма по адношэнью к рэальнэстэі і др. і абращэньне к классычэским учэньям новоевропéйской мыслы [Vermeulen, van den Akker, 2010; Turner, 2015, Егоров, 2022], прэдаствалэаь собой немалыі кур'эз. Такая картына савремениосты пасле постмодэрнізма, ставшэго в прошлом вэке выражэньем ультрасавремениосты і кульмінацыей вseh неклассычэских начынаньяў в общэствэнной жызнэі, культурэі і філасофыі, указываеь на цыклычнэсть історычэского процэсса. Гэто прэдопалагаеь ввэдэньне в изучэньне історыко-філасофской прэблэматыкы тэорыяў культурно-історычэских цыклов і іспользованэе сравнытэльно-історычэского аналыза как одной из мэтэодолэгычэских устанэровок, дальнэйшую разработку і усовршенствэнованэе гэтого подхода. В то жэ врэмя позытывная історычэская наўка прыдержываеься глаьным образом лынейно-последоватэльной мэдэлы історычэского развітэя. Цыклычнэсть возмэжна в контэктэ філасофского поныманья історыі, однако для той філасофыі, развітэе коьторой на протяжэньяі послэдных полутэора столэтыяў отлычалэось стрэмытэльным бэгством от классыкы, изучэньне савремениосты посрэдством обнэвлэнья тэорэтыко-катэгорыальнаго аппарата, созданного і іспользуемого классычэскымы школамы, прэдаствалэаь почти что «невозмэжным». Кроме того, мэтамодэрнізм постулыруеь, что савремениая эпоха, т. е. XXI вэк, выстэпаеь в качэствэ сынтэтычэской стадыі в дыалэктычэской тряадэ Гэгеля, в коьтором прэдшэствуючыя эпохі, модэрнізм (тэзис), постмодэрнізм (антэтезис) оказываюьтэя в снятом состэяньяі [Turner, 2015], что

возвращает в перспективный историко-философский дискурс XXI столетия такое центральное понятие гегелевской диалектики, как закон двойного отрицания. Что же касается философии постмодернизма, которая до сих пор продолжает носить название «современного новейшего направления», так как многие теоретики всё ещё колеблются с решением вопроса о завершении этой эпохи, то постнеклассическая традиция отличалась радикальной антидиалектичностью.

Признание периода постмодернизма завершённым этапом новейшей истории так или иначе уже высказывалось многими исследователями. Однако само допущение того, что антитетичность эпохи, открываемой XXI столетием своему предшественнику постмодерну, состоит в том, что прошлое, которое, казалось, навсегда стало историей, сегодня вновь может творить современность, представляется нонсенсом как для позитивной концепции линейной эволюции социума, так и для постнеклассической философии, отвергшей идею всякого прогресса.

Влияние неолиберальной политики на сферу высшего образования и науки. Проблема преподавания философии и подготовки учёных-философов в XXI веке

Что касается молодых поколений, соприкасающихся со спецификой общества и культуры XXI века, понимаемых в теории Вермюлена — ван ден Аккера как более не постмодернистские, то здесь обнаруживается встречная проблема: характер целей и задач, поставленных перед высшей школой и подготовкой научных кадров. Как отмечают исследователи, проведение неолиберальной политики в сфере образования и науки, которая в нашей стране найдёт выражение в пресловутой болонизации, привело к таким явлениям, как академический капитализм, ориентация науки на бизнес, фрагментация фундаментального знания, расширение междисциплинарных отраслей и др. [Шаронова, Назарова, 2015]. Работа молодых учёных в условиях данной конъюнктуры ориентирована на сугубо прикладные сферы исследований, считающихся «современными и перспективными».

Особого внимания в контексте неолиберализма в сфере науки заслуживает характер философского образования в XXI столетии. Академический капитализм оказал серьёзное воздействие на его место и роль в современной научно-университетской среде. С.Б. Кондратьева [2018, с. 122] отмечает, что «вопрос о месте философии в ряду изучаемых дисциплин всё чаще подвергается скепсису со стороны не только студентов, но и преподавателей непрофильных дисциплин». «...Монографии как главный результат исследований и размышлений учёного-философа в списках необходимых и значимых для оценки его труда публикаций уже не значатся... Наукометрия выходит на первый план...», констатирует И.Ф. Понизовкина [2016, с. 36]. Философия оказывается в цейтноте, быть может, более чем полвека назад, когда развивался постмодернизм. Создание новой философской школы оказывается посему проблематичным.

Заключение

Как можно заключить из вышесказанного, основным препятствием на пути к интеграции теории метамодернизм в академическую сферу выступают следующие факторы:

1. Недостаточная разработанность теоретических положений самого метамодернизма, их спекулятивный характер, отрыв от эмпирической стороны современности.
2. Привнесение авторами концепции несущественных, субъективных моментов в «фундамент» теории, призванной стать описательной базой новейшей объективной действительности.

3. Расплывчатость временных рамок периода постмодернизма (то, что после современности), что затрудняет понимание этой эпохи как завершённой и, как следствие, рассмотрение метамодернизма в качестве её антитезы.

4. Выводимая из положений метамодернизма гипотеза о вероятной цикличности исторического развития на основании тенденций, возникающих в XXI столетии, что вступает в противоречие с линейной парадигмой исторического процесса.

5. Позиция академических кругов, которая выражается в приверженности постмодерноцентричному подходу в изучении социальных и культурных феноменов современности.

6. Специфика современной научно-интеллектуальной сферы, поставленной на службу экономических и политико-административных целей, однако не выработке знаний, необходимых для понимания современности, что в свою очередь служит препятствием для профессионального занятия философией в рамках академических институций.

Метамодернизм – пока ещё весьма молодая теория. В её положениях и идеях отражены черты эпохи, становление которой происходит сегодня, непосредственно в условиях той реальности, в которой мы живём сейчас. Очевидно, потребуется определённое время, прежде чем метамодернизм получит официальное признание как социально-гуманитарная парадигма и направление философии XXI века, которая будет исходить из понимания постмодернизма не как современности, но как истории, и выстраивать свою онтологию без обращения к постнеклассике как единственному ориентиру в толковании современности. «Даже если постмодерн как эпоха или доминирующий стиль в культуре закончился в 2000/2001 году, должно пройти как минимум 25–30 лет, чтобы можно было делать какие-то выводы о том, что будет называться «метамодерном» [Павлов, 2018, с. 14]. Можно полагать, что дальнейшее развитие современного общества и культуры в направлении, обозначенном Вермюленом и ван ден Аккером в 2010 году, породит множество фактов, необъяснимых в рамках постнеклассической парадигмы, которые обратят на себя внимание академических кругов. Это, в свою очередь, позволит освободить метамодернистскую «заготовку» теории от субъективных наслоений и художественно-эстетических концептов и т.д. и возвести эту разработку на уровень полноценной дескриптивной теории, соответствующей критериям объективной истины.

Таким образом, выходом из состояния интеллектуальной стагнации, возникшей вследствие кризиса философской мысли после постмодернизма, представляется следующее.

Во-первых, интеграция наиболее объективных и значимых идей, изложенных в теории метамодернизма в академические исследования.

Во-вторых, обращение к явлениям новейшей социальной реальности и соотнесение их с положениями данной теории.

В-третьих, дальнейшая разработка гуманитарно-философского направления XXI века, отличного от постмодернизма.

Список источников

- Кардаш А. Критика философских оснований метамодернизма. Электронный ресурс. URL: <http://insolarance.com/metamodern-criticism/15.06.2019>(дата обращения: 10.04.23).
- Энциклопедический словарь культуры XX века под ред. В.П. Руднева М.: Аграф, 608с.
- Kirby A. The death of postmodernism and beyond. 2006. Electronic resource. Available at: https://philosophynow.org/issues/58/The_Death_of_Postmodernism_And_Beyond
- Turner L. Metamodernism: a brief introduction. 2015. Electronic resource. Available at: <https://luketurner.com/metamodernism-a-brief-introduction>

Список литературы

- Андреева Е.Ю. 2021. Усталая конструкция теории искусства: о метамодернизме. Новое искусствознание. 2: 154-157 DOI: 10.24412/2658-3437-2021-2-154-157
- Егоров Д.И. 2022. Историзация метамодернизма. Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки.4: 82-90 DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-82-90
- Ирищян Г.Э. 2016. Конец постмодерна или его кризис? Интеллект. Инновации. Инвестиции. 4: 63-67.
- Кондратьева С.Б. 2018. Преподавание философии в вузе: проблемы, прогнозы, перспективы. Знание. Понимание. Умение. Серия: Проблемы педагогики и психологии. 4: 122-131. DOI: 10.17805/zpu.2018.4.12
- Митрошенков О.А. 2013. Пост-постмодернизм как предчувствие. Социально-гуманитарные знания. 4: 52-61.
- Морозов А.В. 2019. Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник. Галактика медиа: журнал медиа исследований. 3: 238-249 DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10032
- Осипова Н.О. Юнгблуд В.Т. 2014. Постмодернистский синдром: культурный шок или «долгое прощание»? Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 9: 11-15.
- Павлов А.В. 2018. Образы современности в XXI веке: метамодернизм. Логос: философско-литературный научный журнал. Т 28.6: 1-19. DOI:10.22394/0869-5377-2018-6-1-16
- Павлов А.В. 2019. Пост-постмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 560 с.
- Павлов А.В. 2019. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм. Философский журнал. 12.2: 20-33 DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-2-20-33
- Понизовкина И.Ф. 2016. Реформа философского образования в ВУЗе: решение современных проблем или новые проблемы? Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2: 34-42.
- Рендл М.В. 2019. Постмодерн: продолжение социокультурной парадигмы или ее завершение? Общество: философия, история, культура. 3: 28-32. DOI: 10.24158/fik.2019.3.4
- Сафронов Э.Е. 2019. Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта. Галактика медиа: журнал медиа исследований.1: 178-195.
- Спиваковский П.Е. 2018. Метамодернизм: контуры глубины. Вестник Московского государственного университета. Серия: филология. 4: 196-211.
- Шаронова С.А. Назарова Е.А. 2015. Национальная модель российского университета в эпоху академического капитализма. Монография Национальные системы образования: под действием глобализации и неолиберализма. Монография под ред. С.А.Шароновой., И.А.Батаниной: 8-25.
- Vermeulen T. Akker van den R. 2010. Notes on metamodernism. Journal of Aesthetics & Culture. 2: 1-14. DOI:10.3402/jac.v2i0.5677

References

- Andreyeva Ye.YU. 2021. Ustalaya konstruktsiya teorii iskusstva: o metamodernizme [The tired construction of art theory: about metamodernism]. Novoye iskusstvoznaniye. 2: 154-157 DOI: 10.24412/2658-3437-2021-2-154-157
- Yegorov D.I. 2022. Istorizatsiya metamodernizma [Historicization of metamodernism]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 4: 82-90. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-4-82-90
- Iritsyan G.E. 2016. Konets postmoderna ili yego krizis? [The end of postmodernism or its crisis?] Intellect. Innovatsii. Investitsii. 4: 63-67.
- Kondrat'yeva S.B. 2018. Prepodavaniye filosofii v vuze: problemy, prognozy, perspektivy [Teaching philosophy at university: issues, forecasts, prospects]. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. Seriya: Problemy pedagogiki i psikhologii. 4: 122-131. DOI: 10.17805/zpu.2018.4.12
- Mitrosheikov O.A. 2013. Post-postmodernizm kak predchuvstviye [The anticipation of post-postmodernism]. Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. 4: 52-61.
- Morozov A.V. 2019. Ostorozhno, metamodern: sovremennost' kak zontik i mayatnik [“Look out! This is metamodern”: modernity as an umbrella and pendulum]. Galaktika media: zhurnal media issledovaniy. 3: 238-249 DOI: 10.24411/2658-7734-2019-10032

- Osipova N.O. Yungblyud V.T. 2014. Postmodernistskiy sindrom: kul'turnyy shok ili «dolgoye proshchaniye»? [Postmodern syndrome: culture shock or “the long goodbye”]. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 9: 11-15.
- Pavlov A.V. 2018. Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm [Images of modernity in the XXI century: metamodernism]. Logos: filosofsko-literaturnyy nauchnyy zhurnal. T. 28.6: 1-19. DOI:10.22394/0869-5377-2018-6-1-16
- Pavlov A.V. 2019. Post-postmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob"yasnyayut nashe vremya [Post-postmodernism: how social and culture theories explain our time] Moscow, Publ. «Delo» RANKhiGS, 560 p.
- Pavlov A.V. 2019. Obrazy sovremennosti v XXI veke: gipermodernizm [Images of modernity in the XXI century: hypermodernism]. Filosofskiy zhurnal. T. 12. 2: 20-33 DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-2-20-33
- Ponizovkina I.F. 2016. Reforma filosofskogo obrazovaniya v VUZe: resheniye sovremennykh problem ili novyye problemy? [Reform of philosophical education in a university: the solution of contemporary problems or new problems?]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskiy nauki. 2: 34-42.
- Rendl M.V. 2019. Postmodern: prodolzheniye sotsiokul'turnoy paradigmy ili yeye zaversheniye? [Postmodernism the continuation of the social and cultural paradigm or its completion?]. Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 3: 28-32. DOI: 10.24158/fik.2019.3.4
- Safronov E.Ye. 2019. Chto budet vmesto postmoderna? Didzhimodernizm kak kul'turnaya dominanta [What will happen instead of postmodern? Digimodernism as a cultural dominant]. Galaktika media: zhurnal media issledovaniy.1: 178-195.
- Spivakovskiy P.Ye. 2018. Metamodernizm: kontury glubiny [Metamodernism: outlining the contours]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filologiya. 4: 196-211.
- Sharonova S.A. Nazarova Ye.A. 2015. Natsional'naya model' rossiyskogo universiteta v epokhu akademicheskogo kapitalizma [The national Russian model of university in the era of academic capitalism]. Monografiya Natsional'nyye sistemy obrazovaniya: pod deystviyem globalizatsii i neoliberalizma [National educational systems: under globalization and neoliberalization]: 8-25.
- Vermeulen T. Akker van den R. 2010. Notes on metamodernism. Journal of Aesthetics & Culture. 2: 1-14. DOI:10.3402/jac.v2i0.5677

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 07.08.2023
Поступила после рецензирования 07.11.2023
Принята к публикации 30.05.2024

Received August 07, 2023
Revised November 07, 2023
Accepted May 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьёв Дмитрий Александрович, аспирант кафедры философии, Тульский государственный университет, г. Тула, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Soloviev, postgraduate student of the Department of philosophy, Tula State University, Tula, Russia.

АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ЭССЕ ARCHIVED PUBLICATIONS, TRANSLATIONS AND ESSAYS

УДК 130.2; 141

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-2-408-412

Людвиг Витгенштейн и антропологический опыт в картине мира

¹ Кузнецов А.В., ^{1,2} Римский В.П.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, Белгород, 308015, ул. Победы, д. 85

^{1,2} Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, Белгород, 308007, ул. Королева, д. 7.

kuznetsov_a@bsu.edu.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. В эссе реализована цель проследить истоки концепта «картина мира» и роль Л. Витгенштейна в его возникновении в связи с проблемой антропологического опыта в рациональном познании. Выявлено, что Л. Витгенштейн первым ввёл концепт «картина мира» и выдвинул идею идентичности логической структуры языка онтологической логике мира, что и позволяет нам в простых логических высказываниях рационализировать эмпирические, наблюдаемые факты, связанные с экзистенцией и опытом человека. В ряде мыслительных систем, таких как искусство, этика и метафизика, язык обнаруживает порой бессмысленность, так как касается описания ненаблюдаемых (иррациональных) фактов, поэтому здесь лучше молчать (перед самим фактом возможной «бессмысленности языка»).

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, язык, опыт, человек, картина мира

Для цитирования: Кузнецов А.В., Римский В.П. 2024. Л. Витгенштейн и антропологический опыт в картине мира. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 49(2): 408–412. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-408-412

Ludwig Wittgenstein and the Anthropological Experience in the Picture of the World

¹ Andrey V. Kuznetsov, ^{1,2} Victor P. Rimskiy

¹ Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation;

^{1,2} Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308007, Russian Federation

kuznetsov_a@bsu.edu.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Abstract. The purpose of the essay is to trace the origins of the concept "worldview" and the role of L. Wittgenstein in its emergence in connection with the problem of anthropological experience in rational cognition. It was revealed that L. Wittgenstein was the first to introduce the concept of "worldview" and put forward the idea of the identity of the logical structure of language to the ontological logic of the world, which allows us to rationalize empirical, observable facts related to human existence and experience in simple logical statements. In a number of thought systems, such as art, ethics and metaphysics, language sometimes reveals meaninglessness, since it concerns the description of unobservable (irrational) facts, therefore it is better to remain silent here (before the very fact of the possible "meaninglessness of language").

Keywords: L. Wittgenstein, M. Heidegger, language, experience, man, worldview

For citation: Kuznetsov A.V., Rimsky V.P. 2024. Ludwig Wittgenstein and the Anthropological Experience in the Picture of the World. *NOMOTHETIKA: Philosophie. Soziologie. Law*, 49(2): 408–412 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-2-408-412

Людвиг Витгенштейн фактически первым ввёл в философский и гуманитарный дискурс концепт «картина мира». Не «научная картина мира» и не «образ мира», как переводят часто соответствующий термин *Bild der Welt* [Витгенштейн, 2017, с. 40 и др.], а именно «Картина мира». Впервые этот концепт появляется в «Логико-философском трактате» в пункте 2.0212: «2.0212 Тогда было бы невозможно построить Картину Мира, истинную или ложную» [Витгенштейн, 2005, с. 34]. Отметим, что перевод В.П. Руднева более соответствует оригиналу на немецком языке: «2.0212. Es wäre dann unmöglich, ein Bild der Welt (wahr oder falsch) zu entwerfen» [Витгенштейн, 2017, с. 40]. В.П. Руднев даёт интересный уточняющий комментарий к термину, вводимому Л. Витгенштейном: «Термин "Картина Мира" и отчасти синонимичный ему термин "модель Мира" широко употребляется в семиотике и структурной антропологии, но восходит, по-видимому, не к Витгенштейну, а к Лео Вайсгерберу, употребившему этот термин (*Weltbild*), независимо от Витгенштейна» [Витгенштейн, 2005, с. 34]. Но сам Л. Вайсгербер употреблял термин «языковая картина мира» и свою теорию создавал не без влияния философии культуры Эрнста Кассирера. Вслед за Л. Вайсгербером и Л. Витгенштейном его разрабатывал в экзистенциальном измерении М. Хайдеггер: «Основной процесс Нового времени – покорение мира как картины. Слово "картина" означает теперь: конструкт опредмечивающего представления» [Хайдеггер, 1993, с. 52]. Поэтому можно считать, что этот концепт уже витал в «духе времени» между двумя мировыми войнами XX века. Однако мы думаем, что пальма первенства принадлежит именно Л. Витгенштейну, мало ориентированного на чьи-либо влияния и тексты.

В.П. Руднев интересно комментирует культурно-исторический контекст концепта «картина мира»: «Ясно, что раз мы, исходя из 2.0212, не знали бы, какие Пропозиции истинны, а какие нет, мы не могли бы построить такую Картину Мира, о которой бы мы знали, является ли она истинной или ложной. То, что мы могли бы построить, было бы построением бесконечных виртуальных Картин Мира, не совпадающих с реальной Картиной Мира. В XX веке, тем не менее, утвердилась идея построения Картин Мира именно в виртуальном смысле. Осознание невозможности построения истинной Картины Мира в связи с утерей логических констант (недаром ведь Витгенштейн не привел ни одного примера простого Предмета) компенсировалось осознанием полезности построения множества моделей возможных Миров, или виртуальных реальностей, где «неполнота компенсировалась стереоскопичностью»...» [Витгенштейн, 2005, с. 34]. Важно, что переводчик и комментатор выводит нас именно на контексты философии культуры в употреблении концепта «картина мира».

Можно привести и другой пункт «Логико-философского трактата» о «картине мира», часто цитируемый в работах интерпретаторов: «3.01 Совокупностью всех истинных Мыслей является Картина Мира».

В отличие от Вайсгербера, для которого *Weltbild* – это обыкновенная научная метафора, Витгенштейн действительно представляет себе Картину Мира как огромное полотно, элементами которого являются все истинные Пропозиции [Витгенштейн, 2005, с. 54]. И приведём немецкий оригинал: «3.01. Die Gesamtheit der wahren Gedanken sind ein Bild der Welt» [Витгенштейн Л. 2017, с. 50], где речь идёт о «картине мира», но никак не об «образе мира».

Идея и концепт Л. Витгенштейна «картина мира» обретает контуры не столько «физического» порядка, сколько философско-культурологического и требует концептуальных оснований антропологического опыта, который выражается в том, что легитимирует картину мира, которая воплощается в естественнонаучных и социально-гуманитарных дискурсах, как воплощенная интересубъектность. Антропологический опыт легитимирует картину мира как условие фундирования и создания научных теорий, руководствуясь как готовым естествознанием, так в известной степени и плюрализмом интерпретаций природных и социальных феноменов, при этом сохраняя консенсус относительно базовых принципов научной обоснованности и достоверности.

В «Философских исследованиях», опубликованных посмертно, Л. Витгенштейн ещё больше погрузился в иррациональную стихию повседневного языка человеческого общения и роли языковых игр в создании обыденной картины мира, что позволило говорить о том, что он сводит философию и логику к психотерапевтическим практикам. В поздних рукописях философ прямо обращается к иррациональным и экзистенциальным проблемам человеческого бытия в их языковой осмысленности или бессмысленности, в чем сказалось, несомненно, его раннее увлечение идеями А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора.

Несомненно, что идеи Л. Витгенштейна повлияли в первой трети XX века на теории лингвистической относительности, роли категорий языка и когнитивных категорий в построении картин мира Э. Сепира и Б. Уорфа, которые в свою очередь можно соотнести с поисками западной антропологии во главе с Ф. Боасом социокультурной обусловленности архаических картин мира. Возможно, идеи Витгенштейна, гипотеза Сепира – Уорфа, а также работы американской культурной антропологии были восприняты в исследованиях советской школы культурно-исторической психологии, основание которой заложил Л.С. Выготский в 30-е годы прошлого века.

И всё же: почему антропологический опыт? Действительно, на первый взгляд представляется неким конъюнктурным понятием: мол, со времен классиков всегда был просто ОПЫТ, а тут авторы опровергают авторитет философской и научной классики. Дело не просто в том, что надо было просто усилить термин «опыт» в измерении философской антропологии словом «антропологический». Когда-то нам казалось, что «философский опыт» подобен «опыту» физиков-эмпириков, экспериментаторов: опыт – сын ошибок трудных... Будущим учёным часто объясняют, что эксперимент – это не про то, как естествоиспытатель описывает, считает в лаборатории всё, что происходит в искусственно сконструированной предметной ситуации. Датский физик Х.К. Эрстед говорил, что в принципе бессмысленно просто фиксировать и измерять в лаборатории или в природных условиях все подряд, как некий «внешний и объективный опыт», так как это вовсе не наука – должна быть не только определенная идея, предвидение, гипотеза, но и жизненная целеустремлённость учёного, какой-то его «жизненный», то есть антропологический опыт.

Что нам формально дает понятие «антропологический опыт»? Формально – это сужение объема понятия. В этом и проблема, потому что содержательно антропологический опыт – это более глубокий концепт, чем просто «объективный опыт» учёного. Действительно, бессмысленно здесь рассуждать о видах человеческого опыта: физический, мистический, сексуальный и т.д.; и даже о типах опыта: человеческий или «нечеловеческий»...

Да, есть опыт только человеческий, но это опыт именно антропологический, экзистенциальный, который и отличает нас от животных и от искусственного интеллекта, который скоро заменит, возможно, учёного, добывающего «внешний», «лабораторный опыт». Наш антропологический опыт – это опыт жизни и смерти. И вновь приходят на ум

слова Л. Витгенштейна: «6.4311 Смерть никакое не событие жизни, – писал он. – Смерть не переживается. Если под вечностью понимают не бесконечную временную продолжительность, но, скорее, отсутствие времени, то вечно живет тот, кто живет в настоящем. Наша жизнь так же бесконечна, как безгранично наше поле зрения» [Витгенштейн, 2005, с. 215]. «Наше поле зрения» – это и есть «антропологический опыт».

Мы не знаем «других опытов», кроме своего собственного, и в этом проблема, так как «других» мы судим по себе даже тогда, когда пытаемся объяснить поведение животных с точки зрения человеческой психики, для которой эти животные – собаки, удавы и другие гады – просто не имеют опыта сознания, опыта целеполагания, любви и ненависти, жизни и смерти. А мы проецируем собственный антропологический опыт на них, не осознавая в обыденности, что очеловечиваем и этих «тварей господних», и мир в целом.

Что нас заставляет это делать, ведь синкретизм мифотворчества давно должен быть в прошлом? Но мы до сих пор заявляем: мы с тобой одной крови, я есть ты, или я есть мир, а мир есть я... Может быть, поэтому не случайно Л. Витгенштейн начинает свой трактат такими словами: «1 Die Welt ist alles, was der Fall ist. ... Мир – это все, чему случается быть» [Витгенштейн, 2005, с. 18]. Да, антропологический опыт – это огромная, специфическая дистанция от рефлексов «собаки Павлова» или «амёбы Поппера», и при этом неповторимая! Антропологический опыт – это опыт бытия, бытия в жизни и смерти, во времени и в вечности.

Сейчас мы стали более искушенными в «деталях» мозга, его морфологии по сравнению с новоевропейским временем. И понимаем разницу, порой принципиальную, между вороной (у которой нет коры головного мозга – иной эволюционный путь) и человеком с его сознанием и бессознательным. Антропологический опыт выступает единством опыта внешнего и внутреннего, подобно аллегорическому ветхозаветному единству имени Бога и Бога, как СЛОВО или абсолютный контекст – результат становящегося процесса, аналогичного Абсолютной идее Гегеля, только наоборот.

Но часто слов нам и не хватает. Поэтому и хочется закончить наш текст последним тезисом Л. Витгенштейна: «7. О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [Витгенштейн, 2017, с. 218].

Список литературы

- Витгенштейн Л. 2005. Избранные работы; пер. с нем. и англ. В.П. Руднева. Москва: Издательский дом «Территория будущего», 440 с.
- Витгенштейн Л. 2017. Логико-философский трактат. Переведено с немецкого и сверено с авторизованным английским переводом И.С. Добронравовым и Д.Г. Лахути; Сер. «Памятники философской мысли». М: Канон + РООИ «Реабилитация», 288 с.
- Хайдеггер М. 1993. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 445 с.

References

- Wittgenstein L. 2005. Selected works; translated from German. and engl. V.P. Rudnev. Moscow: Publishing house "Territory of the future", 440 p.
- Wittgenstein L. 2017. A logical and philosophical treatise. Translated from German and checked with the authorized English translation by I.S. Dobronravov and D.G. Lahuti; Ser. "Monuments of Philosophical Thought". M: Canon + ROOI "Rehabilitation", 288 p.
- Heidegger M. 1993. Time and Being: Articles and speeches: Translated from German. M.: Republic, 445 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцію 21.04.2024
Поступила после рецензирования 11.05.2024
Принята к публикации 01.06.2024

Received April 21, 2024
Revised May 11, 2024
Accepted June 01, 2024

ІНФОРМАЦІЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры; профессор кафедры философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Kuznetsov, Candidate of Philosophy, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Victor P. Rimsky, Doctor of Philosophy, Full Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture; Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.